

Борис Дмитриев

ВАМ ВОЗВРАЩАЮ ВАШ ПОРТРЕТ

Литературный триптих

Киев 2013

УДК 828.348.3
ББК 75(2Рос=Рус)6
Д 72

Борис Дмитриев

Д53 Вам возвращаю Ваш портрет: Литературный
триптих. - Киев: Издательско-полиграфический
центр “Киевский университет”, 2012. - Ч. I. - 452 с.
ISBN 978-966-2477-89-4

УДК 828.348.3
ББК 75(2Рос=Рус)6

Художнє видання

Борис Дмитрієв

ВАМ ВОЗВРАЩАЮ ВАШ ПОРТРЕТ

Літературний триптих

Друкується за авторською редакцією
Підписано до друку 25.07.2012. Формат 60х84
Гарнітура Times. Папір офсетний.
Друк офсетний. Наклад 1000. Ум. друк. арк. 12,3. Зам. № 27-3956

Надруковано у Видавничо-поліграфічному центрі “Київський
університет”
01601, Київ, б-р Т. Шевченка, 14.
Свідectво внесено додержавного реєстру ДК № 1103 від 31.10.02.

ISBN 978-966-2477-89-4

© Борис Дмитриев, 2007

Аннотация

Всем, кого не оставляет равнодушным судьба нашего бывшего большого Отечества, адресуется этот трехчастный роман. Книга написана в лучших традициях комедийного, фантазмагорического жанра, когда реальные исторические события причудливым образом переплетаются с вымыслами гротескного и мистического содержания. Главным героем романа является легендарный Василий Иванович Чапаев, за персоной которого убедительно просматривается череда кремлевских вождей, от времен большевистского переворота до нынешнего беспредела. В легкой, сатирической форме автор предлагает читателю взглянуть на историю нашего Отечества в необычайном ракурсе и быть может открыть для себя нечто до селе неведомое.

ЧАСТЬ I

Глава первая

Повечера на озере торжествуют жабы. В тот самый час, когда беспокойное население озера, начиная от полутораметровых щук и заканчивая ватагами тритонов и головастиков, умаявшись от дневных забот, отходит на ночной покой. Когда глубинные обитатели сумеречных вод еще только разминают замлевшее в неподвижности тело и готовятся к ночным смертельным схваткам. Когда наступает пора передачи дозора между дневными и ночными хранителями жизнестойкости огромного водоема, и всем становится не до жаб, распоясавшееся зеленое отродье затевает омерзительный свой переквак. Должно быть, при сотворении мира, Создатель предусмотрел какой-то особенный, тайный смысл для наступления смутной поры вечернего межвременья. Не исключено, Ему мечталось, чтобы любая живая мерзотина, являясь по существу творением Божиим, имела возможность раздуть непомерные щеки и напомнить окружающим о своем замечательном жабыем существовании.

Озеро большое и древнее, вне всякого сомнения еще поившее своими целящими водами безвременно покинувших нас динозавров и птеродактилей. Если на вечерней заре

внимательно всмотреться в прибрежные воды, иногда при удаче можно уловить трепетно просматривающиеся отражения этих экзотических чудовищ, лукаво затаившихся в вечности и, похоже, пристально наблюдающих нас. В глубоком прозрачном безмолвии беспокойным, тревожным бывает их вопрошающий взор. И озеро, и местность кругом с незапамятных времен называются Разливом. Удивительное дело, водоем никогда не разливался, старожилы не помнят, чтобы даже в самые полые весны, студеной водица хоть однажды выплескивалась из берегов. Иные фантазеры легкомысленно полагают, что такое мудреное название связано с жабым перекваком, победно разливающимся над вечерними водами в пору глухого межвременья, в пору триумфа жаб.

Настроение у Василия Ивановича, скажем прямо, было паршивое, потому что жизнь в дивизии не заладилась с самого утра. Проблемы начались с того, что воронье очередной раз пустилось в паскудство и обгадило оставленную на центральном командирском пеньке секретную карту боевых действий. Сворачивать на ночь штабную карту, что бы кто ни говорил, не представлялось никакой приемлимой возможности. Рискованно и попросту легкомысленно было нарушать удачно найденную расстановку вареных в мундирах картошек на стратегическом пространстве, определявшем диспозицию предстоящих решающих сражений. Картошки расположились в предполагаемых боевых порядках настолько завидно, что капелевцам до полного уничтожения, с потерей полкового знамени, оставалось не больше трех, от силы четырех-пяти дней.

Между прочим, вредное воронье жирно приложилось цветными пастозными плямами в аккурат по расположению четвертой ударной сотни. Любому, даже штатскому недотепе должно быть понятно, что здесь таинственно промышляло ночное знамение, способное всерьез озадачить вовсе не склонного к мистике человека, хотя бы и прошедшего сквозь горнило войны рыцаря мировой революции. Совсем недавно, при обороне Царицына командование поплатилось тяжелыми

потерями, не отреагировав должным образом на подобную знаменательную ситуацию. Тогда стая залетных грачей от души поухаживала за штабной картой, оставленной на дворе без присмотра, и, как показали дальнейшие военные действия, фактически вывела из строя красную артиллерию. Чапай настойчиво рекомендовал руководству передислоцировать дальнобойные пушки с помощью конской тяги на защищенные лихой кавалерией позиции, но очумевшие от безбожия политработники отговорили Михаила Фрунзе поддаваться суеверным настроениям. В результате громящая царица полей оказалась под чистую выбрита беспощадным вражеским огнем, как луговое поле после сенокоса.

Всякий регулярно подвергающийся фронтовым опасностям человек хорошо знает истинную цену вещим знаменам и ночным прорицаниям. Чаще всего они бывают надежней, вернее любых разведывательных данных и сообщений лазутчиков. Войсковые предания за долгие годы накопили в своем арсенале целый катехизис бесценных заповедей и предостережений, не бабьего примитивного коленкора, повязанного с черными котами и порожними ведрами, но глубоко мистического прочтения. Например, по кавалерийским преданиям, приснившиеся в постели конские каштаны сулили казаку без всяких проволочек «Георгия», или, на худой конец, десятидневную побывку с серебряной медалью «За храбрость». С превеликим сожалением необходимо признать, что такое случалось большей частью при царском режиме, конечно. По нынешним безбожным временам, подобный курьезный сон мог спокойно натурализоваться, в самом что ни есть досадном виде. То есть проснулся среди ночи боец, потревоженный вещим знаменем, и тотчас же обнаружил под подушкой свежий лошадиный сюрприз. Чего ожидать от прицельной вороньей картечи по секретной штабной карте, легендарный комдив не знал, и с самого утра терзался недобрыми сомнениями относительно расположения четвертой сотни. То ли подразделение следовало без всяких боевых действий и проволочек отправить в резерв, то ли немедленно, скрытым

маневром через глубокие тылы сменить диспозицию. В любом случае, оставлять ударную боевую единицу под жирными вороньими плямами было равносильно разгрому, а то и вовсе унижительной сдаче в плен всего штаба дивизии, может даже с поднятыми руками, со стратегическими картами и секретным архивом разведчиков.

Летнее утро – росное и зябкое омолодило свежестью Разлив. Был тот непорочный, безмятежного пробуждения час, когда каждый умытый живительной влагой листок смотрит на мир вытаращенными глазами, дивится бездонному небу и не желает задуматься, что будет еще впереди долгий жаркий день и осень зрелая обязательно будет, и закружит пожухлый листок прощальным хороводом в бесконечную, невозвратную даль. Вот такой же с виду беспечный, как омытый росой зеленый листок, возится у командирского шалаша с походным медным самоваром красноармеец Кашкет. Весело Кашкету служить денщиком и набивать по утрам сухими еловыми шишками самоварную топку. Престижно и, главное дело, выше крыши завидно, не только для новобранцев, жить в одном шалаше с легендарным, недоступным для многих Чапаем. Быть рядом с комдивом в это суровое, героическое время, когда за Уралом непрерывно строчат пулеметы, разворачиваются на полях отнюдь не шутейные, кровавые бои. Еще забавно наблюдать, как на взмыленных скакунах залетают в Разлив эскадронные комиссары, ошавевшие нарочные и прочая военная мотота. С трудом переводя запаленный дух, после выпитой кружки холодной водицы, они в захлеб рассказывают о личных боевых заслугах, о досадных потерях товарищей, требуют немедленной помощи и новых дополнительных распоряжений. Нередко залетают и без всякой надобности, только чтобы продемонстрировать командиру свою революционную спесь и готовность отчаянно ринуться хоть в огнестрельный кошмар, хоть в рукопашную жестокую сечу.

Василий Иванович, с решительно заломленной на затылок каракулевой папай и полевым биноклем, одетым поверх

походной бурки, что само по себе было знаком воинственного расположения, выдвинулся из шалаша. У самых дверей он ненароком споткнулся о внезапно возникшую у его ног собачонку и нечаянно придавил ей хвоста. Собачонка, не шибко обрадовавшись, пронзительно взвизгнула, в связи с чем командир легкой рысцой протрусил по нижним ярусам великого и могучего русского слова. Покончив с зоологическим инцидентом и прокашлявшись для корректировки командирского голоса, Чапай окликнул денщика и сделал необходимые распоряжения по поводу заварки утреннего чая. Нельзя сказать, что денщик плохо справлялся с этой задачей самостоятельно, напротив, он знал толк в настоях разнотравья, однако надо же было комдиву отыгрывать на ком-то плохое от не свежего сна настроение. Большей частью именно в этой связи он выразил крайнее неудовольствие относительно слабого глянца хромовых трофейных сапог и потребовал привести в надлежащий порядок штабную секретную карту, которую в следующий раз необходимо на ночь тщательно укрывать еловыми ветками.

На что Кашкет обыкновенным образом возмущился в сердцах, – «лучше бы воронье башку тебе разукрасило», – но кинулся тем не менее с показной готовностью выполнять поставленную боевую задачу.

В заключение комдив придирчиво осмотрел все нехитрое хозяйство Разлива, не забыв одарить нежным взглядом дремавших у коновязи резвой породы штабных лошадей. Не обнаружив очевидных причин для собственного недовольства, он валкой кавалерийской походкой отправился по набитой тропе к древнему озеру, чтобы совершить набор известных для утренней поры жизнедеятельных процедур.

Оказавшись на сыром песчаном берегу, безупречный рубака крутым жестом правого плеча откинул походную бурку, выпростал из дорогих командирских галифе свое бесценное продолжение и смачно возвернул прохладным водам Разлива полсамовара непотребной для дела революции жидкости. Получив глубокое удовлетворение от тесного контакта с

природой, Чапай привычно оправил обмундирование, подтянул портупей, для чего-то потрогал себя за прокуренные усы и присел на заветный прибрежный топляк.

Хотите – верьте, хотите – нет, но месяц тому, сидя на этой самой ольховой коряге, комдив пережил потрясение, которое бесцеремонно исказило всю его дальнейшую жизнь. У людей ведь случаются порой непрописанные злодейкой судьбой обстоятельства, которые заставляют пускать под откос всю ранее прожитую жизнь и делать головокружительные перетасовки на будущее. А произошло, между прочим, вот что.

Однажды, сидя на этом, как теперь уже оказалось таинственном месте, в минуту уединенного обдумывания планов предстоящих военных батальи, в глубоком кармане защитного цвета габардиновых галифе заиграл «Интернационал». Проще говоря, зазвонил мобильный телефон, днями подаренный командармом Фрунзе на последнем общевойсковом совещании. Василий Иванович привычным манером извлек из штанов телефон, взглянул на светящийся монитор и тут же потерялся в догадках. Мобильник выдавал абсолютно незнакомый девятизначный номер, вызывающим образом составленный из одних только четверок. Вот эта особенность больше всего и смутила, сразу же насторожила выдавшего всякие позы Чапая. Будучи человеком многоопытным, он прекрасно понимал, что при таком подозрительном начале ничего хорошего ждать не приходится, поэтому с недовольной физиономией огляделся по сторонам. В эту минуту к берегу, отгребая когтистыми задними лапами, медленно причалила здоровенная зеленая жаба, нагло вылупилась и квакнула полной силой отвисшей глотки. По правде говоря, сначала Василий Иванович не хотел отвечать на довольно провокационный звонок, но похоже именно из-за выплывшей жабы чертыхнулся и приставил мобильник к уху. И вот, извольте знать, услышал невероятное. В трубке кто-то бесстыдно представился:

– На всякий случай не тревожьтесь, но с вами разговаривает Бог. Да, да, не следует удивляться, представьте себе, собственной

персоной.

После короткой паузы, звонивший, как ни в чем не бывало продолжил:

– Тот самый, которого вы частенько вспоминаете всеу, иногда даже за компанию с безобидными родственниками. Не забываете, кстати, и про мою бесценную матушку.

Довериться словам прозвучавшим в телефонной трубке, даже с великого бодуна, даже при самой воспаленной фантазии, сами понимаете, было не просто. Однако и отмахнуться от наглого абонента парой адресных напутствий, обыкновенно находчивый Василий Иванович, в эту минуту почему-то не решился, не обнаружил в себе достаточных душевных сил. На первых парах Чапая посетило легковесное подозрение, что это Петька дуркует с похмелья, или, что еще вернее, разыгрывает командира на спор с пулеметчицей Анкой. Не так давно ординарец позвонил голосом Фурманова и торжественно пригласил командира на партийную конференцию, для вручения герою революции именной сабли с темляком золотого плетения. Вряд ли можно найти настоящего кавалериста, который бы не мечтал о таком почетном оружии. Комдив от радости расслабил булки и повелся на эту почти белогвардейскую засаду. Полдня полоскался с мыльной мочалкой в студеное озеро, чистил пятки, нафабриковал усы и только прискакав на тачанке при полном параде в политотдел, поздно сообразил, что однополчанин сыграл над ним коварную шутку.

Между тем посетила и заслуживающая серьезного рассмотрения мысль: «Может это вездесущая контрразведка из армейского штаба ловчие петли набрасывает, проверяет на устойчивость к атеизму, что, вообще говоря, не так уж весело». В последнее время немало командиров поплатилось за свои недостаточно рьяные богоборческие устремления. Не хотелось верить, что и он подцепился на гачек недремлющим операм, в связи с недавней шумной гульбой на крестинах племянника. Однако голос звонившего воспринимался на удивление убедительно, поэтому матерый рубака, проявля известную

предусмотрительность, ответил весьма неопределенно:

– Ну и что из этого? Если Вы всамделишный Бог, то нечего скромничать, называйте меня просто, апостолом Павлом.

Чапай хотел было добавить к этому комментарию еще что-нибудь из убойного арсенала русского фольклора, но почему-то передумал.

– В принципе, ничего не имею против того, чтобы Вы стали апостолом, – как показалось комдиву, с ехидной иронией в голосе согласился звонивший.

И безо всяких церемоний, даже не поперхнувшись, перешел вдруг на “ты”.

– Но тогда я должен напомнить, что занятие, к которому ты в последнее время так ловко пристрастился, не очень мною приветствуется. Ты же не глупый мужик и не хуже меня понимаешь, что не бывает на свете греха отвратительней, нежели истребление душ человеческих. Собственно говоря, я потому и звоню, об этом и печалюсь, гражданин, или как там у вас, товарищ Василий. Вот с чистой душой любопытствую, на что ты рассчитываешь, как не страшишься взваливать на свои плечи этот грех неподъемный? Отвечать ведь придется серьезно, перед самым неподкупным, неотвратимым как меч палача трибуналом, когда никакими богатствами, никакой болтовней не прикроешься. Мне, не скрою, известна напускная беспечность, показушное безразличие к спасению попавшей в телесное заточение бессловесной души. К сожалению, а может и к счастью, все это до поры. Многие, очень многие люди при последнем часе взывали к силам небесным, искали прощения, и не нашли, и не сподобились.

Василий Иванович без малейшего энтузиазма внимал речам непрошенного телефониста и начал от скуки сдирать с коряги сухую кору, чтобы прицельно поразить вылупившую на него глазища зеленую жабу. Только с третьего заряда комдив не смертельно подранил живую мишень в левую заднюю лапу. Подбитая мерзость еще наглее округлила гляделки, громко квакнула что-то явно обидное, прозвучавшее на подобие слова

«дурак» и отчалила, как молодая курсистка, брасом по мелкой водице.

Представившийся Всевышним телефонный шуток, принялся подбрасывать красному командиру набившие всем оскомину ребусы относительно смысла жизни, даже пустился разглагольствовать о высоком предназначении человека в этом прекрасном до ярости мире. Откровенно говоря, вся эта заумная тряхомудия была комдиву глубоко до булды, то есть примерно по середине, между «до лампочки» и «по барабану». Даже когда говоривший начинал стращать смертными муками и для контраста завлекать прелестями райской жизни, Чапаев оставался безучастен. Он ради приличия продолжал слушать валившуюся на его трижды раненую голову ахинею, а сам медленно погружался в тревожные догадки – «то ли я уже допил и дождался самой настоящей похмельной белочки, то ли мир кувыркнулся кверху пятками, то ли Бог на самом деле существует и тогда дела мои совсем плохи, поскольку отношение с библейскими заповедями, говоря по совести, не шибко складывались».

По ходу беседы комдив несколько раз пытался незаметно щипать себя за филейные прелести, дабы удостовериться в подлинности невероятного приключения. Однако собеседник сразу же подымал на смех эти невинные хитрости, даже прикидываясь дураком предлагал сбегать в шалаш за плоскогубцами, чем определенно доказывал, что видит все, как в японском телевизоре, и скрываться от него так же бессмысленно, как новобранцу таиться в самоволке от всевидящего ока товарища Фурманова. Сейчас невозможно восстановить, как долго длилась беседа, потому как Создатель несколько раз отвлекался по собственным нуждам и, вежливо испросив извинения, продолжал свой заковыристый треп. В заключение он предложил, что называется, поддерживать связь и, в случае необходимости, без всяких церемоний обращаться в любую минуту за помощью.

Василий Иванович, в соответствии с правилами хорошего

тона, выразил встречную готовность наладить дружеские отношения, а вот касательно непрошенной помощи, с гордостью сообщил, что привык рассчитывать на собственные силы.

Звонки стали повторяться с завидной регулярностью и сделали бесплатным приложением к суровым Чапаевским будням. Справедливости ради необходимо сказать, что в приятельских отношениях Всевышний не был излишне предусмотрителен или деликатен, потому что повадился объявляться в режиме бесконечных сюрпризов, очень густо в самые неподходящие моменты. Положим, во время исполнения безотлагательных служебных обязанностей, связанных чаще всего с военной секретностью, или даже в минуты отправления сугубо интимных мероприятий, включая и самые интимнейшие. Так однажды, беспардонный «Интернационал» возник поперек пути к пылающему страстью, возделенному женскому телу, практически у самого порога. Комдиву стоило немалых усилий, чтобы сдержать свой гнев и не отправить абонента на теплую встречу с драгоценной мамашенькой.

Постепенно выяснилось, что наверху, в небесной канцелярии, орудуют на зависть пронырливые ребята, которые полностью осведомлены фактически о каждом дне прожитой Василием Ивановичем жизни. Более того, там могут безошибочно определять только еще зарождающиеся намерения и самые потаенные желания. Знают о поступках, память о которых и для него самого представлялась запретной. Еще оказалось, что на небесах никто не собирается менять что-либо в его собственной жизни, никто не настроен нарушать начертанный порядок грядущих событий. Беседы носили чаще всего дружелюбный, можно даже говорить, беззаботный характер. Создателю ничего не стоило с бухты-баракты поинтересоваться первой женщиной, открывшей прелести любви для Чапая, при этом пару раз умудрился назвать его Адамом. Мог обратиться к детским воспоминаниям маленького Васи, а однажды, не поверите, позвонил среди ночи в очень грустном настроении и предложил исполнить дуэтом самую душевную песню Чапая –

«Черный ворон». Но ничто не укротило боевого духа комдива, он продолжал воевать также азартно и самозабвенно, как в лучшие годы своей безвозвратной молодости, не роняя чести полного Георгиевского кавалера. Лишь однажды, объезжая верхом поля боевых сражений, при виде поверженных всадников, неожиданная тоска сдавила, стиснула его сердце, и тогда более всего захотелось пасть на колени и высвободить истошным воплем угнетенную душу: «Господи, прости меня грешного!».

Итак, управившись с утренним моционом и привычно примостившись на заветной ольховой коряге, Василий Иванович с наслаждением вдохнул полной грудью бодрящий воздух, поежился на утреннем холодке и как человек до самых печенок бесконечно военный, с профессиональным вниманием осмотрелся кругом. Для начала осмотрелся невооруженным глазом, но затем приставил под брови командирский бинокль.

За озером, над кромкой дальнего леса, медленно всплывала багровая макушка еще холодного солнца, отчего вся водная поверхность на озере заиграла коралловой рябью. Природа дружно озарилась таинственным преображением, словно в годину исполнения торжественного тронного гимна, возвещающего приход нового дня. Сколько их было в беспокойной жизни Чапая, этих роскошных утренних зорь, к которым никогда невозможно привыкнуть. Может потому, что в них мы черпаем надежду на будущее, лукаво манящее и влекущее за собою всякого человека. Они, эти жизнетворные зори, даруют нам новые силы и призывают к преодолению бесконечных невзгод скоротечного настоящего.

На ранней свежести размышлялось необыкновенно легко и прозрачно, как после вовремя выпитой чарочки или после получения боевых наград. Поэтому Чапай в очередной раз принялся взвешивать все за и против, применительно к предстоящему генеральному сражению. От этой жестокой схватки зависела дальнейшая судьба всей фронтовой компании. Не случайно комдив до поздних петухов шаманил вареными картошками на штабной стратегической карте, выявляя наиболее

уязвимые места в боевых порядках противника. И сколько он ни ловчил, как ни комбинировал, неизменно обнаруживалось, что силенок в дивизии маловато. Незаметно для себя самого он начал активно жестикулировать и даже рассуждать вслух:

– Мне бы пулеметов по флангам с десятков, свежих коней, да патронов побольше, с патронами просто беда. Если верховное командование не подсобит, вся надежда на саблю, в рукопашном бою всегда наши шашки бойчей. Будет трудно – ногу в стремя и сам поведу, мне не впервой, на фронтах и не такое случалось. Ну, да Бог с ним, Бог с ним, как-то управимся.

Неожиданно в глубоком кармане военных штанов призывно заиграл могучий «Интернационал». Чапаев по музыкальной заставке безошибочно определил, что это опять не ко времени беспокоит Создатель.

– Вот не спится ему в такую рань на блаженных своих небесах, – про себя усмехнулся комдив, – видно не к кому руку под одеялом с душой приложить. Сейчас опять примется или морали читать, или расспросами дурацкими заниматься. Не даст перед боем мозгами спокойно раскинуть, но и не ответить никак не получится.

Между тем Василий Иванович произвольно соскочил с ольховой коряги, выпрямился в полный рост, поправил бинокль, одернул обмундирование и по-военному четко, как перед строем готовой к атаке кавалерии, отрекомендовался.

– У аппарата, Отче наш, весь во внимании!

– Слышу, что у аппарата, – недовольным голосом пробурчал Создатель. – С кем это Бог, ты зачем пустозвонишь Василий, для чего без нужды языком своим треплешься? – не утруждаясь предисловиями, со старта обрушились обвинения в трубке.

– Вы, наверное, не совсем меня правильно поняли, – начал торопливо оправдываться огорошенный Чапай. – Я и в мыслях никогда не держал доставлять Вам по чем зря огорчений. Не сочтите за наглость, но должен заметить, что Вас постоянно донимает измена, также невозможно поддерживать приятельские отношения.

Читателю может показаться неправдоподобным, но комдив отчетливо слышал, как Всевышний чиркнул запаленной спичкой, еще более явственно слышал, как Тот затянулся и пустил паровозом струю. По всему выходило, что в райских садах между нежной клубникой и румяными яблочками, как ни в чем ни попало спокойно махорку выращивают. Доверяй после этого жарким проповедям всевозможных священников.

Итак после тройки глубоких затяжек, ну явно же прокуренным голосом, абонент начал неспешно плести свои вологодские кружева.

– Вечно вы норовите ничего не подозревающего, увлеченного бесконечными трудами Создателя куда-нибудь взять да пристроить. Обрати внимание, ты последнее время регулярно говоришь по одному и тому же поводу несовместимые вещи. – Один раз заявляешь по собственной прихоти «Бог с ним», другой раз заявляешь «черт с ним». Признаться, меня такая легкомысленная путаница весьма настораживает. Складывается впечатление, что ты не находишь между нами никакой существенной разницы, того и гляди рога мне с копытами небрежно приладишь. От меня не убудет, но ты постепенно утратишь способность различать хорошие и плохие дела, а это грозит, уверяю, большими печальями.

Удивительное совпадение – пока Василий Иванович рассеяно внимал очередным закидонам Создателя, к берегу украдкой причалила здоровенная зеленая рептилия, по научному «жаба». На первый взгляд может показаться, что в этом нет ничего особенного, но это если не брать во внимание левую заднюю лапу мерзотины, кем-то тщательно перемотанную тончайшей зеленой же водорослью. Перемотанную по всем правилам медицинской науки, с ровненькой шинкой под плотным жгутом.

– Учти, – продолжал Всевышний, – отсюда сверху видно все, практически как на ладони, или, как ты удачно заметил, все одно, как по японскому телевизору. Я даже вижу, что сейчас рядом с тобой, у самого берега, мирно дрейфует безобидная жаба. Не упускай хорошей возможности проявить для покоя

души благородство, извинись перед трепетной долькой всего мироздания. Плохо ведь не то, что ты ни в чем неповинную жабу обидел, плохо, что ты ранил себя и когда-нибудь пожалеешь об этом.

Василий Иванович огляделся и в самом деле увидел, почти что на расстоянии вытянутого сапога, бесстыже вытаращившую на него лупатые фары омерзительно зеленую жабу. У него даже под ложечкой засосало, так сделалось не по себе. А когда рассмотрел перевязанную лапу, ощутил небольшое головокружение. Благо дело зверюга вовремя включила заднюю и попятилась восвояси.

А Создатель не унимался, все подбрасывал пургу из нескончаемые своих упреков и нравоучений.

– Вот ты опять, дорогой друг Василий, почти всю ночь, вместо того, чтобы спокойно предаваться сну, корячился над секретной картой военных действий, и до сих пор мучительно ломаешь голову, как бы назавтра побольше под пулями бойцов ухандохать. Прошу заметить, большинство из обреченных твоим безумством людей, ты даже в глаза никогда не видел, нюхом не чуял, от века не знал. Наверняка между ними есть хорошей закваски ребята, заботливые сыновья, любящие отцы и мужья. Неужели тебе нечем больше в этом мире заняться, как только детишек чужих сиротить. Никогда не пробовал отворить для добра свою душу, осмотреться вокруг и познать, сколько мудрости, сколько божьей любви окружает тебя. Разве истреблением своих соотечественников ты улучшишь сей мир, сделаешь его хоть на вершочек умнее и краше? Уж коль так велика порочная страсть к азартной охоте, взял бы удочки, что ли, рыбалку затеял, или бабочек в коллекцию для красоты наловил. У меня и самого, между прочим, невероятных расцветок коллекция для любования собрана. Будешь в гостях, обязательно покажу, завидовать станешь.

Чапай с нескрываемым раздражением огрызнулся:

– Какие гости, Вы на что это намекаете?

А про себя между тем не без страха подумал: «ни хера себе разноцветные крылышки, совсем оборзел старикан, уже и на

небеса к себе мало по малу подтягивать начинает».

Солнце раскошегарилось и поднялось настолько, что начало чувствительно прогревать походную бурку, добравшись до взопревшей спины Василия Ивановича. Он, извинившись, попросил минутку терпения, соскочил с ольховой коряги и, освободившись от каракулевой накидки, налегке, бряцая притороченной шашкой, немного прошелся по песчаному берегу. А две пестрые бабочки, увлеченно облетая друг друга, привязались за ним.

«Разговаривает со мной, как с пацаном, надо давно уже положить конец этим несерьезным отношениям, – твердо решил для себя комдив. – Сейчас заберусь на топляк и по мужскому, без утайки предъявлю все наболевшее на сердце».

Как полагается образцово военному человеку, он без промедления занял боевую позицию и приставив к правому уху мобильный свой телефон, предпринял атаку.

– Извините, Отче наш, но Вам Самому не надоело по каждому поводу заводить свою заунывную песенку? – со старта лихой кавалерией двинул Чапай. – Я же много раз спокойно и обстоятельно разъяснял, что у нас революция. В дивизии великие исторические страсти бушуют, под знаменем октября совершаются грандиозные преобразования. Трудовой народ наконец-то сбросили со своей шеи ненасытных помещиков и буржуев, в полную грудь расправили рабоче-крестьянские плечи и осознал себя настоящим хозяином жизни. Нашим красноармейцам выпала беспрецедентная честь осуществить заветную мечту человечества, восстановить полную и окончательную справедливость для всех народов, от края и до края Земли.

– Насчет хозяев жизни, это ты хватанул сверх меры, – залился здоровым смехом Создатель.

Что, вообще говоря, звучало обидно для доблестного Чапая.

От души насмеявшись и немного успокоившись, Всевышний добродушно добавил:

– Не обижайся, но нельзя быть хозяином того, что от тебя

ну никак не зависит. Вот до большого потопа, при стареньком паромщике Ное, люди жили едва ли не тысячу лет и даже тогда не осмеливались величать себя гордо хозяевами. А вы так, каких-нибудь шесть или семь десятков годков, но гонору – на целую вечность. Чудаки вы, совсем как малые дети, придумали невинную сказку про кощя Бессмертного и мучительно тужитесь дотянуться до его долголетия. Теперь же, если не возражаешь, выскажусь по существу. И я ведь не раз объяснял тебе, что положение со справедливостью, тем более скопом, сразу для всех, складывается довольно не просто. Тебе никогда не приходило в голову, что любое стадное оформление должно унижать приличного человека? От века не знаю примеров, чтобы людям удавалось совершить толпой что-нибудь путное. Все лучшее, чем когда-либо восхищали небеса представители вашего мира, имеет индивидуальное происхождение. Поэтому нас в упор не волнует ваше коллективное творчество, пусть и с благородной мечтой осчастливить все человечество. Только и утешает, что даже среди тараканов попадаются штучные экземпляры, не желающие шевелить усами в ногу со всеми.

Как обыкновенно случалось, в витиеватой демагогии Создателя присутствовал некоторый заслуживающий внимания смысл, но Чапая настораживала подозрительная подзвучка сегодняшней беседы. По ходу разговора комдив отчетливо слышал в телефонной трубке посторонние сварливые голоса. Полная иллюзия, будто таинственный небожитель обитает на коммунальной совдеповской кухне, где происходит деликатная разборка на предмет пропавшей полу сваренной курицы. Откровенно бранных слов слышно не было, но звуки дважды бухнувшей о чью-то подвернувшуюся голову сковородки, прелестно разнообразили райский пейзаж. И это при том, что абонент несомненно прикрывал предательский микрофон от нежелательной акустики рукой. Наконец, предварительно извинившись, Он предложил взять короткий таймаут, обещая чуть-чуть погодя завершить обсуждение поднятых политических вопросов.

«Ни фиги себе, – прозрел в одночасье опешивший Василий Иванович, – мне ведь постоянно казалось, что у них там в раю нормальные люди прописаны, теперь понимаю, что такая же сволочь как и у нас на теплых местечках кучкуется. А еще джентльмена из себя какого-то корчит. Вот бы взглянуть хоть краешком глаза, что за публика возле него отирается. Но ни на какие гости, конечно, я не согласен, если желает, пускай Сам подгребает в Разлив. Интересно, Он хоть на коня взобраться по человечески может?».

По предыдущему опыту телефонных бесед комдив определенно знал, что Создатель мог прервать разговор совсем не на малое время. Не раз уже было, когда он обещал отозваться через минутку, я сам пропадал чуть ли не на час или два. Время как будто позволяло Чапаю соскочить с ольховой коряги на прибрежную твердь, чтобы поправить походную бурку, которая не удержалась на гнучкой лозе и бесхозно завалилась в песок. Но, во-первых, было по-человечески лень и, во-вторых, в любую секунду мог возобновиться прерванный диалог. А тему затронули исключительно важную, немало бессонных ночей посвятил размышлениям о мировой революции легендарный комдив.

– Василий, – вновь как ни в чем не бывало послышалось в трубке, – никакая сволочь у нас не собралась, просто, как у всех незаурядных натур, иногда возникают обычные житейские споры. И с чего ты вдруг взял, что я обосновался в раю, разве настоящая творческая личность может позволить себе постоянное пребывание в безмятежных долинах? Ты, подозреваю, совсем даже не догадываешься, как происходит величественный акт сотворения мира. К тому же до сей поры еще не осведомлен, что от избыточного блаженства возникают одна лишь тоска и телесные пошлости. Однако не станем отвлекаться по пустякам и вернемся к вашей, с позволения сказать, великой пролетарской революции. Готов ли ты продолжить беседу?

– Давайте вернемся, признаться, сгораю от нетерпения узнать Ваше мнение, по этому волнующему каждого красного

командира вопросу. Только не рассчитывайте, что с легкостью удастся и на этот раз мозги мне запудрить, – предупредил без ложной скромности, по-пионерски готовый к решительной интеллектуальной схватке комдив.

– Забавный ты все таки собеседник, Василий, – в примирительных интонациях повел свою речь Отче наш, или просто – Создатель. – Я же не спору, что люди должны искать согласия в обществе, находить подходящую для спокойствия большинства справедливость. Просто рекомендую не забывать, что иные дорогие лекарства гораздо опаснее самих страшных болезней. Высказываю не только мое наблюдение, об этом давно уже сделал свое заключение замечательный римский врач и философ Сенека. Мне чужого не надо – изрек человек умное слово, за ним на века и осталось. Все-таки Земля удивительно щедра на таланты, сколько достойных сынов предъявила миру она, мы всегда на ваших лучших людей очень рассчитываем. Чего стоит один только граф из Ясной поляны, достопочтенный Лев Николаевич. Справедливости ради надо заметить, беспокойный старичок оказался, нам с ним порой бывает не скучно. Но мыслит красиво и в жизнь влюблен беззаветно, воистину гордость вселенская, не преходящее нам всем украшение. Забавно сверху наблюдать, как мудрость ваших гениальных поводырей сиротливо пылится на книжных полках сама по себе, а человечество, сломя голову, мчится на перекладных к месту своего назначения, практически без оглядки по сторонам. Скажу по-приятельски, мы не против этой отчаянной гонки. И все-таки жаль иногда, что вы не прислушиваетесь к умным советам ваших первых наставников.

– Тогда и я доложу по-приятельски, чтобы Вы, наконец, уяснили, – с нескрываемой гордостью парировал Чапай. – Мы в революцию подались не слепой, одуревшей толпой, впереди у нас самые светлые умы человечества. Подождите секунду, нога раненая малость замлела, сейчас разомнусь хоть немного и все объясню по порядку.

Василий Иванович по-шустрому соскочил с коряги на

песчаный берег, ухмыльнулся в усы и сделал несколько глубоких приседаний, под ласкающий ухо скрип командирских хромовых сапог. С гибкостью необстрелянного призывника прогнулся назад и вперед, дотянулся вытянутыми пальцами рук до мокрого песка, выпрямился и молниеносно выхватил шашку. Потом сделал пару боевых с просвистом махов и лихо засади в ножны клинок. Между прочим, за верхними кустами он заметил выглядывающую из-под зеленого лопуха морду Кашкета. «Шпионит сволочь, – взял на заметку комдив, – сегодня же спущу с него шкуру». Но не стал отвлекаться по пустякам, а скоренько прикинул свои доводы в пользу вождей революции и также по-быстрому возвратился на прежнее место. Примостился седалищем на еще хранящую тепло древесину, выдохнул с облегчением и решительно врубил мобильную связь.

– Вы слышите меня, Отче наш? – для проверки контакта поинтересовался в телефонную трубку Чапай.

– Слушаю, куда ж мне деваться, – спокойно ответил Создатель, – Я вообще слушаю всех и всегда, работа такая, нельзя мне иначе.

– Так вот, хочу чтоб Вы знали, – в нетерпении продолжил комдив, – наши вожди, прежде чем вести народ за собой в революцию, написали великую книгу, не уступит священному Писанию. К Вашему сведению, рекомендую запомнить, «Капиталом» этот труд называется. В порядке уже наскучившей всем Библии, не открою секрета, десять запретных заповедей на скрижалях записано. Согласитесь, многовато для уважающего себя человека. В «Капитале», не поверите, одна единственная, без всяких Моисеев, но уж больно толковая: «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Вот мы и ведем дело к мировому сплочению всех пролетариев, чтобы совместными усилиями отстоять законное право на народное счастье. Вам, скорее всего, наших забот не понять, Вы привыкли промышленять в одиночку. Когда мир создавали, ни с кем не советовались, теперь приходится все переделывать, чтобы было кругом все по людски, как у нас говорят – по уму, значит честно и справедливо.

Так что выходит, мы Вашу работу доделываем, чужие хвосты подчищаем. Я ни на что не намекаю, но у нас за такие услуги магарыч выставлять полагается, железное народное правило.

Наступила довольно продолжительная, трудно объяснимая пауза. Василий Иванович на первых порах возомнил, что это от его сокрушительных аргументов Создатель временно утратил способность по каждому поводу огрызаться. Потом справедливо забеспокоился: «Может не следовало так агрессивно и круто на старика наезжать. С хвостом не совсем в яблочко получилось, вдруг расценит реплику как прозрачный намек на лохматую задницу дьявола, чего доброго, может и санкции применить. Да и с «пролетариями всех стран» как-то не очень любезно связалось. Наверное, не стоило выступать сгоряча такими козырными картами, все равно ничего не поймет, пустая трата драгоценного бисера. Сейчас старый хрыч стопроцентно начнет заводиться, не уважает, когда против шерсти получается, все-таки Бог, все одно как генералиссимус».

– Извини, Василий, – послышался из телефонной трубки изрядно подсевший голос Создателя. – Я здесь на другую табуретку присел, поближе к форточке, после твоих откровений воздуха иной раз не хватает.

Действительно было слышно, как скрипит табуретка, как заедает старинный шпингалет и с шумом отворяется форточка. Даже едва уловимый шепот считываемых валерьяновых капель не ускользнул от чуткого микрофона мобильного.

– Ну что тебе сказать, – продолжил Всевышний, – за готовность помочь, конечно, спасибо, ощущаю плечо надежного друга. Только магарыч полагается выставлять по завершению всей работы, если точно следовать вашей народной традиции. Как только управитесь со своей революцией, дайте знать, я не замедлю, не привык оставаться в долгу. По такому случаю, не исключено, что и Сына пришлю, пускай вместе с православным людом порадует. Между прочим, скучает за вами, хотя и обошлись с Ним не очень приветливо. Если пользоваться твоими формулировками – не по уму, то есть, не совсем справедливо.

– Интересно все-таки у Вас получается, – не сдержался комдив и даже задержал ногами, заерзал на ольховой коряге как джигитующий всадник. – Я Вам про нашу великую пролетарскую революцию, про счастье народное толкую, а Вы мне распятого Христа предъявляете. Чего доброго, еще дедушку Ноя или динозавров в общую кучу за уши притащите.

Василий Иванович до того разнервничался, что чуть было не выронил из трясущихся рук свой мобильник. А когда представил себя ныряющим за телефоном в студеные воды Разлива, у него даже челюсть свело и спину перекосило в холодной судороге.

– Не заводись вполоборота, Василий, сейчас и про счастье народное поговорим. С человеческим счастьем, все более или менее ясно, но вот народное не могу постигнуть, не вмещается в моей голове. Эдак под хорошую закуску можно и про зубную народную боль и про общий любовный экстаз довольно забавно нафантазировать. Для чего пролетарке с пролетарием полагается соединяться, я примерно догадываюсь и не осуждаю, только зачем же устраивать большие групповые комбинации. Ты скажи, в вашей самой умной книжке, которая «Капиталом» называется, не указано, какими именно местами лучше всего пролетариям друг к дружке присоединяться? Зря улыбаешься, дружище Василий, это вовсе не праздный вопрос, потому что каждый человек является изделием штучным, многие могут и не состыковаться. Я знавал одного энтузиаста, который целую жизнь потратил на то, чтобы из тысяч кроликов соорудить огромного африканского в три тонны слона. С какой стороны только ни принимался за дело, как ни соединял между собой зверятوک подопытных, безумная затея не находила положительного разрешения. Никакого слона, как ты сам понимаешь, в результате никто не дождался, но кроликов фокусник загубил подчистую, всех до единого. Сомневаюсь, однако, что и вам посчастливится под руководством «Капитала» сотворить что-либо дельное, а вот пролетарий загубите обязательно. И это очень печально, потому что без уважительного отношения к труду, человеческая жизнь на Земле утратит вселенский

положительный смысл. Извини, что отвлекаюсь, но ты хоть обращаешь внимание, как птицы поют нынче утром в Разливе. Давай помолчим, насладимся хоть малость, до чего же люблю наблюдать на ранней заре пробуждение вашей природы.

Василий Иванович невольно сосредоточился и произошло обыкновенное чудо – как будто во всю мощь врубили большой колокольный репродуктор и вывалили на комдива бесконечно пестрое, разноголосое пение птиц. В детстве он безошибочно умел отличить дробное коленце малиновки от трели с росчерком певчего зяблика. Как никто иной понимал разницу между дроздом белобровиком и рябинником, но даже не заметил, как все эти милые, трогательные навыки безвозвратно растерял по фронтам мировой революции. Только поганое воронье не позволяло забывать о себе, регулярно отмечаясь на штабных документах карточными залпами.

– Да ты не расстраивайся шибко, Василий, я и сам иногда увлекаюсь сверх меры работой, забываю про все, представь себе и про пение птиц, – несомненно для учтивости, вошел в положение друга деликатный Создатель. – Все-таки согласись, не умеем мы ценить настоящую жизнь, может потому и маемся дурью, забавляемся всякими революциями. Между прочим, я немного опасюсь – это ваше невиданное объединение всех пролетариев, оно не будет препятствовать обнаружившим желание людям сердечно влюбляться, рожать детей, с упованием отходить в мир иной, наконец? Много чего приходится делать человеку поодиночке, чтобы оставаться в образе прародителя вашего, иначе недолго ведь и к макакам незаметно скатиться. Я уже не говорю о покорении олимпов бессмертия. Лев Толстой хотя и выходил на сенокос с мужиками, но великие романы ваял без свидетелей. Так же как и дивный поэт Александр, в преподобии Пушкин, под шум ветвей и скрип гусиных перьев, палил одиноко свечу томительными болдинскими вечерами.

– Кто ж спорит, Отче наш, случаются занятия, в которых и мы пока что порознь стоим, а там дальше видно будет. Москва ведь не сразу, как Вы знаете, строилась, – принялся невозмутимо

стоять на своем непреклонный Чапай и про себя подумал: «Не плохо бы как-то осадить старикашку, изловчиться и дернуть хорошенечко за нос, чтобы не задавался. Пускай не воображает, что мы глупее ихнего небесного брата».

Он тут же выпалил удачно пришедшее на ум соображение:

– Вы небось на небесах друг от дружки не прячетесь и глупостями всякими по одиночке не занимаетесь. Потому и говорится в Писании: «Возлюби ближнего крепче, нежели себя самого». Вот мы от великой любви друг к дружке и ведем дело к мировому объединению.

Комдив даже подскочил на коряге от удовольствия, ловко на сей раз у него получилось. Согласитесь, не так-то просто в состязании смекалкой озадачить Всевышнего.

– И чему же ты радуешься, Василий? – с недоумением поинтересовался Создатель. – Между прочим, я не такой уж и старый, вынужден очередной раз огорчить, представь на минутку, намного моложе тебя. Сотворение мира – это же молодое, веселое дело, пенсионеру здесь ни за что не управиться. И постарайся понять, глупостями нам недосуг заниматься, ни сообща, ни поодиночке. Валяние дурака не входит в наши непростые обязанности. Вообще же, на небесах господствуют свои, весьма строгие правила и мы с уважением относимся к ним. Согласно этим правилам, мы несем личную ответственность за все, что творится на звездных просторах, включая и вашу подлунную жизнь. Все вы пребываете под нашим недремлющим оком, хотя и не без соперников. Стоит на денек зазеваться, глядишь, копытами у калитки кто-то постукивает. Так что, положи руку на душу, не то чтобы птичек послушать, даже на рыбалку лишний раз сходить не приходится. Это только в досужих фантазиях боги живут припеваючи, под вечным блаженством и праздностью, а уж вам-то до нас, как до Киева сам представляешь в какой позе корячиться.

– Удивляюсь я на Вас, Отче наш, – находчивоотреагировал Чапаев, – почему это Вы вдруг решили, что нам до вас, как до Киева на четвереньках корячиться? В священном Писании

прямым текстом заявлено, что человек сотворен по образу и подобию Божию. Не мы выдумали, относимся с уважением, верим Библии на слово. После окончательной победы мировой революции не хуже чем в раю обустроим жизнь на Земле. Еще будете прилетать к нам в дивизию, как на курорт, отдыхать от вселенских забот. Лично для вас, по дружбе, льготную путевку в парткоме обязательно выхлопочу. Поселим в лучшие номера, для верховного комиссариата предназначенные. Не очень удобно спрашивать, но если понадобится, сможем путевку и на двоих предоставить. Хотите, с видом на Эльбрус, а можно с балконом на тихую бухту. Вырулите среди ночи на балкон с кем следует, вдохнете запах прибоа и такие силы привалят, что уже до утра заснуть не получится.

Неожиданно Создатель разразился таким неестественно громким хохотом, что Василий Иванович натурально забеспокоился о технической сохранности мобильного аппарата. Это была одна из многих причуд таинственно возникшего абонента. Он всегда начинал смеяться неожиданно, в самых неподходящих моментах, заставляя комдива врасплох, и очень резко, как сабельным махом, прекращал ликование. И вот на сей раз, после приступа гомерического хохота, безо всяких уважительных причины шлепнул что-то совсем непотребное, в пору было категорически обидеться и никогда не отвечать на звонки.

В самом деле, вопрос Создатель поставил как-то слишком уж неожиданно, недопустимо бесцеремонно. Судите сами, Он без всякой подготовки, как обухом по голове, бессовестно брякнул: «Скажи, гулена, по совести, ну какие из вас боги? Ты зачем это с Анкой при законной жене по делам волокитства балуешь?».

– Опять двадцать пять, – завелся в пол оборота Чапай и едва сдержался, чтобы не вышвырнуть дьявольский мобильник в озеро. – Далась Вам эта непутевая девка, завидуете что ли? И не противно за всеми шпионить, подглядываете, как прыщавый мальчишка в замочную скважину. Плохо вы еще знаете наших людей, если проведает, что от Вас никуда не запрятаться,

могут и голые задницы поываливать, самые заядлые верующие перестанут даже в церковь ходить. Уж на что непреклонен наш Фурманов и тот по праздникам новобранцам самоволки скопает, понимает, что всякому человеку полезно бывает иногда отвязаться. Это только на небесах жизнь спокойна и благостна, а в дивизии с утра до ночи мечешься между чертом и ладаном. Поди еще разберись, где сподручней. От вас, между прочим, никто еще не вернулся, не выступил в роли свидетеля, а доверяться пустым обещаниям про сладкую загробную жизнь, согласитесь, не совсем привлекательно. И есть она загробная жизнь или нет ее вовсе, вилами по очень мутной воде кем-то для соблазна, а может в насмешку написано.

Надо заметить, что последние аргументы комдива прозвучали тоном не совсем убедительным. Как и всякому нормальному человеку, неподвластный внутренний голос, настойчиво подсказывал Василию Ивановичу, что вся прожитая им геройская жизнь накрепко повязана и вытекает из необъятного прошлого существования рода человеческого и, следовательно, также неотделима от общего неизмеримого будущего. Кроме того, он есть, он навсегда причастен к таинственной связи времен и никакие силы не в состоянии изъять его из летописи бытия, очень может быть, что с последующей личной ответственностью и непременным воздаянием. Ни день рождения, ни дата ухода из жизни, в принципе ничего не меняют, никоим образом не перечеркивают факт присутствия комдива в этом бесконечном калейдоскопе дней. Каждая человеческая жизнь, как только что прочитанная строка в огромном историческом романе, остается в нем навсегда, а время только неспешно нанизывает его убогистые страницы. Быть может, Создатель, при желании, умеет свободно возвращаться к полюбившимся сюжетам, заново перечитывать понравившиеся строки. Как бы там ни было, но Чапай решил на сей раз поделиться с собеседником почти что самым сокровенным.

– Вот покончим с беляками, шашку над койкой приколочу, детишек полный дом приживу, сам нянчить стану. Разве я не

понимаю, что с законной женой миловаться положено. Только Сами сначала помилосердствуйте, отгородили бы беззащитных людей от дьявольских искушений. Все наладится, дайте срок.

– Лучше бы ты с этими занятиями не откладывал, – искренне посоветовал Создатель. – Всего ведь не предусмотритишь, не забывая любимую присказку бывалых казаков: «Человек предполагает, а жизнь копытом лягает». Постоянно предостерегаю тебя, чтобы не засиживался по ночам в штабе с молодыми девчатами. Не ровен час, под покровом темноты накроет противник, на том и прекратятся все твои беспокойные мытарства между чертом и ладаном. От нас возвратиться, в самом деле, не просто, но ведь силком мы к себе никого не затягиваем. Живите на Земле хоть тысячу лет, как при старом паромщике Ное. Удавалось же вашим далеким пращурам без лишних хлопот не торопиться к нам в гости.

– За Вашу заботу спасибо, Отче наш, – начал вежливо откланиваться Василий Иванович. – Только захватить меня врасплох, за здоров живешь, никому не удастся. У меня дозоры в секретах стоят, из самых надежных, самых отважных бойцов. Я с ними и собственной кровушки на полях сражений не мало спустил. Все одно мы первыми с беляками покончим, отправим их к Вам на последнее исповедание, вот тогда и убедитесь, какая там сволочь, один к одному подобралась. Премного благодарен, что меня грешного не забываете, однако время под горло берет. Возле шалаша небось ординарец давно на докладе стоит. Не сердчайте, на службу пора, негоже командиру примеры разгильдяйства бойцам демонстрировать.

Откланявшись, по всем правилам хорошего тона, Чапай неторопливо опустил заметно разогревшийся от долгой беседы телефон в глубокий карман галифе и в который раз обратил внимание на одно загадочное обстоятельство. Во время сеанса телефонной связи с Создателем, комдив постоянно испытывал странное ощущение физической близости, явственное Его присутствие буквально на расстоянии вытянутой руки. Несколько раз даже ловил себя на внезапном желании протянуть

руку и прикоснуться к собеседнику. Но лишь только мобильная связь обрывалась, таинственный абонент молниеносно удалялся куда-то в поднебесье. Вот эта иллюзия близости Создателя и иллюзия молниеносного Его устранения по ракетной траектории, была настолько убедительной, что Чапай всякий раз обращал свой недоумевающий взор в бесконечную небесную даль. На сей раз, по какому-то стечению непостижимых без хорошей выпивки обстоятельств, он увидел высоко над озером плавно скользящего молодого ястребка. Распластав упругое перо режущего воздух крыла, тот стерегуще высматривал прозрачные воды Разлива, готовый в любую минуту поразить подуставшего от борьбы за жизнь обитателя древнего озера. Неожиданно шалая мысль посетила комдива: «Быть может это и есть преображенный Создатель, от такого штукаря, чего угодно дождешься».

Глядя, не отрываясь, на парящего ястребка, Василий Иванович легко, словно юнец соскочил с ольховой коряги, и, конечно же, испытал глубокое удовлетворение от ощущения под ногами земной тверди. Хотел было подхватить походную бурку и направиться к командирскому шалашу, но остался верен строго заведенному распорядку и принялся выполнять положенный комплекс физических упражнений. Он добросовестно проделал знакомые каждому физкультурнику круговые вращения рук, совершил всевозможные поясные наклоны. Потом по-молодецки, будто скачущий мячик, преодолел череду упругих приседаний, наслаждаясь тугим скрипом хромовых трофейных сапог. И в довершение, привычным рывком оголил наостренную шашку, сделал несколько с просвистом атакующих махов и лихо вогнал в ножны клинок. Только после окончания всех добровольно возложенных на себя физкультурных нагрузок, комдив накинул каракулевую бурку и стремительно направился вверх по откосу, к известному всей дивизии Чапаевскому шалашу.

Забот впереди предстояло немало, горящих и неотложных. Еще не все распоряжения командира оставались должным образом принятыми к исполнению, в связи с предстоящим

генеральным сражением. Еще планировали с Фурмановым объехать передовые эскадроны, провести партийные собрания, настроить личный состав на решительный, революционный лад. Да и с ординарцем предстоял тяжелый, нелюбимый разговор, надо же, наконец, положить предел его безрассудству, иначе и себя, и чего доброго, самого Чапая, под трибунал подведет.

Глава вторая

На широкой лесной поляне, обставленной вековыми деревьями, на всех парах кипела военная походная жизнь. Прямо против входа в командирский шалаш, на расстоянии не более десяти шагов, за большим дубовым пеньком, окруженным вкопанными в землю тесовыми лавками, суеился над разогретым самоваром Чапаевский денщик. Долговязый, охламоновского вида детина, в вылинявшей гимнастерке, что-то сварливо бормотал себе под нос, остужая резкими помахиваниями припекшиеся ладони. В ряду всевозможных отличительных несуразностей, характеризующих экзотическую натуру денщика, по прозвищу Кашкет, самым неоспоримым достоинством, было его умение залихватски играть на трехструнной балалайке. Еще не придумали на свете такой музыкальной мелодии, которую балалаечник не умел бы изобразить с первого напева, в самом виртуозном воплощении. Лишь только за эту незаурядную способность Чапаев на многое закрывал глаза, делал заметные поправки Кашкету. Хорошо

бывает после жаркого боя ополоснуться нагишом в древнем озере, согреться у костра и послушать вечером задушевное треньканье балалаечных наигрышей. На правой руке денщика отсутствовали большой и указательный пальцы, но оставшиеся три, в компании с тремя посеребренными струнами, с лихвой замещали малый симфонический оркестр.

Здесь же, у импровизированного кабинетного стола, то бишь командирского пенька, забавлялся приبلудившейся собачонкой боевой товарищ комдива и отчаянный на всю сорви голову воин, ординарец Петька Чаплыгин. Между прочим, почтительно величаемый в дивизии Петром Парамоновичем. Он подманивал псинку кусочком белоснежного рафинада, горячо желая приобщить ее с помощью сладкой жизни к цирковому искусству. Собачонка дерзко вскакивала на дрожащие задние лапки, но сразу же теряла неустойчивое равновесие и с визгом опрокидывалась на спину, чем приводила в неописуемый восторг здорового красноармейца. Ординарец был живым воплощением четвертого богатыря, лишь по забывчивости художника не запечатленного на любимой в народе картине, традиционно украшающей вокзальные буфеты и дворцы пионеров.

При виде сосредоточенного, приближающегося наступательным шагом комдива, в распахнутой бурке, на Петькиной по-детски безмятежной физиономии засветилась счастливая улыбка. Однако он без лишней фамильярности взял под козырек, выструнился в неподвижной стойке, демонстрируя готовность тот час приступить к выполнению любого, самого рискованного поручения.

– Докладывай, герой, как ночевала дивизия? – без долгих предисловий поинтересовался комдив, по-петушину выпячивая грудь перед габаритами сияющего молодца.

В ожидании ответа он сбросил за спину, прямо на росную еще траву, походную бурку и, взяв в обе руки бинокль, начал рассматривать верхушки ближайших сосен.

То, что Чапай начинал разговор в деловом командирском

тоне, да еще с приставленным к глазу биноклем, было недобрым знаком, об это знал любой красноармеец, даже вчерашний необстрелянный новобранец. В данном случае Василию Ивановичу сделалось доподлинно известно, что ординарца в расположении дивизии ночью не было. Самовольная отлучка за пределы контролируемой территории являлась грубейшим нарушением воинского устава, расцениваемым как прямая измена. Кашкет еще с вечера стуканул командиру, что Петруха мотанул втихаря за линию фронта, чтобы сменить у знакомого беляка за четыре трофейные гранаты золотое колечко, для своей обожаемой невесты, пулеметчицы Анки. По закону военного времени, дело следовало без промедления пускать в трибунал, и вопрос этот всю бессонную ночь не на шутку озадачивал командира. Но вылазка была точно геройской, не в смысле потери четырех гранат, при очевидной нехватке огневых средств, а в смысле добычи подарка для любимой подруги. К тому же Петька не единожды своей боевой отвагой и верностью спасал Чапаеву жизнь и, что самое важное, крепко умел держать язык за зубами, а это по революционным временам сразу тянуло на пару «Георгиев». Поэтому Василий Иванович отставил бинокль, пристально посмотрел на ординарца и без лукавства задал прямой, более чем конкретный вопрос.

– Сам покажешь колечко, или дуру станешь ломать? – в нетерпении продолжил Чапай, и перевел из под бинокля, боковым зрением, свое внимание на прощальную денщика, который с показной бережностью отряхивал бурку комдива.

Новость, надо сказать, застала Петьку врасплох, он не ожидал такой подлой засады, был абсолютно уверен, что операция прошла без сучка, без задоринки. Если по-честному, то беляком был двоюродный брат его, Митька. С ним прошли общее деревенское детство и юность, с ним делил беспокойную молодость, и дружба эта никогда не ломалась, независимо ни от каких революционных и смутных времен. Не единожды братан тихарем наведывался в расположение Чапаевской дивизии, для совершения доходных торговых операций. Не было в целой

округе более удачливого конокрада, чем Петькин двоюродный брат, поэтому они частенько сообща обстригали гривастые сделки. При всей беспощадности гражданской войны, братья так и не научились видеть друг друга в прицелы стрелковых оружий. Митька совсем недавно заявился на день рождения к пулеметчице Анке. Прискакал с роскошным подарком в виде кавалерийского седла чудесной английской работы и на обратном пути едва не угодил к Чапаевцам в плен, выручила горячая, из под штабного офицера уведенная лошадь.

Как бы там ни было, но после короткого замешательства, Петька все одно озарился добродушной улыбкой и небрежно достал из верхнего кармана, не по чину дорогой гимнастерки, злополучный трофей.

– А чего здесь таиться, можно не только взглянуть, а даже примерить, я же его не украл у своих боевых товарищей, – с нарочитой беспечностью протянул на открытой ладони перстенок ординарец.

Чапаев мельком взглянул на сверкнувший перстенок и подчеркнуто выражая презрение к золотой безделушке, кивком головы указал на центральный пенек.

– Присаживайся герой, давай почаевичаем, – то ли приказал, то ли предложил комдив. – Не хотелось разговаривать с тобой, как с предателем революции, все-таки не такого ординарца мне мечталось иметь при себе. Не знаю, как дальше службу нести получится, видно не судьба вместе завершать великое пролетарское дело. Теряем людей, и более всего бывает досадно, когда не только в бою.

Кашкет особенно старательно орудовал за командирским пеньком с дымящимся самоваром, по-звериному, каждой точкой нашкодившей шкуры осязая, что парочки крепких зуботычин ему не миновать и это при самом фартовом раскладе. О тяжести Петькиного свинцового кулака он знал не понаслышке, по забывчивости периодически приходилось восстанавливать в памяти его убедительный вес. Поэтому денщик предусмотрительно поставил для похмуревшего

ординарца лучшую, почти без замаятин медную кружку. Вопреки заведенному правилу, ближе чем к командиру пододвинул к Петьке тусок с рафинадом и сушками. Василий Иванович, щуря глаз, хитро наблюдал всю эту застольную дипломатию и перво-наперво предупредил кулачного забияку, чтобы тот попридержал свой воинственный пыл.

– Тронешь Кашкета – голову без шашки снесу, – более чем убедительно сказал, как отрезал, Чапай. – Он правильно поступил, не осрамил, не уронил чести своего командира. Тебе разве не известно, что война не на жизнь, а на смерть полыхает кругом. В любую минуту могут по тревоге начаться боевые действия, а мой личный ординарец болтается самовольно за линией фронта, чай с беляками преспокойненько распивает. Ты, дуралей, не только себя, но и Чапая под трибунал готов подвести, всю дивизию способен из-за каких-то бабских капризов в два счета подставить. Тебе что же, Анкина юбка дороже воинской чести боевых товарищей? Может ты и знамя дивизии на какую-нибудь золотую цацку махнешь? Давай, атакуй приступом штаб, тащи своему беляку боевое знамя, обогрешенное кровью погибших героев, наших с тобой однополчан.

– Ну какой из него беляк, – начал со всей непосредственностью защищаться ординарец, внешним видом не проявляя никаких признаков беспокойства. – Это же Митька, брательник мой двоюродный. Я же никогда не скрывал своего к нему отношения, Василий Иванович. Кабы не больная мамаша на его холостяцких руках, он давно бы к нам в дивизию перебег. И потом кони у капелевцев больно уж ладные, Митька не может без заработков оставаться. Вы думаете, ваш вороной Вулкан, гордость дивизии, откуда в штабной конюшне по весне оказался? Брательника заслуга, по моей просьбе, как для себя самого подобрал.

У командира, после нечаянного откровения ординарца, в приступе гнева затрясся подбородок, бешеной кровью начали наливаться и без того огневые глаза. Он даже привстал над скамейкой, как готовый к атаке коршун.

– Так ты, что же подлец, выходит Чапая белогвардейскую

кобылу подсунул. То-то вижу, она к офицерским аллюрам приучена. Да я с тебя за такую подлянку шкуру спущу, не посмотрю даже на боевые ранения. Вот тебе бабушка и Юрьев день, вот и оказался Чапай в окружении контры, не надо даже никаких войсковых операций.

– Добрый конь, командир, у него под хвостом белое знамя не намалевано, – ничуть не смущаясь приступов неподдельного гнева парировал Петька. – Службу исправно несет, копытами огонь вышибает. Навряд ли и Фрунзе таким скакуном перед вами похвалится. Я только не совсем понимаю, мы будем сейчас с трофейным конем или с золотым перстеньком разбираться?

– Со всем разберемся, не дрейфь, – пообещал несколько уgomонившись, оседающий на скамейку комдив. – Давай рассказывай, для чего и каким манером завладел побрякушкой на вражеской стороне?

– Скажите, Василий Иванович, разве я не имею права своей невесте свадебный подарок добыть? – в свою очередь поставил вопрос ординарец. – Или прикажете ей под венец в красную косынку от товарища Фурманова вырядиться? За нашими девками и так скоро начнут бугаи по деревне гоняться, всю дивизию красными тряпками занавесили, живем, как на ярмарке. Надоело, командир, должна же быть хоть какая-то нормальная, человеческая жизнь. У меня от крови багряной, кошмары по ночам приключаются, только красных платков на жене для полного счастья под зарез не хватает.

Чапаев нервно выскочил из-за стола, пнул сапогом некстати подвернувшуюся собачонку и вплотную подошел к сидящему на скамье ординарцу. Тяжело, очень недобро посмотрел ему в глаза и негромко процедил сквозь зубы.

– Ты, недотепа, Фурманова не тревожь, попридержи копыта, схорони язык за зубами, в контрразведке таким губошлепам лихо рога заворачивают. И запомни, красный цвет, это багряное знамя нашего пролетарского гнева, нашей революционной кровушки. Ничего худого с твоей Анкой не сделается, если под венец в красную косынку советской невесты вырядится. Кому, как ни

вам, ближайшим помощникам командира, подавать молодым бойцам пример пролетарского супружества, устремленного в революцию. Чай не великая барыня, за будь здоров может и без золотых бубенцов обойтись, не за ради них мы жизни свои в бою не щадим, не для этого революцию мировую затеяли.

В незавидном положении оказался бедолага Кашкет, невольно оказавшийся свидетелем самой настоящей политической сварки. По правилам революционного жанра следовало хотя бы кивать головой, в знак солидарности с патриотической речью комдива, но Петькин тяжелый кулак, начинавший заметно сжиматься на дубовой столешнице, не очень способствовал проявлению большевистских убеждений.

– На счет барыни, это, как для кого, – не сдавался настырный ординарец, – а для меня Аннушка самая первая царица и есть, королева ни с кем несравненная. Имей на то власть, все сокровища мира, не раздумывая, высыпал бы к ее точеным ногам, и все равно оказалось бы мало. Вы или не были молоды, или не любили никогда, Василий Иванович? Да нет для меня в целом свете женщины драгоценней, желанней чем Аннушка и почему это я не имею права подарить ей по случаю свадьбы золотое колечко? Как хотите, так и понимайте, готов пойти на любой трибунал, не сбегу, без страха понесу наказание.

Петька неожиданно для себя самого вспомнил, как еще в школе, уважаемая всеми учительница рассказывала про влюбленных Ромео с Джульеттой и какое это наслаждение – умереть за большую любовь. Ему даже самому захотелось, чтобы его расстреляли, но обязательно в жарки объятиях Анки и чтобы долго потом можно было смотреть, как она рыдает, как сокрушается над его бездыханным телом и в отчаянии отправляется следом за ним. Правда, куда отправляется не совсем было понятно.

– Может ты и прав, черт тебя знает, – засомневался комдив, – может мы и воюем за то, чтобы могли своим любимым самые дорогие подарки дарить. Только не надо мне пудрить мозги, я пока еще в состоянии видеть разницу между бараньими

яйцами и северным сиянием. Одно дело подарки любимым преподносить, другое дело с противником в дружбе якшаться. Если каждый начнет между белыми и красными прыгать, по своему усмотрению на чай к кому попадая вечерком заходить, это ж какая армия у революции окажется? Мы люди военные, присягу перед красным знаменем дали, не для того чтобы анархию в дивизии разводить, война таких клоунов быстро приструнивает. Наказание понесешь по всей строгости, чтобы впредь неповадно было. Я умею быть добрым товарищем, но и командиром строгим не забываю перед революцией быть. Ты приходи ко мне в ночь за полночь, с радостью, с любой нуждой приходи, последнюю рубаху сниму, из любой беды вызволю. А вот если супротив присяги пойдешь – не пощажу

Самым крупным специалистом по части золотых и серебряных дел, среди красноармейцев, заслуженно считался проныра Кашкет. Вокруг него, как мухи вокруг варенья, постоянно крутились какие-нибудь дорогие вещички. Однажды, в отбитом у беляков офицерском обозе, Чапаевский денщик откопал старый валенок, доверху набитый ювелирными украшениями. То был знатный трофей, в награду за который сам товарищ Фрунзе подогнал в пулеметную роту три новеньких, еще ни разу не бывших в употреблении «максима» и пару чистокровных донских рысаков. Кони, признаться, каким-то загадочным образом, по-шустренькому слиняли с конюшни. Главный лошадиный доктор, кавалер бесконечных заслуг перед знаменем революции, некто Коценбаум Александр Соломонович, не уставал повторять, что зверюги обожрались некачественной соломой и в одночасье скопытились от сильного вздутия. Однако не знающие устали красавцы-пулеметы и по сей день исправно несли военную службу. После истории с обозным валенком, малая толика золотишка все-таки просочилась в ряды красноармейцев. Время от времени то один, то другой однополчанин выставлял на продажу или обмен дорогие безделицы. Денщик, несмотря на голодное военное время, заметно округлился мордой и сделался еще больше ленив и беспечен.

Когда страсти за центральным пеньком чуток поутихли, доблестные стражи революции все-таки принялись за утренний чай. Василий Иванович, перекатывая в ладонях горячую кружку, несколько раз не удержался и взглянул на злополучное золотое колечко, лучистым сверканием деликатно украшавшее Петькин мизиничный палец. Неожиданно Чапай резко отставил недопитую кружку и предложил потягивающему липовый взвар ординарцу.

– Покажи Кашкету невестин подарок, пускай разберется, он хоть скольконибудь заслужил твоих неприятностей. По мне, и дюжиной таких перстеньков не перекроешь позор, не сможешь смягчить неизбежное наказание.

Враз преобразившийся корифей золотых и серебряных дел, все еще пряча škодливый глаз, по деловому принял из Петькиных тяжелых ручищ искрящийся драгоценным сиянием золотой перстенок. Денщик с важным видом заправского профессионала испытал изделие на вес, сначала в одной, потом в другой руке и одобрительно кивнул головой. Долго и медленно, большей частью для пущей важности, вертел колечко со всех сторон, то приближая, то удаляя от глаз. Порой с таинственным видом отводил взгляд в сторону и, наконец, вернул изделие законному владельцу.

– Чего тянешь, дубина, докладывай, – вспыхнул от нетерпения комдив.

Кашкет не теряя достоинства крупного специалиста, сделал несколько мелких глотков горячего взвара, как оказалось только для того, чтобы потрепать по спинке, вертящуюся у ног блохастую псину. После чего, еще для важности поразмышляв о чем то своем, ухмыльнулся и, обращаясь непосредственно к командиру, огласил свой непреклонный вердикт.

– Так себе вещица, Василий Иванович, она хоть и золотая, но стеклярус цены невысокой. Больно на американские фортели смахивает, мне не раз попадались такие штуковины. Не желаю никого обидеть, но по правде говоря, гораздо полезней было бы гранаты для военных баталий в дивизии сохранить.

У Чапая от результатов экспертизы майским днем заиграло на сердце. Нет слов, жалко, конечно, разрывных трофейных гранат, но все же это гораздо лучше, нежели бы в пользу Петьки сложилась удача. Он всегда тайно и ревностно завидовал сорвиголовому ординарцу и теперь едва сдерживал желание выразить нахлынувшее чувство душевного удовлетворения. Завидовал его молодости и, что греха таить, был очень неравнодушен к пылкой красавице Анке. Будь он хоть чуток по-моложе, да не имей на руках законной жены, ни за что не уступил бы сопернику молодуху.

Петька скорчил недовольную физиономию, подбросил золотой перстенок на ладони словно орлянку и беззаботно опустил в верхний карман гимнастерки. Так же спокойно допил липовый взвар и остатки небрежно выплеснул через плечо. Его мучил один только нерешенный вопрос: «Следует ли рассказывать командиру захватывающую историю обретения дорогого колечка, или скрыть от греха подальше. Все-таки, что ни говори, но вещица с фантастической биографией, за такой, если молва просочится, по всему свету гоняться будут, вместе с рукой оторвут. Не Кашкету, гаденышу, сопли размазывать о моем трофее, даже не подозревает скотина, что за ценность побывала в его шаромыжных руках». И ординарец, не терпящем возражения тоном, с презрением огласил свой контр вердикт:

– Много понимаешь, ишак, тебе только кобылам в зубы заглядывать, да под хвостом у них золотые червонцы искать. Неужели вы всерьез доверяете этому фармазону, Василий Иванович? Он же в ювелирных делах такой же великий специалист, как я в китайской грамматике. Ничего, дайте срок, уж я то не поленюсь, натаскаю доморощенного стукача в сокровищах разбираться, на всю жизнь за чужой спиной не схоронится, а память у меня крепкая, еще поквитаемся.

– И чего ты, дуралей, ерепенишься, я денщику доверяю всецело, – выступил на защиту Кашкета повеселевший Чапай и даже дружески похлопал по плечу ординарца. – Он в этом деле толк понимает, разве забыл, кто пудовый клад в отбитом

белогвардейском обозе разворошил. Для всех это был просто валенок, а Кашкет, не будь дураком, сразу просек, в чем секрет и обнаружил вражеский схрон. Тебе бы самому у него натаскаться, тогда глядишь, в следующий раз половчее окажешься. Сердцем чую, придется обратно к беляку за гранатами отправляться. Мало того, что военную присягу нарушил, еще и в дураках оказался. Продул по всем фронтам противнику, все позиции просвистал. Видно зря при себе в ординарцах держу, так можно и до конюха дослужиться. Говорю же, теряю друзей не только в бою, и от этого очень досадно.

Василий Иванович, сидя на скамейке, нарочито картинно закачался от досады, на лице его выразилось горестное чувство. Он взял в обе руки неотлучный бинокль и принялся рассматривать верхушки дальних сосен, как бы давая понять, что одиноко ему сделалось в этой недостойной компании.

– Не продул, Василий Иванович, вы что же, во мне сомневаетесь? – отреагировал на отчуждение комдива уязвленный по самолюбию ординарец. – Не хотелось говорить при этом ишаке, но откроюсь. Говорю, как на духу, золотое колечко это, в свое время царским барышням принадлежало, тем самым, которых большевики в Ипатьевском подвальчике порешили. О настоящей цене этой штуковины не Кашкету судить, бьюсь об заклад, подороже всего его трофейного валенка будет. Вы эту шкуру не больно и слушайте, ведь я до поры молчу про обозный трофей, еще надо посмотреть, кого первым под трибунал подвести полагается. Ряшку такую отъел, что на тачанке за неделю не объедешь, знаю ведь, на какие деньги жировать приспособился.

Кашкет, после всего услышанного, даже чаем слегка поперхнулся. В истории с обозным трофеем, рыло его крепко обвалилось в пуху, но ведь и Петьке кое-что перепало. Две золотые чайные ложечки, как с пенька, отвалили ординарцу, не считая денежных постоянных услуг. И все же более всего огорошило упоминание о царском трофее. Про вырученные бриллианты, после расстрела царской семьи в Ипатьевском

подвальчике, слухи до него, естественно, кое-какие доходили. Однако предположить, что вот так ненароком выпадет удача держать их в собственных руках, не мог позволить себе даже в самых смелых фантазиях. Тем более пойди разберись, сколько должно стоить снятое с венценосного пальчика золотое колечко.

– Петро Парамонович, не обессудьте, дозвоьте еще разок подержать в руках золотое колечко, – беспокойно засуетился Кашкет. – Может я второпях чего не приметил, дело ведь тонкое, требует большого внимания. Вам всегда так не терпится, что нет никакой возможности сосредоточиться, вникнуть спокойно, прицениться по-настоящему. Царские ценности – это же мой профиль, никто лучше меня не проведет экспертизу, зуб даю, надежней швейцарских банков сработаю.

– Я если разок подчекрыжу твой профиль, на всю жизнь мацать в руках царское золотишко заморишься. – Убедительно, очень доходчиво предостерег ординарец. – Только раскрой где-нибудь рот, живьем закопаю и Карл Маркс не поможет. Так что для верности, язык свой засунь куда следует, и сопи в обе дырочки.

Василий Иванович не первый день знал прямой, бесхитростный Петькин норов и железно понимал, что тот трепаться понапрасну не станет. Можно было не сомневаться без всяких расспросов, что с колечком действительно связана непростая история и ценность оно имеет не малую. Поэтому комдив молча принял для себя единственно верное решение, непременно вмешаться и расплести этот загадочный ребус. Но для начала достал из кармана галифе расшитый мелким бисером кисет, не торопясь, прокуренными пальцами завернул козью ногу, сам задымил и предложил угощаться товарищам. Петька не соблазнился дорогим командирским табачком, сославшись на бессонную ночь и неважное настроение. Предлагать табачок два раза Кашкету, разумеется, никому не пришлось. Он проворно соорудил самокрутку, величиной с хороший огурец, в которую вместились почти полкисета духмянного табака, и зачадил как могучий Везувий.

– Ты брехать-то брещи, да не заговаривайся, – начал провоцировать ординарца комдив. – Года еще не прошло, как набаламутил с продажей кобылицы генерала Деникина, всю пулеметную роту на уши поставил. Никаких уроков для себя не извлек, не покаялся, новую комедию с громкими именами начинаешь разыгрывать. Только я тебе не придурковатый калмык с пулеметной конюшни, враз осажу, напрочь забудешь не только про перстень, но и про шнурки царских барышень. Ты аль взаправду свою Анку царевной объявить вознамерился, совсем от любви одурел. Может и себе императорскую корону, в кузнице у Алексея Игнатьевича вечером забабахаешь. Советую тебе почаще спускаться на озеро, остужать свою жаркую голову, не ровен час на корню запылает она.

Петьке сделалось невероятно досадно. Он не обиделся, когда шаромыга Кашкет обмишурился с золотым перстеньком и не признал в нем дорогую вещицу. Но совсем не по делу засомневался Чапай в чистосердечно раскрытой истории, обидно было выслушивать унизительное недоверие любимого командира. К тому же, приплел для чего-то кобылу Деникина, которую ради хохмы за пару царских червонцев впарил растяпе конюху из пулеметной роты, может даже и калмыку, кто его знает. Так ведь сам потом и признался комдиву, что для юмора приплел генеральскую масть. Здесь же совсем другой коленкор. Перстенок этот, рубль за сто, на пальчики дочери царской нанизан действительно был. Дорогушая вещь, здесь нет никакого сомнения и нет ничего плохого, что теперь она достойно украсит Анкину ручку. Чем не царица, скажите на милость, особенно когда по белякам из пулемета строчить принимается.

– Ей Богу, Василий Иванович, – преданно присягнул командиру Петька и рванул непроизвольно ворот гимнастерки, обнажив густо поросшую рыжей курчавиной грудь. – Мы с брательником и не такие дела проворачивали. Если он поставил на обмен золотую вещицу, гарантируя царское происхождение, можно принимать без всяких сомнений. В нашем роду своих надувать не положено, за это крепко умеют наказывать. Я про

его подвиги знаю много чего, стоит только капелевцам на ушко шепнуть, свои же офицеры к стенке поставят. Не вчера на свет народился. Братан у меня в таком капкане сидит, что баловаться ни за какие коврижки не станет.

– Ты давай не бузи, – потребовал Чапай, – толком рассказывай, все по порядку. Откуда взялось это кольцо, как к беляку попало, и причем здесь царские барышни? Что ты за человек такой, вечно в какую-нибудь кучу навозную без приглашения вляпаешься. Дело, скажу, не шутейное, болтаешь языком что ни попадя, совсем башкой соображать не желаешь. А ну как в штабе у Фрунзе дознаются про геройства твои, да про царские украшения, нам здесь всем контрразведка такой подвальчик устроит, что Ипатьевский сладким раем покажется. Не примут в расчет ни твои, ни мои ордена, не посмотрят даже на боевые ранения.

После наметившейся перспективы Ипатьевского подвальчика, ординарец заметно потух, быстро сообразил, что последствия могут возникнуть самые мрачные. Он подтащил к себе бисером расшитый кисет, достал из кармана собственную осьмушку газетной бумаги и неспешно завернул козью ногу. После первых затяжек, по телу прокатилась успокоительная блажь, принесшая некоторое душевное равновесие и Петька начал покорно колотиться.

– Что тут долго рассказывать, – в святой простоте развел руками бесхитростный воин, – обыкновенная фортуна, масть поперла. Колечко царское Митька потащил у недавно казненного комиссара, который принимал личное участие в расстреле императорской семьи. Братан мой, слово даю, в пленного комиссара не стрелял, его белые офицеришки порешили. Митьке пришлось только продырявленное тело закапывать и, понятное дело, приглянул для себя кожаный пиджачок. Он, дурак, чуть было эту тужурку на ведро молодой картошки у знакомого мужика не сменял, но седло решил обновить, вот кожа в срочном порядке и понадобилась. Распорол штыком от винтовки подкладку, а из под нее золотишко посыпалось. По

всему видно, много чего интересного было на барышнях царских навешано, полюблили, бесспорно, молодые девицы матушку Русь. Братан под секретом показывал мне золотой образок двухсторонний. С одного боку Богородица эмалью нарисована, с другого – счастливая царская дочь улыбается. Окажись на руках у меня еще пара обменных гранат, вместе с кольцом и золотой образок прихватил бы. Митька обещал обождать, придержать до поры по-братски иконку. После боя поправлюсь с трофеями и, глядишь, махну через фронт за обменом. Царевну спилю, а Богородицу пускай Аннушка на душе своей носит, на войне пригодится, от пули лишний раз в бою сбережет. Оно понадежней Фурмановских красных косынок окажется. Хотя перед большевистским наганом, в Ипатьевском подвальчике, тонка кишка у Богородицы оказалась.

История, которую поведал однополчанам Петька, произвела должное впечатление. Уже никто не сомневался, что перстенок этот действительно царского происхождения и цена ему, понятное дело, даже представить трудно какая немалая. Некоторые вопросы, конечно, возникали в заначках души, в связи с жестоким расстрелом законной его обладательницы, но как говорится «бабушка с возу, а мы с песнями дальше поехали».

– Дай-ка я сам посмотрю на штуковину эту, – после некоторой паузы деловым, рассудительным тоном потребовал Василий Иванович. Лицо Чапая при этом сделалось до смешного серьезным, ну просто вылитый Фаберже в барашковой папаше.

Он дождался, когда ординарец извлечет из верхнего кармана своей гимнастерки царское колечко и бережно принял в заметно дрожащие руки золотое, с сверкающим камнем дамское украшение. Так же, как и все многоопытные люди, Чапаев попробовал в руке на вес ювелирное изделие, кивком головы выразил полное удовлетворение, покрутил со всех сторон и посмотрел на свет для солидности. Несколько раз по-кашкетовски, то приближал, то удалял колечко от глаз, но, положив руку на сердце, не обнаружил в нем никаких внешних признаков царского достоинства. «Баловство, оно и

есть баловство, – молча заключил про себя комдив, – у моей супружницы побрякушка ничуть не хуже на пальчик нанизана» Единственная, заслуживающая серьезного внимания мысль, посетившая во время осмотра трофея, состояла лишь в том, что Анке, пожалуй, не следует носить перстенок, снятый с руки убиенной барышни. Как ни ряди, но мародерство больно уж грязное дело и завсегда наказуемое. Навряд ли это жуткое приключение с царским колечком ограничится расстрелом одной только императорской семейки и порешенным белогвардейцами комиссаром, такая ниточка не потеряется. О чем тут же, без всяких лукавых затей, поведал своему фавориту.

– Честно скажу, Петька, не нравится мне вся эта канитель, имею предчувствие, если не сказать опасение, что добром здесь дело не кончится. Не хорошо, что золотое кольцо с безвинно или пусть по заслугам убиенной барышни снято. Смерть, она метки черные ставит, за расстрелянным комиссаром обязательно кто-то следом пристроится. Наши деды, хотя и приносили добычу с войны, но сами никогда ее на себя не напяливали, плохой приметой считалось. Так что радоваться особенно нечему. Никогда не знаешь, где найдешь, а где потеряешь. Бывает, что иной раз лучше по доброй воле отказаться от свалившегося на голову приобретения, чем потом разделять чью-то горькую долю.

Положа руку на сердце, все опасения, приведенные прошедшим суровую военную школу комдивом, так или иначе, озадачивали молодого ординарца. Он и сам хорошо понимал, что негоже возиться с барахлишком казенных. Одно дело, гибель воина на поле сражений, но совсем иная закуска, когда гибель человека под стеночкой. Здесь могут завязаться такие проклятия, что потом никакими страданиями, тьмою загубленных душ не искупятся. И еще не известно, сколько горя людского, сколько кровушки отвориться после той живодерни, что завязалась в Ипатьевском хмуром подвальчике.

– Я вот как считаю, – сделал свое заключение после некоторых размышлений комдив. – Правильно будет, если

вы почаевничаете здесь без меня, а я к озеру до ветру схожу, обдумаю наедине все по порядку. В таких делах не следует к чертям на рога торопиться. А ты носа не вешай, – ободрил Чапай приунывшего ординарца, – и не смей, повторяю, приниматься учить денщика ремеслу золотарному. Чтобы мне потом не пришлось тебя самого в ювелирного эксперта, из геройского ординарца перекраивать.

Василий Иванович, лениво ломаясь, поднялся из-за стола и так же лениво продемонстрировал боевым товарищам «потягушки». Потом примерил на мизинец левой руки мелкое дамское колечко, ухмыльнулся и для чего-то принялся рассматривать его в перевернутый бинокль. Долго и внимательно вникал в удаленный оптическим агрегатом предмет, наконец, резко, как будто решил для себя что-то очень важное, отстранил окуляры и со словами «не балуйте здесь без меня» и с очень загадочной физиономией, торопливо направлялся по натопанной тропе к синему озеру. Вездесущая собачонка, труся дробной кавалерийской рысцой, увязалась было за ним, но Кашкет предусмотрительно возвернул ее легким похлопыванием ладошки о собственную коленку.

Не раз и не два вспоминал потом комдив, как, спускаясь по крутому береговому откосу, он неожиданно ощутил небывалую легкость, как будто невидимые ангелы закружили его на крылах своих. До сладострастия захотелось увлечься этим дивным кружением, ощутить невесомость и податься в манящую, безбрежную даль. Возникло приятное осознание, что он готов, что жаждет плотского перевоплощения, очарованный легкостью ангельского парения. Буквально волевым, сабельным махом он вырвал себя из стихии потустороннего наваждения и тяжело присел на заветную ольховую корягу, у самой кромки воды. При этом две скусающие жабы, быть может душевно проводившие время на первом в своей жизни любовном свидании, шархнулись в разные стороны. «Вот так, наверное, умирают или сходят сума», – подумал изрядно перепуганный Чапай. И еще подумал, что это скорее всего одно и то же.

Комдив извлек из просторного кармана габардиновых

галифе мобильный телефон, вместе с глаженным носовым платком, немного переведя дух обтер им лицо и на какое-то время замешкался в нерешительности. С досадой почесал затылок, потрогал себя за усы и принялся рассматривать серебряные кнопки на полированной телефонной трубке. Необходимость обратиться за помощью к Создателю, за столом не вызвала ни малейшего сомнения. Только Он мог безошибочно установить подлинность Петькиного трофея и дать дельный совет, как поступить с золотым перстеньком, без рискованных последствий. Теперь же, сидя на ольховой коряге, начали наваливаться всякого рода сомнения. Ведь у Всевышнего запросто могло сложиться ложное впечатление, будто дивизия не за пролетарское дело отчаянно борется, а втихую промышляет бандитским разбоем, золотишко по собственным карманам распахивает. «Впрочем, наверняка Он все уже знает», – по здравом размышлении заключил Чапай и твердо набрал известный лишь ему таинственный девятизначный номер.

Фактически еще не были нажаты последние четверки, как в трубке с готовностью, по-деловому ответили. Создатель без всяких предварительных расспросов, со старта обрадовал. Извольте знать, но к этому невозможно привыкнуть.

– Я, Василий, в чужих сокровищах не разбираюсь и по счастью, сколько помню, никогда не стремился к ним. Должен тебя разочаровать, на небесах несколько иные, более скромные представления о вечных ценностях, они вовсе не связаны с железяками и камнями. Не раз уже говорил тебе, что все самое драгоценное находится в самом человеке, но вы ведь не желаете соглашаться с этим, обманываете себя, постоянно выдумываете богатства какие-то смехотворные. Это от того, что к вашим богатствам путь соблазнительно легок, что называется, съехал под горку и ты уже в дамках. Тяжела, невероятно бугриста дорога, друг мой, к сокровищам, сокрытым в каждом из вас. А те стяжатели доблести, которые с дерзновением преодолевают сей крестный маршрут, воистину делают как боги, они по праву занимают свое место в наших первых рядах.

– Опять Вы принимаетесь лапшой меня потчевать, – искренне за сокрушался раздосадованный Василий Иванович, – с Вами же невозможно нормально беседовать. – Вот не припомню, Карлом Марксом клянусь, чтобы я когда-нибудь тосковал по безмерным богатствам, поэтому для чего же упрекать меня в несуществующих слабостях. Готов признать, что не всегда добросовестно соблюдал Божьи заповеди, но гоняться по фронтам за бабскими украшениями, мне и в голову никогда не пришло бы. Вы же сами прекрасно знаете, что у моих однополчан возникло серьезное подозрение, будто одетый на мой мизинец золотой перстенок некогда принадлежал дочери Николая Второго, не так давно казненного большевиками, вместе со всей семьей, в тихом подвальчике. Хотелось бы знать Ваше мнение, – действительно ли колечко принадлежало царской семье и, главное, как теперь поступать с ним по совести?

– Ты, Василий, побудь минутку- другую на связи, не выключай телефон, мне необходимо срочно сделать кое-какие распоряжения, – не скрывая торопливости предложил Создатель.

А в трубке, между тем, неожиданно запел грудным задушевым басом Федор Шаляпин, затянул покорившую весь белый свет «Дубинушку».

Оставшись наедине, всеми покинутый, Чапай начал в сердцах сокрушаться, что по доброй воле впутался в эту, как теперь представлялось, дурацкую историю. Ему, конечно же, не следовало столь безрассудно затевать совершенно бестолковое разбирательство и тем более не следовало тревожить Всевышнего. В конце концов, эта бодяга с царским колечком касается одного только ординарца, пускай и сам выгребают, если удастся. Собственных проблем, не терпящих безотлагательных решений, полная пазуха, а вынужден принимать на себя чужие заботы.

Между тем, Всевышний не замедлил, не прошло и полминуты, как в трубке послышался Его мягкий, баритоновый голос.

– Если бы ты, Василий, гонялся за чужими сокровищами,

мы бы с тобой никогда не созванивались, рассуди непредвзято и постарайся понять меня правильно. Ты знаешь, вот эти две жабы, напуганные недавно тобой, часто бывают счастливее многих твоих соплеменников и только потому, что им ничего не известно про ваши никчемные ценности и сомнительные, ох как сомнительные достижения. Не перестаю удивляться, вы даже сказочной царевне лягушке золотую корону на башку приторочили. И пожалуйста, перестань трепаться, ухлопали ни в чем неповинную девушку и теперь начинаете из ее личных вещей раздувать богатство немыслимое. Такое колечко порядочному человеку и в руки брать стыдно должно быть. Ничего кроме сожаления, в моем разумении эта история не вызывает. Я, тем не менее, только что сделал кое какие запросы, обожди самую малость и узнаешь мое окончательное ко всему отношение.

Создатель опять растворился в эфире, а Василий Иванович нутром ощутил, что ничем хорошим этот балаган не закончится. Принятое решение непременно окажется каким-нибудь каверзным, явит собою неизбежную расплату за содеянную оплошность. Ждать пришлось довольно долго, но вот в трубке опять послышался знакомый баритоновый речитатив.

– Может тебя это удивит, дорогой мой дружище, но коль ты искренне горишь благородным желанием досконально разобраться с царским золотым перстеньком, а за одно, полагаю, и с вашей любимой пролетарской революцией, с радостью иду на подмогу. В этой связи обязуюсь организовать тебе личную встречу с самим императором Николаем Романовым. Посидите мирно за чарочкой, душу друг другу откроете, наверняка возникнет немало взаимных вопросов. Заодно и настоящую цену перстеньку установишь, не сомневаюсь, что и распорядишься колечком по совести.

После этого, прямо таки сумасбродного оповещения, Василий Иванович не на шутку разволновался, не только спина, но и пятки взопрели. Неужели Всевышний настолько осерчал, что решился отправить его в расход, устроить свидание с Николаем Вторым на том свете. Перспектива подобного randevu, даже при сквозном

черепном ранении, едва ли могла прийти Чапаеву в голову. Не напрасно чуяло сердце, что дело одним только приставленным к стенке комиссаром не ограничится. Откровенно говоря, не ожидал такой засады от небесного, как вроде бы представлялся, попечителя.

– Должен признаться, Отче наш, что мне и здесь пока еще не надоело, – включил потихонечку заднюю, невероятными усилиями сохраняющий спокойствие Чапай. – Я за чужими спинами от смерти никогда не таился, готов нести перед Вами любую ответственность за полную жизнь, но много осталось всяких дел неоконченных. С беляками следует до конца по квитаться, безбедное будущее для всего личного состава, как обещал, обеспечить. Задумано много чего, разве все перечтешь, и детишек неплохо бы еще заиметь, вырастить, на ноги поставить и больно внуков дожидаться мне хочется. Может пусть пока обождет, пусть не торопится убиенный ваш царь Николай. Время придет, обязательно свидимся, а с перстеньком и без него разберусь, мне оно не больно и надо-то, все одно, что лошади зеркало.

В телефонной трубке отчетливо слышалось, что у Создателя включена параллельная связь, такое впечатление, будто Он разговаривает с другим абонентом еще и по межгороду. Хорошо было слышно, как Отец наш небесный потянул из блюда несколько глотков горячего чая, глубоко прокашлялся и не допускающим возражения тоном объявил красному командиру свой непреклонный вердикт.

– Имей в виду, что царь Николай никакой не наш император, но только и исключительно ваш, не следует беспечно швыряться своими кумирами. И в расход, ты, пожалуйста, это хорошенько запомни, мы никогда никого не пускаем. Вы с подобными нежностями и без нас успешно справляетесь, кого угодно научите, самого сатану без лишних усилий перещеголяете. И вот тебе мое твердое решение. Встречу организую сегодня же, без всяких ожиданий и проволочек. Вечером, как только смеркается, к вам в Разлив обыкновенным образом прибудет

на ужин великий князь Николай Романов. Вы уж примите его со всей русской щедростью, не уроните чести славянского гостеприимства. Как знать, как знать, быть может и он когда-нибудь отблагодарит тебя своим теплым радушием. А чтобы дружеская встреча удалась с полным блеском, пришлю за компанию с ним известного народовольца, отчаянного студента Александра Ульянова. Того самого, что бомбы мастерил, для метания в Александра Третьего, в драгоценного батеньку последнего императора. Они давненько мечтают в душе познакомиться, объясниться друг с дружкой, почему бы не доставить им приятного удовольствия. Нескучно, обещаю, сложится нынешний вечер в Разливе. Рассчитываю, что по вашим правилам, еще и магарыч выставишь Мне, за такое редчайшее наслаждение.

Еще больше разволновался Василий Иванович, еще жарче взопрела спина, как сабля в ножнах забряцали зубы. Проще было вообразить себя порубанным шашкой в бою, нежели представить эту дикую встречу с черти как воскресшими персонажами. Каким макарон следует принимать и о чем можно говорить с убиенным царем, да с удушенным братом самого вождя мирового пролетариата? Познакомиться с Александром Ульяновым, перспектива, некоторым образом, заманчивая, ведь это же родной брат товарища Ленина. Но тогда вечерний прием будет иметь вполне политический резонанс и он не может, не должен состояться без Фурманова. Иначе все будет выглядеть как недружественное посягательство на его непосредственные комиссарские полномочия. И опять упираешься в задницу, ведь ни под каким видом нельзя посвящать комиссара в свои тайные связи с Создателем. Стуканет громче дятла, засранец, в штабе армии контрразведка мигом подключится, сплетни потянутся, кривотолки, вся жизнь пойдет кувырком.

– Не переживай, Василий, с такими гостями не бывает много хлопот, – принялся утешать Создатель. – Это все господа образованные, при хороших манерах, они сами придумают, о чем и как побеседовать, сквернословить не станут и покинут

вас на английский манер. Между прочим, я и не подозревал, что в связях с Создателем есть что-то постыдное, требующее скрытности, а то и вовсе секретности. Если не со мной, то с кем же тогда можно дружить и общаться с открытой душой? Неужели твои комиссары вернее, надежнее того, кто сотворил целый мир и снисходительно наблюдает все ваши шалости. Как всегда, обижаешь меня, Василий. Впрочем, не привыкать, я не в претензиях. Люди редко умеют быть благодарными, всякий раз убеждаюсь в отсутствии у них милосердия, ведь и с Сыном моим поступили жестоко, объясняться за это придется серьезно. Не простое, уж поверь, предстоит объяснение. Многие пожалеют не только о том, что на свет родились, но даже и о том, что не умерли вовремя. Однако пора, впереди прорва дел неотложных. Не забывай про меня, не стесняйся, позванивай.

Никогда еще беседа с Всевышним не оканчивалась для комдива так не договорено и так неожиданно. Пусть прямо Он никакой обиды не высказал, но осталось довольно тягостное ощущение, что порядком расстроился. Да и Василия Ивановича можно понять, совмещать свои отношения одновременно с Создателем и с тем же, например, комиссаром, или просто с рядовыми однополчанами, оказывалось крайне неловко. Был Отче наш весь какой-то из себя ну совсем старомодный, Его представления о жизни безнадежно отстали от стремительно ушедшего вперед человечества и зачастую выглядели довольно абсурдно. Эти представления трудно совмещались с непреложной житейской реальностью, их прямолинейная простота, часто вступала в конфликт со сложным нынешним мироустройством. Может быть Создатель не все понимает, а может, что вернее всего, дурака нахлобучивает и мы оказываемся заложниками каких-то тайных, пока еще неизвестных для нас стратегических Его замыслов.

Оставшись один на один с веселой перспективой провести идиотский вечер в окружении воскресшего царя и не менее знаменитого бомбометателя, Василий Иванович порядком взгрустнул. Тоже ведь какая-то несусветная дикость, кому

нужны эти очные ставки, бесполезные объяснения и поиски виновных, когда события давно уже позади, и все одно ничего не изменишь. Однако отступать, как ни ряди, было некуда. Создатель своих решений никогда не меняет и в этой части надеяться на чудо не приходится. Гости обязательно заявятся, и что из этого должно получиться, Чапаев, при всей своей проницательности, не знал. Все вместе никак не прибавляло ему оптимизма.

«Дернул же меня черт ввязаться в эту дурацкую историю с Петькиным кольцом, – опять в сердцах засокрушался комдив, – уж лучше бы я не прикасался к нему и ничего не знал о его существовании. И все эта сволочь, Кашкет, с него начались неприятности, отправлю в окопы, подлеца, обязательно. Не стукани он про подвиги ординарца, не было бы никаких гостей и разборок. Верно говорил Создатель, что любая подлость обязательно влечет за собой вереницу новых проблем и нескончаемых головных болей».

Комдив с раздражением посмотрел на мизинец и к великому удивлению своему, кольца на пальце не обнаружил. Василий Иванович даже замотал головой, как свирепеющий бык, или как будто одолел полкружки матерого самогонища. Он жутковато огляделся кругом, перешарил глазами песок вблизи ольховой коряги, но и там не обнаружил пропажи. Хотя голову мог дать на отсечение, не чью-либо – свою, что буквально секунду назад, перстенок блистал на его мизинце.

«Этого мне только не доставало», – с места, без стартера, справедливым негодованием начал заводиться комдив, чуткой задницей разумея, чьими заботливыми руками совершилось это шкодливое мероприятие.

Он тут же решительно полез в карман галифе за мобильником. И надо же такому случиться, телефон на опережение, как бы в насмешку, нагло заиграл ненавистный уже «Интернационал».

– У аппарата, слушаю Вас, Отче наш, – как ни в чем не бывало, бойко отрапортовал Чапай и насторожился в ожидании очередного сюрприза.

По такому раскладу смешно было рассчитывать на что-нибудь благополучное. Однако, на всякий случай, стал краем глаза наблюдать за мизинцем, со слабой надеждой, что сейчас как-нибудь незаметно злополучный трофей вернуться на законное место.

– Про кольцо, Василий, забудь, – без всяких предисловий сообщил, как отрезал, звонивший. – Ты же сам пожелал разобраться по совести. Рассуди, положи руку на сердце, ведь это единственное, что у них от земной жизни осталось. Нельзя отбирать у людей последнюю память, у вас даже последний табачок принимать не положено. К тому же, как ты сам справедливо однажды заметил, любое преступление влечет за собой неизбежное наказание. Давай ограничимся недавно расстрелянным комиссаром, для чего пополнять этот скорбный список. Так что призываю тебя к милосердию и великодушию, и тогда ты узнаешь, что иная потерянная вещь, становится дороже любого приобретения. Постарайся не злобиться и не тревожь меня по пустякам.

На этом Создатель категорически вырубил мобильную связь.

Василий Иванович без привычного энтузиазма ретировался с ольховой коряги, постоял какое-то время в нерешительности на прибрежном песке, полон горячего желания вышвырнуть в озеро ненавистную телефонную трубку, но совладал с собой и тяжелым ходом направился к давно уже поджидавшим у командирского шалаша однополчанам. С неохотой взбираясь по береговому откосу, он невольно вспомнил воздушное кружение легкости, с которым совсем недавно спускался к озеру, и в который раз убедился, что жизнь весьма капризная девка и не всякое легко и благодушно начавшееся дело предполагает удачный исход.

По итогам своего довольно продолжительного отсутствия, Чапаю предстояло каким-то фантастическим образом преподнести ординарцу правдоподобную версию пропажи свадебного подарка. Если сейчас подойти к столу и выложить правду, что это беспардонный Всевышний умыкнул царское

колечко, откровение будет выглядеть до неприличия бессовестно. Петька ни за что не поверит и решит, что командир зажалил дорогую вещицу. Кроме прочего, ему предстояло сделать необходимые распоряжения по организации сегодняшнего идиотского ужина. Объясниться, без посвящения в свою тайную связь с Создателем, понятное дело, уже наверняка не получится. Но как преподнести эту забавную новость без признаков сумасбродства, Чапаев не представлял. Поэтому Василий Иванович рассудил отложить все разборки до вечера, с надеждой, что после визита злополучных гостей, многое должно разрешиться самим собой.

На подходе к центральному пеньку, Чапая приветствовала вертлявая собачонка, которая, радостно подвизгивая, так и норовила чиркнуть хвостом по хромовому глянцу генеральских сапог. Комдив дружелюбно присел на корточки, взял псинку на руки, погладил, пригорнул ее теплое тельце и от всей души позавидовал собачей безмятежности. В связи с чем вспомнил справедливое замечание Создателя, что иная болотная жаба бывает счастливее многих, бестолково озабоченных своею персоной людей. Подойдя вплотную к ожидавшим его в нетерпении сослуживцам, он пустил собачонку на волю и нарочито беспечно сообщил, что с царским кольцом все в порядке, оно действительно принадлежало венценосной дочурке, но есть еще один деликатный момент, о котором Петька узнает лишь вечером.

Надо заметить, что намек на какой-то деликатный момент не оказался для ординарца полным сюрпризом. Одно только необъяснимо долгое отсутствие комдива вызывало справедливое подозрение, не говоря уже о всем услышанном далее.

– Сегодня вечером, к нам в Разлив пожалуют на ужин необыкновенные гости, – многозначительно поставил на вид Василий Иванович. – Наберитесь терпения, люди придут очень почетные, они наверняка помогут разобраться с Петькиным свадебным подарком, и я полагаю, что не только с ним одним. По всему вижу, вечер обещает получиться

не скучным, принесет нам немало свежих впечатлений и неизгладимую память на будущее. В этой связи принимайте к исполнению неотложные командирские распоряжения. Денщику приказываю подготовить полную комплектацию для варки рыбацкой, по высшему классу ухи, такой, что у казаков исстари «царской» зовется, и побеспокоиться на счет доброго первача. Только не такого, каким в прошлый раз оказался, после которого у меня двое суток башку отрывало. Если меня такой гадостью почивают, представляю, каково рядовым красноармейцам приходится. А ты, Петро Парамонович, уж будь добр, приведи себя в надлежащий порядок, больно вид у тебя последнее время какой-то всегда затрапезный. Ты кто таков есть? Ты боец Красной армии, личный мой ординарец, наконец, можно сказать образцовое лицо всей дивизии. Сходил бы на озеро, что ли, побрился, помылся как следует, на нюх не переносу от бойца кобылячьего запаха. Пора, знаешь, становиться благороднее что ли, мы же за светлую, красивую жизнь ведем борьбу в огне революции.

«Интересная канитель получается, – подумал про себя ординарец, – у командира совсем чердак прохудился. Сколько мы этих благородных за штабом к стенке поставили, а теперь самим благородными сделаться сдуру советует, чтобы и нас следом, под стенкой, как кур перехлопали. Если так дальше дело покатит, наши с Чапаям дорожки и впрямь разойдутся».

– Так ведь были же в России господа благородные, Василий Иванович, – напомнил на хитром глазу отнюдь не растерявшийся ординарец, доставая из кармана галифе такой же как и у Чапая, расшитый бисером кисет. – Много было, может зря мы усердствовали, может, следовало оставить белую кость на развод хоть маленько? Хороший хозяин завсегда оставит пару холеных свиней для приплоду.

После Петькиных заявлений, за версту смердящих белогвардейщиной, глаза комдива без бинокля округлились до габаритов оптических стекол. «Час от часу не легче, – подумал про себя Чапай, – вот идиот, тянет же дураля в большую

политику, и минуты не живет спокойно, таки угодит на гачек в контрразведку».

– Ты поболтай у меня, башка бестолковая, – не замедлил осадить пустобреха Чапай, – благородные разные бывают. Мы из пролетарской и крестьянской бедноты таких защитников революции воспитаем, что царским гвардиям и не мечталось. Белые офицеришки к нашим новым лихим командирам и в денщики не сгодятся. Разве что Кашкету в подручные, самовары или сапоги начищать, – слегка юморнул, похлопывая по плечу денщика, Василий Иванович. – Вот бы возглавить тебе ансамбль балалаечников из белого офицерства, было бы где в полную мощь развернуть пролетарское дарование.

Петька, мастерски заворачивая из газетной осьмушки заготовку под «козью ногу», философски заметил:

– Трудновато будет из пролетарской бедноты по настоящему благородных командиров для революции наколбасить.

Потом, распалив не торопясь самокрутку и сделав пару глубоких затяжек, продолжил мечтательно:

– Это же каждому суконные портки подавай, рысаков дорогих, да золоченых сабель с эполетами понавешивай. Еще к французскому языку пристрасти, научи шикарно с бокалов шампанское пить, да с бабами по-кавалерскому обходиться. Денег на все это уйма потребуется, заморишься даже считать сколько. В нашем полку на кадровых сборах поручик благородный служил, так у него один только золотой портсигар дюжину тельных коров стоил. Представляете, если в Чапаевской дивизии за каждым бойцом по дюжине буренок выстроится, перед таким македонским нашествием любой противник дрогнет, без боя падет.

Не понятно, то ли в шутку, то ли всерьез вывалил на всеобщее обозрение свои отнюдь неординарные соображения посоловевший от крепкого самосада стратег.

Василий Иванович, озадачено почував затылок, с нескрываемым удивлением посмотрел на забалдевшего мечтателя, даже не предполагая в своем ординарце таких

фундаментальных знаний о военном искусстве.

– Может ты еще фалангу из озерных жаб выстроишь, шалопай македонский, – приструнил ординарца Чапай. – Прекрати балаган, нечего дурачком представляться, немедленно отправляйся в распоряжение, выполнишь боевое задание. Найдешь в пулеметной роте кашевара Арсения, закажешь от моего имени добрых харчей для вечернего застолья. Обязательно добудь свежий икорки и балычка осетрового, впрочем, не мне тебя учить, сам разберешься. А вечерком, в полной выправке, приходи вместе с Анкой в Разлив. Ихнее благородие, которое на ужин пожалует, без прислуги жрать не приучено. Пущай пособит у стола, поухаживает, повыписывает гладкой задницей перед белой дворянской костью. И это все, принимай к исполнению, как боевой командирский наказ.

Петька с готовностью вихрем поднялся из-за стола, сделал под козырек и строевым шагом поспешил к коновязи, исполнять боевое задание. В одно касание метнул свое крепкое тело на жующего сочную зелень коня, дал ему шпору и тот, сплюнув зеленую пену, галопом помчал седока.

Между тем, отсутствие золотого перстенька и сомнительные намеки на каких-то необычайных гостей, не очень веселили ординарцу душу. Подозревать комдива в крохоборстве до сегодняшнего дня не было веских причин, но ведь люди меняются, разные наступают порой времена. Тем более, что в последний месяц с Чапаем творится что-то явно неладное. Часто бывает задумчив, зачем-то уединяется и все больше ехидненько улыбается, как будто таит в себе что-то. В любом случае, если зажилит колечко, ни за что не спущу, обязательно поквитаться. То ли коня, то ли шашку упру среди ночи. Я ему не Кашкет, не привык в дураках оставаться.

Вот в таком боевом настроении, Чапаевский любимец проследовал в распоряжение победоносной дивизии.

Глава третья

Читателю, дабы свободно ориентироваться в оперативной обстановке, полагается знать, что легендарная Чапаевская дивизия, в которой выпала редкая удача нести почетную службу красноармейцу Чаплыгину, являлась не совсем обычным армейским формированием. Дивизия, разумеется, была ударной революционной группировкой и принимала активнейшее участие во всех фронтовых баталиях, но она еще была и особого рода учебно-тренировочной базой, на которой верховное командование отрабатывало самые перспективные заделы пытливой стратегической мысли. В полках без усталости отрабатывались прогрессивные новшества, помогавшие поднимать боевой дух и военно-патриотическую выучку всего личного состава. И это наряду с настойчивым освоением секретных образцов военного оружия, небывалой поражающей мощности. В самом штабе дивизии ни на минуту не затихал широкий поиск свежих идей, способных отвечать задачам революции. Любой штабной писарь пребывал в постоянной готовности выдавать на гора фантастические проекты, в сравнении с которыми все старые военные доктрины отступали на задний план, выглядели убого и беспомощно.

Чего стоила одна только грандиозная программа, развернутая на базе второй экспериментальной конюшни, под руководством известнейшего селекционера-новатора Розенблада Моисея Христофоровича. Исследователи, что называется, со дня на

день ожидали появления на свет уникального потомства из-под кауры красавицы Насти, которое должно будет положить начало элитной породы длиннотуловищных боевых рысаков с багряными хвостами и гривами. На хребтинах этих знатных чудо-коней свободно сможет размещаться от четырех до семи хорошо вооруженных красных всадников. Предполагалось на крупах несокрушимых богатырей закреплять по станковому пулемету, в результате чего практически возникал безрельсовый бронепоезд, способный в глубоких тылах крушить и деморализовать любого противника. Уже композиторы написали, а духовые оркестры на память разучили специальный гимн победителей, для приветствия ожеребившейся Насти и серьезно ставился вопрос о сооружении героине при жизни бронзового изваяния.

Параллельно разрабатывались сразу две модификации ударных комплексов, для дневного и ночного ведения боевых действий с применением никелированных автомобильных фар. Некоторые сожаления вызывало досадное обстоятельство, что фар пока еще импортного производства, завезенных с империалистических фабрик до неприличия прогнившего Запада. Хотя для критических ситуаций, во время буржуйских экономических блокад, не исключалась возможность использования доморощенных керосиновых фонарей. Моисей Христофорович бесконечно гордился своим уникальным стратегическим детищем и повергал в смятение даже бывалых корифеев военного искусства. Командование в нетерпении торопило генерального конструктора, но тот был упрям, как египетский фараон и непоколебимо стоял на своем, дескать, дайте срок, мы еще утрем сопли этой белогвардейской сволочи, покажем им, где даже раки не шибко зимуют.

В непрекращающемся академическом поиске, в азарте делового соперничества, никто не хотел уступать. Поэтому в четвертой краснознаменной конюшне немедленно развернули свой интеллектуальный плацдарм, под руководством корифея недремлющей ветеринарной мысли Коценбаума Александра

Соломоновича. В обстановке строжайшей секретности, огородив конюшню тремя рядами колючей проволоки, отечественного без сомнения производства, там приступили к выведению уникальной ахалтекинской породы недюжинных боевых коней о семи ногах. Лазутчики со второй экспериментальной конюшни ухитрились под покровом ночи пробраться к тусклому оконцу денника и разглядеть под светом лампы «летучая мышь» всамделишную пятую ногу, откровенно просматривающуюся под брюхом известного всей дивизии буланого производителя Герострата. Справедливости ради надо сказать, что пятая нога пока еще не была так велика, как остальные четыре, но то, что она уже прорезалась и порой болталась, словно обрубок оглобли, видно было даже невооруженным глазом. Сам Александр Соломонович со дня на день обещался навестить в штабную кузню, чтобы там заказать триумфальную подкову на пятое копыто. Одним словом, прогрессивная жизнь в дивизии кипела, как лапша в казанах полковых кухонь.

Для совершенствования командного и рядового состава, привлекался и использовался весь положительный опыт накопленный человечеством, непосредственно от времен динозавров до залпа “Авроры” включительно. В этой связи не оказались обделенными должным вниманием даже церковные священнодействия. Известно, что в монастырях, во время принятия пострига, послушникам полагается выбирать себе новые имена, как поруку вступления в целомудренную, непорочную жизнь. Этим актом принявшие постриг послушники как бы отмежевываются от греховного прошлого и начинают жизнь, что называется, с чистого листа. Неутомимые борцы за пролетарское дело не просто подхватили эту красивую духовную традицию, но возвели ее на высшую ступень совершенства. Многие революционеры принялись энергично отказываться от наследственных родительских фамилий и присваивать себе новые, прогрессивные имена. Не один только Лев Давыдович Бронштейн в одночасье сделался Троцким, но уже половина дантистов дивизии гордо величали себя непоколебимыми

Сидоровыми. Некоторые, особенно продвинутые в локтях революционеры, даже умудрились освоить обратный обряд пришивания.

Не ведающий устал Александр Соломонович и здесь проявил небывалую находчивость, ведь некоторым приходилось по несколько раз заменять подгулявшую фамилию и тогда неоднократно вынуждены были отпаривать крайнюю плоть. Понятное дело, что святыня потихоньку истончалась, не выдерживала бесконечных перелицовок. Поэтому неутомимый новатор блестяще разработал сконструировал почти незаметную молнию, для очередного преображения. Захотел, например, сделаться Кудияровым, шморгнул замочком – получи деревня трактор. Захотел снова объявить себя Коценбаумом, шморгнул в другую сторону замочком – опять красота, только бы руки не заморились. Удобно чрезвычайно, никаких лишних хлопот, и главное, всегда находишься на самом стрелке идеологических стихий. Памятник за эту незаурядную находчивость на родине новатора ставить пока еще не осмелились, но возможность присвоения почетного звания «Дважды сюрприз пролетарской революции» активно обсуждалась на закрытых партийных конференциях.

Не всеми бойцами и не сразу с энтузиазмом воспринимались и поддерживались смелые прогрессивные начинания. Кое-кто старался продолжать жить по старинке, трусливо отрещиваясь от учения классиков марксизма. Специально для проведения в широких массах разъяснительных работ, из центра в дивизию был прислан полномочный нарочный с филигранно пристрелянным маузером и большой чернильной печатью, по фамилии Фурманов, в миру – Дмитрий Андреевич. Это был очень крупный специалист по налаживанию и обустройству человеческого счастья среди несмышленного рядового состава и, вообще, по организации строевого порядка в отдельно взятой дивизии. С первых дней своего пребывания в должности, Дмитрий Андреевич исключительно рьяно принялся за проведение глубоких экономических преобразований.

Потому что любая революция, это, прежде всего, коренная реформация общественных экономических отношений. В полном соответствии с революционным пылом нестигаемых большевиков, комиссар составил и приступил к реализации генерального плана прогрессивных реформ. План этот, в самом общем виде, сводился к затейливым конфигурациям на предмет, что у кого следует отобрать, кого облагодетельствовать, кому пообещать пронзительно светлое будущее, а кому предоставить будущее незамедлительно, за сараем, у краснокирпичной стеночки.

Грандиозные преобразования начались с того, что для бурного процветания дивизии решено было в кратчайшие сроки разбудить творческую инициативу могучей прослойки рядового состава, так сказать, подтолкнуть позитивные перемены снизу. Бойцам в этой связи рекомендовалось создавать частные и кооперативные предприятия по перелицовке хомутов и седел, и даже по пошиву ременных вожжей и уздечек. Смело предлагалось не замыкаться в малом бизнесе, а организовывать средние и даже крупные производственные мощности по изготовлению новейших образцов конской сбруи, по возможности, с блестящими заклепками, с кистями и бубенцами по всему ассортименту шорных изделий. При этом снимались любые ограничения роста, позволялось расширяться до комплексных трестов и холдингов, национальных концернов, вплоть до закрытых акционерных обществ под грифом «государственная тайна».

Люди, подхваченные ветром революционных перемен, в едином порыве освоили доходные конско-экипировальные профессии и за короткий срок настроили горы, пахнущей свежей сыромятиной, конской сбруи. Воодушевленные бойцы с утра до ночи, в полном составе со своими многодетными семьями, сидели рядом под конюшнями на камушках, высматривая голодными глазами залетного покупателя. На первых порах, особенно шустрые красноармейские женки, на всякий случай слегка подворовывали друг у дружки ходовой

товарец. Но когда окончательно убедились, что никто в дивизии покупкой конской сбруи не интересуется, махнули рукой и дружно потянулись на объездную дорогу, в поисках легкого заработка. Но и там, за отсутствием модельных кондиций и должной квалификации, фортуна показала язык мало востребованным краснокосяночным путанам, практически как на знаменитом портрете красавца Эйнштейна. Вездесущий Фурманов, словно баба-яга в ступе, метался по дивизии, бил себя по орденам и убеждал стариков, сопливых детишек и несостоявшихся жриц любовных утех, что осталось потерпеть самую малость и реформы возьмут свое, щедро отворяя рога изобилия. В целях наглядной агитации, Дмитрий Андреевич возил с собой на тачанке огромный бивень мамонта, сделанный по заказу местным краснодеревцем из ствола липового дерева. Наглядное пособие действовало безотказно успокоительно, каждый примерял на себя, как долго сможет жить припеваючи, в компании с таким исполинским кладезем изобилия.

Натурально и прославленные корифеи трудовых будней, Моисей Христофорович с Александром Соломоновичем, не щелкали почем зря ушами. Они, посоветовавшись, тихонечко приватизировали напололам все четыре дивизионные конюшни и положили называть их пролетарским научно-производственным комплексом. Здесь каждый сознательный боец, независимо от вероисповедания и партийной принадлежности, мог спокойно, за умеренную плату, получить перед боем в аренду приглянувшегося рысака. Специально, для удовольствия красноармейцев, был разработан душевный ритуал передачи во временное пользование боевого коня, под гитарный перезвон и мужественно-слезоточивое пение жеребьячьего доктора Коценбаума. Ритуал был настолько сердечным и трогательным, что некоторые, не в меру сентиментальные лошади, не совладав с собой, падали со всех четырех копыт от переживания в обморок.

Вырученные от научно-производственной деятельности деньги, все до единой копеечки, целевым образом направлялись

на развитие глобальной теоретической базы пролетарского предприятия, для успешного завершения новаторских изыскательных работ. С этой же целью, не утомимые энтузиасты, не щадя ни здоровья, ни сил, без усталости посещали заморские страны, участвовали на международных лошадиных аукционах и выставках. Выступали с научными докладами на ветеринарных коллоквиумах, одним словом, делали все возможное, чтобы качество поголовья их пролетарского комплекса ни в чем не уступало лучшим мировым стандартам.

Сам Дмитрий Андреевич, как непосредственный разработчик и вдохновитель небывалых реформ, в бурном потоке экономических новаций незаметненько соорудил закрытое акционерное общество с застенчивым наименованием «Промнавоз». Так себе, ничем особенно не выделяющееся компактное предприятие по изготовлению и реализации печного топлива. Работа на производстве была организована следующим незамысловатым образом. Регулярно, из всех полковых конюшен, а так же общественных и частных скотных дворов, по утвержденному партийным активом списку, дежурившими бойцами свозился на центральную усадьбу свежих кондиций еще тепленький навоз и складировался в гигантскую дубовую бочку. В емкости все это счастье заливалось чистой родниковой водой и, при помощи специальных удобных лопат, тщательно вымешивалось работниками до состояния необходимой технологической кондиции. Пару часов подготовленная горячая смесь выдерживалась по рецептам старинных шампанских вин и затем, по стальным трубам, проложенным глубоко под землей, готовое печное топливо прокачивалось мощными турбонасосами в соседние дивизии, где неизменно пользовалось коммерческим спросом.

Иные Чапаевцы, в простоте душевной наивно полагали, что кроме основных держателей промнавозовских акций, имена которых вспоминать и произносить вслух считалось очень дурным тоном, частью дивидендов смогут воспользоваться и рядовые красноармейцы, особенно из тех, кто круглыми сутками

ворочали деревянными лопатами в дубовой бочке. Однако доходы каким-то фантастическим образом прокачивались вместе с предметом торговли по тем же подземным трубам в соседние формирования и оседали на безымянных казначейских счетах. Комиссар только беспомощно разводил руками и клятвенно обещал на партийном собрании возвести стометровую каланчу, чтобы смотрящие дозорные тщательно отслеживали каждую пролетарскую копейку, не упуская из виду ни одного, окропленного трудовым потом революционного рубля.

Последнее время, хранящиеся в строгой секретности сведения о наличии промнавозовских финансов, не от праздного любопытства тревожили Петьку Чаплыгина. Впереди предстояли немалые свадебные расходы и он, как законный держатель акций, с надеждой рассчитывал на справедливую материальную поддержку. Женильбу отгулять мечталось такую, чтобы капелевцы остервенели от зависти и даже подумали, что это еще один штурм Зимнего предприняли озверевшие красноармейцы.

Для полноты биографии колоритной персоны Чапаевского фаворита, необходимо отметить, что Петька Чаплыгин пользовался у однополчан заслуженным почетом и уважением. Его любили за легкий нрав, за безупречное мужество и, конечно, за тесную близость к легендарному комдиву. Многие красноармейцы свои личные просьбы адресовали Василию Ивановичу непосредственно через ординарца и, как правило, Петьке удавалось добиваться положительного их разрешения. При всем этом личные отношения между Чапаевским фаворитом и забранным в кожаную тужурку комиссаром, не складывались фатальным образом. Их обоюдная неприязнь возникла немедленно, сразу же после первого знакомства, что, вообще говоря, было вполне закономерно. Слишком прямолинейно и нахраписто вел себя ординарец, при крайне деликатной и трепетной формации большевистской души товарища Фурманова. Это был тот самый классический случай, когда гусь свинье не товарищ.

Дмитрий Андреевич нюхом чуял, что ординарец сомнителен на счет верности идеалам революции и потому возмутительна была его причастность к когорте счастливых обладателей промнавозовских акций. Подобное положение, с точки зрения мировой революции, являлось вопиющей несправедливостью. Однако близость лихого рубаки к легендарному комдиву не позволяла до поры навести в этом щепетильном вопросе надлежащий пролетарский порядок. При любой возможности, по ходу дележа доходной части промнавозовских акций, Фурманов всячески урезал Петькину долю, однако денег, которые с легкостью отваливались ординарцу, все одно с лихвой хватало на безбедную жизнь. Комиссар загодя ожидал, что жених припрется просить денег на объявленную свадьбу и внутренне наслаждался предстоящей возможностью поиздеваться над хамоватым засранцем, продемонстрировать ему несокрушимую силу ленинских идей.

Петька Чаплыгин в чудесном душевном расположении, после выпитых пары кружечек жигулевского пива, шествовал по центральной улице уездного города Лбищева, густо увешанной красными стягами и агитационными транспарантами, отчаянно голосящими о надвигающемся коммунистическом изобилии. По всему видно было, что Фурманов понапрасну времени не терял и на мелкие подачки от матушки природы не рассчитывал. Почти на каждом кривом заборе красовались гигантские плакаты с изображением восходящего солнца, над головами подпрыгивающей от счастья детворы, и революционным призывом: «Ты, лично, помог Отечеству с заготовкой стратегического сырья?» или «Каждое ведро стратегического топлива приближает нас к коммунизму». По улицам революционного Лбищева несли караул специальные наряды снайперов, которые шныряли с дробовиками наперевес и ссаживали с катушек залетных дворняг, норовивших, задрав заднюю ногу, бесстыже осквернить священную классику марксизма-ленинизма. Истреблению подвергались не только четвероногие диверсанты, нельзя было забывать и про всяких

летающих вредителей, готовых в любую минуту подвергнуть агитационный арсенал внезапным картечным атакам.

Уже на дальних подступах к комиссарской резиденции, Петька с любопытством стал отмечать разительные перемены, произошедшие во внешнем оформлении главного фасада большевистской цитадели. Радикальной этой реконструкции предшествовали громкие идеологические баталии. Дело было в том, что сразу же по прибытии в дивизию, Дмитрий Андреевич распорядился вывесить на фронте парадного крыльца большевистского форпоста внушительных размеров портрет Карла Маркса. Не все красноармейцы сразу признали в бородатом дядьке вождя мирового пролетариата. Кое-кто решил по старинке, что это образ Николая Угодника освящает высокое присутственное место и на всякий случай украдкой благословлялся крестным знамением. Иконописное изображение Мирликийского Чудотворца издавна почиталось на Руси, поэтому справедливо на равных соперничало с портретами пролетарских вождей. Почитание вывешенного Фурмановым образа дошло до того, что самые отчаянные богоносцы, под покровом глубокой ночи, забрались на фронтон и обрамили портрет Карла Маркса в старинный церковный киот.

Фурманов, разумеется, не смог равнодушно снести подобное издевательство над гением всего прогрессивного человечества, он таки принял волевое решение и вывесил на подмогу Карлу Марксу еще и портрет Фридриха Энгельса. Разместил их аккуратно рядышком, прищпандорил гвоздями дляковки коней и распорядился забрать пространство вокруг нарядным красным сатином. Много раз отходил на почтительное расстояние, придирчиво изучал общую панораму и результатом остался вполне удовлетворенным.

Удивительное дело, но по дивизии поползли издевательские слухи, будто покончивший с атеизмом комиссар вывесил на фронте крыльца своей резиденции сразу два священных образа – апостола Петра и апостола Павла. Еще больше объявилось охотников, уже не таясь осенять себя крестным знамением,

проходя мимо грандиозного храма политического просвещения. В завершение нашлись как всегда доброхоты, которые глухой ночью, под праздник Воздвижения Животворного Креста, обрамили таки оба портрета в старинные церковные киоты, с блестящей шумихой из медной фольги.

Тогда Дмитрий Андреевич, со своей стороны, пошел на радикальные меры и вывесил над крыльцом, посреди Маркса и Энгельса, портрет улыбающегося Владимира Ильича. А чтобы ни у кого в голове не возникло соблазна косить на церковную троицу, комиссар нарочито подобрал знаменитый портрет Ильича в заливхватской кепке. И вот эта роскошная ленинская фурага явила собою апофеоз торжества научного атеизма. В самом деле, нельзя же было предположить, что церковные иерархи вконец побесились и приобщили к лику святых улыбающегося подвижника в шаромыжной кепке. Мужики, которые раньше благоговейно крестились на образа, стали с проклятием плевать в сторону большевистского крыльца, чем доставляли немало душевных удовольствий непобедимому Фурманову.

Тягомотина с портретами коммунистических вождей, к несчастью, на этом не окончилась. Вот уж воистину – пришла беда, отворяй ворота. Какой-то мерзавец подрисовал среди ночи Карлу Марксу и Фридриху Энгельсу точно такие же шаромыжные кепки, как у Владимира Ильича. Но самое возмутительное, что с козырьками, смотрящими в разные стороны. Может быть, в самих фурагах и не было ничего оскорбительного, все-таки ленинский стандарт, но вот то, что козырьки у всех трех вождей были развернуты в противоположные стороны, сразило наповал кожаную тужурку. Трясущийся от гнева комиссар, лично вскарабкался по приставной лестнице на фронтон, и записал плакатной гуашью издевательские головные уборы.

Теперь уже не оставалось никаких сомнений, что меньшевики не оставят дивизию в покое и будут продолжать идеологические диверсии. Но, чтобы ни одна контра не имела возможности подобраться к фронтону, комиссар распорядился намотать

вокруг портретов вождей побольше колючей проволоки, в качестве ажурного декоративного орнамента. Опять несколько раз отходил от крыльца на различные расстояния, придиричиво изучал общую панораму. И был окончательно удовлетворен своей незаурядной находчивостью, потому что публично, фактически на глазах всей дивизии одержал блестящую викторию, в беспощадной идеологической борьбе с врагами мировой революции.

Петька непроизвольно замедлил ход перед крыльцом большевистской цитадели, до самых ушей разинул от удивления рот, обнаружив в просветах колючей проволоки новоявленную троицу. Он, для страховки, даже огляделся по сторонам, чтобы окончательно сориентироваться на местности, ведь чего не бывает с похмелья, можно и маршрут с бодуна перепутать. Но, ни выпитое накануне, ни сегодняшняя пара жигулевского, не нарушили маршрутный расчет ординарца, он стоял в аккурат перед крыльцом Фурмановской резиденции. Проволока на фронте была намотана так искусно, что сразу трудно получалось сообразить, кто именно находится за колючкой, коммунистические вожди или смотрящие на них ротозеи, и с какой стороны, собственно говоря, находится настоящая воля. Особенно настораживал молодцеватый Владимир Ильич. Была в его азиатском прищуре надежная вертухайская хватка, говорящая, что шаг в сторону или прыжок вверх, считается наглой попыткой к побегу, со всеми без промаха вытекающими последствиями. Видавший не слабые виды, отчаянный конник даже немного замешкался у дверей, ноги сами противились заворачивать в эту экзотическую контору. Деваться, однако, было некуда и ординарец все-таки переступил порог большевистского святилища.

В приемной у комиссара, с забранным в решетку окном, за покрытым кумачом двухтумбовым канцелярским столом, правила бал краснокосыночная большевичка Фуксина Люся. Незлобно именуемая среди личного состава, большей частью от скуки и зависти, «красноподстилочной лярвой». Если к

общему колориту революционного кабинетного устройства присовокупить беспощадно красные Люськины щеки и губы, может вполне показаться, что посетителям идеологической цитадели какой-то волшебник напяливает солнцезащитные с красными стеклами очки. Все здесь было тотально окрашено цветом алой зари, практически, как у негра в прихожей. Петька вальсирующей походкой подкатил к улыбающейся секретарше, изобразил неполный реверанс и вручил из-за спины предусмотрительно заготовленный букет полевых цветов.

– О любви не говорю, Люсьена, знающие люди вчера мне на ушко шепнули, что о ней все давно уже сказано, – артистически кривляясь, юморнул ординарец. – У вас здесь все настолько художественно, такие декоративные узорчики на фронтоне заплетены, что клянусь Парижской коммуной, расставаться не захочется. Проволочка очень трогательно применена и, главное, отменного качества. Самое время подавать по инстанциям рапорт о переходе к вам на почетную службу. На большие чины не махаиваюсь, но хотя бы ночным сторожем, караульную вахту нести, счел бы для себя за великую честь. И уже без иронии, кивая в сторону плотно затворенных дверей таинственного Фурмановского кабинета, лихой ординарец поинтересовался, – у себя?

– У себя, – утвердительно ответила Люся, шаловливо прикрывая лисью мордочку полевыми цветами. И положив указательный пальчик на сладкие губы, тихонько добавила, – но очень занят.

– Знаем, как и чем они занимают себя. Хорошо если очередное нашествие на недораскулаченных мужиков затевают, хлебушек промышляют для голодных бойцов, а то ведь наверняка в домино с каким-нибудь придурком режутся.

– Ну почему Вы такой грубиян, уважаемый Петр Парамонович? Присядьте, пожалуйста, на свободное место, скрасьте своим присутствием печаль моего одиночества, – игриво скокетничала секретарша. – Я непременно доложу о Вас, а Вы пока сердечно поведаете несчастной женщине, что в

большом мире творится и каково оно нести лавры счастливого жениха. Это же представить без слез ну никак невозможно, какую невосполнимую потерю несет женская половина личного состава дивизии.

Петька вальяжно, по-домашнему развалился на предложенном стуле и, с нескрываемым удовольствием протянул свои ладные атлетические ноги, обутые в щегольские хромовые сапоги. Они хотя и были днями экспропрированы с пристреленного белогвардейского есаула, зато имели блестящие гравированные шпоры, стальные подковки и сделались предметом зависти многих штабных удалцов. Чего только не предлагали ординарцу в обмен за этот знатный, несравненный трофей.

– Не думаю, что Вы так безнадежно одиноки, мадам, такие сладкие женщины не должны и не могут оказаться в забвении, – рассыпался в комплиментах Петруха. – И давайте серьезно. Я понимаю, что существуют недоступные для среднего состава военные тайны, но все-таки поведайте, с кем так душевно воркует за закрытыми дверями Ваш драгоценный патрон и почему они до сих пор еще не обтянуты красненькой драпировочкой. Специально разработаю в тылах у противника войсковую операцию, раздобуду багряного софьянчика, постараюсь, чтобы лучшей, непременно козлиной кожицы и лично устранию непорядок.

– Какие могут быть в дивизии секреты от искусителя и разрушителя дамских сердец, и какой же Вы на самом деле ехидненький, Петр Парамонович, а еще первым кавалером на селе называется, – вторя ординарцу, ответила смышленная барышня.

И уже доверительно, являясь ближайшей подружкой пулеметчицы Анки, по-приятельски сообщила жениху, что к Фурманову третий день кряду наведывается благочинный протоиерей Наум.

На то были уважительные государственные причины. К предстоящей годовщине великого Октября, кровь из носу, требовалось закрыть две из пяти действующих в приходах

благочинного церковей. Дмитрий Андреевич давненько присмотрел хозяйским оком каменный трехпрестольный храм в соседней деревне Матвеевке, с точки зрения расширяющихся производственных мощностей «Промнавоза». Неуклонно нарастающие объемы поставок жидкого топлива, остро нуждались в просторном сухом помещении, для приема и складирования стратегических сырьевых ресурсов. К тому же комиссару приятно согревала душу трогательная перспектива хранения деликатного продукта непосредственно под покровительством целителя и великомученика Пантелимона, в светлую память которого был освящен центральный престол соборного алтаря.

Незадача проистекала вот по какой причине. В Матвеевке правил службу добрейший свояк благочинного и отец Наум под всякими предлогами старался переложить попечительное внимание Фурманова на большую, тоже каменную церковь в селе Ракитном. Там, между прочим, настоятельствовал заклятый недруг и соперник протоиерея, некто celibатник Никодим. Еще при старом режиме, на епархиальных собраниях, принципиальный Никодим бесцеремонно обличал Наума в непомерном возлиянии горячительного и всячески препятствовал получению наградного, с самоцветными камнями креста. Теперь подворачивался удобный повод продемонстрировать супостату библейскую мудрость: «мне в отшельничество – аз воздам».

В прилежно оформленных списках протоиерея Наума, по каллиграфиям которых в самое ближайшее время не в меру ретивое духовенство предполагалось отправить по дальним таежным скитам, на молитвенную заготовку дровишек, celibатник Никодим неизменно оказывался под первым номером. В параллельных списках, добросовестно составленных отцом Наумом, для предстоящего паломничества избранного духовенства на поиски небесной благодати в ореоле северного сияния, Никодим занимал опять-таки почетное, заглавное место.

Но для комиссара этот самый celibатник приходился постоянным партнером для вечерней игры в подкидного дурака.

При этом надо иметь ввиду, что Никодим, по собственной инициативе, сдавал карты в обоих случаях, кто бы не оставался в дураках. Таким образом, на лицо обнаруживалась досадная несогласованность заинтересованных сторон. В гордиев узел завязалась вечерняя карточная игра с предстоящим паломничеством по святым местам безупречного напарника. Переговоры растянулись на три долгих дипломатических дня, с бесконечными дебатами и успокоительными возлияниями. Дмитрий Андреевич в состоянии был, разумеется, с позиции силы, одним кавалерийским наскоком, распотрошить этот гордиев узел, но ему положительно требовалось сохранить дружеские отношения, как с celibатником Никодимом, так и с протоиереем Наумом, который регулярно баловал комиссара деревенскими гостинцами. Вот и сегодня, после Люськиного доклада о прибытии Чапаевского фаворита, они скоренько доедали принесенную благочинным вареную курицу, соленые грузди, пирожки с потрохами и допивали, чего Господь послал, для смирения мятежного духа.

Нельзя сказать, что комиссар излишне встревожился визитом ординарца, но, тем не менее, деловое застолье пришлось закруглять раньше времени. Спустя четверть часа кабинетное затишье отворилось, и в дверном проеме предстал во всем своем великолепии раскрасневшийся протоиерей Наум, с роскошной физиономией, о которой в народе говорят, что она заточена под лопату. Предстал в засаленном, нестиранном еще с благословенных императорских времен подряснике, с наградным возлежащим на сытом брюхе крестом, осеняющим самое дорогое достояние священства. Науму самому на мгновение показалось, что он находится посреди царских врат на архиерейском выходе, с готовностью огласить хоть малую, хоть большую ектенью. Со стороны заметно было, что благочинный сделал даже пару произвольных движений правой рукой, как во время служебных каждений, но тут же спохватился, и добродушно поприветствовал командирского ординарца, с готовностью потискать его в отеческих объятиях.

Петька, без видимых признаков желания подойти под благословение, лениво оторвал свое сиденье от пригретого стула. Он выпрямился в полный рост, преклонил смиренно голову, потом хитро подмигнул благочинному и с нескрываемой иронией посочувствовал.

– Вы все поститесь, отец Наум, плоть свою, не щадя, истязаете, по всему видно, заживо вознамерились посетить райские кущи. Если понадобится надежный попутчик, всегда к Вашим услугам. Завалим теплой компанией, последнее время только и думаю, как бы поскорее оказаться в раю. Вам бы сейчас кадилице в зубы, уверяю, грандиозный портрет получился бы. У меня для такого шедевра и название подходящее имеется. Настоятельно рекомендую, назовите парсуну «Спас в подворотне».

У отца Наума, от такой неслыханной наглости, и без того не очень китайские, налитые кровью глаза увеличились до размеров алтарного диска, на котором разделяют под заклание жертвенную просфору. Ему захотелось незамедлительно предать анафеме распоясавшегося богохульника, но учитывая, что глумление происходит в смутное время и не на церковном амвоне, отец Наум совладал с собой и промолвил сквозь пегую бороду назидательным тоном.

– Нехорошо, очень плохо, уважаемый красноармеец Чаплыгин, что именно в такой вызывающей форме Вы приветствуете православное духовенство. Вам, как полномочному представителю командования, не совсем удобно делать публичные замечания, но и безмолвствовать по поводу Вашего издевательского безбожия, я, конечно, тоже не стану. Церковь хотя и отделена от государства, но не отделена от народа божия и нам не безразлично, в каком состоянии пребывают бессмертные души наших православных мирян. Поэтому священство всегда будет стремиться к совместной работе с командованием, дабы действовать рука об руку на ниве процветания Отечества. При доброй воле и взаимном расположении всегда можно находить согласованные интересы на этом благодородном поприще.

В заключение отец Наум нервно передернул кустистыми бровями и, шепча троесвятие, многозначительно перекрестился. Но и это не все, потому что потом блаженно подвел глаза в гору и, творя молитву, принялся гладить мягкой ладонью позолоченный крест вместе с пузом. Необходимо признать, сделал он это весьма театрально, воистину по Станиславскому.

Петька хотел было оставить без ответа поповскую абракадабру, но как истинный воин не мог позволить себе покинуть поле брани, не сказав последнего слова. Лицо его приняло волевое бескомпромиссное выражение, и он решительно двинул в атаку.

– Не знаю, как кому, но мне с Вами совсем не по пути, многоуважаемый предводитель черного, белого и какого у вас там еще духовенства. Давненько разошлись наши стежки-дорожки. Закон Божий должно быть один на всех, только заправки у нас больно разные и мозоли на разных местах выпирают. Вы давно уже здесь, как в раю обитаете, словно птицы небесные, ни сеять, ни жать не приходится. Остается только портки поскидать и с какой-нибудь Евой под яблонькой забавам неземным предаваться. Вам-то чего в коммунистическое будущее торопиться, вы его для себя на удивление ловко под молитвы старушек состряпали. А нам еще крепко за свое счастье биться придется, церковь за тысячу лет ни одного бедняка из нужды, да из грязи не вытащила.

В дверном проеме, за широкой Наумовой спиной, в перепоясанной портупьями кожаной тужурке, показался по-революционному озабоченный комиссар. Он не стал вмешиваться в каверзный богословский диспут, только заметил увлеченным бесполезной болтовней однополчанам:

– У меня совсем нет свободного времени. Ты, Петька, если ко мне, поторапливайся, служение революции не знает свободного времени. А вы, Люся, срочно подготовьте отчетные материалы о последнем выездном собрании партактива, и, как я уже неоднократно просил, соберите для ознакомления личные дела молодых кандидатов в члены партии. Здесь надо быть всегда

начеку, чтобы замаскированный враг из кулачной прослойки не затесался, не проник в наши ряды ненароком.

– Одну минуточку, – заторопился отец Наум, – я только хочу объясниться с командирским ординарцем, сделавшимся по собственной воле моим оппонентом. Сейчас многие наловчились бравировать неуважением к духовенству, пренебрежением к православному исповеданию, даже общества безбожников для молодежи открылись. Не требуется много ума, чтобы разрушить в человеке гармонию с Богом, только это все одно, как заставить горемыку без совести свой век проживать. Мы только делаем вид, что не ведаем, не находим следов бессмертия наших истерзанных душ, но оно обнаруживается на каждом шагу. Вот случится с человеком какая беда или станет он свадьбу с любимой играть, не к безбожникам в клуб постучится, в церкви защиты будет искать или на венчанье с невестой заявится. Пусть втихую, пусть без широкой огласки, но придет же, стало быть, поступит по зову души. Все это не единожды мною проверено и Вы, товарищ Чаплыгин, не считайте себя таким уж героем. Жизнь обязательно когда-то закончится, а с ней и геройства все Ваши прикроются, поразмышляйте на досуге, что будет потом и будет ли это потом лично у Вас.

Петька враз сообразил, на какую свадьбу намекает оборзевший Наум. Опасную темку рискнул зацепить благочинный, с такими вещами как Петькина свадьба, осмотрительные люди не шутят. Ответ последовал незамедлительно, крайне суровый.

– Венчаться приехать не обещаю, но с невестой на тачанке, вокруг церкви три раза с ветерком проскачу, это дело святое, еще и с пулемета пальнем. Мы на прошлой неделе теплой компанией рождение первого сына у моего дружка обмывали, так из гаубицы по церковному куполу в деревне шарахнули. Должен признать, на этот раз устояла церквушка, деды наши кирпичную кладку мостили на совесть, но ведь еще пара красных сокольников родится и, как пить дать, завалим вашу контору. Теперь, если вы уже завершили молитвы, разрешите пройти.

Дождавшись, когда отец Наум, молча посапывая, опустит

с дверного порога свое тучное тело, нахрапистый ординарец проследовал в недра революционного святилища. При этом предусмотрительно затворил за собой тяжелую дверь.

Посреди большой, еще хранящей запах вареной курицы комнаты, насмерть стоял из резного красного дерева стол, густо заставленный по алой скатерти разнокалиберными бюстами вождей мирового пролетариата. Были здесь и миниатюрный Карл Маркс величиной с божью коровку, и незабвенный Жан Жак Руссо, вылепленный самим комиссаром из глины, но больше всех впечатлял рекордный, окрашенный в розовую гуашь Фридрих Энгельс, практически натуральных габаритов. В правом красном углу, рядом с разобранным пулеметом, красовался старинный несгораемый сейф размерами под стать гигантскому Энгельсу, в котором хранилась промнавозовская печать вместе с трудовой общественной кассой. Все остальное пространство безразмерного кабинета, было предоставлено революционной символике. Сплошные «Вся власть советам!» и «Вперед к победе коммунизма!» на голосящих агитационных плакатах, заряжали посетителей нескончаемым оптимизмом и верой в светлый завтрашний день. Эффект солнцезащитных, только с еще более красными стеклами очков, действовал в комиссарском кабинете с нарастающей мощностью.

– Ты чего это с попами воюешь? – нарочито весело поприветствовал командирского фаворита товарищ Фурманов. – Давно в боях не бывал, скучаешь по лихой кавалерийской атаке. Понимаю, хорошо понимаю молодой твой задор, застоялись наши резвые кони.

Петька загодя знал, что разговор предстоит не из легких. Чем мягче примется стелить Дмитрий Андреевич, тем ухабистей окажется дорожка к своим законным деньгам. Но не прост, не наивен был ординарец, не с пустыми руками явился к распорядителю промзоновской кассы. Поэтому ответил комиссару, не роняя ни капли боевого задора.

– Ни с кем я не воюю, просто терпеть не могу, когда на сытое брюхо Христом забавляются, с жирными ряхами дораспинают

Его. Может на счет Бога и совести благочинный был прав, только сдается мне, что к самому отцу Науму это имеет такое же отношение, как Люськин розовый сарафан к гардеробу Екатерины Великой. Мне еще бабушка говорила, что крест не на пузе, а в душе носить полагается. И еще говорила – чем больше на пузе дорогуших крестов, тем меньше надежды обнаружить их на задворках пропащей души.

Комиссар удивленно вскинул по поросячьему белобрысые брови. Был он весь какой-то неправильно чистый и бесцветный, как вылинявшая гимнастерка. Может от долгого сидения в кабинете, а может от великих переживаний за пролетарское дело кожа на лице комиссара и особенно глаза приобрели водянисто-бледный окрас. Даже выпитая с отцом Наумом четвертинка матерого самогона и вареная домашняя курица не подтолкнули горячую кровь под его прозрачную кожу.

– Вот ты какой, не перестаешь меня радовать Петр Парамонович. Но позволь поинтересоваться, если ты так серьезно относишься к Богу, то зачем же по колокольням из пушек палить. Я хотя в этих вопросах и стою на твердых революционных позициях, но, как честный человек, должен согласиться, что на грех эта хохма немножечко смахивает.

Фурманов не без любопытства ожидал Петькиного ответа. Разговор неотвратимым образом принимал глубокую идеологическую подоплеку.

– Это, чтобы черти в церквях не прижились, – с абсолютной убежденностью заявил ординарец. – В Бога можно верить или не верить, но нельзя отрицать, что место, где в самом деле обитает Господь, никому не дано осквернить. Если на храме рушится крест, то это говорит лишь о том, что его давно и бесповоротно покинул Спаситель. И надо еще хорошо разобраться, кто именно не по сердцу пришелся Христу.

Дмитрий Андреевич в глубоком раздумье подошел к отворенной форточке, раскурил оправленную в дорогое серебро черешневую трубку и кабинет наполнился густым запахом старорежимного табака, с тонким фруктовым привкусом.

Все-таки славно бывает после сытной трапезы ублажить разомлевшее тело легким дурнопахнущим благородного курева. В Капитале, правда, об этом ничего не написано, но ведь и в Библии ничего не написано о пользе Сельтерской воды.

– Мы, Петька, с тобой столько беляков перехлопали, что не только Богу, но и черту служить не с руки становиться, – смачно попыхивая трубкой, с наслаждением любуясь собой в клубах сизого дыма, изрек комиссар. – Между прочим, мне всегда кажется, что люди охотнее верят в черта, нежели в Бога. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь сомневался в существовании нечистой силы. Как не мудри, но с чертом нам проще, видать, находить понимание. А ты молодец, не ожидал. Тебе бы по хорошему в партийную школу отправиться, не плохой для революции комиссар мог бы наверняка получиться. Хвались, с чем пожаловал?

Таким образом, разговор выкатился прямиком на финишную дистанцию и ординарец с готовностью перешел к решительным действиям.

– Вы, Дмитрий Андреевич, не хуже меня осведомлены, с чем пожаловал, не надо делать вид, будто Вам ничего не известно о нашей предстоящей свадьбе. У Вас же кругом разведка работает, заботу проявляете, радеете о духовной зрелости красных бойцов. Очень видимо переживаете, чтобы мы сослепу мимо счастья своего не проехали. Между прочим, вчера целый вечер Аннушка лично для Вас оформляла персональное свадебное приглашение. Настоящий шедевр приготовила, до чего же ловка в рукоделиях невестушка моя оказалась.

Петька достал из верхнего кармана гимнастерки аккуратно завернутую в вышитый батистовый платок пригласительную открытку. Он трепетно поднес приглашение к носу и, зажмурив от удовольствия глаза, глубоко вдохнул знакомый Анкин запах, волнуяще скупожированный из аромата свежего сена с вызовом дешевеньких саратовских духов. После чего вручил шедевр со словами: «Обратите внимание, у самого сердца носил».

Фурманов с понимающей улыбкой принял из Петькиных

рук персональное приглашение, бережно развернул батистовый платочек, с вышитыми на нем двумя целующимися голубками, и подчеркнуто внимательно прочитал поэтически торжественный текст. В открытке Аннушкиным каллиграфическим почерком сообщалось о дате бракосочетания и предполагаемом удовольствии от присутствия на нем всеми уважаемого комиссара. При всей дамской изысканности свадебного приглашения, от Дмитрия Андреевича не ускользнула скрытая в нем насмешливость счастливой молодости, дополняемая еще и сознанием собственной безнаказанности Чапаевских любимцев.

– Что тут скажешь, молодцы, хороший пример подаете для молодежи в дивизии. Надо постоянно смотреть в будущее, каждая новая семья окрыляет революцию надеждой, для вас же, не щадя своих сил, пробиваем дорогу напрямик к коммунизму. Вы с Анкой для меня ближе, чем дети родные, готов последним куском поделиться. Желаете, любой бюст вождя выбирай на столе для подарка, только Энгельса не могу от души оторвать. Советую обратить внимание на Плеханова, уверяю тебя, Анка от радости до потолка прыгать начнет, только бы кровать не сломалась. А на счет денег сразу предупреждаю, в промнавозовской кассе нет ни гроша. Сам рассуди, не хуже меня понимаешь, капелевцы дивизию со всех сторон обложили, мы вынуждены новые магистрали для прокачки печного топлива в землю закладывать. Одних только стальных труб за границей на десять тысяч червонным золотом закупили. Уже хотел и сейф из кабинета в приемную выставить, зря только место в углу занимает, пускай Люська в нем свою губную помаду хранит. Я уже прикидывал, размышлял про вашу долгожданную свадьбу, не знаю, что и делать, как вам помочь. Может, на следующей неделе козу на базаре продам, обязательно поделюсь последней копеечкой.

Петька для себя именно таким и предполагал лицемерный ответ комиссара, поэтому на его физиономии не выразилось никаких разочарований. Больше того, он вплотную подошел к бюсту Фридриха Энгельса и начал с нежностью гладить

его роскошную бороду. Мельком посмотрел на Дмитрия Андреевича и попытался представить его точно с такой же бородой. Это вызвало абсолютно неуместную для серьезного разговора смешинку.

– Мы ведь не первый день знаем друг друга, – сказал, давя в себе смех и лишь слегка улыбаясь, жених. Деньги на свадьбу я и сам как-нибудь раздобуду, зачем же козу понапрасну губить. А явился я к Вам, Дмитрий Андреевич, представьте себе, по личному распоряжению командира. Он приказал незамедлительно доставить в Разлив сотню целковых для каких-то секретных военных расходов. Не пойму почему, но просил убедительно, чтобы деньги предоставили в ненавистой Вам царской монете. Похоже, что для важных стратегических целей понадобились, может даже заграничный лимузин решил для политотдела к юбилею революции наконец-то купить.

Фурманов так пыхнул черешневой трубкой, что сгорелки даже искры посыпались. Он полностью исключал самодеятельность, Петька не рискнет по собственной инициативе спекулировать на авторитете Чапая. Значит это был самый настоящий заговор, командир принял сторону ординарца и решил своей властью обеспечить расходы на свадьбу. Дело приняло откровенно паскудный, неблагоприятный характер, ведь пока еще комиссар не силен был перечить Чапаевской воле. Он молча отворил тяжелую дверцу крашеного под орех несгораемого шкафа и загородившись от непрошенных глаз своим телом, погрузился в его таинственное чрево. Долго что-то там перекладывал с места на место, мучительно переживая бестолковую трату промнавозовских денег, однако нервно отсчитал десяток царских червонцев.

– Хороший ты парень, Петька, – сказал Дмитрий Андреевич, поворачиваясь к торжествующему победу ординарцу, – только запомни, бывают и лучше. Надеюсь, что все у тебя еще впереди.

Комиссар вынул из ящика письменного стола страничку непрочитанной еще газеты и плотно завернул в нее сложенные столбиком золотые монеты. Слегка подбросил на ладони

увесистый тубус и, словно отрывая от сердца, вручил ординарцу. Не молча вручил, но пристально глядя в глаза, высказал благословение:

– На полную катушку желаю повеселиться, только поберегите подошвы, следите чтобы пятки не прохудились.

– Мы всегда не чеку, – утешил Фурманова, даже не пытающийся скрывать свой восторг ординарец. – Если получится, на свадьбу, пожалуйста, не опаздывайте, не вынуждайте нас всех волноваться.

Глава четвертая

Почти над самым обрывом, там, где вольный Урал широкой излучиной отсекает крайние избы города Лбищева, открытая многим ветрам, расположилась тщательно охраняемая казарма пулеметной роты. Станковые пулеметы, с любовью называемые красноармейцами «максимами», заслуженно считались главной ударной единицей мобильной Чапаевской дивизии. Не случайно Василий Иванович лично распорядился занять под пулеметную роту отдельно стоящее помещение, к которому невозможно подобраться скрытым маневром. С одной стороны могучий батюшка Урал, с другой – хорошо просматриваемая улица, а значит прицельно простреливаемое пространство. Все вместе делало пулеметную казарму действительно крепким орешком.

Прямо от казармы, с заднего двора, по отлогому спуску были проложены деревянные сходни, которые облегчали

бойцам доступ к Уралу. Дневальные курсировали по сходням и черпали из реки чистейшую воду, для повседневных житейских нужд. Иногда на реке красноармейцы устраивали шумные купания и затевали мелкие постирушки. Жизнь и вода – понятия нерасторжимые, ученые давно уже скрупулезно подсчитали, на сколько процентов обыкновенный человек состоит из воды. Если к этим процентам добавить толику мелких глупостей, наполняющих нашу неукротимо мятежную плоть, можно с лабораторной точностью установить полный ее рецептурный состав.

Внизу, по малой воде, рядом с плоским деревянным помостом был забит капитальный березовый кол, на котором крепился шелковый трос, для ловли донными крючьями изнатной каспийской белуги, хорошая особь которой, спокойно вымахивала до двух или трех центнеров. В добрые времена редкий день обходился у Яицких казаков без пареной красной рыбы, редкое застолье накрывалось без свежего посола зернистой икры. А сейчас, как будто благородная рыба бойкот объявила, неделями снасти порожними полоскались в текучей уральской воде, не подавая сигналов о рыбацкой удаче. Смотрящим осточертело без толку мотаться по сходням, проверять холостые снасти, даже лошадиный поддужный колокольчик подвесили на шелковый трос, чтобы не прохлопать улов. Но щедрый в прежние годы Урал не проявлял благосклонности к терпящим голодуху Чапаевцам. Это невозможно ни объяснить, ни понять, однако факт остается фактом, красная рыба словно возревновала к красному же цвету пролетарской революции, не на шутку взбрыкнула и категорически отказалась заплывать на нерест в Урал.

Петька сгорал от нетерпения козырнуть перед обожаемой невестой золотыми червонцами, так героически добытыми к предстоящей свадьбе у неприступного в своей жадности комиссара. Увесистый тубус тяжелых монет, приятно оттягивающий карман армейских штанов, сам правил в пулеметную роту, где несла почетную службу пылкая красавица

Анка. Здесь же расчетливый ординарец планировал навестись в казарменную кухню, чтобы разжиться к важным вечерним гостям осетровым балычком и баночкой молодого посола зернистой черной икры. У кашевара Арсения всегда имелся в подпольном леднике неприкосновенный запас изысканного рыбного кушанья. Не только от Василия Ивановича, но и от товарища Фурманова регулярно наведывались посыльные в хорошо оберегаемый ледник пулеметной казармы, за вредными для желудков беспартийцев харчишками.

Кашевар, применительно к которому понятия ширина и высота не имеют принципиального различия, дружелюбно поприветствовал, словно песню ворвавшегося в кухню, пышущего энергией и восторгом Чапаевского фаворита. Для демонстрации подчеркнутого уважения к гостю, он отложил только что побывавший в кипящем котле здоровенный черпак и прежде всего поинтересовался драгоценным здоровьем комдива, не забыл вспомнить про балалайку Кашкета и, как полагается, с готовностью любопытствовал, чем может оказаться полезным. Узнав о важных приготовлениях к вечернему ужину, Арсений предложил самому ординарцу спуститься в ледники и на свой глазок подобрать для Чапая гостинцев, мотивируя тем, что своя рука завсегда остается владыкой.

Это была традиционная постановка вопроса. Кашевар, таким образом, каждый раз демонстрировал свое полное доверие к комсоставу и, на всякий случай, снимал с себя возможную ответственность за некачественный выбор продуктов. Начальству угождать не простая наука. По-любому, то ли балык недовыленным, то ли икра пересоленной окажется.

– Ты, Арсений, давай дурака не валяй, – сказал, не терпящим возражений тоном, ординарец. – Собери чего следует, да упакуй хорошенько, а я пока схожу к Анке, про любовь побеседовать. Чем она, кстати, без меня занимается? Что разведка доносит, втихаря к ней никто не заходил? Рассчитываю на тебя, как на верного боевого товарища, шкуру любому спущу, и тому кто нашкодил, и тому кто знал, да помалкивал. У нашего комиссара

есть хорошая присказка – «тот кто не с нами, давно против нас», вот по этому большевистскому правилу и буду, в случае чего, действовать.

– Едва ли кто-нибудь, Петр Парамонович, к Вашей невестушке подступиться отважиться, – выразил законное опасение на хитром глазу кашевар. – Своя, пусть и бестолковая голова, она каждому дорога, в этом деле шибко не забалуешь. А Аннушка Ваша, я так думаю, с бельем на Урале полощется. С самого утра на кухонной печи наволочки да простыни в корыте вываривала. Если не у реки, так с пулеметом своим в оружейном сарае возится.

С верхних ступенек крутых сходней, во всю необъятную ширь, открывался напоенный русским духом захватывающий вид на вольную своенравную реку, на зауральские заливные луга, с непересыхающими озерцами и ериками, обросшими плотным кустарником. Примерно на полпути к горизонту начинается лес, не сплошной вздыбленной грядой, но рваными клочковатыми пятнами, живописно контрастирующими с синевой бездонного неба. И еще робко торчащие в дальней дымке кресты колоколен, как маячки присутствия человеческой жизни, живописно дополняли роскошный пейзаж.

Выйдя на дощатые сходни, ординарец слился всей широтой своей необъятной души с развернувшейся панорамой и даже ухватился цепко за поручень, чтобы не поддаться настроению и не улететь ненароком в манящую бесконечную даль. Едва переведя дух, он обнаружил суженую красавицу, которая в мокрой холщовой рубахе, низко наклоняясь над проточной водой, увлеченно полоскала бабье свое барахло. Крадучись ступая по скрипучему деревянному маршу, Петька все явственней различал молодые упругие икры и бесстыдно выступающие задние прелести возлюбленной. Волнующая сердце дрожь, предшествующая лихой кавалерийской атаке, завладела лихим молодцем. На какое-то время он замедлил кошачий свой ход, потом вдруг сорвался разъяренным вепрем и сшиб, захваченную врасплох королеву в прозрачные воды Урала. Звериным тиском

притопил пулеметчицу к самому дну и сильным, неотвратимым напором проник в ее вожаделенное теплое тело. Аннушка видела в воде открытыми перепуганным глазами хищный оскал своего повелителя и только в эту минуту поняла, почему в дивизии, за глаза, называют ординарца «бешенным». Страсть была так велика, что хватило немногих судорожных рывков, чтобы в обоюдном блаженстве затрепетать от сладостного восторга и медленно, едва живыми, ослабевшими телами, подняться на поверхность. Невеста, жадно хватая воздух плотоядным ртом, накинулась было на жениха с кулаками, но тот по-детски простодушно заморгал голубыми глазами и уже ничего не оставалось, как броситься в сильные объятия и слиться в долгом, чувственном поцелуе.

Выбраться из воды оказалось задачей не менее сложной, чем взятие языка или обезвреживание пулеметного гнезда обороняющегося противника, потому что на Петькиных галифе не осталось ни единой пришитой пуговицы, ни одной уцелевшей подвязки. Другой может и стал бы отсиживаться в спасительной воде дотемна, но только не геройский Чапаевский ординарец. Подобрал мокрые штанишки в охапку, и, на всякий случай, озираясь по сторонам, он поскакал антилопой по сходям в казарму. За ним, неспешно, всамделишной царственной поступью, проследовала счастливая пулеметчица, втайне страстно желая, чтобы кто-нибудь для зависти оказался свидетелем этой оголтелой любви. И даже потом, когда развешивала на бельевой веревке мокрые мужские портки, нарочито долго возилась с деревянными прищепками, демонстрируя завистникам погранный стыд.

Оказавшись в Анкиной комнате, ординарец сполна реабилитировал себя за досадную невоздержанность и уже лежа в горячей постели, молодые в который раз принялись обсуждать свадебные приготовления, уточнять гостевые списки и перечень обязательных к праздничному столу угощений. Без злорадства, с легким юмором сравнили свадебное платье невесты с Люськиным непременно революционным нарядом

и поспорили о предполагаемом жлобском подарке товарища Фурманова. На неожиданное предложение невесты втихаря обвенчаться у благочинного протоиерея Наума, ординарец даже подскочил на кровати и ответил решительным «нет». Анка не отрываясь смотрела на медальное лицо своего кавалера и сделала единственно верный для себя вывод, что с этим молодым шутики, по-видимому, плохи.

– Эх, Анка, – мечтательно закинув под голову оголенную руку, после продолжительного молчания заговорил Петька. – Вот перебьем беляков, шашки на гвоздь повесим, жизнь в дивизии заладится, умирать не захочется. Чапай по ночам карту стратегическую составляет, одному только мне и показывает. Тебе под большим секретом скажу, он после войны по всем ротам провода с электричеством протянуть собирается. Говорит, что электричество – это локомотивная тяга для коммунизма. Машин разных за границей накупим, ничего делать своими руками ни бабам, ни мужикам не придется. Живи и радуйся, только детишек успевай клепать, да в хорошем достатке растить и воспитывать.

– Так уж и ничего, – капризно возразила Аннушка. – А стряпать, а со стиркой возиться, а в огороде управляться твоему что ли электричеству сможется. Мужики всегда так считают, что бабий труд никакой цены не имеет. Попробовали бы хоть на какое-то время все заботы по дому на себя перенести, сразу бы по-другому запели.

– Вот баба, ничегошеньки ты не понимаешь, – ласково потрепав любимую за ухо, перешел на покровительственный тон ординарец. – За границей буржуи давно уже умных машин понастроили, таких, что и со стиркой и в огороде будто пощучьему велению сами справляются. Знай только, подключай электричество и задания всякие на свой вкус назначай. А сам тем временем разносолы всякие трескай, да про мужа родимого не забывай, больше внимания и ласки сердечной подбрасывай.

Анка призадумалась на минуточку, как бы вспоминая что-то далекое, и мягко отстраняя припавшего к ее налитым молодостью

пышным грудям ординарца, и прикрывая ему ладошкой жадный рот, веско ответила.

– А я люблю на Урале зарей с бельем полоскаться, на душе чисто становится и петь очень хочется. Мне кажется, если ничего не делать, все одно как у моей матушки с хавроньей получится. Она ведь тоже только жрет и глазенками белесыми бльмает, никакой полезной работы не делает. Я, Петенька, сама со всем управляться намерена, можешь даже сказать Чапаю, чтобы к нашей избе электричество проводить не планировал. Хотя нет, пусть проводит, чтобы лампочки в доме повесить, – детям будет светло школьные книжки читать и прилежно уроки в тетрадках записывать.

Петька с тоской посмотрел на залитый солнечным светом подоконник, где вулканической горкой подсыхал извлеченный из шитого кисета намокший табак. Нестерпимо захотелось курнуть, чтобы солидней поумничать перед наивной невестой. Вместо табачной затяжки, он наслаждался запахом обожаемого женского тела и продолжил беседу.

– Это ты так говоришь потому, что сама наукам никаким не обучена. Василий Иванович после войны всех учиться пошлет, кто упираться сдуру решит, того силой заставит. Он мне почти каждый день говорит: «учиться, учиться и еще раз учиться». В будущем жизнь слаще постелится тем, у кого знаний и мудрости всякой побольше, здесь нет никакого сомнения. Умом свою жизнь люди так преобразят, что в рай позовут, а многие еще сопротивляться начнут, за комиссарскую куртку станут цепляться. Глядишь, и тебя Чапай учиться приладит, не век же с пулеметом по окопам тягаться. Может, еще настоящим доктором в белом халате сделаешься, детишек станешь лечить или захворавшим красноармейцам уколы полезные ставить.

Анка не без гордости представила себя в белом халате, со слуховой трубкой в руке и при блестящих в позолоте очках, все как у заправских профессоров. Больше всего она обрадовалась настоящим очкам, как свидетельству чего-то очень заумного, и очень кстати справедливо заметила: «Да ведь толком никто и не

знает, когда ума побольше, а когда и поменьше. Если совести побольше – это сразу видать, а с умом полная неразбериха. Мы вот думаем, что Чапай самый умный, а люди в дивизии голодно живут, значит что-то не ладное делает. Может, Фурманов во всем виноват, худое влияние на комдива оказывает. Мы попервах и без партии неплохо с беляками справлялись. Перебили бы всех подчистую, и без красных полотнищ нормально зажили бы. На комиссаров, поди, тоже где-то олухи учатся, не сами же они с неба в дивизию падают. Ты скажи мне, вот народится у нас дитя после свадьбы, если парнем окажется, на кого учиться отправим, кем хочешь видеть первенца своего?».

Петька даже приподнялся на локтях, до того неожиданным оказался Анкин вопрос. Ему будто и в голову не приходило, что после их любовных утех вполне могут появиться настоящие дети. Быстро справившись с неожиданным для него вопросом, он с готовностью выпалил.

– Сынишка наш обязательно будет полководцем великим, как Василий Иванович, например, или как Михайло Кутузов, на другое я ни за что не согласен. Правда и одноглазый сынишка меня не очень устраивает. А если в кожаной куртке, как Фурманов родится, так лучше ему у тебя в животе оставаться. Я тогда его Анка, все одно назад затолкаю.

Фантазер даже сам закатился от смеха, удивляясь пришедшей в голову веселой перспективы. Потом успокоился и серьезно продолжил:

– Я тут недавно прикинул и покоя лишился, неужели Владимира Ильича или Сашку Македонского сделали также, как меня и тебя. Чапая еще куда ни шло, но Ленина?

Анка не выразила живого интереса к причудливым бредням жениха относительно происхождения великих людей. Глаза ее странно расширились, сделались грустно-серьезными и она тихонько, большей частью лично для себя проникновенно сказала:

– А я бы желала, чтоб сын, как покойный мой дедушка, птицеловом удачливым вырос. Дедушка всю жизнь разводил

и ловил на природе певчую птицу. Барину нашему в имение поставлял, а с излишками в Уральск на воскресные базары торговать ездил. Часто и меня с собой на зимний промысел брал, сетки вдвоем ведь сподручней натягивать. Ты даже представить не можешь, что за радость принести с мороза большую плетеную клетку с добытой птицей. Таким звонким гомоном наполнится горница, таким птичьим счастьем, кажется, будто в райском саду оказался. Мы иногда даже начинали щебетать всей семьей вместе с птицами и они с удовольствием принимали нас в свой голосистый концерт. Окажись мне судьба на свете родиться мужчиной, только и делала бы, что без усталости в полях с полной клеткой носилась.

Бывают женщины, к которым нельзя приспособиться, невозможно привыкнуть, потому что они неиссякаемы в своих неисчерпаемых фантазиях и ненасытных желаниях. От этого и происходит их бесконечная пленительность и стервозность. Они влекут к себе, томят непредсказуемостью всякого мужчину, пока, наконец, тот не иссякнет, не обанкротится сам, даже с широкой и щедрой душой. Тогда женщина, не оборачиваясь, без жалости и сожаления идет к другому, как к новому источнику жизненной силы и щедрости. Анка была из тех неумных особ, с которыми жизнь всегда полна неожиданностей. Даже в простой ситуации, связанной с судьбой возможного сына, она оказалась более чем оригинальной и заставила ординарца поволноваться.

– Вот, тоже еще придумала, птицелова в дом привести, – запротестовал Петька. – Мне такой соловей и бесплатно не нужен. Парень должен быть человеком военным, все остальное – сплошное баловство, от слабости тела и недостатка ума, этот вопрос решен для меня окончательно. Так что давай не дури, достань и положи, предъяви мне хотя бы Суворова, надо же нам еще разок наведаться в гости за Альпы. А певчими птицами, Аннушка, на том свете, в раю наслаждаться положено. Если, конечно, терем просторный мне с тобой архангелы в яблоневом саду приготовили.

Ординарец неожиданно выскочил из жаркой постели, в

чем мать родила, выхватил из под стеганого одеяла голую пулеметчицу, притянул к себе железной хваткой и стал, как угорелый, кружиться с ней по тесной комнатенке.

– Так люблю тебя, что когда-нибудь возьму и раздавлю насмерть. И сам радостно погибну вместе с тобой.

– Вот этого я больше всего и боюсь, Петенька, – гортанным голосом сказала Анка и мягко выпросталась из его звериных объятий.

От страха ли оказаться раздавленной или от внезапной воздушной свежести, все литое под мрамор, матовое тело красавицы покрылось мелкой гусиной кожей. На роскошных сосках эта тревожная пупырчатость проявилась особенно явственно. И Петька, не удержавшись, потянулся к ним с ласковым поцелуем. Но Аннушка, словно испуганная лань, юркнула в еще горячую постель и укрылась одеялом до подбородка.

В короткой душевной схватке между служебными обязанностями и ленивым влечением пресыщенной плоти, верх одержало военное правило, по которому – первым делом пулеметы, а кое-что обождет на потом. И ординарец тактично переключился на деловой, озадаченный тон.

– Принеси, Аннушка, мои штанишки с веревки, на ветру должно быть просохли. Пуговиц каких-то пришей, надо же будет в Разлив добираться. Приведешь в порядок портки, схожу к кашевару на кухню, заберу у Арсения командирский гостинец. Перекусим маленько и пора разбегаться, еще не со всеми делами управился. Чапай на вечер ужин с высокими гостями назначил, по всему вижу, встреча предстоит не простая, готовится больно ответственно, может даже Фрунзе заявится. Тебя велел пригласить, за столом поухаживать. Так что смотри не опаздывай, заодно доставишь харчи от Арсения. Задницей не шибко при чужих людях выкручивай, я ведь добрый и тихий до времени.

Анка, предварительно заставив ординарца отвернуться и не подсматривать, быстро прибрала себя в домотканое женское

платье. Так же быстро и ловко привела в порядок постель, и нарочито картинно заворачивая не слабым лафетом вышла из комнаты, прикрыв за собой скрипучую дверь.

У Петьки в расположении с самого утра наметилось одно деликатное дельце. Ему необходимо было, во что бы то ни стало, сегодня же, повидаться с Кашкетовым кумом Гаврилкой, который нес службу в конюшне четвертой сотни и который единственный знал о вчерашней вылазке за линию фронта. У Гаврилки он брал на дорогу строевого коня и белогвардейское обмундирование, добытое в недавнем бою и надежно припрятанное на сеновале. В том, что Чапаю стало известно о ночной вылазке в тыл к беякам, виноват, в первую очередь, был конюх Гаврилка и оставлять подставу без наказания, Петька, разумеется, не мог. Такие подарки не входили в кодекс его суровых, бескомпромиссных по военному времени правил.

Конюшни четвертой сотни квартировались в старинных купеческих лабазах, разметанных по базарной площади уездного города Лбищева, в аккурат напротив обшарпанного кафедрального собора. В добрые благословенные времена на площадь съезжались знаменитые рыбные ярмарки. Купцы возами перли на продажу пудовых мороженных судаков и жерехов. Торговали всеми сортами вяленой и копченой рыбы. На святках подвозили дорогой красный улов, добытый зимним багрением, конечно, уже после того, как Яицкие казаки полностью завершали поставки к царскому дворовому столу. Торговали празднично, бойко, вперемешку с кулачными боями, пьяными плясками и крестными ходами, под перезвон соборных колоколов. Ныне только забитые накрест перекошенные церковные ворота, да осиротевшие купеческие строения уныло и безмолвно горевали о прошлом. Лабазы попеременно, с разным успехом, грабили то белые, то красные, а то обыкновенные любители пограбить, без всяких политических окрасов. Грабили до тех пор, пока не остались абсолютно опустошенными на удивление крепкой кладки кирпичные стены и прочная железная кровля. Вот по этим заброшенным строениям и были,

собственно говоря, размещены боевые кони четвертой, не знавшей поражения сотни.

Петька размашистым, все сметающим на своем пути, ходом пересек базарную площадь, через которую, припадая на заднюю лапу, тащила бессильно свисающий хвост, какая-то издыхающая от старости дворняга. Он миновал караульного у крайней конюшни, даже не ответив ему на приветствие, и отворил пинком сапога плохо прикрытую дощатую дверь. Ординарца обдало запахом конского навоза и свежего сена. В этой настороженной, изредка нарушаемой резкими пофыркиваниями тишине, текла неспешная лошадиная жизнь.

Гаврилка без гимнастерки, в подпоясанных веревкой штанах, беспечно беседуя наедине сам с собой, замешивал на проходе в деревянном корыте битый овес с пареной репой. Излюбленное, между прочим, для молодых стригунков угощение. Он даже ни оглянуться, ни испугаться по-человечески не успел, как получил пушечный удар из-под Петькиного кулака-катапульты. Перелетев полконюшни без парашюта, Гаврилка крепко саданулся башкой о кирпичный пристенок и шмякнулся в теплую навозную жижу. С кровью выплюнув пару досрочно отслуживших зубов, про запас затоваренный конюх уныло размазал кровавые сопли от самого локтя до костяшек запястья и, запинаясь, пролепетал.

– Я же ему по-братски, почти как себе доверял, а еще кум называется. Чтобы он околел, до срока, подлюка.

– Вот и я тебя по-братски уважил, – брезгливо констатировал ординарец. – Попадешься еще хоть раз на глаза, остальные зубы до нуля подсчитаю. Буду бить, пока рога на макушке не вырастут, а потом добавлю за то, что долго росли. И запомни, нынче же ночью перенесешь трофейное обмундирование в штабную конюшню, там хорошенько закопаешь на сеновале. Не забудь при встрече передать Кашкету мой большевистский привет, он у меня теперь на очереди следующий, по льготным тарифам обслужится. Можете даже посостязаться, чемпионат среди потерпевших устроить, у кого зубы крепче окажутся.

Петька Чаплыгин круто развернулся на одном каблуке, выматерился, сплюнул в сердцах и, не оглядываясь на утирающегося кровавыми соплями конюха, победоносно направился к выходу. Уже у самых настежь раскрытых дверей, во время вспомнил, что ночью, спускаясь в глубокий овраг по мокрой траве, притомившийся конь заломил неловко копыто и начал заметно прихрамывать. Ординарец тот час же вернулся, внимательно осмотрелся по стойлам и нашел опечаленного болью коня. Тот стоял с приподнятой задней ногой, с заметно припухшим, подрагивающим нижним суставом. Глаза животного болезненно слезились и выражали покорность судьбе.

– Быстро двигай сюда, скотина, – громко позвал Гаврилку ординарец, – веревку неси.

А сам принялся гладить по холке страдающее животное с вызывающим уважение неподдельным участием, как будто и в самом деле готов разделить, принять на себя часть его боли. Сострадание переживалось настолько сердечно, что у Петьки ощутимо заныло в нижнем над стопую суставе, как будто это и он, вместе с конем, подвернул по темному ногу.

– Я же дважды предупреждал, что конь подвернулся, разве трудно было замотать ему ногу. И кто тебя предателя только на свет народил? – Уже без всякой злобы, просто ради правды сказал Петруха.

Конюх рысью метнулся по деннику, снял со стены веревочный жгут и, подбежав к стойлу, начал хлопотливо рассматривать поврежденную ногу. После чего тщательно размял со всех сторон, разгладил твердыми пальцами опухший сустав. По вздрагиванию сильного крупа можно было догадаться, что коню очень больно, но он терпеливо доверился помогающим людям. Наконец, Гаврилка, не отрываясь от поврежденной ноги, по деловому спросил:

– Ты будешь перематывать или я? Наверное, у меня это лучше получится.

– Перематывай ты, а я коня пригорну, ему же не сладко придется при этом.

Петька с материнской нежностью прильнул теплой щекой к влажной морде коня и начал по-детски шептать ему на ухо приятные лошадиные радости, которые наступят после небольшого терпения. Гаврилка, как заправский коновал, подлез под брюхо животного, без страха, профессиональными движениями принялся врачевать поврежденное место. Плотным рядом от самого копыта уложил веревочный жгут и затянул концы в цыганский узел.

Только после завершения всей операции, хворый конь высвободил из Петькиных объятий взопревшую голову, повернул ее и уставился налитым кровью глазом на веревочный жгут. Несколько раз попробовал опереться копытом об пол, обнаружил некоторое улучшение и в знак благодарности закивал головой.

– Как думаешь, выдюжит конь? – негромко поинтересовался ординарец.

– Выдюжит, еще здоровее окажется, – с уверенностью ответил сведущий конюх. – Надавлю капустного сока и буду все время подмачивать жгут, через пару дней, как рукой снимает. Можно сразу седлать и в парадный строй выводить.

Петька достал из кармана серебряный полтинник, вертанул его щелчком большого пальца правой руки, подхватил на лету и сунул Гаврилке с наказом.

– Вот возьми, купишь несколько ведер овса с отрубями, покорми хорошенько коня, негоже оставлять в беде боевого товарища. А за зубы никого не вини, сам заработал, может до свадьбы новые, еще лучшие вырастут, да ума хоть немного прибавится.

И уже со спокойной, заметно облегченной душой, ординарец покинул конюшню. Теперь все военные действия на сегодняшний день были благополучно завершены, но оставалась еще одна, довольно непростая оказия, не терпящая уже никаких отлагательств. Надо было непременно появиться у Алексея Игнатьевича, знатного кузнеца и уважаемого по всему казачьему Уралу человека. Дважды приходили от кузнеца посыльные,

передавали просьбу о встрече. Петька прекрасно догадывался для чего и кому нужна эта встреча и даже не сомневался о чем пойдет на ней речь. Поэтому, положив руку на сердце, отправился на разговор не в самых розовых ожиданиях.

Здесь самое время, для полной ясности, выдать читателю справку, относительно некоторых особенностей удивительного нрава обитателей легендарной Чапаевской дивизии. Практически все представители личного состава, от младых ногтей, пребывали под магическим воздействием сакраментального слова “халява”. Любовь к дармовщине, иногда в забавной, а часто и откровенно придурашливой форме, закладывалась в сознание людей с самых юных лет. Не только прекраснотушные народные сказки изобиловали и услаждали душу бесконечными «вдруг откуда не возьмись» или «по щучьему велению», но и самые сокровенные, религиозные исповедальные установки были прицельно ориентированы на обретение небесной шары. У каждого православного священника, облаченного в длиннополую черную ризу, с рукавами напоминающими матросские клеша, всегда имелся в кармане чудодейственный молитвослов, убористо испещренный магическими текстами, способными устаканить любой, самый непредсказуемый казус в человеческой жизни. Эти магические тексты, гарантирующие небесное заступничество, вычитывались страждущим иногда за не большую, но порой и за вполне ощутимую мзду.

Захотел, предположим, человек заняться обыкновенной торговлей. Ему в первую очередь следовало обратиться к главному распорядителю воли Божьей, к славному подвижнику благочестия протоиерею Науму. Тот с видом циркового факира извлекал из штанов карманный молитвослов, находил там в рубрике «торговля» священные заветы, исторгнутые из уст Иоанна Сочавского, и великомученик тут же принимался за дело, то есть начинал наводить в торговле порядок. После чего и дураку было понятно, барыши просто сами перлись гоняться за приплатившим Науму клиентом. Заступничество великомученика естественным образом напрямую зависело от

размеров подаяния и готовности отзываться на нужды Наума. Иной раз складывалось впечатление, что Иоанн Сочавский возглавлял в небесной канцелярии министерство торговли, вкупе, конечно, с главным налоговым ведомством.

Или вот вам еще одна, знакомая каждому хлеборобу житейская ситуация. Предположим, у кого-то в хозяйстве прихворнула кобыла. Такая беда случается сплошь и рядом. Что может приключиться на крестьянском подворье более досадное, нежели потеря конской тягловой силы? И опять таки, ничего нет вернее, как с полтиной в зубах притащиться к протоиерею Науму, то бишь, к распорядителю небесной благодати, чтобы он распалил кадилице и справил молебен, взявшим над домашними животными силу Флору и Лавру. Хвоя кобыла еще до завершения требы начинала грызть в нетерпении оглобли и напяливать на себя рабочую упряжь. Необъятный список молитвенных услуг благочинного, с готовностью откликался на любой ваш каприз, в соответствии с утвержденным на последнем Вселенском соборе самым божественным прејскурантом. Многие в Чапаевской дивизии не без основания полагали, что Иисус Христос в Нагорной проповеди только и говорил, что о процветании торговли, да о благоденствии хворых кобыл.

Случались, конечно, иногда и проколы, может быть и довольно досадные. Так однажды, не ведавший устали благочинный намолил молодой казачке, чтобы ее доблестный мужинек в самое ближайшее время дослужился с двумя Георгиями до почетного звания есаула. Поп поимел за эту недешевую услугу полновесный царский червонец. Не прошло и недели, как с фронта пришла печальная весть, о потери несостоявшимся есаулом левого глаза и правой ноги. Рассвирепевшая казачка отловила вечером на церковном подворье неустанного молитвенника и принялась обхаживать его огрызком оглобли, ритмично приговаривая, – это тебе за Георгиевские кресты, а это тебе за есаула.

Когда Фурманов в самый разгар революции с восторгом обрадовал, что большевики твердо решили бесплатно раздавать

крестьянам землю, многие восприняли эту новость, как давно ожидаемую и приятную во всех отношениях справедливость, хорошо усвоенную с детства по любимому правилу «вдруг откуда не возьмись». У отца Наума с утра до ночи не переставал закрываться молитвослов на странице с обращением к священномученику Харлампию, который имел великую силу над плодородием целинных и пахотных земель. Свой собственный урожай благочинный собирал немедленно и, в перерывах между молитвами, аккуратно складировал в глиняную макитру, прищандоренную в углу за большим домашним киотом.

Самые завзятые любители дармовщины наперегонки поскакали в поля и начали отмерять себе сажеными аршинами бесплатную землю, а когда чуть-чуть охолонули, с удивлением обнаружили, что среди захватчиков шары почему-то оказалась одна только гольтьба. Кое-кто прискакал практически без порток, с готовностью начинать счастливую жизнь от самого первого бездельника, праотца нашего Адама. Голодранцы поликовали, побаламутили на родючих черноземных полях, но очень скоро выяснилось, что жрать сильно хочется. Земля на вкус оказалась отнюдь несъедобной, а гнуть коромыслом спину и преодолевать расстояние от непаханого клина до поджаристой каравайной корочки ни умения, ни горячего желания нет.

Дмитрий Андреевич усадил всех возбужденных обладателей дармового клина в тесный кружочек у чадающего костерка и прочитал натошак большую главу из «Капитала». Читал с выражением, как военную присягу, но желаемого чуда насыщения революционных крестьян пятью неиссякаемыми хлебами не произошло. Голодные мужики с тоской помянули благословенную щедрость Евангельской притчи и в сердцах подвергли сомнению могущество пролетарских вождей.

С каким выражением ни читал комиссар страницы из «Капитала», как ни изголялся благочинный отец Наум, размахивая чудодейственным молитвословом, в дивизии оставались упрямцы, которые привыкли уповать лишь на собственный труд и житейскую добпорядочность. Им

незачем было метаться наперегонки по полям, отмерять десятины бесплатной земли. Они продолжали упорно трудиться в своих крепких крестьянских хозяйствах, попивая по вечерам дружными семьями малиновый с баранками чай. Это обстоятельство больше всего раздражало и нервировало пламенных революционеров. Фурманов давно уже сообразил, что от прискакавших в поля голодранцев толку не будет и дивизию, скорее всего, накроет всамделишный голод. А вот если подпутать бесплатной землицей зажиточных мужиков, пригрузить их неслыханной милостью от большевиков, у власти появится законное право потрошить по осени чужие закрома, по-революционному распоряжаться обильными зерновыми запасами.

Третьего дня, затянув покрепче портупеями кожаную куртку, Фурманов обошел с вооруженным нарядом зажиточные подворья и радостно объявил их хозяевам, что советская власть от великих щедрот и от избытка любви к хлеборобам приняла решение одарить мужиков бесплатной землицей. По окончании речи, стоящий за плетнем духовой оркестр, в лице трех напрягающих небритые щеки музыкантов, заиграл триумфальный «Тушь». Смышленные зажиточные мужики с почтением выслушивали благую весть, но не проявляли ожидаемого энтузиазма, не бежали наперегонки в поля межеваться. Тогда Дмитрий Андреевич обошел по второму кругу крепких хлеборобов, предварительно увеличив вооруженный наряд, и добавив в оркестр улиточную волторну, плюс корнет «ля пистон», и уже очень строго обрадовал, – если они добром не примут в подарок от советской власти бесплатную землю, будут иметь дело с «чрезвычайкой». Никто еще толком не понимал, что обозначает новое слово «чрезвычайка», но было в самом его произношении, что-то подозрительно знакомое, нестерпимо созвучное строчащему пулемету.

В светлой горнице зажиточного кузнеца Алексея Игнатьевича, за раздольным, как деревенский майдан, сосновым столом, сидел десяток потомственных хлеборобов, веками возделывающих

родючую приуральскую землю. Они выращивали почти весь потребляемый дивизией хлеб и, кроме неистового желания трудиться, не имели ни к кому, ни малейших претензий. И в этом была их роковая ошибка. Потому что купаться в достатке и радоваться жизни без помощи распорядителя небесной благодати протоирея Наума или щедрот пролетарских вождей, в дивизии никому отродясь не полагалось. Тем более теперь, когда у красноармейцев могли возникнуть недобрые сомнения, а стоило ли вообще, затевать большевистский переполох? Хорошо памятуя, что «бесплатно только птички поют», собравшиеся у Алексея Игнатьевича мужики играть с революционерами в поддавки вовсе не собирались. Аппетит у большевиков был собачий и бесплатная земля при любом раскладе, должна была закончиться для крестьянина бесплатным же хлебом.

Петька сидел за сытно накрытым столом рядом с хозяином дома, что само по себе свидетельствовало о значительном к нему уважении, и за обе щеки уплетал рыбный пирог с судаком и тушеной капустой. На малый сход Чапыгина пригласили с надеждой, что он, как человек с казачьей закваской, сможет по-свойски повлиять на комдива и власти оставят работающих мужиков в покое. Они готовы были поставлять для пропитания в дивизию хлеб, по справедливому, разумеется, ценам, отвечающим нуждам хозяйства. Готовы были отпускать выращиваемый хлеб в рассрочку, с выплатой под ответственность Чапая, лишь бы власть не беспокоила бесплатной, дармовой землей и не преследовала «чрезвычайкой». Уже было выпито немало графинов высокоградусной житней водочки, уже были доедены пироги с грибами и клюквой, но к общему плану согласованных действий уважаемый сход пока еще не пришел.

– Не понимаю я вас, – обстоятельно рассуждал ординарец, запивая грибной пирог шипучим медовым квасом, – чего вы кобенитесь? Советская власть нарезает крестьянам в вечное пользование лучшую землю, мы за нее, между прочим, немало крови пролили. Владейте бесплатно землицей и спокойно трудитесь, об чем вы хлопочете? В царские времена о такой,

воистину небесной милости, наши деды и думать не смели. Это же самая первая цель коммунизма, каждому хлеборобу дать бесплатно свой земляной надел, чтобы жилось и трудилось в свое удовольствие.

– Бесплатная земляца, паря, достается только покойникам, потому что от них назад ничего не получишь, – процедил играя желваками порядком захмелевший казак дядя Михей. И тоже отхлебнул из глиняной кружки шипучего кваса.

На крепком подворье старого казака, межевавшем в аккурат с Петькиным отчим домом, еще до революции в образцовом порядке содержались справная рабочая лошадь, строевой, под седлом гарцующий конь, да пара откормленных неумомимых волов. Настоящим хозяином был Георгиевский кавалер дядя Михей. За безупречную службу, по казачьим законам, он получил на вечное пользование изрядный надел родючей землицы и упрямым крестьянским трудом сколотил нехитрый деревенский достаток. В семье подрастали два сына, которым полагалось к сроку поставить отдельные избы, помочь обзавестись полезной скотинкой, поделиться землей. И со всем бы управился работающий Георгиевский кавалер, если бы власть в дивизии не захватили кожаные куртки, которые полжизни проболтались по каторгам, а теперь вознамерились сгородить народу светлую участь. Потому что где-то на берегах мрачного Рейна, двое отнюдь не обездоленных жизнью мечтателей, в перерывах между лафитом и кофием, вспыхнули любовью к сталеварам и конюхам.

– Мне, мой милоч, землю задаром никто не давал, – сжимая в кулак клещеватую мужицкую лапу, продолжил дядя Михей. – Я за нее немало и своей и чужой крови выпустил, двадцать лет верой и правдой прослужил царю и Отечеству. Вот ты только что сказал, что вы кровь на фронтах проливали. Согласен. Уж не знаю, для чего вы ее между своим народом проливали, только Россия большая, хватит на всех. Пускай комиссары берут со своими голодранцами бесплатную землю и пахут во весь горизонт, кто им мешает наладить богатую жизнь. Фурманов

для чего шастает с ружьями по крепким мужицким подворьям. Это за что нам такое внимание, мы чужого в свой дом никогда не тащили. Большевикам хотелось землицы – они ее сполна получили, только сама земелька хлеб не уродит. Вот и ищут комиссары дармовую хребтину, на которую можно взвалить нелегкий крестьянский наш труд.

От Петькиных глаз не укрылось, что все присутствующие за хлебосольным столом мужики единодушно разделяют позицию старого казака, да и ему самому были близки и понятны слова задиристого дядьки Михея. Но он еще хорошо был осведомлен и разделял положение своего командира, на плечах которого лежала забота о содержании красноармейцев и их многодетных семей. Все резервы давно уже были исчерпаны, после последнего урезания котловых пайков в одном из эскадронов поднялась голодная смута и Чапаю пришлось лично приложиться к оружию. Однако и авторитет комдива имеет свой, пусть и высокий, но все же предел, без хлеба дисциплину в дивизии не удержать. Поэтому ординарец строил беседу в примирительном русле.

– Ну, хорошо, давайте спокойно, без паники обо всем потолкуем, обращаясь ко всем присутствующим, предложил отставив пустую тарелку Петька и обтер рукавом гимнастерки замасленный рот. – Мы революцию для чего замесили, чтобы всему трудовому народу и вам, в том числе, жилось много лучше. Советская власть за бесплатно отдает мужикам вольные земли, чтобы спокойно трудились и делались все зажиточней, все богаче. А вы начинаете мордой крутить, напраслину на Советскую власть не по делу возводите. Чего здесь скрывать, нам сейчас нелегко, надо же как-то с беляками покончить. Потерпите немного, помогите нам с хлебом, а потом шашки на гвоздь и вместе такую жизнь в дивизии развернем, что никому и не снилось. Коммунизм ведь отгрохаем, все общее сделается, будешь есть пироги и не знать, чьими мозолями этот хлебушек добыт. Набивай только пузо и не забывай революцию благодарить. Пускай вы сегодня сомневаетесь в комиссарах,

но Чапаю вы не можете не доверять, он за вас жизнь готов положить.

– Для чего вы затевали революцию, эта ваша забота, – не стал возражать суровый казак, дядя Михей. – Но лично я об этом никого не просил, отродясь не желал, чтобы кто-то за меня мою жизнь обустроивал, делал ее на свой лад сытней и богаче. Мне может в самый раз приходится то, что имею, и о другом никогда не грущу. И что это за дурость такая скопом крестьянскую жизнь проживать, может вы и мою жену, все вместе обгулять собираетесь. Ты, Петька, или дурой прикидываешься, или взаправду блажной, не понимаешь, что землю дают за бесплатно, чтобы потом заставить бесплатно на ней же работать. Земли никогда не бывает вдоволь, я готов прикупить немалую часть, у меня сыновья вырастают, должен приготовить им хозяйский надел. Но только за отцовские деньги, чтобы дети мои ни перед кем не оказались в долгу. Чтобы никто не пришел с карабином и не согнал со двора, как паршивую вошь с чужого загровка.

– Пустое городите, дядя Михей, – самодовольно вытянув под столом длинные ноги, ответил Петруха Чаплыгин. – Советская власть, она ведь народная, зачем же ей ходить поперек честного хлебороба? Если совсем без дураков, то любая власть при желании может согнать с земли мужика, включая и ваших сынов. И совсем не важно, как досталась она, за свои ли, чужие деньги, вы это знаете не хуже меня.

– Не сгонит с законной земли ваша власть, – даже подпрыгнул на скамейке взъерошившийся дядя Михей. – Потому что тогда сыновья на вилы посадят твоего комиссара. Купленного никто не отдаст, а бесплатное в руках не удержишь. Я за свое кому хочешь глотку перегрызу, так и передай своему командиру. Чего вы молчите, мужики, – обратился ко всем присутствующим расхोлившийся старый казак. – Может, я неверно чего говорю, ждем твоего слова, кум Алексей.

Собравшиеся за общим столом молчали не потому, что им нечего было сказать и совсем не из осторожности держали язык за зубами, для них важно было услышать последнее

слово Алексея Игнатьевича, для этого многие и явились сюда. Они терпеливо дождались, как приговора, его окончательного решения. Как поступить с бесплатной землей, понимать мог только он, признанный по всему течению казацкого Урала, не единожды проверенный временем предводитель. Князем промежду собой уважительно величали мужики Алексея Дмитриева, на то имелись веские, неприложные основания.

Давние предки знатного кузнеца Алексея Игнатьевича носили действительное княжеское достоинство, они обрели его в ратных делах на Смоленщине, еще в суровом пятнадцатом веке. Позже, при расширяющемся могуществе государства Российского, род князей Дмитриевых был отправлен царской властью на уральские земли, для утверждения монаршей власти и организации полезной для Отечества деятельности. Огромные богатства стяжали на Оренбуржье деятельные князья и по праву считались одним из самых дорогих бриллиантов в короне Российской империи. Им принадлежали бескрайние земли, заводы, неисчислимые табуны лошадей, они возвели в своих родовых усадьбах великолепные дворцы, ничем не уступающие по убранству и роскоши царским покоем.

Так продолжалось до тех пор, пока на имперский престол не вошла несравненная Екатерина Великая. Вся государственная деятельность императрицы строилось и поддерживалось на личной приязни, а иногда и на недвусмысленной близости со своим окружением. Вельможам, оказавшимся в когорте ее фаворитов, жилось вольготно и празднично. Непрекращающиеся царские выезды, балы и гульбища, замешанные на небывалом казнокрадстве, сделались характерной приметой того времени. Львиная доля расходов, по финансированию беспримерно дорогостоящих мероприятий, естественным образом, перекладывалась на плечи попавшего в немилость русского дворянства, в числе которого оказались и своиравные князья Дмитриевы.

Благосклонности Екатерины удостаивались в первую очередь государевы мужики, которые с готовностью падали

ниц в преклонении перед европейским стилем и образом жизни, особенно близкого сердцу императрицы, германского разлива. Решительно развернутая еще Петром крутая реформа на подражание европейской государственности, при Екатерине приняла черты оголтелого глумления над русским миром. При дворе с особой доблестью состязались в показном презрении всего исконно русского, начиная от родного языка, заканчивая православным исповеданием. Многие чада известных придворных вельмож вообще не умели изъясниться по-русски. Старинный дворянский род Дмитриевых не пришелся Екатерине по нраву, слишком упрямыми оказались князья в своем непреклонно русском, православном стоянии. В отместку императрица обложила князей неслыханными податями, так что вся их хозяйственная деятельность практически начала работать в убыток. А когда своей секуляризацией, Екатерина поставила православную церковь по всей святой Руси на крайнюю ступень нужды и унижения, князья усмотрели в этом угрозу Отечеству и решились на заговор, как им представлялось, в защиту веры и во славу России.

Следствием этого широкого заговора сделалось выступление яицкого казачества под предводительством Емельяна Пугачева. Князья Дмитриевы открыто вдохновляли и оплачивали собственным золотом казацье восстание, свою решимость они закрепили церковным браком любимой княжны Софьи с атаманом Пугачевым. Одному только Богу известно, на чьей стороне была истина, но князья Дмитриевы в который раз продемонстрировали, что судьба Отечества для них гораздо дороже их собственной жизни. И, как знать, не выступи тогда князья в защиту русского духа, не подымись казачество на Яике, еще не известно каким бы духом сегодня животворилась великая православная Русь. Многим намерениям Екатерины не суждено было уже после этого сбыться.

Стихия византийского бунта была подавлена ревнителями римского запада жесточайшим образом и прежде всего потому, что приборканому светской властью православному

духовенству не достало гражданского мужества поддержать свой богоносный народ. Это преступное малодушие возымело необратимый характер и потянулось гнилой нитью через всю дальнейшую историю православной церкви. Дом Романовых извлек из восстания свои собственные уроки, следствием которых сделалась гибель великого русского поэта, едва только коснувшегося запретной темы в «Капитанской дочке». Это чтобы никто не сомневался, каков он русский дух и чем все это пахнет.

Атамана Пугачева, как известно, обезглавили на лобном месте, а старинный род князей Дмитриевых лишили дворянского достоинства. Все имущество, уже бывших дворян, конфисковали в пользу царской казны. Руку поднять на князей монаршая власть не посмела, слишком велик был авторитет у этих людей и правда, несомненная правда стояла за ними. Это могло возмутить русскую княжескую солидарность. Дмитриевы снялись со своих веками обживаемых мест и без дворянских регалий ушли к казакам на Яик. Там освоили кузнечное ремесло и зажили обыкновенной крестьянской долей. Лучшим по всему течению батюшки Урала сделался кузнечный уже старинный род Дмитриевых. Большой удачей считалось для Яицкого казака заполучить шашку, сработанную в кузнице бывших князей. И порода, и кровь, текущая в жилах этих мастеров огненных дел, вызывали к себе уважение и являлись порукой непререкаемого авторитета на долгие годы.

Вот почему зажиточные хлебобобы собрались на малый сход именно в горнице Алексея Игнатьевича, вот почему терпеливо дожидались его последнего слова, относительно бесплатной земли от большевистских щедрот.

– Что я вам скажу, мужики, – начал глуховатым голосом отпрыск старинных русских князей, положив бессильно на стол руку с непомерно тонкими для кузнеца благородными пальцами и обручальным, еще от предков, кольцом. – Каторга страшна не страданием, не в этом ее главное зло. Каторга навсегда убивает в человеке уважение к простому труду. Все эти комиссары в

кожаных куртках, никогда уже, до конца своих дней не смогут, не станут распахивать землю, ни до горизонта, ни поза горизонт, любезный кум мой Михей. Поэтому Фурманова с сохой ты никогда не земле не увидишь, а вот закалку тюремную, со всей ее мерзостью и убийственной беспощадностью повстречаешь не раз впереди.

Долгая пауза повисла в избе, только слышно было мерное тиканье ходиков, да пыхтение стоящего у входных дверей самовара.

– А тебе, Петька, отдельно скажу. Рано вам гвоздь забивать, рано шашки тупить и на стену вешать. Вот побьете до конца беляков, за нас обязательно приметесь, а потом еще друг за дружкой гоняться с револьверами станете. В череде грядущих от большевиков преступлений не положишь предела, это как с горы, – когда покатился, остановиться уже не получится. Думаю, не станем мы Чапая о чем-либо просить, но и землю от большевиков брать бесплатно не станем. Разговора не было и это мое последнее слово.

С тяжелым сердцем выслушал сход приговор почтенного предводителя. Все понимали, что это будет прямой вызов большевистской власти, за которым последуют жесткие ответные меры. Но растоптать в себе право на Богом данную жизнь, с элементарной возможностью полагаться на собственный труд, знающие себе цену крестьяне, ни за что не могли.

– Ульяна, – возвысив повелительный голос, обратился к супруге кузнец Алексей. – Неси самовар, заканчивать будем. Заверни каждому гостю пирогов для детишек, пускай от нашего дома гостинцев отведают. Новая власть еще не успела вкус к пирогам у детишек отбить, а вот внукам едва ли придется лакомиться начинкой с судаком и капустой.

Глава пятая

В Разливе, между тем, полным ходом разворачивалась, не уступающая общевойсковой, операция по приготовлению к вечернему сабантую. Принимая во внимание, что Василий Иванович лично ходил с денщиком на озеро и собственноручно драл в норах раков, учитывая, как он придирчиво отбирал для уха каждую, вытрушенную из трехперстной сети рыбешку, хитрющий Кашкет безошибочно установил, что гости на вечер ожидаются исключительно важные. Безо всяких дополнительных на то распоряжений, он по собственной инициативе пару часов иступленно драил на прибрежном песке кухонную утварь. Миски, кружки, казан, самовар – все было доведено до состояния собачьих прелестей, даже вилки с ложками были тщательно перемыты и перечищены, да еще вдобавок развешены на ближайших кустах для просушки, словно новогодние елочные украшения.

Выпытывать у командира, кого ожидаем на ужин, не полагалось по чину, за это недолго было и затрещину схлопотать. Собственные блуждающие догадки упрямо выводили на фигуру товарища Фрунзе. Только тот мог так серьезно, так ответственно озадачить Чапаева. Кашкету еще не доводилось оказываться с командующим армией за общим столом, поэтому предстоящую встречу он рассматривал, как счастливую возможность блеснуть умением быть полезным начальству, продемонстрировать свои несравненные музыкальные способности, и, как знать, быть

может, даже заприметиться на повышение. Признаться, комдив порядком осточертел со своими капризами, особенно в последнее время сделался абсолютно невыносимым. Мог в течение дня по несколько раз отменять свои же решения, мог нагрубить, рассмеяться без всяких видимых причин или, замкнувшись, молчать до посинения.

Уже были тщательно перемыты и отобраны малые раки для предварительной варки царской ухи, отобраны большие раки для подачи закуской к столу, после короткого кипячения в укропной воде. Именно так, как удачно юморнул вскормленный на одесском привозе сатирик – по пять и по три. Уже от старой золы было тщательно очищено постоянное место кострища и с запасом нарубана кладка сухого валежника. Уже принесены из ближайшей деревни свежий хлеб, огурцы и четвертина казенной отборной водочки, с пробкой под красным сургучом, но еще не была обыграна и тонко настроена Кашкетова зазноба, трехструнная балалайка. Управившись со всеми стряпчими приготовлениями, начисто вымыв и обтерев полотенцем натруженные руки, он бережно, как младенца, вынес из глубины шалаша старинный, в самом деле, концертный инструмент. Так же тщательно обтерев полотенцем, осмотрел со всех сторон балалайку и принялся, внимательно вглядываясь куда-то под кроны старых деревьев, настраивать свою неразлучницу.

Помолодостилет, – не поленились приподнять для чести шляпу, – Кашкет прилежно учился в консерватории по классу скрипки у известнейшего петербургского профессора. И, хотя не являлся представителем традиционной скрипичной национальности, считался одним из лучших студентов, подающих блестящие артистические надежды. Никто не знает, что произошло на самом деле, как случилось, что многообещающий ученик не явился однажды к профессору в класс, но это произошло. Он не явился ни к этому, ни к другому профессору, и больше никогда в своей жизни не взял в руки скрипку. Однако зачем-то приобрел себе дорогую концертную балалайку и страстно сосредоточил на ней свое щедрое музыкальное дарование. Даже лишившись

на фронте двух пальцев правой руки, он не забросил игру, а настойчиво переложился на трехпальное исполнение и полностью восстановил былую виртуозность и весь необъятный репертуар.

Чапаевское ухо, надо признать откровенно, не было избаловано музыкальными изысками, и в Кашкетовой игре его подкупало не столько феерическое мастерство, сколько необыкновенная серьезность исполнения, не очень соответствующая как самому инструменту, так и окружающей действительности. Балалаечные наигрыши Василий Иванович мог слушать часами, без отдыха, да что там часами, порой и бессонными ночами напролет. При этом он забывал обо всех фронтовых неурядицах и неотложных делах, а мыслями уносился в какие-то дивные, фантастические обстоятельства. Об этом не всем расскажешь, но однажды, поддавшись незнакомой волшебной мелодии, комдив оказался в томных объятиях жгучей цыганки, после которых долго не мог оклематься, все никак не мог расстаться с покинувшим его наваждением.

Уважительно, не нарушая сосредоточенности музыканта, легендарный комдив подсел краешком к центральному пеньку и принялся с наслаждением вслушиваться в балалаечный скороговорочный напев. Выждав приличную паузу, он прокашлялся и задал Кашкету неожиданный вопрос:

– Ты скажи мне, игруля, а можешь по моей просьбе, сию же минуту сбренькать на своей походной арфе «Боже, Царя храни!». Вас в консерватории этим шедеврам, небось, перво-наперво обучали, чтобы носы вдоль попутного ветра держали, чтобы не забывали, кому вечную славу петь вы обязаны. Я, как ты сам понимаешь, штанов в академиях не протирали, благородными манерами не избалован. Так сумеешь ли на своей балалайке похлопотать перед Богом, чтобы Царя охранил, или недотепой станешь прикидываться?

– Это как же, товарищ комдив, не сумеешь. Можно и царя, и царевну, и детишек от имени всей мировой революции сохранить. Можно так постараться, что никто и с лопатами не докопается.

И тут же, с радостной от удачного каламбура физиономией, ритмично отбивая такты босой ногой, Кашкет лихо завернул на балалайке какой-то бравурный дивертисмент, в том смысле, что «и в ямку закопал, и надпись написал».

Чапай, по совершенно непонятной для денщика причине, от чего-то раздраженно заерзал на лавке, потом вдруг вскочил как ошпаренный, помянул в сердцах чьих-то очень близких родственников, и срывающимся, не совсем командирским голосом, затарахтел:

– Так и рыскаешь, так и ждешь приключений на свою беспокойную задницу. Запомни, мне в Разливе придворные шуты ни к чему, я в два счета на передовую со свистом засватаю. Там со своей балалайкой не шибко под пулеметным огнем поюродствуешь. После первого же выстрела в штаны навалешься, без гороха в кустах разразишься шрапнелью.

Денщик, округлившись глазами, в сторону отложил свою балалайку, искренне недоумевая, чем же так неловко досадил командиру. Чтобы все-таки разрядить обстановку, он решил объясниться с Чапаем:

– Но ведь Царь Николаша наш классовый враг, Василий Иванович, чего с ним зазря церемониться. Шлепнули в подвале семейную кодлу – туда им всем и дорога, сколько можно последние соки с народа сосать. Фурманов на политзанятиях бойцам говорит, что царям полагается быть только в дикой природе, среди гадов ползучих и кровожадных зверей. Я тоже считаю, что люди прекрасно и без царей своими жизнями распоряжаются.

Возражать денщику в этот раз по совести было нечем, революционная, да и человеческая правда стояла несомненно на его стороне. Поэтому легендарный комдив непривычно быстро уgomонился, обессилено присел на скамейку, потерябил в раздумье усы, и после некоторого молчания выразил свое отношение к делу.

– Враг то он враг, только золотишко царево, ходят упорные слухи, где-то за Уралом беляками припрятано. Здесь соображать

по военному надо, вопрос сегодня костью в горле стоит о выживании целой дивизии, нам к зиме портянки купить бойцам получается не на что. А фураж, а провизия, а патроны, да еще Петька с Анкой чертову свадьбу гулять ненароком удумали. И обо всем я один позабочусь, все расходы на мне, третий месяц красноармейцам окопные деньги не доплачиваем, неровен час, к белякам подадутся.

Кашкет, делая вид, что впервые слышит о предстоящей свадьбе, еще больше выпучил бараньи глаза, и сочувственно полюбопытствовал:

– Неужели удумали, командир? Наглость то какая неслыханная. И вы эту случку спокойно благословляете? Истинный бог, не понимаю я Вас.

– Вот, сволочь, много лишнего себе позволяешь, – мгновенно завелся комдив, уязвленный в самую болезненную точку сердечной мозоли. – Таки определю на передовую, больно уж просишься. Сейчас же тащи с шалаша штабную тетрадку. Можешь сам рапорт подать, а не то я приказ настрочу.

Денщик не сдавался, стратегический перевес был на его стороне

– Так ведь сами заставляли в кустах танец с саблями наяривать. Я в ваших игрищах шкурой своей рисковал больше, чем на передовой, хоть бы к награде разочек представили. И брюшко у нее, доложу Вам вполне подходящее, от дивизии долго не скроешь. И так бабы за спиной потихоньку злословят, будто у Анки дитё сразу в бурке родится.

Чапаев невозмутимо достал свой кисет, сыпанул на осьмушку газеты хорошую щепоть духмяного табаку и в одно касание сварганил себе самокрутку. Сделал пару глубоких затяжек, прокашлялся и резонно предположил:

– Мало ли от кого брюшко, в дивизии сабель не одна тыща поблескивает. Бойцы такие нахрапистые, что только юбку держи, своего не упустят.

– Так уж и поблескивают, – недовольно проворчал себе под нос, посвященный в сердечные тайны Чапая, денщик.

Он снова взял в руки уже созвучно настроенный инструмент, поднялся на ноги и стал прохаживаться возле центрального пенька, устремив свой взор в поднебесье и отыскивая на ладах мотив полузабытого «Боже, Царя храни!».

Чудно было в этой лесной глухомани, на берегах архидремучего озера, поившего своими целеящими водами еще динозавров, слышать торжественный мотив царской величальной церемониальности. В памяти у комдива потянулась вереница былых душевных переживаний. Под успокаивающий дурман табака и звуки давно позабытой мелодии вспомнились ратные, с царской еще службы, дела. Возникли ожившие образы погибших товарищей, многие из которых приняли смерть с этим утешительным сердцу мотивом. Какая-то горькая досада опечалила ему душу, то ли за глупое прошлое «Боже, Царя храни!», то ли за еще более нелепое «Боже, Царя храни!» настоящее.

Василий Иванович примирительно подозвал к себе балалаечника, предложил посидеть с собой рядом и собственноручно сварганил ему самокрутку. В обмен на сигарку, он бережно принял из рук денщика инструмент, и принялся неумело подбирать на тонкой струне только что отзвучавший мотив.

– А что ты вообще о царе знаешь и думаешь?, – вдруг неожиданно поинтересовался Чапай. – Каким он, по-твоему, был человеком, и стоило ли России лишать себя самодержца? Все-таки огромному народу невозможно обходиться без пастыря, надо, чтобы кто-то у руля всегда стоял впереди. Мы хоть и пишем на знамени революции «Вся власть советам», но не забываем, что Ленин у нас голова. Как скажет Ильич, так и будет. Вот и получается, что всякие «советы» нужны нам, как архиерею ручной пулемет, во время причастия.

– Лично я, о царях мало что думаю, наверное, как и он обо мне, – более чем справедливо заметил Кашкет, делая глубокие затяжки и ловко наставляя пальцы комдива на нужные для верного тона лады. – Что же до Николая Второго, то какой из

него, скажите на милость, был царь, если он бабе своей ладу дать не сподобился. Чем такой, так уж лучше вообще никакого, сколько можно тараканов на кухне смешить. Вот если бы кто другой, предположим, Гришка Распутин в цари подвизался, другая бы доля Россию ждала, совсем по-иному наши судьбы сложились бы. Это же готовый Иван Грозный у трона стоял, оставалось только корону надеть и все завертелось бы, будто по Гоголю. Помните про Птицу-тройку, про стремительно мчащуюся впереди всех народов Великую Русь.

Василий Иванович нехотя оторвался от балаалайки, с недоумением посмотрел на Кашкета и в сердцах с раздражением подумал: «Плетет какую-то ересь». Тем не менее, не стал возражать, снова затренькал на тонкой струне начинающую складываться мелодию. И все-таки, через короткое время, отложив инструмент, поинтересовался:

– И чтобы такого, скажи мне особенного, мог предложить для России этот бабник и плут, твой, не сносивший чугунной башки Григорий Распутин. Ведь он кроме как девок на сеновалы таскать, да ворожкой по ночам заниматься, ни на что не был годен. Я что-то не припоминаю за ним великих заслуг перед матушкой Русью. Может, сына единокровного в царских покоях и смог бы кинжалом под бок порешить, но во всем остальном для Грозного рылом не вышел, не такие нужны впереди Птицы-тройки кумиры.

Кашкет допалил до горячих ногтей обломившуюся на халяву сигарку, недокурком прицельно щелкнул в сторону будущего костра и, похлопывая рукой о коленку, подманил привязавшуюся к нему собачонку. Та, послушно исполняя волю кормильца, подскакала дробной рысцой, выструнилась на задние лапки и разинула пасть в ожидании призовой подачи. Денщик достал из кармана завернутый в носовой платок кусок рафинада, саданул им о край дубового пенька и, по-честному, отколол собачонке отвалившуюся часть. «В сущности, жру с кобелем от одного же куска, – философски рассудил про себя Кашкет, – а сию здесь и важно болтаю с этим героическим

дегенератом, про какие-то несостоявшиеся судьбы России». Однако продолжил этот странный, не то, чтобы спор, скорее свободный обмен художественными мнениями.

– Григорий Распутин, я уверен, принес бы в Россию страх божий, – заявил не без гордости, собравшийся с мыслями денщик. – А без страха, ни один народ, ни одна страна правильно организовать не может. Таков непреложный закон, таковы суровые правила жизни. Посмотрите кругом, даже в нашем Разливе любая живая истота под страхом живет. Оттого в лесу и в воде всегда полный, как у хорошей хозяйки, порядок. Чисто и свежо, покуда мы со своим шалашом не заехали. Потому что без страха явились, возомнили себя безнаказанными хозяевами на общем пиру жизни. Гадим, где ни попадя, мусорим, чем придется, вот и платим по жизни мытарствами за отсутствие страха пред Богом.

Василий Иванович не нашелся чем возразить, и без ложной показухи закивал головой, в знак согласия.

– Это ты прав, без порядка и страха никуда не годится, с нашим народом без вышестоящей несгибаемой воли нормальную жизнь просто никак не устроишь. Стоит мне на денек покинуть дивизию, и уже какая-нибудь гадость обязательно приключится. Если не пьяную драку в буфете развяжут, так ночью деревенский магазин под орех обнесут. Но скажи мне тогда, почему православные попы не подмогнули народу, не привели Гришку Распутина к власти? Они-то в первую очередь были заинтересованы возвеличить его, если, как ты говоришь, с ним прибывал страх божий.

– Я вам про страх божий, а Вы мне про попов, не складно у нас получается. Попы-то больше всего и боялись Распутина, потому что с царем они единой золотой пуповиной повязаны, в добром согласии из российского кладезя родниковую кровушку пьют. Мне когда-то давно одна прозорливая бабка наперед все сказала, будто призрак Распутина еще дважды взойдет на российский престол, каждый раз с усеченной фамилией и со все более сужающимся разрезом азиатских глаз. И вот, как только

останется одно короткое прозвище Тин, тогда и вздрогнет, возродится в муках великая наша страна. Бог весть, быть может даже вместе с нашим достославным духовенством. Потому что только после третьего щелчка, красавец наш поп сподобился подпрыгнуть до самого потолка, а ведь у Пушкина каждое слово через душу России пропущено.

Кашкет, таким образом, заплел беседу в область каких-то сомнительных для командирского разума материй. Чапаю не было никакого дела до вломившегося в царские покои мужика Распутина, так же как и до жирующих на церковных приходах православных священников, и насчет страха Божия он не был стопроцентно уверен. А потому, раздавив сапогом недокурок, смачно сплюнул и объявил не лукавя:

– Признаться, в поповской ереси я не шибко силен, не стану ни спорить, ни соглашаться. Но хорошо знаю другое. За океаном есть одна удивительная страна, Америкой называется, в которой люди чудесно приспособились жить без всяких страхов и божьих помазанников. Говорят у них это лихо поставлено, нам еще долго до американского достатка корячиться, одна надежда на революцию.

Денщик несказанно изумился, он даже пнул от расстройства ногой ни в чем не повинную собачонку. Попросил вернуть балалайку, тронул одним пальцем басовую струну и кокетливо наиграл на ней знаменитое «хэппи бездэй».

– А в Америке, чтобы вы знали, самый жуткий страх и правит всей жизнью, – уверенно выдал Кашкет, бережно откладывая на пенек балалайку, – великий страх оказаться без денег. Такая жуть иногда страшнее бывает, нежели трепетание перед царем или Богом, она не знает пощады, ее ни с чем не сравнить. Как только этот жестокий страх покинет Америку, без всякой войны рухнет страна. Даже небоскребы не устоят, все развалится, потому что страх Америки – великий обман. Когда-то и динозаврам казалось, что главное никому не уступить с аппетитом, в этом был их недремлющий страх. Но недолго казалось, время сурово расставило все по законным

местам.

– Буровишь, черт знаешь что, с тобой и не поговоришь по-человечески, – возмутился ни бельмеса не понявший Василий Иванович. – Давно заметил, игра на музыках не прибавляет ума, все усилия тратишь на ветер, стараешься непонятно зачем. Вот сейчас скажу тебе новость, после которой и струны на балалайке сами порвутся. Без шуток советую, на всякий случай попусти в инструменте колки.

– Знаю я ваши нечаянные сюрпризы, – беспечно усмехаясь, ответил денщик, – важными гостями хотите сразить. Ставлю в заклад балалайку, уже и собака под лавкой давно догадалась, что на вечер в Разлив пожелует не ниже, чем сам командарм.

– Эх ты, дурачина, – возликовал, как малый ребенок комдив, – не стесняйся, выше бери. Хоть балалайкой о голову бей, но к нам на ужин, сегодня же, заявится царь Николай. Не Фурманов переодетый, не какой-нибудь ряженный клоун, а настоящий, прямо недавно расстрелянный, царь. Как тебе новость? Обрати внимание, у твоей собачонки даже от неожиданности хвост опустился.

Чапай украдкой, искоса следил за денщиком. Ему не терпелось проверить эффект, воочию убедиться, насколько сильное впечатление произведет этот убойный сюрприз, сразит ли он наповал неподготовленного человека. Если представить себя на месте денщика, то недолго и буденовкой подавиться. Без всяких преувеличений, сенсация может оказаться почище, чем знаменитая психическая атака у капелевцев.

«Интересно, кто из нас больше буровит», – сам про себя подумал озадаченный Кашкет. Но быстренько справился со своими сомнениями и брякнул, как ни в чем не бывало.

– Да знаю я все, чего тут не знать. Давненько мечтаю с Николашкой поужинать.

Василий Иванович на пол-аршина взлетел над скамейкой, у него даже перекошились усы и висящий на ремешках бинокль крепко саданул в подбородок.

– Откуда ты можешь знать такое, скотина, ты чего здесь

мне дуру ломаешь? Сейчас же тетрадку тащи с шалаша, лично приказ настрочу. Будет тебе на передовой и царь Николашка и вся его разряженная в бриллианты семья. Видно, не судьба тебе в хорошей компании повечерять.

Кашкет без тени смущения, как будто страшилки комдива не имеют к нему никакого отношения, взял в руки трехструночку и выдал на ней в полную силу лакированных дек императорский гимн, и козлиным фальцетом подпел «Боже, Царя храни!».

– Вот охота вам передовой инвалида стращать? – откладывая балалайку, поинтересовался денщик. – Сами только что объявили о визите Николая Романова, а теперь меня виноватым поставили. Я привык доверять командиру. Вообще же, если честно сказать, я всегда знаю все наперед, мне и говорить много не требуется. Сердцем чую, побратаюсь нынче с царем.

А про себя, между тем, не без ехидства подумал, – «Глядишь, не сегодня, так завтра в дурку легендарный комдив наш устроится, вот смеху-то будет».

– Не помрешь своей смертью, Кашкет, без всякой обиды тебе говорю, – заключил Василий Иванович.

Он достал из кармана бисером шитый кисет и не торопясь завернул козью ногу. Несколько добрых затяжек привели в равновесие командирский взрывной характер и Чапай, на манер денщика, подманил постукиванием ладони о коленку резвящуюся на воле дворянжку. Однако размышления о пользе страха для общества не отпускали его.

«Интересно, – неспешно соображал про себя Чапай, – вот эта бездомная собачонка приبلудилась в Разливе с надеждой на милость от стряпни денщика или, скорее, из страха перед дикой природой? Похоже, что прав шалопутный денщик, именно страх оказаться растерзанной какой-нибудь голодной зверюгой прибил сюда беззащитную псину».

Своим чередом с озера стали доноситься пока что отдельные пробные жабы приветствия, верные признаки вечерней зари. Очень скоро это робкое, самое первое кваканье начнет обрастать более громкими, осмелевшими голосами.

Пока, наконец, не сольется в единый, всепокрывающий жабий переквак, в котором невозможно выделить чей-то отдельный голос. Но это будет несколько позже, когда солнце неминуемо скроется за горизонт. А пока, Василий Иванович принял решение немного расслабиться, прогуляться с собачкой по берегу озера. Понаблюдать в одиночестве за всякой шkodливой малявой, снующей в рыже-зеленых водорослях у самой кромки прозрачной воды. Подсмотреть наудачу за камышовой стеной хлесткий удар щучьего боя, и следом, рассыпающееся веерным разметом, бегство обреченной рыбьей мелюзги. Что как раз является прямым свидетельством неотвратимости денщиковой правды, про необходимый для порядка в природе недремлющий страх. Сделав командирские, преимущественно формальные распоряжения по разведению костра и по особым, сопровождающим варку царского супа, хитростям, Чапай в компании с вертлявой собачонкой, при полном обмундировании отправился к озеру.

Есть в ряду всевозможных человеческих слабостей и совершенно особенная, которая, быть может, с аdамовых дней запечатлелась в нашей генетической памяти, как неизбывный источник тихого счастья, воистину неувечерней радости. Нет сердца, которое бы не заволновалось в нежнейшем восторге от запаха первого дымка, от вида трепетного язычка занимающегося пламени. Кашкет, точно как в детстве, с переполняющим душу волнением, принялся за разведение лесного костра. Как и полагается, он сложил шалашиком мелкую щепу, сверху добавил сушеного хвороста и с первой же спички запалил, пока что робко наметившийся, очажок. Потом будет большой ненасытный костер, пожирающий почти без остатка все новые порции дров, но именно это, первое трепетание пламени, способно вызывать в человеке архаическое, несравненное наслаждение. Невзирая на тихую радость, одна неотступная мысль тревожила душу, не давала Кашкету покоя, связанная с ожиданием сумасбродного визита Николая Второго. «Или наш Наполеон окончательно умом трепыхнулся, – рассуждал про себя озадаченный полу

кочегар, полу повар, – или на дивизию надвигается не шутейная бесовщина, а значит, пора потихонечку сматывать удочки».

Костер, управляемый дирижерской волей денщика, приходил в движение, как большой симфонический оркестр. В одну стихийную ткань сливались треск и шипение дров, под сопровождение набирающих задорный темп огонь и пламень. Немало требуется пережечь заготовленного впрок валежника, чтобы набрать пылающего жара и приняться за варку костровой ухи. Два рогаца и перекладина под казанок всегда были припасены у денщика и сохранялись в полном боевом порядке. Они с готовностью лежали рядом и дожидались своего часа. Потому что прежде, опытный стряпун должен покончит с чисткой лука и картофеля, да еще заняться свежевыловленной рыбкой, лениво трепыхающейся в цинковом ведре.

Как ни был увлечен ответственным приготовлением ухи, насвистывающий царский гимн Кашкет, он безошибочно заметил в просветах просеки, ведущей через лес в расположение, несомненно Анкин, известный каждому красноармейцу ситцевый в горошек сарафан. Денщик, для любопытства, подхватил стоявшее рядом ведро и спрятался с уловом за командирским шалашом.

С раскрасневшимся возбужденным лицом, с глазами полными бездонной неги, бесконечно влюбленная во весь белый свет, почти не касаясь травы, пулеметчица подбежала к центральному пеньку, побросала на него принесенные оклунки и звонко аукнулась:

– А где все?

Не дождавшись ответа, немного расстроилась, внимательно осмотрелась кругом и присела на строганную деревянную лавку. Через минуту еще громче аукнулась:

– Есть кто не будь?

– Тебе что, меня одного маловато? – Злобно отозвался, выглядывая из-за шалаша, обвязанный холщовым полотенцем денщик.

В одной его, до локтя оголенной руке, судорожно подрагивал

взъерошенным хвостом огромный окунище, в другой зажат был окровавленный стальной тесак. Чувствовалось, что схватка между стряпчим и рыбиной не на жизнь, а на смерть, еще не закончилась. Об этом свидетельствовал переполненный презрением, вытаращенный окунем глаз.

– Вечно ты, как привидение, прячешься по тихарным закуткам, тебе только шпионом в контрразведку завербоваться, – вместо приветствия обрушилась на однополчанина Анка. – Девки незамужние в штабе болтают, что лучшего жениха, чем Кашкет не придумаешь, он тебе и обед приготовит и порядок в избе наведет. А по мне, прежде всего мужика в избе подавай, а полопать мы и сами на печке состряпаем. Что-то не густо у вас здесь с народом, почему нет никого, где командир и важные гости, неужели не дождавшись меня распрощались? – смягчая тон юморнула пулеметчица.

Денщик, всем своим независимым видом подчеркнуто давая понять, что с бабой разговаривает на равных только по снисхождению и от хорошего воспитания, нехотя поставил в известность:

– На озеро поплелся твой героический Чапай, голове командирской охолонуть понадобилось. Вы там, в расположении, непонятно чем занимаетесь, а у нас горячка такая стоит, что мозги закипают. Не пойму, что творится с Василием Ивановичем, может в Лбищев придется вечерком на тачанке вести, в больницу где башкой тронутых лечат. На войне и не такое случается. Помню историю, когда целая сотня, после жестокого кровавого боя прямиком в дурдом угодила.

Анка медленно поднялась во весь рост у центрального пенька, измеряла денщика недобрым взглядом и, стиснув не по-женски сильные зубы, внушительно процедила:

– Тебе что, сволочь, жить осточертело? Не хватает ума подобрать более верного способа поскорей очокуриться? Вот сейчас подоспеет мой Петька, под наганом расскажешь все гадости, что болтал про комдива. Долго ждать не придется, не успеешь даже глазом моргнуть, как башку он тебе продырявит.

Закопаем вместе с балалайкой, никто и не вспомнит, по тебе давно уже черти с раскаленной сковородкой скучают.

– Черти, они никого не забудут, в сковородке места хватит на всех, – дружелюбно глядя окуную в источающий презрение рыбий глаз, без всякой злобы ответил денщик. – Ты, прежде чем геройствовать, сама спустилась бы к озеру, поговорила с Чапаем и разобралась, какая петрушка впереди нас всех ожидает. Даже не представляешь, что он буровит, пребывая как будто в трезвом уме. А то раскудаhtалась, как бьющий мимо цели хромой пулемет. Решила, если невестой ординарца заделалась, так на тебя никакой управы не сыщется. Плохо ты еще Кашкета узнала, гляди, как бы не просчиталась, случаи бывают, когда ошибаться можно один только раз.

Пулеметчица ловким движением ног поочередно сбросила летние туфли, развязала косынку и быстрой походкой подошла к командирскому шалашу. Для чего-то долго смотрела вовнутрь, как будто отыскивая там дорогую пропажу. Носом тянула знакомый настой сухих трав и терпкий запах мужского жилища, тоской исходивший из безлюдного, безмолвного шалаша. Потом, повернувшись, внимательно оглядела всю знакомую до последней веточки территорию Разлива и, ни слова не сказав Кашкету, устало шаркая босыми ногами по намятой траве, потянулась к древнему озеру.

На ольховой коряге, спиной к береговому откосу, низко склонив обнаженную голову, сидел легендарный комдив. Руками он машинально перебирал каракулевую папаху. Было во всей бессильной позе Василия Ивановича что-то несказанно трогательное, по-детски беззащитное, такое, что у Аннушки, при виде его, сами собой навернулись светлые слезы. Боевая подруга отчаянно рванулась к тайному герою своего любвеобильного сердца, обхватила его мягкими, крепкими руками, прижала голову к роскошным, как у всамделишной Мадонны, грудям и, наклонившись, прямо в ухо горячо зашептала:

– Не могу без тебя, Васенька. Брось всю эту революцию, уедем в Актюбинск, я ведь дитя от тебя под сердцем ношу.

Потом резко отстранила Чапая, окатила лицо его влажным пылом горячих губ, снова притянула к себе и, в который раз, принялась убеждать, уговаривать, как будто для нее ничего более важного не существовало на свете.

– Будет тебе, Аннушка, там дуралей этот наверху болтается, – негрубо освободился от страстных объятий Василий Иванович. – Любопытен уж больно, нет спасу, наверняка из-за кустов краем глаза выглядывает. Он ведь втайне сохнет по чарам твоим, меня не обманешь, ревнует беспросветно, как застоявшийся мерин. Ты лучше присаживайся рядышком, посидим, за военную жизнь неспешно промеж себя поворкуем.

Чапай учтиво подвинулся на замшелой коряге, уступая пулеметнице пригретое место. А сам, нахлобучив папаху, преодолевая смущение доверительно сказал:

– Для чего ты мне душу бередишь. Не могу я бросить семью, не для этого с женой обручился. Разве на таком примере следует воспитывать молодых бойцов революции. Петька любит тебя без ума, будет мужем хорошим, а мне только остается завидовать вам. Расскажи поподробней, голубка, что нынче в дивизии происходит, с каким настроением относится к службе личный состав. Фурманов, я слышал, беснуется, красноармейцев политучебой замордовал и промनावозовскими поставками всех донимает. Ты учти, дорогая, о жидком топливе и тебе заботиться следует. В промनावозовской кассе и Петькины акции есть, жизнь ведь немалых расходов потребует. Сразу после свадьбы новую избу ставить придется, хозяйством обзавестись, а деньги не пахнут, они хоть замешаны на скотинячем дерьме, но многие проблемы снимают. Так что, присматривайся, прислушивайся кто чего лишнего по пьянке взболтнет, и тихонечко Петьке на ушко в постельке шепни. Революцию надо делать с умом, трезво понимать и оценивать общую обстановку. К свадьбе, небось, и платье новенькое приобрела, и перину пуховую заказала?

Анка кокетливо передернула статуарными плечами, нежно пригладила Чапая усы и гортанным, волнующим голосом ответила, пряча глаза:

– Еще пока нет, ничего не купила, но сегодня Петя деньги большие принес. Знаю, что без Вашей подмоги они не достались бы. Фурманов, жадюга, по собственной воле ни копейки не даст, как будто не Петя в боях больше всех отличился. Кто, кроме него, языка отважиться брать? Вот бы комиссара хоть разочек заставить сходить через линию фронта, все портки обмарал бы.

Василий Иванович с пониманием положил руку на дорогое, с маленькой родинкой у самой шеи, плечо, твердой рукой потискал его, дескать: «Не бойсь!», – и поведал почти заговорчески.

– Это хорошо, Аннушка, что Фурманов в край бережлив, он ведь наши деньжонки как пес сторожит, пускай даже под видом золота партии. Покуда стоит советская власть, горя знать никакого не будем, а загнется большевистская свистопляска мы его аккуратненько вниз головой с кручи или с дирижабля, как бочку пустую, для шухера сбросим. Не станем же кому ни попадя главные партийные билеты на акции Промнавоза менять. Подберем самых верных, самых близких людей и будем как ни в чем не бывало дивизией погонять. Ты поверь мне, лебедушка, пустое все это, здесь на вечер, куда как серьезней дела намечаются. Вот с тобой, как с самым родным человеком хочу посоветоваться. Будешь наверняка удивляться, но сегодня к нам в Разлив на ужин пожелует Николай Второй, и за компанию с ним Сашка Ульянов, старший брательник вождя всех пролетариев. Мне эти визитеры самому щучьей костью в горле стоят, но главное – деваться теперь уже некуда, и чем эта встреча закончится, представить себе не могу.

Анка вывалила одуревшие от испуга шары, на мгновение ей показалось, что озеро колыхнулось как тазик с водой, но быстро взяла себя в руки и подумала: «А может прав был денщик, может у Василия Ивановича немного подвинулась крыша от великих военных забот. Ничего удивительного, такие нагрузки непросто даже полному Георгиевскому кавалеру выдержать».

На всякий случай она решила пойти на малую хитрость и сделала вид, будто ничего не расслышала, а для правдоподобности все внимание сосредоточила на ластящейся в подоле собачонке,

перекинула ее кверху брюшком и стала щекотать, перебирая шерстку игривыми пальцами.

Не единожды катаный жизнью Чапай тотчас смекнул, что сердобольная пулеметчица дуру включила, неприятно поморщился и резко отнял руку от только что близкого и дорогого плеча. Молча уперся глазами в приставленный бинокль и принялся, задрав голову, рассматривать парившего в небе знакомого ястребка. Тот, распластав упругие крылья, замер на встречном ветру в неподвижной стойке, зорко высматривая в природе изъян. «Хорошо бы и мне, – подумал Чапай, – взлететь однажды на небо и наблюдать в ястребином полете за всем, что творится в дивизии».

– Не с кем и поговорить по душам, – посетовал он, с горечью отстранив свой бинокль. – Ты думаешь, легко быть командиром дивизии, или приятно через день посылать на верную смерть молодых необстрелянных бойцов, у которых и жены, и дети, и матери есть. Мне же потом в глаза им смотреть, можешь хоть на секунду представить, приходится. Во сне, как наяву, с каждым встречаться обязан. Много о чем никому не расскажешь, Аннушка, видно такая судьба, доля такая. А у командира твоего с головой все в порядке, надежен мозгами как никогда, ты уж не сомневайся. Об одном только переживаю, хватило бы у вас ума и спокойствия пережить сегодняшний ужин. Гости к нам и впрямь необыкновенные нынче пожалуй, еще раз могу повторить – лично Николай Романов и старший братеньник самого Ильича. Откуда придут и как, сама потом догадаешься, а не догадаешься, не получишь большого урона.

– Не знаю, как прикажете понимать Вас, Василий Иванович, – деликатно выразила недоумение удрученная Анка. – Царя то нашего, вроде бы как большевики благополучно в подвальчике порешили, разве что с того света заявится к нам. Я, конечно, полностью осознаю, что в дивизии революция, но все-таки не настолько, чтобы по своему усмотрению мертвяков оживлять. Согласитесь, больно замысловато у Вас получается.

Пулеметчица в нетерпении сняла с Чапая командирский

бинокль и начала рассматривать парящего высоко над озером ястребка. Почему-то ей показалось, что одинокое патрулирование небесного хищника удивительно перекликается и напоминает, в сущности, такого же героически одинокого Чапая, завязтого рыцаря революции. И еще ей показалось, вернее, созрела убежденность, что комдив абсолютно в здравом уме и надо обязательно помогать ему, непременно оставаться рядом.

– Я буду делать все, что Вам надо сегодня, Василий Иванович, – решительно заявила пулеметчица, одевая Чапая на шею бинокль. – Можете полностью довериться мне.

– Спасибо, Аннушка, – дрогнувшим голосом поблагодарствовал комдив, – Я никогда не сомневался в тебе. Но надо как-то устроить, чтобы и Петька и Кашкет вели себя подобающим образом, чтобы не получился конфуз. В эту историю небесные силы замешаны, не доведи до греха устроить скандал, для всех нас этот вечер может оказаться последней. Подымишься наверх, крестик у меня в шалаше под подушкой возьми и, на всякий случай, тихонько одень. Да с ребятами по-свойски поговори, пускай не вздумают валять дурака, здесь не ярмарочный балаган и никто разыгрывать сцены не собирается, гости придут самые настоящие, очень почетные и необходимо оказать им должное уважение. Обязательно проследи, чтобы у Кашкета все было приготовлено к столу по высокому классу. Нельзя нам ни в чем допустить хоть какую промашку, только радушие, только братское гостеприимство и вечная до самого гроба любовь. А теперь ступай, Аннушка. Я еще немножечко здесь на ольхе посижу, на тебя, как на родную кровинку, надеюсь.

Бесстрашная пулеметчица, душой прикипевшая к стихийной натуре Василия Ивановича, окончательно убедилась, что он при здравом уме, настроен решительно и, что вечер, на самом деле, обещается быть из ряда вон необыкновенным. Поэтому Анка крепко прижалась к комдиву, поправила ему лихую папаху, поцеловала прямо в горячие губы и, бойко соскочив с

коряги, направилась вверх по береговому откосу, выполнять командирский наказ.

На озере, между тем, на полную катушку разыгрался неумный жабий переквак. Под малиновый свет вечерней зари, эта жабья какофония воспринималась как бессовестное торжество мерзотного естества над вселенским миропорядком, над извечной строгостью хода небесных светил и звездных туманностей. И, поди еще, без пол литры по хорошему разберись, что в действительности является подлинным оправданием существования Вселенной, божественная разумность небесных орбит или триумфальное, самозабвенное пение жабьего отродья.

Чапаев, чуть погодя, тоже бойко поднялся с коряги, встал на замлевшие от неподвижного сидения ноги и совершил на берегу несколько по-молодецки пружинистых приседаний, в который раз насладившись греющим душу скрипом роскошных генеральских сапог. Потом по привычке оголил сверкнувшую никелем шашку, хотел было совершить пару боевых с просвистом махов, но, передумав, медленно опустил в ножны клинок. Как всегда, внимательно осмотревшись кругом, Василий Иванович неожиданно вдруг проникся необыкновенной красотой божьего мира и еще более неожиданно ощутил всю нелепость присутствия себя в нем, со всеми своими военными заботами, мелкими страстями и абсолютно бесполезной фронтовой маячной. Какое дело было этой прекрасной вечерней поре до недругов-капелевцев, до поставок стратегического сырья, и даже до таинственного визита Николая Романова. Как-то сама собой открылась абсолютно простая, доселе потаенная истина, что мир божий и люди в нем живут по разным законам, выполняют разные предназначения, и в этом вопиющая мистерия и величие любой человеческой судьбы.

В Разливе кипела авральная работа по приготовлению к сумасбродному ужину. Смеркалось настолько, что издалика хорошо было видно, как от костра прямым столбом поднимаются оторвавшиеся горящие искры. Идущему по тропе философски настроенному Чапаю отчего-то подумалось: «Непонятно зачем

они устремляются вверх, в объятья погибели, ведь надежней внизу, в общем жару подольше продлить упоение жизнью. А может настоящая жизнь в том как раз и состоит, что бы вырваться из ада общего пекла и озарить весь божий мир своим единственным, неповторимым светом». Со стороны, в ореоле пылающего костра, неестественно крупной показалась фигура ординарца, пробовавшего на соль кипящую в казане с кореньями воду, перед тем, как забросить малых раков для крутого навара. За центральным пеньком, на дубовой столешнице пулеметчица с денщиком весело нарезали равными долями заготовленные колбасы и осетровые балыки, и даже подбежавшей ко времени шавке достался свой фронтowej положняк.

Но у Василия Ивановича, от всего увиденного, и на грош не прибавилось энтузиазма. Он мучительно пытался найти для себя объяснения, почему именно для него Создатель подгадал эту идиотскую встречу. Почему бы засранцу Фурманову не подбросить это веселенькое приключение, тем более, когда дело касается семейства Ульяновых. У комдива даже в самых диких фантазиях не возникало желания отужинать с убиенным царем, а тем более с казненным брательником вождя мирового пролетариата. Между нами говоря, ему и с самим Лениным встречаться большого желания не было. На душе сделалось до того неуютно, что возникало подловатое для боевого командира желание бросить всю эту канитель и бежать без оглядки, хотя бы и в Актюбинск. Но он тут же ловил себя на мысли, что как раз по этому поводу в Писании промыслительно заповедано: «Ложь – конь во спасение». Сосредоточенно приближаясь к центральному пеньку, Чапай командирским глазом обвел в свете костра всех присутствующих, хмуро улыбнулся боевым товарищам и по вечернему негромко, но так, чтобы слышали все, заявил:

– Очень рад видеть своих ближайших помощников в полном составе. Вам не раз приходилось делить со мной тяжелейшие испытания и всегда с честью из них выходить. Надеюсь и сегодня не осрамите своего командира. Пустое говорить не желаю,

скоро сами увидите все и поймете, что судьба приготовила нам не слабый сюрприз. Время, скорее всего, позволяет, предлагаю попить для начала чайку. Война войной, а чай для бойца на фронте, все одно как боевая присяга.

Кашкет, не дожидаясь дополнительных распоряжений, молча направился к полыхающему костру, возле которого дымился ведерный красавец самовар. Он легко подхватил его под фигурные, заправленные слоновой костью ручки и поднес к центральному пеньку. Дождался, когда Чапай займет за столом свое командирское место и лицом к нему поставил парующий самовар. Плотно притер протекающий ажурного плетения бронзовый краник и деловым тоном поинтересовался, что подавать к чаю, одни только сухарики или более существенное приложение. Тем временем сыпанул щепоть душистой травки в надраенный, как церковный потир, медный заварочный чайник.

– Не стану же я в одиночестве чаи разводить, – добродушным тоном подкрепил свое приглашение, усевшийся на свое любимое место комдив, – бросайте все, составляйте компанию. Негоже бросать своего командира один на один с кипящим самоваром, заодно и об интересном нашем ужине хоть чуток покалякаем. Вам же не терпится разузнать, из-за какого бугра заявятся эти странные гости. Что можно скажу, но, право дело, очень немного. Пребудут они обязательно, живыми и здоровыми, такими же как все нормальные люди. Об остальном не требуется много ума, что бы самим догадаться, без небесного промысла такие чудеса не случаются.

Петька, не заморачиваясь по пустякам, привычно уселся рядышком с легендарным своим командиром. Перво-наперво, попросил Аннушку соорудить небольших бутербродов и еще чего-нибудь для разгону, а сам принялся разливать по кружкам свежезаваренный чай. Ловко наполнив и пододвинув Чапаю командирскую кружку, он весело заглянул ему доверчивыми глазами в лицо и честно поинтересовался:

– Скажите, Василий Иванович, чего Вы за зря беспокоитесь?
– мы тут между собой, самую малость помозговали и пришли

к простому согласию. Царь прибудет – примем царя, нам не впервой с золотопогонниками лицом к лицу, хоть в бою, хоть за чаркой встречаться. Потребуется, можем и с чертом, можем с самим Александром Македонским отужинать. Мне так даже самому интересно вблизи посмотреть на почтенную публику, а то по одним только старым портретам и судим про них. А знаете, я уже догадался, Вы и с колечком решили повременить, чтобы посоветоваться с прежним владельцем. Вот он удивится дорогому трофею.

– Ты, Петька, давай не бравируй, – начал предостерегать ординарца комдив, – дело предстоит исключительной важности, гораздо опасней, чем даже в одиночку голыми руками взять языка. Я не обо всем могу пока рассказать, но еще и еще обращаю ваше внимание, что гости прибудут в Разлив самые настоящие. Не потешные ряженные, не переодетые контрразведчики или скоморохи от Фурманова, но собственной персоной батюшка царь и при нем старший брательник товарища Ленина. Не представляю пока, чем может окончиться встреча, однако, если останемся живы, в дивизию не должно просочиться ни единого слова. Тебя, Кашкет, больше всех, понятное дело, это нынче касается, не доводи до греха. Жарь на своей балалайке, что есть мочи, «Краковяк» или «Барыню» и не очень-то идиотскими вопросами гостей донимай.

Петька давно уже подозревал денщика, что тот завербован штабной контрразведкой и постукивает там в полный рост. Предупреждал об этом и своего командира, но Чапай беспечно отмахивался, считал, что ему нечего от стражей революции прятаться. К тому же всегда был уверен – чем тихарного, так лучше засвеченного иметь при себе стукача.

Я никак не врублюсь, Вы это без шуток, командир? – абсолютно искренне поинтересовался денщик. – Мне, по святой простоте, постоянно казалось, что царя Николая Второго некоторым образом комфортно сопровождали, нашим революционным трибуналом, в невозвратную даль, а с ленинским брательником торжественно распрощались в свое время на перекладине. Воля

Ваша, Василий Иванович, но какие могут быть после этого совместные ужины, это же настоящий Армагеддон получается. Может, тогда заодно и Александра Невского к столу пригласим, он случаем не на нашем озере шведами раков прикармливал. Вы, быть может решили, по-христианскому обычаю помянуть, принявших лютую смерть Николая Романова и брательника Ленина. Так это мы завсегда, прямо сейчас давайте и опрокинем по соточке. Пусть мы и не монархисты, не капелевцы, но царь православным человеком, кажется, был, и Ульянова, скорее всего, родители в детстве крестили.

Пулеметчица с ординарцем переглянулись между собой, согласованно насторожились в ожидании ответа комдива, даже вертлявая собачонка присела на задние лапы и на всякий случай зажала зубами свой хвост. В самом деле, должна же наступить хоть какая-то ясность, с этим загадочным, свалившимся с неба ужином. Если у командира ненароком съехала крыша, или возникло желание разыграть в Разливе комедию, вовсе не обязательно держать боевых товарищей за дурачков. Все одно рано или поздно провокация будет раскрыта.

Но Чапай как ни в чем не бывало загорелся хорошей идеей. Ему показалось очень дельным и своевременным предложение денщика, и он охотно, без долгих раздумий одобрил толковую мысль.

– А ведь и впрямь, давайте сей же час саданем по сто грамм. Дело впереди предстоит непростое, пожалуй, на трезвую голову оно не очень с руки представляется. Может, под хмельком все гораздо понятней, без излишней мороки заладится.

Анка на правах заботливой хозяйюшки принялась накрывать гостевой стол. Заставила Кашкета прибрать парующий самовар, очистить столешницу от чайной посуды, а сама нырнула в командирский шалаш за свежей простынкой, традиционно заменявшей столовую скатерть. Тщательно выстелила ладонями холстину на круглом пеньке, оправила со всех сторон и вместе с Кашкетом начала расставлять приготовленные закуски. Резаные балыки, икорка, рыбка копченая, рыбка запеченная, огурчики

малосольные и свежие – все без спешки и суеты появилось на белой скатерти. Петька, словно баюкая грудного ребенка, вынес из шалаша четвертину чистейшего отгона житней водочки и торжественно водрузил в центре пенька. Чапаевцы, в бодряще приподнятом настроении расселись по привычным местам, и Василий Иванович командирской рукой наполнил специально припасенные для подобного торжественного случая стеклянные граненые стопочки.

Глава шестая

– За что все-таки выпивать собираетесь, господа хорошие, – послышался негромкий вопрос, заданный, выходящим из лесной темноты, человеком, – пить без тоста так же нелепо, как снимать портки без особых надобностей. Вы не находите, что воспитанный человек должен относиться к выпивке в высшей степени уважительно и осмысленно?

Все присутствующие, за накрытым под девизом «Привет коммунизму» столом, на мгновение оцепенели, после чего, словно по команде, единым порывом развернулись в сторону говорившего и увидели в свете костра двух приближающихся мужчин. Одного, одетого в защитного цвета полевую военную форму, другого – в студенческий университетский сюртук. При этом складывалось четкое представление, что незнакомцы пришли из обступившего поляну затаенного леса разными дорожками и рассматривают друг друга в первый раз, с нескрываемым любопытством. Младший по виду, в

студенческих одеждах гость, делал старшему непонятные знаки рукой, как будто предлагал подойти к столу с другой стороны, на военном языке «взять в окружение».

– Ни фиги себе, – не сдержался Петька, признав в человеке под полевой гимнастеркой, не единожды виданного на картинках, царя Николая Романова.

Ни дать, ни взять вылитый Николаша Второй, правда без Георгиевского бантика на левой груди. По спине ординарца пробежал знакомый лихорадочный трепет, как перед кавалерийской атакой или в момент взятия языка. Рука непроизвольно потянулась к деревянной кобуре, и он снял с предохранителя свой безотказный маузер. Легкий, сухой щелчок взведенного оружия тревожной ноткой прошел тишину.

– Нехорошо, не в русских народных традициях, поднимать налитые чарки, не дождавшись званных гостей, тем более, когда приглашенные вами же люди с дальней дорожки пожаловали. Мы с Александром Ильичом, что называется, с небесного вертолета на праздник, без пересадки, пожаловали. Путь немалый проделали, рассчитывали на гостеприимную встречу. Нам обещали праздничный стол и благородное обхождение, а за маузеры ни слова не слышали. Хорошо, что артиллерию не задействовали, прямо Бородинское сражение для нас подготовили.

Петька, понятное дело, мгновенно смекнул, что неудачно на сей раз прокололся, а потому смущенно засуетился. Но не стал возвращать предохранитель на прежнее место.

– Это я на всякий случай, дорогие гостюшки. Капелевцы гады не оставляют в покое, из-за каждого куста ожидаем засаду. Волей-неволей приходится быть начеку. Не столько за себя, сколько за вас беспокоюсь, служба такая, несу под присягой полную ответственность за безопасность в Разливе.

Появление таинственных гостей, оказалось настолько неожиданным, что Чапаевцы от растерянности даже забыли подняться в приветствии. Тем не менее, непроизвольно раздвинулись на деревянных лавках, предоставив возможность

гостям располагаться за хлебосольным столом. Царь с достоинством отрекомендовался: «Николай». При этом по-военному отсалютовал рукой под козырек. Так же по-военному подошел к единственной даме, галантно снял головной убор, приложился к ручке и присел к столу между Кашкетом и Аннушкой. Студент небрежно назвал себя Александром Ульяновым и без тени замешательства уселся между комдивом и пулеметчицей. Один только ординарец не удостоился почетного соседства гостей. Братеньник вождя немедленно подхватил ломоть свежайшего белого хлеба, навалил на него пару добрых ложек зернистой икры и сообщил принимающей стороне, что те могут не представляться, потому что прибывшим на ужин хорошо все известно про каждого. И еще поставил на вид, что с российским императором он познакомился только что.

Гости выглядели, как и полагается с дальней дорожки, немного усталыми и заметно взволнованными. На первый же взгляд было видно, что царские порточки изрядно поизносились, а левый модельный сапог, некогда топтавший персидские ковры дворцовых покоев, терпеливо ожидает ремонта. Особенно смущало наличие на военной гимнастерке неумело заштопанных дырочек, оставшихся не только от револьверных пуль, но и от ношения высоких орденских знаков. Император пребывал в известной неловкости, ощущая на себе любопытные взгляды красноармейцев. Аннушка буквально пожирала горящими глазами Николая Романова, во всем естестве которого сквозило никогда ранее не виданное ею благородство, обусловленное не только духовным человеческим совершенством, но и таинственным небесным помазанием. Спокойная правильность черт, постановка головы и медальная шея, как знак величайшей покорности и несгибаемости воли, магнетически влекли к себе покоренную женщину.

Лицо Александра Ульянова, существующее как бы независимо от студенческого сюртука, может быть из-за непропорционально вытянутой шеи и следов удавки на ней, странным образом походило на физиономию Василия

Ивановича. Один и тот же раскосый разрез миндалевидных глаз и легкая рыжеватость волос подозрительным образом указывали чуть ли не на родственную их близость. Если бы на макушку студенту натянуть каракулевую папаху и приторочить усы, тот вполне мог сойти за второго комдива. Своим демонстративным поведением братеньник Ильича выражал полное безразличие ко всему происходящему, он подчеркнуто делал вид, что оказался за общим столом по какой-то нелепой случайности. В целом компания подобралась довольно живописная, а предложенный командиром тост выпить за прибывших гостей и за то, чтобы дети не боялись по ночам паровозов, привел публику в неописуемый восторг. Так что, после сдвинутых и опрокинутых граненых стопок, все дружно навалились на холодные закуски. Чтобы как-то разнообразить аппетитное причмокивание и разрядить, начинающее становиться неловким, молчание, Чапаев первым завел разговор и поинтересовался у Александра:

– А Вы что же, до сегодняшнего вечера, в самом деле, не были знакомы с великим князем Николаем Александровичем? Неужели ваша первая встреча произошла именно здесь, в нашем славном Разливе? Какая счастливая удача, что мы сделали свидетелями этого исторического сближения. Все-таки вам наверняка есть, что друг другу сказать, а быть может, совершить православное всепрощение.

– Персонально нас друг другу никто никогда не представлял, – сквозь набитый рот пояснил Александр, – про себя могу лишь добавить, что никогда не горел особым желанием познакомиться с бывшим или пусть все еще настоящим российским императором. Слухами ведь не только земля, но и большая вселенная полнится, знаю какие он сплетни про меня, где не следует, городил. К тому же, мы ведь в разных колхозах работаем, поэтому неудивительно, что до сих пор не оказались знакомыми. Порядки у нас достаточно строгие, по собственной воле за пределы колхоза не выскочишь, можешь и на губу лишний раз загреметь. А это знакомство не стоит таких неудобств, мы все равно не пойдем, не простим, не полюбим

друг друга.

В этот любопытно завязавшийся разговор тут же встрял непоседа Кашкет. Несмотря на все предостережения и запреты комдива, он немедленно стал выяснять:

– Не хочу показаться нескромным, но все-таки мне интересно, неужели вы на том свете не отдыхаете, неужели по-крестьянски ишачить приходится? И потом, что у вас там за колхозы такие, по всему вижу что-нибудь наподобие нашего Промнавоза, деньжищи, небось, лопатами загребаете? Я посмотрю и махну может следом за вами, давненько подыскиваю себе теплое место.

Брательник Владимира Ильича посмотрел на Кашкета довольно презрительно, налил себе под завязку граненую стопку свеженькой водочки, опрокинул ее и сказал иронично:

– Это ты здесь, чудак, отдыхаешь. Там так заставят горбину заламывать, что проклянешь ту минуту, когда на том свете нечаянно вынырнул. Мы даже спать никогда не ложимся, у нас же нет ни луны, ни солнца, поэтому нет ни ночи, ни дня – имеем сплошное рабочее время. Бывает один небольшой перерыв на обед и почти на одновременную выгрузку, по принципу самосвала, вот и все удовольствия. Про свою балалайку можешь забыть, черти ее в карантине сразу под сковородкой запалят, лучше оставляй инструмент в шалаше, там тебе она не пригодится. А насчет денег, это ты развеселил меня капитально. Деньги все в карантине аккуратненько пересчитают, и чем больше окажется их, тем азартнее работа у чертей начинается, пока дебет с кредитом не совместят. На моих глазах заставляли одного олигарха, которого Абрамовичем кажется звали, запивая козьим молоком доллары американские лопать. Не поверите, Карлом Марксом клянусь, до зеленого поноса довели бедолагу. На втором миллиарде олигарх обломался и сам в казан с кипящей смолой запросился. Вот только запаматовал, пошли ему на уступку, а может и нет?

Ординарцу сразу же не глянулся хамоватый брательник вождя, возмутила не только прожорливость, но и показная надменность, видимо проистекающая от кровной близости к

Ленину. Петька решил направить разговор в справедливое, подобающее настоящему моменту русло и потому рубанул Александру, что называется, про между рог:

– Какие могут быть между тобой и царем представления, ведь это же его венценосный папашка подмахнул приглашение всей вашей компании прогуляться на зорьке под виселицу. Можешь лично выразить благодарность трехсотлетнему Дому Романовых, за оказанную честь и любезность. Веревка-то хоть зашморгнулась по-человечески, не поскупились подручные снасти хорошенько намылить? Это видать с оглядкой на вашу веселую казнь, большевики сочинили задорную песенку «Наш паровоз вперед лети!»

К такой непредвиденной радикализации разговора никто, разумеется, не был готов и за столом наступило небольшое смятение. Выручило, как всегда, хорошее воспитание, обстановку разрядил взявший слово Его Величество Николай:

– Знаете, Петр Парамонович, мой венценосный батюшка по собственной прихоти никому не подписывал приглашений на казнь, он исполнял свой священный императорский долг, во имя торжества закона и справедливости в нашем богохранимом отечестве. Да будет Вам достоверно известно, что во время коронации будущий царь присягает России стоять на страже закона и божией справедливости. И не вина моего, как Вы презрительно выразились, папашки, что дворянин Ульянов Александр преступил государев закон, тем самым изволив лично решить свою собственную судьбу.

Петька с должным почтением, не перебивая, выслушал царя, но, между прочим, отметил, что Николай несет себя и говорит в таком тоне, как будто все перед императорским родом были непонятно в чем виноваты. Как будто это не семейство Романовых, больше трех веков, единовластно правило бал в огромной стране. В итоге, без посторонней помощи, а только по собственному малодушию и дурости, профукало великую Державу, доцаревало до Ипатьевского подвального и благополучно откланялось нас. А потому, дабы их благородия

не строили из себя картину «Непорочного зачатия», ординарец развязано шлепнул:

– Тогда давайте считать, что и вашу венценосную семейку пустили в расход согласно императорским долгам, для торжества справедливости. Вы, известное дело, со мной не согласны, но обратите внимание, что и с Богом отношения у Дома Романовых не шибко сложились. Ведь не стал же Господь покровительствовать августейшим помазанникам, не простер Он защитный мафорий над обреченным семейством. Стало быть, не только перед пролетарской революцией, но и перед Всевышним прогневались вы.

Василий Иванович не на шутку встревожился, даже нельзя было предвидеть, каким образомотреагирует на Петькину демагогию царь Николай. Вполне можно было ожидать, что оскорбленный император поднимется и отправится восвояси в таинственный лес. А уже какотреагирует на этот скандал вышестоящий Распорядитель, комдив не то, чтобы не знал, он даже не допускал самой возможности Его негодования. Поэтому Чапаев в срочном порядке задействовал примирительную дипломатию:

– Дорогие мои, вы чего это враз побесились, зачем старое ворошить. Сейчас Кашкет с Аннушкой ущицы свеженькой на стол подадут, посидим по-семейному, за жизнь от души покалякаем. Ну-ка, ребятки, тащите сюда казанок, да раков с укропом несите краснющих. У нас, Николай Александрович, такие роскошные раки в озере водятся, что не стыдно и к царскому столу подавать. Едва ли где-нибудь попадаются более щедрые, более милые сердцу места, чем в нашем Разливе. Здесь блаженствуешь, словно в раю, когда бы покончить с войной, управиться с революцией, то всех вас забрать сюда и жить в свое удовольствие. У нас столько ягод, столько грибов и зверья непуганого по лесу шастает, что можно для еды ничего самому не выращивать. Бери у природы и с благодарностью трескай, можешь даже за обе щеки на перегонки уплетать.

– Насчет зверья сразу предупреждаю, все что угодно, только

не это, – забеспокоился царь, – попридержите, советую, на счет мяса свой аппетит. При подведении общих итогов, за каждую съеденную живую истоту спросят по полной. Один мой знакомый барон, в бытность свою, к жареным гусям весьма пристрастился, вот они теперь и клюют его без перерыва, разумеется, куда следует. У него уже вместо задницы две обглоданные костяшки остались. Что только ни делал бедолага, и извинялся и пощады просил, обещал закормить отборной пшеницей, а те, знай себе, долбят, аж искры секут. А по поводу «старое ворошить», я вот что скажу, Василий Иванович, это оно для Вас старое, а для меня последнее и единственное, вечно болящее, неизбывное. Эти негодяи кровожадней, чем дикие шакалы с нами расправились. Не пощадили даже цесаревича Алексея, непорочного ребенка жизни лишили.

Николай достал из брючного кармана батистовый, с вышитой царской монограммой платок, и тщательно промокнул просветленные детской обидой непорочные очи. И даже в императорских слезах было столько достоинства, такая благородная печаль сопутствовала им, что Василий Иванович от чистой души позавидовал необыкновенно красивому горю этого недоступного, Богом избранного человека.

– Я всего ожидал, – продолжил Романов, – все мог предположить, но такой жестокости, такого неслыханного варварства, воля ваша, предвидеть не мог. Вы не опасаетесь, что после дичайшей расправы с нами, у власти не осталось никаких препятствий для совершения любых, самых чудовищных преступлений?

Вопрос императора повис без ответа, потому что задан был всем. А за совершенное злодеяние спрашивать следует персонально. Человечество еще с библейских времен, побивая несчастных камнями, научилось уходить от личной ответственности. Такая расправа не позволяла установить, чей именно камень оказался смертельным. Вот и получалось, что никто не нарушил самую главную заповедь «Не убей!». Тем не менее, Петька Чаплыгин, явно не склонный к

сентиментальностям, счел справедливым не отмалчиваться по спорному поводу и взял на себя ответственность ответить за всех.

– А вы чего ожидали, господа хорошие? Вам распятая Русь пряников тульских должна была закупить? В ваших руках было все, и огромная власть, и богатства, и верность народа безмерная, вот только совестью и смекалкой во время помазанья чуток обнесли. Надо было не только собой любоваться, но и царскую ответственность перед народом нести. Вы хоть пытались прикинуть в уме, сколько нашего брата в ходе бездарно проигранной вами войны непонятно за что полегло. Кабы всю их невинную кровушку собрать воедино, по-более батюшки Урала в берегах наберется. Тоже единственной, как печально заметили Вы, вечно болющей кровушки. Потому что перед смертью, не забывайте, все люди под гребенку равны.

– Но будя-будя, – строго осадил разгоряченного ординарца комдив, – чего зря трепаться, язык без костей, он меры не знает. Вот и хозяйюшка наша распрекрасная в самый раз с ущицей пожаловала. Давай, Аннушка, становись повелительницей этого вечернего бала, распоряджайся по своему.

Действительно, из сполохов пляшущего языками костра появились Анка с Кашкетом, бережно несущие за горячую дужку казан, и поставили его на белую скатерть, прямо в центре стола. Денщик доложился компании с помощью поднятого большого пальца о качестве рыбацкой ухи. Раскрасневшаяся от кострового огня и избытка плотской любви пулеметчица, вооружившись алюминиевым половником, принялась колдовать над бесценной юшкой, аромат от которой распространялся далеко за пределы стола.

– Это Вам, дорогой Николай Александрович, – и жрица застолья бережно поставила перед заметно смущенным царем полную миску, – Вы, наверняка, подзабыли вкус костровой, с двойным наваром ущицы. Навряд ли в заоблачных далях такие окуня и карасики водятся, как в нашем родниковом Разливе. И чего Вас туда занесло, жили бы лучше до старости вместе с

русским народом.

– Какие там карасики, – взъерошился с полуоборота студент Александр, – постоянно одни только яблоки жрать за обедом приходится. У меня изжога от них на всю жизнь приключилась. Честью клянусь, если ничего не изменится, голодовку бессрочную готов объявить. Лучше сгореть на костре, как Джордано Бруно, нежели до скончания века поносами мучиться. Я уже и бомбу готов самодельную проглотить, только бы не казниться вкусом антоновских яблок.

– Это в вашем колхозе «Светлый путь» одними только яблоками потчуют, – заметил Царь Николай, – пробуя из ложки на вкус ароматную юшку. А вот в нашей артели «Тихие заводы» иногда по утрам и орешками балуют, не жирно, конечно, но очень приятно, и жить, по-прежнему, хочется. Я слышал, что у вас на день «Парижской коммуны» тыквенные семечки членам правления колхоза в кулечках с бантиками выдавали. Что ни говори, а хороших, добропорядочных людей везде отмечают и поощряют при случае.

Василий Иванович, заметно подобревший после первой выпитой чарки и мастерски сваренной юшки, начал приходить к заключению, что гости, в действительности, неплохие ребята, и с ними можно по-человечески провести время. Возникло приятное ощущение, будто они знакомы много уже лет и данная вечеринка, всего лишь обычные дружеские посиделки. Командир налил всем полные чарки по второму кругу, для Александра это уже был четвертый стопарь, с учетом режима активного самообслуживания. После чего Василий Иванович пригладил щегольские усы и спросил с воодушевлением:

– За что пить будем, гости мои ненаглядные? Если имеете в сердце охоту высказать доброе пожелание, с удовольствием послушаем вас. Мы ведь тоже без застольных речей опрокидывать стопки не очень приучены, как и полагается в русских православных традициях.

– Можно поднять бокалы за Карла Маркса или Фридриха Энгельса, например. А еще лучше, за мировую пролетарскую

революцию, – незамедлительно подал компании мысль бомбометатель Ульянов Александр.

При этом посоловевшие глаза его плотоядно пожирали волнующиеся любовью и молодостью обнаженные Анкины руки. Пулеметчица в кураже от своей незаменимой востребованности с игривым кокетством поднесла студенту полную миску янтарной ухи.

Чапаев, внимательно отслеживающий все происходящее за хлебосольным столом, четко для себя отметил, что еще немного и ленинскому брательнику придется проглотить уху вместе с алюминиевой миской. Настолько недвусмысленным становилось выражение Петькиной звереющей физиономии. Поэтому он украдкой пригрозил ординарцу зажатым стальным кулаком. Но студент, похоже, быстренько и сам сориентировался по ситуации и картинно, едва ли не спиной повернулся к искусительнице, демонстрируя полное к ней безразличие.

Царь Николай, между тем, обратившись непосредственно к предложившему политический тост Ульянову, искренне возмутился:

– Вот уж бокалы. Может, Вы еще посоветуете выпить за Гришку Отрепьева или за Малюту Скуратова, это же все Ваши кумиры. По-моему, в приличном обществе полагается пить за порядочных, благородных людей или, по крайней мере, за добрые пожелания. Похоже, ваше пребывание в вечности, не способствовало освобождению от готовности служить безобразиям. Видно, не всякого ущербного или горбатого даже разлука с Землей хоть немного исправит.

– И что вы такие конфликтные, – вставая из-за стола, обратился к окружающим с примирительной речью Чапай, – разве можно на таких неуважительных тонах проводить приятельский ужин. Ведь у нас же общая доля, общая матушка Русь, неужели нельзя относиться друг к другу по-братски. Предлагаю расслабиться и выпить до дна мировую, выпить за родину нашу, вечную и неизбывную гордость для истинно русской души.

Все без приглашения поднялись со своих мест, сдвинули граненые стопки, и с решительным выражением лиц опрокинули этот, как нельзя более примирительный тост. Так издревле повелось в нашем бесшабашном отечестве. Люди могли враждовать, до кровавых чертей изводить и себя, и соседа, но когда вопрос подымался про матушку Русь, всякие личные страсти и прихоти отступали на задний план. Оставалась только она, необъятная и непостижимая, как вечерняя зимняя молитва, как стремительный бег разгулявшихся внешних вод.

Удачно и главное ко времени выпитый тост, разумеется, заметно смягчил в Разливе общий настрой почтенной компании. Все с облегчением заулыбались и переключились на осаду изобилующего вкусятиной стола. В ход пошли и уха, и роскошные раки, в самом деле величиной чуть ли не с лапоть, за которые не то, чтобы по пять, но и по пятнадцать запросить на одесском привозе не стыдно. Духмяные, мастерски запаренные в крутом укропном настое, они были приняты публикой на ура. Николай, смачно прожевывая очередную раковую шейку, доставшуюся непосредственно из заботливых рук пулеметчицы, заметил окружающим:

– Я полагаю, славная жизнь могла бы процветать на Руси, когда бы всякие горе-господа и прочие выскочки не баламутили почем зря наш богоносный народ. Православные люди по-детски добры и доверчивы, поэтому без труда поддаются на уловки пустых болтунов, не стесняющих себя в обещаниях. Пока власти в руках не имеешь, обещать можно все, что угодно, а получишь хоть малую, хоть безмерную власть и враз обнаружится, что ничего изменить невозможно. Я даже больше скажу, чем могущественней представляется обретенная кем-либо власть, тем беспомощней на поверку оказывается ее якобы распорядитель.

Царь с досадой развел руками и попросил пулеметчицу приготовить для него небольшой с зернистой икрой бутерброд. При этом рассказал смешную историю, как в детстве всячески хитрил за столом и пытался под наблюдением взрослых, вместо

бутерброда с опостылевшей черной икрой, скушать чистый кусочек обыкновенного хлебушка. Приняв из Анкиных рук деликатно составленное угощение, Николай обратился к демонстрирующему аппетит кашалота студенту, и по-хорошему полюбопытствовал:

– Скажите хоть теперь, Александр, чем же мой батюшка так плох был для Вас, чем провинился перед российским студенчеством? Ведь Ваш просвещенный и почтенный родитель под покровительством царской короны до больших чинов дослужился. Если не запамятовал, директором народных училищ всей Симбирской губернии был, от казны содержанием не малым довольствовался. И вот, в благодарность отечеству вырастил для России завзятого цареубийцу, славный блюститель образования оказался, одно загляденье. Коль уж Вы так желали демократии, равенства, братства, взяли бы и подарили свой симбирский особняк под сиротский приют, или хотя бы под избу-читальню для бедноты приспособили. Народничество, что бы Вы знали – это самая отвратительная болезнь русского дворянства. Ох, как мы умеем картинно скорбеть и сокрушаться по поводу житейских тягот простого народа, вот только поступиться собственным благополучием никто не торопится. Главное дело, ты им дворянские привилегии, достойное содержание, а они тебе в благодарность смертоносную бомбу в карету. Ведь это ваши разбойники учинили расправу над дедом моим и за батюшкой кровавую охоту устроили. Я так до сих пор в толк не возьму, вы чего добивались-то? Разве сделалась жизнь простолюдина в многострадальной Руси хоть на крохотку лучше, после всех ваших революций и кровопусканий. Расправиться с безоружным императором и его невиновной семьей дело нехитрое, для этого много ума не потребуется. Но вот, чтобы отечество наше возвысить, приумножить богатство его, для этого умишка у предводителей черни не хватит. Сотню лет будут грабить нами нажитое, лучших людей изведут, изолгутся вконец, изворуются. Потом землю, политую кровью наших славных дедов, примутся потихоньку спускать, так бездарно и загубят Россию.

После продолжительного императорского спича за столом воцарилось некоторое замешательство, все молча, сосредоточенно переваривали сказанное, по-своему перемеривали долю отечества. Даже Аннушка, по природе не склонная к пустой болтовне о высоких материях, пригасила лучистый свой взгляд. Наконец, комдив нарушил затянувшееся молчание и, с огоньком подзадоривая поникший коллектив, спросил у студента:

– Как, считаешь, бомбардир наш Сашуля, если бы твой младший братеньник оказался при власти в четырнадцатом, выиграла бы Россия войну или так же бесславно оставила поля тяжелейших сражений? Мы ведь немало схоронили там своих лучших товарищей, с ними, похоже, закопали и царскую власть.

– Вы главного никак не поймете, Василий Иванович, – воспрянул духом братеньник Ульянова, он даже перестал наваливать на краюху хлеба черной икры, – если бы у власти стоял мой Володя со своим марксистским авангардом, ни о какой войне не могло быть и речи. Вы, смотрю, до сих пор еще не вкурили, что на самом деле означает великий призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Вот вы спросите себя, зачем воевать между собой российскому и германскому солдату, когда они являются одинаково угнетенными братьями, фактически единой семьей по несчастью. Сомневаюсь, чтобы кому-нибудь из императорских прихвостней доводилось кормить собой вшей или сербать похлебку в непролазной грязи и болезнях, спать под проливными дождями и ночными морозами, и здесь же, на месте, справлять любую нужду. И ждать, ежечасно, ежеминутно, когда вражеская беспощадная пуля выкосит бедолагу, а может и везуна, из этой невиданной скотобойни.

– И охота Вам по чем зря фантазировать под такие давно не вкушаемые нами закуски, милейший господин Александр Ульянов, – искренне засокрушался Великий князь Николай, покачивая императорской головой. Он внимательно посмотрел на лишенные былого блеска неухоженные ногти своей левой

руки и продолжил, – вот попомните мое слово, доживем эдак года до сорок первого и диву дадимся, когда ваши обожаемые германские и российские пролетарии примутся беспощадно колбасить друг дружку. В таком интернациональном братстве сойдутся, так будут усердствовать, что четверть просвещенной Европы не за понюшку табака ухандохают. Управятся без услуг ненавистных вам императоров, исключительно под знаменем борьбы за всеобщую справедливость.

На что, отродясь не склонный к уступкам, защитник всего трудового народа, бомбометатель Ульянов, немедленно выразил свой протест. Возобновив активные действия по сооружению очередного бутерброда в форме шахтерского террикона из черной икры, он изложил марксистскую точку зрения на возможную историческую перспективу.

– Видите ли, Николай Александрович, – принимая академическую позу, заявил давящийся бутербродом студент. – Во главе пролетариев должны стоять самые честные, самые умные кормчие, проверенные жизнью вожди. Такие, например, как мой младший братишка Владимир. В России всегда отыщутся настоящие патриоты, способные решительно вести за собой массы в светлое будущее.

– Вот-вот, дело говорит наш Сашура, – подхватил инициативу Ульянова воодушевленный комдив и пододвинул поближе к студенту миску с осетровой икрой. – Народу нужны толковые полководцы, без них даже самая победоносная армия не в состоянии добиться блестящей виктории. А уж ленинская партия не подкачает, никому не позволит своротить нас с революционного пути.

Император посмотрел с тоской в звездное небо и, неожиданно для всех, сам налил себе полную стопку. Извинился перед компанией и хлопыстнул ее до самого дна. Резко выдохнул, как это делают простолюдины, и произнес назидательно:

– Так-то оно так, но все-таки хорошо, когда люди сами, без всяких вождей свое место в жизни находят, желательно, чтобы без партийных истерик и обязательно с покоем в душе. Не хочу

прослыть дурным пророком, но предвижу, что с толковыми полководцами у Вас, Василий Иванович, не шибко заладится. Когда будут при власти, больно грамотными и резвыми скажутся, а как только с Кремля-то долой, круглыми дураками объявятся. До того никудышными сделаются, что не всякой кобыле и гриву заплетать им доверите. Вот такими, похоже, окажутся пролетарские ваши вожди, первыми и разбегутся из-под священного знамени Октября, только пятками засверкают. А пролетариям всех стран покажут большой грязный кукиш. В присутствии дамы не имею возможности нарисовать более полную перспективу.

Василий Иванович положительно не мог согласиться с обидными царскими предсказаниями, они оскорбляли чапаевцев, не щадящих в боях за народное дело свою горячую кровь. Комдив первый раз от чистого сердца пожалел, что не пригласил на сегодняшний ужин политически подкованного комиссара. Уж тот бы выдал по памяти пару страниц из «Капитала» и утер императору сопли. А теперь, в присутствии подчиненных, приходилось самому держать оборону и давать демагогу достойный отпор.

– Ваша правда, чего здесь греха таить, всякое в жизни бывает, может, иной раз и не самые лучшие полководцы к власти приходят, – допустил рассудительно Чапай, – но сейчас на дворе времена иные. Сейчас во власть такие парни пришли, что только держись. Грамотющие, молодые, щебечут как птицы на любых языках, эти спуска никому не дадут, больших дел наворотят.

Царь Николай обреченно закивал головой и, глядя перед собой в пустоту, сквозь мучительную улыбку согласился.

– Пожалуй, что наворотят, только вряд ли, и времена и полководцы другие. Времена иные разве что у очень глупых людей постоянно случаются. Мудрость великая на том и стоит, о том без устали и повторяет, что ничего не меняется. Вот извольте, потрудитесь полюбопытствовать, почитайте книгу проповедника Екклесиаста, в ней, как в бинокле, вся Библия сосредоточена. Проповедник, между прочим, понятным языком,

точно на духу говорит: «Что было, то и будет, и что делается, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем».

– Вы, Николай Александрович, – съязвил нажравшийся до отвала студент, – никак без пригласительного билета в святые отцы подались. Писание, что таблицу умножения, без единой запиночки шпарите. Можно на новогодние утренники к детишкам ходить, под елкой Евангелие декламировать.

– Да уж по заслугам, по великим страданиям нашим, – более чем серьезно ответил царь Николай, – к сонму православных святых надеемся быть сопричислены.

Разговор в этой стадии подошел к какому-то логическому завершению, он уже не предполагал дополнительных реплик и комментариев. Поэтому Василий Иванович, на правах хозяина дружеского застолья, предложил обществу немного размяться: «Кому нужно рекомендую пройтись, освежиться, пока Аннушка с денщиком не обновятся с посудой, не накроют заново стол».

Над Разливом во всю глотку шпарила озверевшая от одиночества луна. Полный диск ее был уже настолько велик, что, казалось, ночное светило свалится с катушек прямо на землю. И лес, и костер, и залитая зловещим светом поляна – все настороженно замерло в ожидании неминуемой вселенской катастрофы. Но странное дело, что все собравшиеся в Разливе люди, в действительности малые и беззащитные существа, испытывали при этом несказанный кураж, как будто вся их беспокойная жизнь была только и подчинена ожиданию конца света.

Как почетные гости, так и принимающая сторона разбрелись лениво по ближайшим кустам, а комдив, пользуясь удобным моментом, решил украдкой наведаться к озеру. Очень много спорных вопросов возникло по ходу беседы, которые требовали незамедлительных ответов. И получить их можно было только через таинственную мобильную связь. Василий Иванович с оглядкой спустился по береговому откосу, подошел к кромке воды и восстановил справедливый баланс уровня жидкости в природе. И только после этого, облегченно присел на заветный

ольховый топляк. Он достал из глубокого кармана габардиновых галифе сотовый телефон, включил рабочий режим и с легкостью набрал девять сплошных четверок. В трубке незамедлительно ответили:

– Говорите, слушаю Вас.

– Я, конечно, премного извиняюсь, Отче наш, быть может звоню и не вовремя, но мне до невтерпёжки хочется поговорить о сегодняшних наших гостях. Должен признать, они оказались неплохими ребятами, даже расставаться не хочется, право же, почти такие, как мы. Вам, наверняка, хорошо все известно про них. Знаете, кем они были, кем остаются сейчас и, главное, точно осведомлены, что ожидает этих парней впереди. Если их личное дело не хранится в контрразведке под грифом «секретно», поделитесь по дружбе хоть какой-нибудь информацией, просто сгораю от любопытства.

Чапаев, разумеется, был хорошо осведомлен о всяких причудах Создателя, о Его непредсказуемой манере рассмеяться в самый неподходящий момент. Однако на сей раз Тот превзошел самые смелые ожидания. Смех зародился почти что беззвучно, с мелкими подвываниями и всхлипываниями, потом вдруг выплеснулся таким громовым хохотом, что комдив непроизвольно поднял очи к небу в поисках электрической молнии. После резкого обрыва нечеловеческого ликования, из трубки, как ни в чем не бывало, послышалось:

– Как всегда, ошибаешься, друг мой, Василий, они не по нашему ведомству числятся. Не в моей, представь себе компетенции, знать и определять их дальнейший вселенский маршрут. Не то, чтобы недоступны, просто мне неинтересны они, для таких клиентов имеются опытные специалисты. Если горишь нетерпением, могу, по-приятельски, предложить секретный связной телефон. Номерок запомнить несложно, всего-то состоит из девяти обыкновенных шестерок. Звони вечером, у них справочная служба довольно любезная, работают по высокому классу, получишь ответы на любой свой вопрос.

Василий Иванович, не будь простофилей, враз догадался к чему это клонит Создатель и потому пошел на хитрый маневр. Он сделал попытку подступиться с другой стороны.

– Знаю я эти секретные телефонные номерочки, составленные из сплошных шестерок, не будешь рад, когда свяжешься. Вы лучше скажите, это правда, что Николая Романова могут в святые определить? С виду он не больно на Николая Чудотворца похож, да и на Серафима Саровского не скажу, чтобы очень-то смахивал. Что-то я никак не пойму, у Вас получается кандидатов в святые, как на цирковое представление, в порядке живой очереди записывают?

Создатель опять едва не сорвался в гомерический хохот, но отделался легким смешком, и, прикуривая папиросу, неожиданно сказал:

– То, что вы святых между собой назначаете, дело без сомнения интересное, дорогой мой Василий, но к нам оно не имеет ни малейшего отношения. Мы подобных почестей уже давно никому не оказываем, и списки в последнее время появились слишком большие, и заслуги для нас не очень понятные. Вы по собственному усмотрению Николая Второго в святые назначите, вам всю жизнь и поклоняться ему. Нам то что, от нас не убудет. Главное, чтобы они хоть на малую толику приближали вас к чертогам Царства Небесного.

Неожиданное заявление Создателя некоторым образом сбило с панталыку комдива. Он, по простоте душевной, наивно полагал, что имена кандидатов зачисления в святые обязательно согласуют с небесами, что там не может быть места для залетных гусей. Даже в партию к большевикам не проскользнешь сквозь игольное ушко у Фурманова, а уж к лику святых случайному человеку и комариным носиком не протиснуться. Потому Василий Иванович с нескрываемым недоумением поинтересовался:

– Так выходит, что Вы распоряжаетесь только там наверху, а к земным нашим дрызгам вообще не имеете никакого причастия? Тогда хоть в курс дела немного введите, если, конечно, небесный

устав позволяет. Предположим, князя Невского или отца Серафима Саровского, мы тоже по собственной воле в святые назначили. Если управились без Вашего благословения, то, согласитесь, очень несерьезно все это устроилось.

На что Всевышний назидательным тоном заметил:

– Зачем же, дружище, всех валить в одну кучу. И у нас, и у вас по-разному получается. Иногда среди вашего брата такие ревнители высокого духа являются, что и нам впору благословляться от них. Тебе же со смирением рекомендую принять, что на свете есть много чего, о чем до поры никому не открою, не то что по дружбе, но и по родственному никогда не скажу. Сколько сам подымешь, столько и понесешь, негоже человека нагружать поверх меры.

– Извините, но Вы постоянно напоминаете моего загадочного комиссара, – несколько раздраженно посетовал комдив, – стоит только дочитать в «Капитале» до самого интересного, Фурманов сразу же ничего не знает и объяснить толком ничего не может, сплошные ребусы. Я вовсе не претендую на стратегические небесные тайны, но скажите хотя бы, вот Владимир Ильич, он в святые, по Вашему разумению, уж точно годится? Не знаю более достойного примера служения счастьем всего человечества.

– Насколько я понимаю, – ответил Создатель, – никто его особенно не упрашивал беспокоиться о счастье всего человечества. Это он по собственной инициативе дурку включает. Складывается впечатление, что Ленин вроде как в фараоны намерен податься. Он уже и супругу свою, с глазу на глаз, на всякий случай Нефертиточкой величает. Для нас эта новость оказалось большой неожиданностью. Скажу под секретом, у специалистов самая лучшая жаровня без дела простаивает. Еще удивляет нас, что все как-то без размаха, довольно простенько пока у него получается, для приличной пирамиды то ли места, то ли камней не хватает. Похоже, что еще подвезут.

– Чего подвезут, Отче наш, камней или мумий, – забеспокоился комдив, – Вы можете откровенно хоть в этом наставить меня.

– Больно ты любопытен, Василий. Говорил же, что праздное знание приносит человеку одну лишь печаль. Расскажи тебе правду о Ленине, вся командирская жизнь пойдет кувырком, не возрадуешься, что шашку держать в руках научился. А вообще, в этом деле важен процесс, какая тебе разница, на чьей стороне саблей махать. Тревожишь меня по пустякам, нынче и без тебя день не заладился. Извини, поговорим в другой раз.

Василий Иванович, окончательно запутавшись в бесконечных предположениях, нетерпеливо поднялся с ольховой коряги. Устремив цепкий взгляд в ночное звездное небо, он, в который уже раз, беспомощно пытался представить, где же все-таки обитает этот загадочный абонент. Главное, видит и знает про все. Такого контрразведчика в штабе дивизии завести, до самой победы мировой революции без лишних хлопот самым героическим полководцем будешь.

Чтобы хоть как то развеять набежавшую некстати печаль, комдив по традиции сделал несколько глубоких приседаний, под кожаный хруст обожаемых трофейных сапог. После чего, оголив наостренную шашку, совершил ряд боевых с просвистом махов, и стремительно, кистевым броском загородил в ножны клинок. Вместе с ударом клинка о ножны, у самого берега какая-то огромная рыбина саданула упругим хвостом по лунной дорожке, так что холодные капли воды оросили комдиву чело. Он, вострепнувшись, вернулся в боевую реальность, вспомнил, что у командирского шалаша остались покинутые хозяином гости и спешно заторопился наверх.

За центральным пеньком, несмотря на долгое отсутствие командира, полным ходом продолжалось веселое гуляние. Уже ординарец сидел в обнимку с хорошо захмелевшим Александром Ульяновым, пил водяру из алюминиевой кружки и что-то вредное, оглядываясь по сторонам, кричал ему на ухо. Уже венценосный Романов, в неприличной близости переговаривался о чем-то с возбужденной, раскрасневшейся Анкой. По всему было видно, что оставь эту парочку наедине и, как пить дать, благодарное отечество возрадуется обретением

новоявленной императрицы. Более чем не по чину надравшийся денщик одиноко сидел у костра и отчаянно наяривал до посинения кошерное «семь сорок». Можете не поверить, но приبلудившаяся шавка исключительно в такт пересыпала коротенькими ножками, счастливо дергалась, подвизгивала и, кажется, даже подмигивала заядлому музыканту.

Чапаеву, разумеется, не очень понравилось заварившееся в его отсутствие веселье. Такая самодеятельность бессовестным образом нарушала законную субординацию, особенно раздражало заигрывание царя с пулеметчицей. Комдив, подойдя к столу, решил немного осадить разгулявшегося императора. В конце концов, в святые его пока еще никто не определил и нечего с ним за зря церемониться.

– Ты, Николаша, губу то не очень раскатывай, – стартанул без разгона Василий Иванович, – не так-то легко, по моему разумению, в святые пробиться. Для этого, брат, большие заслуги потребуются, твоих-то, пожалуй, и не наберется. Похоже, что так и придется до скончания веков бывшее оплакивать, да за чужими юбками волочиться.

– Да что Вы такое буровите, – враз ощетинился преобразившийся царь Николай. – Нравится это кому-то, а может и нет, но должна же быть божия справедливость, ведь нас всей семьей, словно блох, эти сволочи без суда и следствия перехлопали. Мы же такую лютую смерть в подвале от разбойников приняли, кого же, как не нас, следует причислять к лику святых? И учтите, не может Россия оставаться без покаяния.

– Так для своего удовольствия, эти же сволочи в святые Вас и обрядят, – бесцеремонно прокомментировал высокопарное заявление царя незатейливый ординарец. – Это же любимая отечественная забава: сначала стрельнуть, а потом со всеми почестями в святые загородить. Случается и наоборот, сначала в святые определяют, а потом с благородным гневом, аккуратненько, будто в фотографическом салоне, к стеночке возьмут и приставят. Тут, знаете ли, все решает фортуна, как

кому повезет. Эх, Николай Александрович, после того, как Вы страну ни за грош просвистали, не счесть сколько семей не то чтобы как блох, словно грязь непотребную поганой метлой замели. Если всех приниматься в святые из жалости снаряжать, чего доброго небеса наверху пообваливаются, не выдержат подобного столпотворения.

Царь подобрался с достоинством, напыжился как сыч, еще больше выправил шею и совершенно неожиданно для присутствующих выдал:

– Позвольте, но ведь я же божий помазанник, император с небесным благословением, неужели для вас даже этого мало? В цивилизованном обществе должны же присутствовать хоть какие-то священные нормы, неприступные для хамского попраения рубежи. К тому же Россия не приспособлена, не в состоянии существовать без верховного единоначалия, равно как и без православного исповедания. Еще учтите, что те правители, которые после нас в кремлевские коридоры власти зайдут, окажутся не в пример паршивей. Их не то чтобы в святые, пожалуй, не всякие черти в свою компанию с радостью примут.

В это время бродяга Кашкет, качаясь на пьяных ногах, подошел с балалайкой к столу и заиграл в полную мощь инструмента «Боже, царя храни!». Николай, законное дело, торжественно встал, троекратно перекрестился и уронил, не без гордости, императорскую слезу. Величальное стояние, наверное, продолжалось бы еще долго, если бы денщик не извернулся в ловком музыкальном коленце и не подсунул на закуску «и в ямку закопал и надпись написал». Венценосный гость просто рухнул на скамью, как подкошенный, и обидно заморгал голубыми глазами.

– Хватит Вам лошадей смешить, сами то верите тому, что несете, – не пощадил, морально уже поверженного императора, не на шутку отвязавшийся Петька Чаплыгин. – Настоящим божьим помазанником был тезка мой Петр Алексеевич, за таким императором можно было хоть в бой, хоть на праздничный смотр

без оглядки идти. Однако Ваше потешное царствование, иначе как императорским недоразумением не назовешь. Вот Аннушку нашу посадили б на трон, она не хуже Екатерины Великой с германцами без всяких соплей разобралась бы, и порядок в собственной стране навела. Пусть Вас не смущает, что невеста моя пулеметчица, у нее в душе Александр Македонский сидит.

– Не могу согласиться с Вами, Петр Парамонович, – из последних сил возразил полу поверженный царь Николай, – российской императрицей посадить на трон просто так никого невозможно, для этого необходимо родиться на свет под небесным благословением. Я уже не говорю о том, что государева служба много знаний и мудрости требует, этому долго и упорно обучаться приходится. Хорошую уху сварить без стряпчей науки едва ли получится, а страной управлять много сложнее, гораздо ответственной.

– Прямо уж, так-таки народиться надо, – не смогла промолчать, задетая за живое пылкая Анка. – Попадались нам с Люськой в трофейных обоях бальные платья, мы даже одевали их перед зеркалом. Можете не сомневаться, уважаемый Николай Александрович, не хуже ваших дворцовых барышень выглядели. Вот комдив наш, никаких академий никогда не заканчивал, а толстозадые генералишки, да очкастые офицерики только пятки успевают намыливать. Наши красноармейцы все их умные книжицы на самокрутки пустили и для всяких удобств приспособили.

Петька, рассудив сам с собой, что царю требуется некоторая передышка, для восстановления поникшего духа, решил переключить общее внимание к Александру Ульянову и потому, не без лукавства, поинтересовался:

– А расскажи нам студент, чисто по дружбе, дело ведь прошлое, сильно обрадовался, когда узнал, что большевики царскую семью порешили? Небось, целую неделю от восторга не просыхал, всю зарплату в трактире спустил. Я бы на твоём месте поступил точно так же.

– Что Вы такое выдумываете, товарищ Чаплыгин, –

запротестовал порядком заскучавший брательник вождя, – чему можно радоваться? Ведь там, в Ипатьевском подвальчике, злодеяние великое было совершено. Говорю об этом со знанием дела, с полной ответственностью. Подбор бриллиантов у дамочек был красоты несказанной, под стать российской короне. Все это чертыхнулось неизвестно куда, как ветром развеяло. За такие сокровища при хозяйском подходе можно было в Америке бомбочки изумительные заказать. Карету шестериком вместе с кобылами без труда на шпиль Петропавловской крепости занести. Я так мыслю, что из-за бриллиантов все семейство и шлепнули. Что поделаешь, жадность не одного фряера по жизни сгубила.

– А я ведь молюсь за него, негодяя, – возмутился растерявшийся Царь Николай, – ходатайствую о прощении божьем.

– Вы бы за себя не ленились молиться, Николай Александрович, – легко парировал студент, – не забывайте, что воля Господня, как и гнев, как и милость его – нам неведомы.

Луна незаметно потерялась в размерах, и свечение ее сделалось не таким тревожным, не таким магнетическим. Уже краем своим она коснулась верхушек деревьев, готовая до срока провалиться в черноту леса. Гости заметно заволновались, начали в нетерпении прощаться. Император вся малая, белая и так далее Руси обратился персонально к Чапаеву:

– Благодарю Вас за радушный прием. Раки за столом и впрямь были необыкновенно хороши. Оставляем Вас с надеждой, что все лучшее еще впереди.

Царь достал из верхнего кармана штопаной во многих местах гимнастерки золотой перстенок, тот самый, который предназначался в качестве свадебного подарка для пулеметчицы и, прямо глядя комдиву в глаза, вручил со словами:

– Девочкам моим он все равно там не нужен, передайте, кому сочтете необходимым.

И взяв под руку, потерявшего ко всему интерес Александра, не оглядываясь, торопливо направился в таинственный лес.

ЧАСТЬ II

Глава первая

Всякие времена переживала легендарная чапаевская дивизия, были в ее роскошной биографии блистательные победы, были и суровые дни тяжелых испытаний. Чего стоили одни только прощания с погибшими боевыми товарищами, когда казалось, что нет никаких человеческих сил становиться с винтовкой в строй и продолжать священное пролетарское дело. Но горе, которое накрыло чапаевцев в эту годину печали, нельзя выразить никакими словами, невозможно испытать никакими страданиями. Отошел в мир иной, сказать по совести, сделав вид, что отправился на тот свет, самый пламенный герой революции, незабвенный Владимир Ульянов. В это невозможно без поллитры поверить, но очень скоро к удивлению всех обнаружится, что ничего личного в мире ином Владимир Ильич не забыл и покидать нас вовсе не собирается.

В Разливе пятый день кряду, без пробуда, без просыха Василий Иванович вместе с затынутым в кожаный френч комиссаром, заливал неподъемное горе единственно спасительной для русской души благодатью, никогда и никого еще не подводившим утешительным средством. Кашкет давно уже безжалостно опустошил все самогоноварильные точки, обшарил самые

дальние закутки, где не брезговали сдабривать ядерное зелье паленым табаком, а иногда и куриным пометом. Выпито было все и денщик не имел даже малейшего представления куда отправляться, если комдив, оклемавшись, потребует водки. Самогонки в дивизии не осталось ни капли, хоть шаром, хоть тачанкой «вдоль по Питерской» прокати. Однако потенциальные силы между самогонным могуществом и телесным здоровьем Чапая оказались неравными. Врубившись очередной раз за страдальным, уставленным пустыми бутылками и надкусанными огурцами, пеньком, Василий Иванович сквозь шум головного прибора неожиданно сообразил, что если срочно не остановиться, не осадить лихого коня, появится хорошая перспектива отправиться следом за Владимиром Ильичом, и скорее всего без фараоновских почестей. Ценой героических усилий он сумел разомкнуть оплывшие, словно губы у покусанной шмелями лошади, веки и увидел прямо под носом красно-черную траурную повязку на кожаном рукаве безутешного товарища Фурманова. Комдив ткнулся носом в эту трагических раскрасок тряпочку и далеко не командирским голосом просипел:

– Митька, пора завязывать, иначе дело труба, так можно и до коммунизма не дотянуть.

Дмитрий Андреевич горестно промычал в ответ:

– Сам чую. Я уже и на том свете, кажется, немного побывал. Пятки огнем горят, такое впечатление, что на раскаленной сковородке украинского гопака с какой-то меньшевичкой наяривал. Надо же такой гадости с бодуна померещиться.

Все эти тягостные дни денщик сиротливо отирался в прямой видимости безутешно скорбящего командира и периодически принимался выводить на неразлучной балалайке исходящее тоской «Сулико». Как только Кашкет обнаружил заметные признаки шевеления оживающего командира, он ракетой метнулся к пеньку, с готовностью разделить любые страдания, и услужливо поинтересовался, чем может пособить в годину печали. В шалаше уже дожидался загодя припасенный бурдючок с кисленькой сывороткой, откинутой от сквашенного бараньего

молока. Запарена была и горная чудо-травка, которая среди понимающих в похмельной ботанике толк специалистов, называется «хвост аксакала» и весьма помогает с устатку. Эти, не единожды испытанные в суровых похмельях снадобья, были срочно востребованы, и сразу же после первых выпитых кружек в командирских мозгах наступило некоторое прозрение. Не так, чтобы вспыхнула радуга, вроде как после летней грозы, однако же забрезжил в разрывах обоих полушарий спасительный свет.

– Ну что, Дмитрий Андреевич, – поинтересовался срывающимся голосом Чапай, – будем считать, что прощание с вождем мирового пролетариата благополучно закончилось. Не приведи Господ, что-нибудь с Троцким или Фрунзе на днях приключится. Я хоть и полный Георгиевский кавалер, но чую нутром, не совладаю с собой, забегу в кушери. По мне, теперь лучше в атаку на капелевцев сходить десять раз впереди эскадрона, чем с одним вождем на всю жизнь расставаться.

Комиссар, несмотря на горящие в точке паровозного кипения трубы, нашел в себе силы изобразить удивление и выразить партийное непонимание.

– Похоже, Вы вчера были не очень внимательны, боевой мой товарищ Василий. Я ведь поставил и Вас, и Люсьену в известность, что прощание с Владимиром Ильичом отменяется категорически. Из центрального комитета получена секретная директива с постановлением руководства партии зарезервировать и сохранить вождя всех угнетенных народов для вечного пребывания поблизости с нами. Большевики поднялись на революцию во главе с Ильичом, вместе с ним и завершат это великое дело. Да и сам рассуди, ну какой к чертям коммунизм без товарища Ленина, это все одно, как тачанка без пулемета.

Чапай с некоторым здоровым подозрением выслушал вдохновенно слово полномочного представителя пролетарской партии, отпил еще для страховки четверть кружечки кислой бараньей сыворотки и закусил в раздумье зубами усы. Через пару минут решительно сплюнул прокуренную щетину и

принципиально спросил комиссара:

– Это Вы от себя сейчас гоните, или так в «Капитале» написано? Может накатите на всякий случай для бодрости соточку, слишком фантазия у Вас разгулялась, эдак может совсем не в ту степь занести. Иногда на поворотах попридержаться не мешает коней, – и уже как бы для себя самого, еле слышно, с чувством добавил, – на глазах теряем даже закаленных залпом Авроры людей, похоже, уже третьего комиссара белка накрыла.

Фурманов немедленно встрепенулся, подтянул портупеи, потрогал для чего-то притороченный к заду наган и по-партийному четко отреагировал:

– Вы, товарищ комдив, со своими фантазиями не шибко балуйте. Я Вам про секретные партийные директивы, а Вы мне про белку, на дурку советскую власть с насмешкой размениваете. Если так дальше дело пойдет, не сподручно нам будет в одной упряжке до коммунизма корячиться. В последнее время в партком регулярно поступают сигналы, что командир не твердо держится линии партии. Я понимаю, что дружба обязывает, но ведь революция, согласитесь, обязывает вдвойне.

– Ну, будя, Митяня, не кипятись, – примирительно включил заднюю скорость Чапай, – обговорим этот директивный вопрос с глазу на глаз.

И чтобы мягко загладить образовавшуюся неловкость, комдив обратился с расспросом к стоявшему рядом Кашкету:

– Как дела в нашей отважной дивизии, что с Петькой, где Анка, и какие вести с фронтов, не шалят ли сволочи капелевцы?

Денщик тотчас же выстроился под караул, мысленно подправил на буденовке козырек и четко доложил по всей форме:

– Анка, по Вашему личному распоряжению, отбыла на тачанке с тревожной траурной миссией, сопровождала пристрелянный в боях пулемет, в качестве утешительного подарка для безвременно овдовевшей Надежды Константиновны, будущему ангелу хранителю мировой революции. Мне показалось, что и пару десятков гранат, по собственной инициативе, втихаря

прихватила. Похоже, не ударим в грязь лицом перед центральным комитетом, не опозорим знамя дивизии. Ординарец, должен честно признать, все эти дни не покидает расположения, добросовестно следит за строевой подготовкой, с честью замещает отсутствие командира. Я, понятное дело, тоже был на чеку, глаз не спускал с капелевских позиций.

Судя по донесению денщика, служба в дивизии протекала в образцовом порядке, боевые соратники не подвели, подстраховали в лихую годину. Однако комиссар и здесь воткнул свой пятак с идеологическими подвохами.

– Вот это Вы зря с пулеметом, Василий Иванович. Я же предупреждал, что подарок может оказаться совсем и некстати. Только представьте, человек в трауре, в скорбной печали, а здесь наша отважная пулеметчица с грозным оружием, прямо ерунда какая-то получается. Это все одно, что в разгар партийного собрания желторотый кандидат выскочит на трибуну и вместо «Интернационала» заголосит в полную глотку «Шумел камыш». Товарищи в центре не любят подобных сюрпризов, обязательно поставят на вид, а могут, чего доброго, и к ответу призвать.

– Хороший «Максим», чтобы Вы знали Дмитрий Андреевич, никогда еще никому не мешал, это я Вам как боевой командир заявляю. По мне, так и саблю турецкую подогнать не мешало бы. Мы же не знаем, как дела теперь в руководстве партии сложатся. Я считаю, правильно поступили, в таких случаях всегда лучше передать, чем недодать. И вообще, Вы в военных раскладах мало, что смыслите. По партийной части, спорить не стану, здесь Ваше слово не знает преград, ну просто как двухтомным «Капиталом» по пустой голове, здесь Вы на самом горячем коне. А вот по части пулеметов, со мной советую никому не тягаться. Загодя сердце вещает, стрелять еще столько придется, столько патронов перевести, что с одним пулеметом вдова Ильича едва ли управится.

После того, как нафараонивший лыжи предводитель всех пролетариев для служения революции переместился, некоторым образом, из кремлевского кабинета в околосремлевский, жизнь

в ударной чапаевской дивизии начала постепенно меняться. С центрального комитета были спущены победные реляции об успешном завершении новой экономической политики и переходе к широкой индустриализации, в купе с поголовной коллективизацией, непосредственно за которыми призывно маячило победное восшествие зари коммунизма. Все ранее нашитые красноармейцами седла, хомуты и уздечки были свалены в большой общий сарай, на фронте которого Фурманов собственноручно вывесил развевающийся кумач и прикрепил на дверях здоровенную вывеску с надписью «Правление колхоза». Неунывающие бойцы вместе со своими голодными семьями уселись рядком под накрытым крашеным железом правлением и принялись во все глаза высматривать залетных пахарей, желающих пройтись с сохой по бескрайним колхозным земелькам. Залетные хлеборобы, словно черти нашептали, с опаской шарахались от общественной нивы и неугомонные красноармейские женки дружно потянулись на объездную дорогу в надежде на легкий заработок. Но и там фортуна упорно отворачивалась от краснокосынных, не пользующихся активным спросом путан.

Комиссар с раннего утра до поздней ночи проводил то открытые, то закрытые партийные собрания, перемежая их идеологическими семинарами и чрезвычайными сборами. Постоянно менял расположение бюстов коммунистических вождей на своем необъятном рабочем столе величиной едва ли не с «Красную площадь», делал энергичные кадровые перестановки. В дивизии никому не было покоя от его неугомонной созидательной деятельности, но жрать, ни лошадям, ни красноармейцам становилось практически нечего. Уже давно загнали на Соловки отпрыска опальных князей кузнеца Алексея Игнатьевича. Схрумали под Рождество каурю красавицу Настю, так и не дождавшись из под нее длинно-туловищных боевых чудо-коней. Давно пораспродали в заморские страны все церковные колокола, содрали и переплавили на трудовые рубли серебряные ризы с чудотворных икон, но ожидаемого

коммунистического изобилия, перещеголявшего евангельское насыщение пятью нескончаемыми хлебами всего личного состава, почему-то не произошло. На дивизию зловеще надвигался повальный голод.

Вот ведь незадача. Делали все исключительно по Марксу и Энгельсу. Буржуев смели под чистую поганой метлой, землю, всю до последнего аршина, по честному отвалили любимой бедноте, бесплатно учили, бесплатно лечили, деньги готовы были отменить в любую минуту, кое-кто уже стоял практически одной ногой в коммунизме, а жрать, хоть ты тресни, становилось нечего. Делали даже много больше, чем рекомендовали прорицательные Карл и Фридрих. Одного только собственного народа перекосили в сто крат выше нормы, чем требовалось по «Капиталу», и никто тебе ни хера, ни пол краюхи серого хлеба. И это при том, что изваяли под девизом «Накось выкуси» знаменитую скульптуру, демонстрирующую всему миру нерушимый рабоче-крестьянский союз.

Василий Иванович, между тем, несколько оклемавшись от траурных мероприятий, едва не окончившихся белой горячкой, памятуя настойчивые рекомендации Создателя – быть поближе к природе, решил как-то зорькой наведаться со снастями на озеро, под ранний рыбацкий клев. Заодно перетереть по дружбе с кем следует о последних печальных событиях, посоветоваться, на что ориентироваться личному составу, как управляться дальше без Ленина. Вернее с Лениным, но в интересном, нестандартном его присутствии.

Комдив приказал денщику с самого вечера наковырять полведра отборных, жирнющих червей и, вооружившись легкой бамбуковой удочкой, по росной траве бойко прискакал на берег Разлива. Природа еще как бы прибывала в раздумьях, то ли понежиться ей в уютном ночном безмятежье, то ли уступить пробуждению и со всей утренней свежестью ринуться в объятия наступающего дня. Еще не развеянный ветром туман, такой плотной вуалью стелился над поверхностью озера, что нельзя было рассмотреть даже дальний конец

ольховой коряги, и не было никакой возможности наблюдать сигналы удильного поплавка. Поэтому Чапай, примостившись на заветной коряге, заправил короткую прогулочную трубку любимым табачком «Герцеговина Флор» и, с наслаждением вкушая тончайшие ароматы, набрал по мобильному телефону, известный только ему одному, девятизначный номер. Абонент, не смотря на такую раннюю пору, оказался занят, и комдиву ничего не оставалось, как терпеливо дожидаться следующего вызова. Неожиданно, почти у самого хромового сапога, выплыла из воды огромная зеленая жаба. Она, с вытаращенными глазами, дивясь командирской наглости, а может собственной смелости, квакнула с такой пронзительной бессовестностью, что Василий Иванович едва не свалился в заревую озерную воду. И это еще полбеды, потому что трубка, бесценная прогулочная трубка Чапая вывалилась из разинутого рта и беспомощно шлепнулась в воду, даже не помахав хозяину на прощанье рукой. Вот это уже была невосполнимая, почти что стратегическая потеря. Поэтому комдив осторожненько подтянул к себе бамбуковое удище, изловчился и перепоясал мерзотину с обжигающей кавалерийской оттяжкой. Что сделалось с несчастной земноводной рептилией было не разобрать, но крепчайшее пятиметровое удище предательски надломилось в нескольких местах и вместо надежной снасти обвисло в руке беспомощной плетью. К величайшему огорчению, дальнейшее ужение рыбы сорвалось нелепейшим образом. Взбешенный жабьим паскудством рыбак выскочил, не владея собой, на песчаный берег и рассыпал весь джентельменский набор известных любезностей, которые у всякого русского человека припасены на подобный непредвиденный случай. Немного пометавшись по берегу озера, он брезгливо пнул сапогом изуродованную бамбуковую палку и хорошим напором замешал древние воды Разлива излишками своей горячей стихии.

Тем временем, в глубоком кармане командирских галифе торжественно заиграл могучий «Интернационал». Заиграл, как обычно, не вовремя, фактически при последней капле, что тоже

не прибавило настроения. Чапаев, тем не менее, молниеносно сгруппировался. Он ловко выхватил из штанов телефонную трубку, приставил ее к еще разгоряченному после морского боя уху и по-военному четко отрекомендовался:

– У аппарата, Отче наш, весь во внимании.

– Ты мотню-то застегни, прежде чем боевого генерала из себя на потеху разыгрывать, — послышался насмешливый голос в трубке. — К сожалению, не могу поздравить тебя с великой победой, но желаю поинтересоваться, ты для чего это божью тварь понапрасну обидел? Никаких беспокойств, как я понимаю, она тебе не доставила, разве что радостно поприветствовала на пороге собственного дома. И откуда у людей на Земле столько ярости? Жрете все без разбору, от зачатков жизни в виде рыбьей икры, до звериной падали. Но истребляя нещадно сей мир, вы рано или поздно до себя доберетесь. И еще слово какое-то дурацкое выдумали, про «гуманизм» рассуждаете. Это все проделки Адама, я давно уже заподозрил, что бесстыжий бездельник шакальным ребром забавлялся.

– Так ведь квакнула сволочь в самый неподходящий момент. Я же любимую трубку из-за нее загубил. Улетел Анкин подарок, плюхнулся на самое дно к головастикам. Даже представить противно, как они там лупоглазой толпой издеваются над драгоценной реликвией. Теперь придется Кашкета под корягу голяком запускать, а он по утрам процедуры с холодной водой пуще смерти боится. Денщику много проще в атаку на капелевцев сходить, чем в озере на заре окунуться.

Опять же, словно в насмешку, у самого берега всплыли две жабы и начали, не обращая никакого внимания на командира, о чем-то между собой переквакиваться. Но было полное впечатление, что переквакиваются они именно о нем и одна мерзость даже покрутила лапой у виска, недвусмысленно давая понять подруге, что грех на дураков обижаться. Только прямая мобильная связь удержала Чапая от желания выхватить шашку и продемонстрировать жабам, кто в доме хозяин. Но мысленно он не отказал себе в удовольствии представить, как лихо

наколот мерзотину на кончик клинка, подбросил в воздухе и, уже на лету, раздвоил как одуванчик.

– Вот ты утверждаешь, Василий, что денщик холодной воли пуще смерти боится, а я никак не возьму в толк, от чего это вдруг люди смерти бояться, если сами повсеместно с такой щедростью насаждают ее. Не промышляй на подхвате моя теща с косой, вы бы таких гадостей вокруг себя наворотили, что и представить на трезвую голову себе невозможно. Со смертью не бороться, к ней на встречу с любовью готовиться следует. Ловок, прямо скажу, оказался Володя Ульянов, развалился посреди улицы, будто король на именинах, и трава ему ни расти. Ты часом не собираешься к нему присоединиться, ведь дурной пример под рукой заразителен? А может зря вокруг смерти дуру валяете, хоронили бы кому час пришел на погосте, как природа матушка требует. Назакапываете посреди улицы что ни попадя, внукам стыдно показывать будет. Ты, никак, собираешься поинтересоваться моим отношениям к мавзолейным играм? Что ж, по дружбе открою.

И Всевышний голосом сказочника поведал:

– Впервые на Красной площади стольного града закопали юродивого в одна тысяча каком-то далеком году, если память не изменяет, в царствование Ванюшки беспредельщика, он у вас еще Иваном Грозным кличется. Тогда с великим благоговением было предано земле бездыханное тело почившего в Бозе мученика, светлой памяти Василия Блаженного. Святой жизни был тот человек и над могилой праведника признательные соотечественники возвели алтарный придел при Покровском соборе. Ты хорошенько запомни, дружище, бывает юродивые Христа ради, а бывает и сатаны ради. Но главное, времена наступают такие, что между ними не сразу проявится, не враз обнаружиться разница, я и сам иногда допускаю оплошность, неожиданно попадаю впросак. Тут важно, с какой стороны посмотреть, в какие времена и в каком настроении. Иной раз кинешь взгляд и залюбуешься ослепительным ореолом святости, просто глаз слепит. Но пройдет какой-нибудь десяток

лет и на месте нимба такие рога прорастут, обалдеешь, словно бивни у мамонта. А это самый верный признак того, что пройдет еще недолгое время и на месте роскошных рогов здоровенный нимб обнаружится, еще большей, еще лучезарнейшей святости. Поэтому, как только вымахают над ленинским мавзолеем рога лохматющие, не пугайтесь, и ни в коем случае не торопитесь со скорыми выводами. Неровен час, еще такое красное солнышко над забором Кремля воссияет, что и Моисею на Синайской горе у пылающего куста терновника не привиделось.

Василий Иванович и без дополнительного трепана понимал отношение Создателя к вождям мирового пролетариата и ничего нового для себя в этой обличительной речи не обнаружил. Он давно уже логически вычислил, что на небесах откровенно завидуют бессмертию Ильича, видят в нем серьезного соперника и всякими дешевыми приемами пытаются подмочить репутацию гения. Тем не менее, пользуясь случаем, комдив поинтересовался:

– И все-таки, если без Ваших обычных закидонов, в чем разница между египетскими фараонами и нашим Владимиром Ильичом?

– Да никакой значительной разницы между ними не вижу, – без тени сомнения заявил Создатель. – В Египте, одуревшие от власти фараоны, вознамерились с помощью рабского труда подневольных людей сгношить себе вожака бессмертие. А у вас кучка бездарных идиотов, нафараонив брэнно тело смутьяна, дерзнула учинить победу над смертью. Методы, до смешного похожие, а цель одинаково глупа и бессмысленна, бездарней, чем строительство Вавилонской башни, по моему. Ты как представляешь себе воскрешение Ильича? Вот очухается он, придет в кабинет, а какой дурак тебе свое главное место в кремлевских покоях уступит. Начнет болтаться среди занятых важными государственными делами людей, как дерьмо в проруби, пока не загремит по пятьдесят восьмой статье уголовного кодекса, а не то, чего доброго, и ледоруба отведаст. Лучше ему уже не высовываться, лежи себе, наслаждайся величием. Так что, не теряй времени даром, Василий, торопись

сделать что-нибудь хорошее за время, которого достаточно отпущено тебе. Правда, за победу над жабами, ордена у нас еще не придумали, не могу обещать триумфальную встречу. Желая удачного поиска затонувшей подарочной трубки. Не забывая про Меня, нет-нет да позванивай.

Служба в дивизии, по всем направлениям, опять не заладилась. Рыбалка сорвалась из-за подлой жабьей провокации, да еще с потерей бамбукового удилица и прогулочной курительной трубки. Анку унесли черти со станковым пулеметом на траурное мероприятие. Может, и впрямь не следовало снаряжать ее в рискованную экспедицию, наверняка пристреливает по ночам боевой агрегат с какой-нибудь штабной столичной рванью. Опять же и с Лениным толком ничего не определилось, Создатель вертит хвостом, точно залетка на объездной дороге. Одним словом – полная потеря стратегической инициативы, не хватает только прохлопать красное знамя дивизии.

Василий Иванович выхватил с досады неразлучную командирскую шашку и спустил распирающую его злость в растущий на склоне орешник. Искромсав изрядный куст до состояния курительной махорки, он смачно выmaterился и махом загородил в притороченные ножны клинок. Несколько успокоившись, и сделав тройку глубоких приседаний под согревающий душу скрип хромовых сапог, Чапаев бравой, победоносной походкой направился к командирскому шалашу.

Несмотря на воскресный день и откровенно ранний час, возле центрального пенька сгрудилась возбужденная толпа красноармейцев. Петька в окружении однополчан, широко жестикулируя плеткой-нагайкой, о чем-то отчаянно спорил, может даже с применением непечатных, не очень сентиментальных аргументов. Но лишь только на тропе появился наступательно шествующий комдив, бойцовская петушья, словно в стоп-кадре, приняла неподвижную стойку, напоминая запорожских казаков на знаменитой картине дедушки Репина. Василий Иванович мрачной тучей приблизился к стихийному сборищу и, глядя себе под ноги, сквозь зубы скомандовал:

– Всем оставаться на местах, ординарцу выдвинуться ко мне. Доложить по всей форме, что за базар? Какие заботы не дают бойцам заревать с любимыми женками?

Петька вихрем подмелся к Чапаю и, переминаясь с ноги на ногу, все еще пребывая в азарте жаркого спора, отрапортовал срывающимся голосом:

– Да вот, товарищ комдив, здесь красноармейцы какого-то Чумайса словили и захотели революционный суд над ним от себя учинить. Я, понятное дело, согласно устава препятствую совершать произвол, настаиваю дожидаться Ваших личных распоряжений.

– Коня, что ли, Анкиного заарканили, – удивленно вскинув брови, переспросил в сомнении командир, – так он вроде бы с тачанкой в траурную экспедицию к Надежде Константиновне отбыл. Неужели, пулеметчица на капелевскую засаду нарвалась?

– Вы не расслышали, Василий Иванович, – торопливо поправился ординарец, – не Чумаза, а Чумайса, я вам говорю. Наши бойцы беляка изловили, лазутчика ихнего. Несколько дней и ночей вокруг контры слежку вели, хитрющая сволочь, все в руки никак не давался. Сейчас он в кустах возле помойной ямы лежит, вожжами для страховки попутанный. Я не шибко рассматривал контру, запах идет не слишком-то свежий.

Чапай из-под нахмуренных бровей окинул красноармейцев испытующим взглядом, снял с головы каракулевую папаху, почесал затылок и заключил рассудительно:

– То, что бдительность не теряете, молодцы. Время нынче военное, глаз да глаз нужен, ну и без порядка на фронте быть никому не дозволено. Базар прекратить немедленно, всем вернуться в распоряжение по своим боевым расчетам. Ординарцу, как полагается, подготовить письменный рапорт, пленному обеспечить на замену портки и конвоировать ко мне на первый допрос. Тем, кто особенно отличился в операции по задержанию контры, от всего штаба выражаю командирскую благодарность и позволяю сегодня принять на грудь грамм по триста, но без перебора, могу и проверить.

Красноармейцы, не сговариваясь подорвали в расположение, добросовестно выполнять командирский наказ, потому что каждый видел себя настоящим героем в операции по обезвреживанию капелевского лазутчика. Героев могло оказаться так много, что в каптерке на всех не достанет горячего и тогда прощай недопитые триста. Один только вислоусый боец по кличке Макытра немного замешкался у центрального пенька, справедливо полагая, что Чапай поступил на сей раз не по совести. Ведь справедливо было позволить отличившимся красноармейцам присутствовать хотя-бы при первом допросе, получить удовольствие от предварительных Петькиных зуботычин. Выходило, что за зря три ночи караулили контру среди лопухов, в огороде известной всем контрразведчикам стервы, молочницы Клавдии. Макытра хотел было набраться смелости и обратиться с личной просьбой к комдиву, чтобы тот позволил присутствовать на первом дознании, но передумав, безнадежно махнул рукой, и уныло поплелся в сторону леса.

Ординарец, не теряя времени, переложил на Кашкета деликатную процедуру по замене порток обмаравшегося пленника, а сам расположился с подветренной стороны, в безопасной близости. При этом не поленился снять с предохранителя безотказный свой маузер, для надежного контроля за поведением контры.

Денщик грубо стащил с головы перепуганной детины дырявый мешок, сразу же взял на заметку блеснувший в разинутом рте золотой зубок и брезгливо бросил в рыжую физиономию трофейные запасные штаны. Потом нагнул, полосонул тесаком между щиколоток ременные путы и подошел к ординарцу на подветренную сторону. Вся операция по приведению лазутчика в строевое состояние прошла без каких-либо осложнений и Петька, взяв пленного на мушку, лично конвоировал его к центральному пеньку на первое командирское дознание.

– Вот полюбуйте, Василий Иванович, эта скотина собиралась тайком все наши планы военные выведать и за николаевские червонцы толкнуть белякам. Все улики налицо, у

него за пазухой карту шпионскую обнаружили, очень похожую на секретную, что в нашем сейфе хранится. Прямо как с аэроплана чапаевскую дивизию сфотографировал, каждую речку, каждый мосток, ничего не упущено. Бери хоть сейчас все наше расположение на прямую наводку и круши неприятельской артиллерией. Воля Ваша, но мне на такую погань и патрон неохота переводить, может, обратно контру в мешок, и по ранней дорожке на озере раков кормить.

Чумайс, державшийся и до этого не совсем уверенно, шуганулся окончательно, вплотную приблизился к той опасной черте, за которой следовала очередная замена порток. Предательский душок недвусмысленно потянулся от пленного.

– Напраслину возводят на меня, товарищ комдив, – залепетал рыжий лазутчик, обнажая в плаксивой гримасе дорогие коронки червонного золота. – У меня аллергия на богатства врожденная, как только увижу царский червонец, сразу в обморок падаю. Можете хоть сейчас провести следственный эксперимент. Я же свой, Василий Иванович, самого, что ни на есть балтийского, рабочего происхождения. Во время штурма Зимнего, рискуя жизнью, снаряды на крейсер «Аврора» подносил. За этот геройский подвиг от товарища Троцкого письменную благодарность имею, даже серебряным портсигаром был по заслугам отмечен. Именной портсигар, смею заметить, только что Ваш денщик потянул, пускай возвратит, на нем и дарственная надпись имеется. Да я, чтоб Вы знали, с самим Владимиром Ильичом вот эту стратегическую карту, которую ординарец из-за пазухи вытащил, весь этот план электрификации под коммунизм разрабатывал. Во все электростанции молодой Советской Республики душу свою без остатка вложил. Да разве только душу, руки в геройском труде намозоленные к каждой плотине прикладывал.

Что тут сказать, хитер был, конечно, Чумайс, здесь не поспоришь, но у легендарного комдива и не такие гуси мимо кипящей кастрюли не пролетали. При виде только блеснувшего ряда коронок червонного золота, Чапай весь

затрясся в пролетарском праведном гневе и покатил на рыжего раскопчегаренным бронепоездом.

– Какой я тебе товарищ, белая шкура, может ты и мою революционную руку собираешься к народным электростанциям приложить. Судя по твоим конопатым лапищам, на них уже столько всего поналипло, что всей дивизией заморимся отрабатывать. Шлепнем мы тебя, подлеца, чтоб на общественное добро больше не зарился. От такой гадости, Петька, боюсь и раков стошнит. Может, повесим его на плотине какой-нибудь электростанции, вкрутим лампочку Ильича куда следует, и пускай, как фонарь, болтается. Или вместо пугала приспособим, воронье отгонять. Все трансформаторы на электростанциях обгадили, уже несколько раз замыкание было. Ты только представь, в штабе две ночи без света сидели, хорошо хоть капелевцы засаду не сделали. Главное дело к Ленину, сволочь, примазывается, заслуги себе по электрификации коммунизма приписывает. Одним словом, пустим в расход, от нас еще ни одна контра не ускользала. Ты погляди пока за ним, Петруша, а я до ветру схожу, дела кой-какие с Кашкетом по службе оформлю.

Василий Иванович, лениво потягиваясь, подошел к шалашу, заглянул в его теплое чрево и обнаружил притворяющегося спящим денщика, который только что с любопытством рассматривал трофейный, литого серебра, портсигар. Так же, не торопясь, комдив заложил себе в рот половину покрученных пальцеви, что есть мочи, пронзительно свистнул. Кашкет вскочил с топчана, как ошпаренный, и так саданулся скворечником об центральную стойку берлоги, что едва не разрушил крепкое камышовое жилище. Метнулся к дверям, чудом не протаранил лоб в лоб командира и замер в ожидании подзатыльника.

– Чего, лоботряс, заметался, – беззлобно спросил денщика командир. – Тебе не кажется, что после недавнего боевого задания, следует на озеро непременно сходить, освежиться. Если ты в запахах не очень разборчив, то после переодевания пленного, в шалаше не духами французскими стало потягивать.

Немедленно бери полотенце и следуй за мной, поморжуем маленько. И, не пускаясь в дальнейшие разъяснения, Чапай командирской походкой направился к озеру, будучи твердо уверен, что Кашкет не замедлит помчаться за ним по тропе.

Над Разливом уже в полную силу господствовала разогревшаяся солнечная глава и природа с вожделением потянулась к ее щедрому теплу. Бесчисленное множество бабочек, кузнечиков и стрекоз, попеременно с мелкой и средней пичугой, начали заполнять, озвучивать лесное пространство божественной симфонией живого пения. В такие минуты с восторгом и благоговением проникаешься непостижимой сокровенностью вечной жизни на матушке нашей Земле. Не своего личного прозябания, но жизни, как таинственной мистерии огромной планеты, неутомимо бороздящей просторы Вселенной. Просто дух захватывает, когда начинаешь задумываться, что идущие к озеру Чапай с денщиком, тоже ведь стремительно мчатся вместе с Землей по космическим звездным орбитам.

Еще на подходе к озеру комдив сердечно поведал Кашкету захватывающего содержания историю, как на раннем клеве к нему, на заправленный смачным червем рыбацкий крючок, подцепился гигантских размеров судак. Как почти полтора часа жаркого боя он доблестно сражался с озверевшей рыбиной. И как, фактически у самого берега, эта сволочь рванула из последних мочей натуженное удилище и бамбуковая палка не сдюжила, разломилась на несколько непотребных частей. Но самое досадное заключалось в том, что в ходе жесточайшей схватки, любимая подарочная трубка Чапая неожиданно упала в озеро. Теперь любой ценой требовалось выловить ее, сиротливо лежащую на дне, скорее всего под ольховой корягой. Учитывая, что наемни комдива прострелило радикулитом в левую поясницу, то хочешь-не хочешь, однако Кашкету придется осваивать подводную стихию. В самом деле, разве может настоящий страж революции допустить, чтобы над любимой прогулочной трубкой Чапая глумились в сплетениях водорослей

озерные пиявки и головастики.

Прибыв на место недавней морской баталии, безутешный денщик оголил свое обреченное на истязание тело с загорелыми, будто одетыми в коричневые перчатки, руками и такой же загорелой, по самые костлявые ключицы, физиономией. Осторожно прикоснувшись дрожащими пальцами обреченной ноги к ненавистой холодной воде, он пережил потрясение, сопоставимое разве что с высоковольтным электрическим разрядом или эффектом разорвавшейся гранаты. Тем не менее, Кашкет отрешенно перекрестился, как перед последним причастием, сверкнул глазами на командира и, сломя голову, ринулся в этот огнедышащий осколок ледовитого океана. Буквально после первого смертельного нырка, ошалевший подводник с отчаянным победным криком «нашел, но что-то очень мягкое», выбросил на песчаный берег перебитую напополам зеленую жабу.

— Ты что это, падло, издеваться задумал, — осатанело взревел легендарный комдив.

Он тут же, не раздеваясь, не отстегивая шашки, кавалерийской штурмовой атакой ринулся в воду.

Враз заочневший Кашкет, гонимый лютой стужей и животным страхом, выскочил трассирующим снарядом на спасительную сушу и, про всякий случай, отбежал по берегу на почтительное расстояние, даже не задумываясь о дальнейших последствиях. А ведь бегство с поля боя, в глазах командира, приравнялось к измене отечества.

Чапай бурлил бегемотом под самой корягой, подымая волнение ничем не уступающее тому, которое наблюдается при спуске атомного ледокола на воду. И вот, среди этих бушующих стихий, словно посреди океанских цунами, раздалась победная «виктория».

— Нашел! — взревел ликующий подводник.

Комдив, в россыпях пены и сверкании брызг, торпедой выбросился на спасительный берег. При этом едва не споткнулся о перебитую бамбуковой палкой злополучную жабу.

Кашкет тотчас метнулся в зону десантирования комдива и принялся стаскивать с Нептуна именную саблю, мокрый мундир и бесценные хромовые сапоги. При этом не преминул несколько раз напомнить Чапаю, что отбежал исключительно для разгона, чтобы как можно дальше и глубже забуриться для поиска в воду. После победоносного завершения не просто морской, а фактически подводной войсковой операции, командирская амуниция была прилежно развешена денщиком на прибрежных кустах. Предательски намокший телефонный аппарат и спасенная курительная трубка по инициативе Чапая были временно развешены на солнышке в вытянутых руках Кашкета, изображавшего огородное пугало. Сам Василий Иванович, одетый в одну только саблю, задумчиво прохаживался по берегу на босую ногу, мучительно соображая, чем может закончиться подводное испытание для мобильного телефона. Не хватало, чтобы из-за этой зеленой жабы нарушилась таинственная связь. Ведь еще так много невыясненного, еще много о чем необходимо обязательно посоветоваться.

«Если восстановится мобильная связь, – размышлял про себя комдив, – приставлю Кашкета к награде. Если нет, отправлю на передовую. Сколько можно валять дурака, пускай в окопах на своей балалайке потренируется».

Спустя положенный срок, мужественно преодолевший стояние на летнем солнышке денщик, помог командиру облачиться в просохший мундир и натянуть заметно скукоженные генеральские сапоги. Но все любопытство, все нетерпеливое внимание Кашкета было сосредоточено на таинственном мобильнике, сверкающем серебряными кнопками в его вытянутой руке. Более всего эта непонятная штуковина напоминала дамскую табакерку или шкатулку для очень изысканных ценностей. Однако комдив-собака бесцеремонно наложил железную лапу на загадочное изделие и демонстративно опустил его в бездонный карман своих галифе. После чего сделал очередное командирское распоряжение.

– Сейчас дуй наверх, поможешь Петьке покараулить

пленного, но прежде, колонись командиру, что за портсигар ты у беляка затрофеил. Стоящая ли вещьца, и надпись именная действительно на портсигаре имеется? Все-таки, лазутчик странный какой-то, золотых зубов полон рот и вожжами мировой революции прикрывается. Как бы в засаду не вляпаться, шлепнем второпях не по делу скотину, на собственную задницу приключений накликаем. Ты что думаешь по этому поводу?

Когда вопросы ставились о золоте и серебре, думанье Кашкета отличалось своеобразной логикой и ответ, разумеется, последовал нестандартный.

– Это же я, Василий Иванович, исключительно Вам на день рождения портсигар хотел подогнать, неплохой подарок мог получиться. И надпись подходит, там же ясно написано «Герою революции лично от товарища Троцкого». На золотые коронки я сразу глазок положил, в случае чего, у меня под матрасом плоскогубцы имеются. Могу прямо сейчас золотую лихорадку в Разливе устроить, но правильно будет лучше потом. Знаете, как поговорка гласит : «Сделал дело, гуляй смело».

– Ты про свои плоскогубцы и думать не смей, – категорически отрезал Чапай, – дуй наверх, и без меня никаких экзекуций, я еще ничего не решил. Для надежности, посоветоваться кое с кем не мешало бы.

Денщик кивком головы выразил согласие с позицией командира, заметив только, что всегда желает сделать как можно лучше и принялся выбрасывать в озеро бесполезных червей. Он проворно ополоснул ведро и, прихватив для ремонта бамбуковое удище, с позволения комдива, равнодушно поплелся нести караул у золотозубого пленника.

Василий Иванович, тем временем, выждав минутку, расположился на заветной коряге. Внимательно огляделся по сторонам и достал из кармана трясущимися руками пострадавший мобильник, чтобы набрать в нетерпении таинственный девятизначный номер. Несмотря на водные процедуры, телефон, к несказанной радости комдива, сработал исправно и в мобильнике обыкновенным образом ответили.

– Слушаю тебя, Василий, поздравляю с благополучным возвращением любимой подарочной трубки.

– Благодарствую за живое участие, Отче наш, но звоню я вовсе не по-этому поводу. Проблема у меня гораздо более серьезная возникла, боюсь, без Вашей помощи никак здесь не справиться. Сегодня ни свет, ни заря бойцы пленили и доставили в Разлив отъявленного фармазона и контру, по кличке Чумайс. Рыжий, что таракан. Долговязый и больно уж жаден, зенками так и шарит, в церкви готов за копейку горохом отсалютовать. Доложу, как на исповеди, руки до того чешутся, хоть саблей, хоть наганом этого уroda к Вам в гости со всеми почестями сопроводить. Мне немалых усилий стоило обуздать своих боевых соколиков, задержись хоть ненадолго, разорвали бы подлеца на шматки, кое-кто уже в нетерпении плоскогубцами цокает. Зубы у контры, как шестеренки на новом будильнике, высшей пробой отблескивают. Вы постоянно упрекаете нас в излишней жестокости и отсутствии милосердия, вот сейчас посоветуйте, как поступить с этой гадостью? Позволить ему дальше безнаказанно грабить нашу дивизию или все-таки взять легонечко за ухо и поставить под стенкой к ответу. Должна же не только на небесах соблюдаться одинаковая для всех справедливость.

Создатель, не перебивая, выслушал гневную речь недремлющего стража мировой революции, похоже, закурил и попросил кое-что уточнить для ясности.

– Ты какого Чумайса имеешь в виду, уж не того ли, что не так давно тюльпанами и гвоздиками по весне приторговывал. Если память не изменяет, он шустрился с цветами в подземных городских переходах и на станциях метро колыбели пролетарской революции. Вот сейчас окончательно вспомнил, соплив очень был, в переходах сквозняка, он морду постоянно оранжевым теплым шарфом укутывал, может, от холода, а может, от знакомых таился. Должен признать, ловким дельцом рыженький комсомолец из славного города Питера оказался. У двоюродной тетки тепличку краденым электричеством

приноровился отапливать, однако для миленьких женщин к восьмому марта прелестные цветочки выращивал. Это у него с тех тепличных времен любовь к электричеству навсегда сохранилась. Признаться, не стал бы слишком строго судить молодого энтузиаста, ведь много радостей доставил вашим красавицам и хороший достаток, как полагается мужчине, семье обеспечил.

Василий Иванович даже головой замотал в знак не согласия, в душе у него еще теплилась живая надежда на солидарное отношение к своему благородному негодованию.

– Да этот же, конечно, Чумайс, какой же еще. Только он, сволочь, после цветов мазуриком крупным заделался, народными электростанциями стал без зазрения совести торговать. А о теплицах даже вспоминать не желает, морду воротит, респектабельность блюдет. Хотя напрасно канючит, удобрением от него до сих пор неслабо несет. Хороший навоз никакими «шанелями» не перешибешь. По моим разведданным, богатствами непомерными завладел проходимец Чумайс. За одни только зубы червонного золота можно три многодетных семьи на домашней колбасе и медовых пряниках содержать. А ведь получая комсомольский билет на «сыкуху» божился, что готов за дело товарища Ленина жизнь свою до последнего дыхания положить.

– Ты скажи мне, пожалуйста, друг мой Василий, – с подчеркнутым интересом задал вопрос свой Создатель, – он своими или чужими электростанциями приторговывал. Помоему, в данном случае это самое главное. Если продавал собственное имущество, опять-таки, ничего дурного в твоём Чумайсе не вижу. Сам рассуди, чего здесь плохого, когда человек, приложив немало усилий, построил настоящую электростанцию. Может, своими руками, а, может, торгуя цветами, средства заработал и коллективное строительство организовал. Потом взял да и продал тому, кто имеет нужду в электричестве.

Василий Иванович от волнения взвился костром на ольховой

коряге, как в седле необъезженного скакуна, даже бородой о бинокль саданулся. Едва сдержался, чтобы не прогуляться по матушке.

– Да откуда же у него своим электростанциям взяться? Эта контра за всю свою долговязую жизнь ничего полезного в дивизии не сделала, ведь и цветы продавал, подлец, по цене непомерной. Он в эти электростанции и двух гвоздей не забил, кобылой полбочки воды питьевой не подвез для рабочих. В том то и дело, что торговал народным добром, которое красноармейцы тяжким трудом для облегчения своей жизни скопили. Вы то наверно уж знаете, сколько надежд и стараний было вложено личным составом в эти приводные ремни коммунизма. И вот рыжий пройдоха, за здоров живешь, прикарманил принадлежащее всем достояние. Главное дело, все время следы замечает. Нынче, подлец, в очередную авантюру подался. С торговли электростанциями переметнулся на фарцовку выдумками разных ученых. Поговаривают, снова за лампочки Ильича принялся, в который раз дармовой свет в каждой избе запалить обещается. Стало быть, снова загребет под себя конопатыми щупальцами немало чужого добра.

– Уж и не знаю, Василий, что за бардак у вас там в дивизии происходит. Почему взрослые люди позволяют беспечно грабить себя? А может, все ваши электростанции никогда красноармейцам и не принадлежали? Начинаю подозревать, что вы со своим комиссаром просто дурачили, лапшой завлекали беспечных людей. Попытайся собственную портянку отобрать у бойца, он такую кавалерию из матюгов на обидчика спустит, вплоть до того, что саблей вонючую тряпку начнет защищать. А здесь воруют богатства несметные и нет ни малейшего сопротивления. Согласись, не очень понятно. Я всегда говорил, что пролетарская свистопляска окончится для рядового состава величайшим разбоем. В любом случае, пленного Чумайса ни судить, ни оправдывать я не стал бы. И тебе не советую брать лишний грех на душу. Справедливо будет собрать на совет уважаемых крестьян и рабочих, хорошо бы из тех, кто

геройствовал в общественном тяжком труде и кто больше всех потерпел от афер проходимца. Пусть эти люди сами решат, пусть сообща огласят свое отношение к плененному бизнесмену. Кто знает, быть может пролетариям как-то по-особенному приятно, может испытывают марксистский экстаз, когда их обируют до нитки. Зачем же препятствовать товарищам получать удовольствие. Добавить к этому больше ничего не желаю. А теперь не серчай, мне придется откланяться, одолевают дела неотложные. В другой раз потолкуем подольше и повод, быть может, представится поинтересней.

Василий Иванович заметно приободрился, с удовольствием пригладил лихие усы и даже подмигнул сам себе правым глазом. Общее удовлетворение комдива выразилось в оброненной вслух поощрительной фразе: «Вот голова, видно не зря называется Богом, на такую должность кого ни попадя не назначат».

– Ты поболтай у меня, – неожиданно послышалось из телефонной трубки. – Бог он и есть Бог, а название здесь совсем ни при чем. К тому же, это вовсе не должность, но кое-что гораздо поинтересней любых ваших домыслов и потешных церковных твердьнь.

Глава вторая

Василий Иванович не без внутренней иронии выслушал неожиданное замечание Создателя, после чего легким прыжком соскочил с ольховой коряги и аккуратненько опустил разогретый мобильный телефон в глубокий карман галифе. Он оголил до

половины, наостренную денщиком накануне командирскую шашку, но от чего-то передумал и кистевым броском возвратил в ножны клинок. Впереди предстояла серьезная, ничуть не уступающая войсковой, операция по разоблачению и вынесению приговора проворовавшейся контре. Но для этого необходимо будет привлечь на совет безукоризненно честных, толковых людей, которых, откровенно говоря, в дивизии было не так уж и много. Не просто разыскать секретных пролетариев, которые не задрят на чужое добро, когда сама революция начиналась с невиданного грабежа. Личный состав группировки подобрался такой, что стоит на миг зазеваться, седло из под задницы уведут. И кто же в таком разе имеет моральное право выдвигать обвинения против рыжей канальи.

Можно будет, конечно, по такому пожарному случаю запросить в Разлив Алешку Стаханова, неизбывную гордость дивизии, который уголек для строек коммунизма героически колупал. Можно заодно подключить и знаменитую Пашу Ангелину, которая не щадя своих девичьих сил, растила пшеничку для отважных рабочих, возводивших из бетона и стали неприступные силуэты плотин наших великих электростанций. Тех самых, которыми нынче без зазрения совести торгует барыга Чумайс. Правда, злые языки утверждают, что Стаханов с Ангелиной не столько для дивизии антрацита и харчей раздобыли, сколько с Фурманова потом большевистских пособий востребовали. Однако люди они знаменитые, с ног до головы орденами почета увешаны, на экранах кино и в центральных газетах прославлены, на кого, как не на них опереться в годину больших испытаний.

Погруженный в глубокие размышления относительно революционных путей строительства коммунизма, относительно беспримерной доблести героев труда, Василий Иванович наполеоновским ходом устремился вверх, к командирскому шалашу, имея твердое намерение посчитаться с заклятым врагом пролетариев. Неожиданно, вне всякой связи с предстоящими военными баталиями, Чапаю припомнились

теплые Анкины груди, их бархатная мягкость и трепет сосцов. Возникло огромное желание не просто припасть к ним в жарком чувственном поцелуе, но по-детски окунуться в их материнское уютное безмятежье. В который раз уже необузданная фантазия стала предлагать интимные сцены любовных страстей, в объятиях длинноногого щеголя из верховной ставки или личной охраны товарища Крупской. Картины возникали одна смелее другой, наконец, обуреваемый ревностью, легендарный рубака выхватил сверкнувшую шашку и полоснул под самый корень подвернувшийся прибрежный ивняк. Выматерился для порядка Чапай и едва ли не галопом рванул к шалашу.

За центральным пеньком, уронив рыжую голову на дубовую столешницу, обреченно ожидал своей участи, с туго перевязанными за спиной руками, притаившийся пленник. Конские ременные вожжи от спутанных рук были предусмотрительно протянуты и зашморгнуты на забитый в землю обрубок оглобли. Кашкет с регулярной периодичностью отвлекался от служебных обязанностей, наведывался к пеньку и выделял по рыжей балде то шалобон, то подзатыльник, при этом для чего-то цокал плоскогубцами и повторял: «У меня, брат, все, как в кремлевской больнице». Еще издали заприметив приближающегося Чапая, денщик шустрее веника подскочил к командиру и радостно продемонстрировал свой бойцовский инструментарий.

Василий Иванович, не обращая никакого внимания на вертевшегося вокруг него денщика, и даже не взглянув на плоскогубцы, стремительно подошел к центральному пеньку и делово поинтересовался у ординарца: «Как он здесь без меня, не балует?».

– Почему же не балует, делал контра попытки акциями какими-то буржуйскими соблазнить. Я ему слегонца выписал пару неразменных казначейских билетов, похоже, даже зубок один золотой заглотил, теперь успокоился, благополучно сидит и не хрюкает.

– С пленником, Петька, сурово поступать без суда, пожалуй,

не следует. Хотя поменяйся местами, попадись ты к нему на расправу, уж он без стеснения все зубы под чистую прикладом бы провалил. Вот так то, боевой мой товарищ. Если хочешь уважить комдива, по-братски, поделись своим табачком. Трубку давненько уже не курил, она у меня недавно вернулась из дальнего плавания, вместе с Колумбом искала Америку.

Комдив с благодарностью принял из рук ординарца бисером расшитый кисет, крепко заправил самосадом спасенную в водной баталии трубку, часто попыхивая распалил камелек и без всяких предисловий предложил плененному супостату.

– Выбирай на свой вкус, как сам пожелаешь. Хочешь, мы тебя сейчас же, без суда и свидетелей аккуратненько шлепнем из маузера или, как новогоднюю игрушку, подвесим на приглянувшейся Кашкету сосне. Он у нас лучшие в мире удавки плетет, зашморгиваются под собственным весом. А хочешь, соберем малый сход из самых почетных людей, которые своим беззаветным трудом стяжали богатство дивизии и которых ты без зазрения совести обобрал под чистую. Пущай посмотрят в твою ненасытную харю, пусть на свой лад судьбу рыжей шкуры решат. Может на радостях, герои труда последние портки с себя снимут, может, от счастья навесят на тебя трудовые свои ордена. Даю верный шанс напоследок чуток отличиться, сам выбирай справедливый исход.

Пришедший в волнение пленник, оторвал от столешницы поникшую голову. В этот самый момент, над центральным пеньком, в бреющем полете пилотировала стая голодных грачей. И один из них, видимо не на очень тощий желудок, умудрился таки послать из глубин птичьей души свой сердечный, большевистский привет. Привет смачно шлепнулся в аккурат перед носом плененной контры и, понятное дело, был воспринят им как самое доброе предзнаменование, указывающее на благополучную развязку принимающей совсем не смешной оборот канители. Воодушевленный воистину доброй вестью Чумайс, задрал к небу нюхающую воздух морду, поворочал в разные стороны конопатой шеей и неожиданно смело заявил

Чапаю:

– Выбор какой-то не очень заманчивый Вы мне предлагаете. Это все одно, как выбирать между прыганьем вниз головой из самолета или дирижабля. С другой стороны, весьма любопытно взглянуть, что же это за почетные люди такие, у которых я вот так взял и отобрал все их электростанции. Вы, простите, каких именно знаменитых трудяг пригласить желаете на это судилище? Уж не тех ли, которые в азарте большевистских свершений поуродовали великие русские реки, загадили землю, моря. В довершение наклепали горы бесполезных танков, ракет, а потом вместо «здрассе», взяли все эти гадости сами и уничтожили. – Далее, все больше нагеля, с явной иронией продолжил Чумайс. – Была бы моя воля, с превеликим удовольствием отвалил бы каждому из ваших красноармейцев по собственному Чернобылю, в награду за их героический труд, пускай наслаждаются. Я, Василий Иванович, может и не замечен в грандиозных пролетарских свершений, однако гадостей в дивизии не наворотил, никого в расход не пускал и над матушкой природой нашей никогда не знушался. А это по нынешним революционным временам чего-то да стоит.

Комдив по понятным причинам вовсе не собирался углубляться в провокационную суть чумайсовских демагогий, зачем уводить простую ситуацию в бурелом сомнительных обстоятельств, в которых нет ни нужды, ни желания разбираться. В самом деле, при чем здесь ракеты, при чем изуродованные русские реки, когда вопрос стоит предельно ясно – с какой это стати рыжая сволочь присвоила обретенные тяжким трудом общественные богатства? Его послушать, так он единственный спаситель природы и только потому, что всю жизнь провалял дурака. Чапаю опять навязчиво припомнились теплые Анкины груди, опять захотелось укрыться в них от всех беспокойных революционных хлопот. Василий Иванович, очарованный прелестью былых интимных воспоминаний на короткое время расслабился, даже трубкой перестал пыхтеть. Потом резко оборвал наваждение, поскольку снова не кстати

привиделся рядом с обнаженной пулеметчицей незнакомый штабной офицеришка и, словно читая написанное, сообщил свое непреклонное решение.

– Всем слушать мою команду, приступать к исполнению без проволочек. Контру передать в распоряжение Кашкета, под его трибунальную ответственность. Глаз не спускать. В случае любых провокаций стрелять на поражение. Ты, Петька, прыгай верхом на коня и дуй немедленно в распоряжение. Отыщи и доставь на тачанке нашу славу и гордость Донбасса, Алешу Стаханова, само собой, при всех орденах и прочих рабочих регалиях. Человек он заметный, даже ростом подлиннее долговязого фарцовщика будет, может лично захочет золотые коронки ему посчитать. Если знатный шахтер молоточком отбойным хорошенько приложиться, то и денщиковые плоскогубцы окажутся здесь ни к чему. Еще доставишь в Разлив любимую нашу колхозницу, трактористочку Пашу Ангелину. Не обязательно ей на «Форзоне» сюда приезжать, но серпок, передай, пусть прихватит, сердцем чую, работенка с серпом впереди намечается. Пока что ограничимся парочкой этих, знаменитых героев труда, будет мало, подключим еще сталеваров, а может доярок или ткачей. Вот как они порешат, к какому придут соглашению, тому так и быть. Обнаружат в сердце своем сочувствие к хапуге Чумайсу, проявят любезность, честью полного Георгиевского кавалера клянусь, враз отпущу на все стороны. А коли нет, от имени всего трудового народа пустим в расход. Мы люди военные, под присягой клялись выполнять волю честных людей, на том дивизия наша стоит.

Петька даже взвизгнул от радости, потому что с самого утра комбинировал, искал подходящую оказию отлучиться из Разлива в распоряжение. Трудно было сдержать ординарцу восторг от представившейся возможности осуществить свои самые заветные замыслы. На то имелись очень личные, более чем уважительные причины. Еще с вечера Петьке стало известно, что приятель разведчик потянул у кого-то из штабных ротозеев английской кожи хрустящий планшет. Невозможно найти более

подходящий товарец для выкройки модной дамской обуви, чем такой вожденный трофей. Ординарец и мерки давно уже заготовил из ловко точеных Аниных цыпочек, чтобы при случае справить заказ у лучшего в дивизии мастера. Не всякому сапожнику можно доверить такие деликатные формы. Сегодня в обед с коричневым глянцем планшет выставлялся на банчик в конюшне четвертой сотни, куда приглашались охочие к фарту ребята, можно не бояться сказать – элита всей революции. Петька загодя обзавелся мастевой колодой, не забыл посидеть на ней перед трудной игрой и оставалось только сквозануть от беспокойных поручений комдива. А здесь прямо с утра, что называется, карты в руки пошли.

– Ты чему так обрадовался, – заподозрил ординарца в происках ушлый Чапай. – Я тебя не болтаться в войска посылаю, задание командирское выполнить поручил. Если разведка опять донесет, что в пивнухе со всякой шпаной прохлаждался, строго, без всяких скидок на дружбу спрошу. Давно уже собираюсь в ближнем своем окружении порядочный шмон навести, ты с Кашкетом у меня в первом ряду. Так что, готовься, навряд ли пройдешь этот строгий отбор.

– Василий Иванович, ну как Вы можете меня в пивнухе со всякой рванью при полных кружках представить, – с показушной обидой развел руками, поймавший за язык командира не простак ординарец. Самых верных соратников по чем зря обижаете, если на то пошло, пускай Кашкет за героями труда направляется, а я лучше долговязую контру постерегу. А то и вовсе рапорт в отставку вечером настрочу, зачем же мне дожидаться, пока Вы кадровый шмон учините.

– Ты, Петька, на понтах меня не бери, не первый день повстречались. Пулей садись на коня и чтобы к обеду был здесь. А рапортом никого не пугай, сам бумагу тебе вечерком поднесу и самописную ручку обязательно предоставлю.

По тому, как Чапай поднес к глазу перевернутый бинокль и принялся в отдаленной перспективе рассматривать пленного, стало понятно, что никаких новых распоряжений уже не

последует.

Ординарец опрометью стартанул с Разлива. В одно касание взлетел на своего рысака, гонявшего хвостом у коновязи назойливого гнуса, всадил ему шпоры, только пыль куревой зависла над аллюровым следом. У самой опушки метнул радостный взгляд на обожаемого командира, махнул на прощание рукой и полоснул нагайкой по мускулистому крупу огневого коня.

Рыжий пройдоха, между тем, дождавшись когда Кашкет отлучиться по хозяйским делам, не преминул сделать попытку привлечь на свою сторону хранившего суровое молчание Чапая. В самом деле, оставшись наедине с легендарным комдивом, крайне легкомысленно было терять понапрасну драгоценное время.

«Попытка не пытка», – решил про себя Чумайс и тут же начал подъезжать издалека:

– Пить очень сильно мне хочется, чаю бы заварить приказали своему денщику, ведь я еще не осужденный вроде. Зачем же подвергать страданиям человека раньше положенного срока, как-то не совсем по-христиански у вас получается. Я бы советовал не торопиться делать поспешных шагов, еще неизвестно чем вся эта свистопляска закончится. Согласитесь, не очень-то умно устраивать скандал и комедию, когда вопрос касается такой благородной материи, как хорошие деньги. На деньгах только и можно приходить к обоюдному согласию. Начнем хотя бы с того, что все советские электростанции, фабрички и заводишки сделали некоторым образом ручкой тю-тю. Ничего уже не вернешь, ничего никому не докажешь. Справедливо это или нет, но коммунизма в отдельно взятой дивизии большевикам не под силу состряпать. Вы думаете почему пролетарские вожди призывали народ к мировой революции, да потому, что наша дивизия не на Марсе расквартирована, вокруг ведь сплошные враги, живем в окружении контры. Если бы пролетариям удалось покончить во всем мире с буржуями, со всякими там рокфеллерами, дюпонами и морганами, пожалуй можно было

бы рассчитывать на какой-то всеобщий пионерский дурдом, но когда ума не хватило, полагается по-тихому удочки сматывать. Между нами, и промнавозовские денежки в ихних банках тихонько сопят. Так что, как не мудри, а ходить по нужде против ветра не с руки получается, какой же идиот в революционных закромах собственные купюры решится хранить.

– Да знаю я все, – с огорчением признал Василий Иванович. – Однако согласись, этого же ни на какую задницу невозможно натянуть. Никакими рулетками невозможно измерить, никакими бухгалтерами сосчитать, сколько усилий было потрачено нашим народом на сотворение богатства дивизии. Несчастные женщины, мужчины, юнцы, живя практически впроголодь, на своих голых плечах подымали цеха, наращивали приводные ремни коммунизма, справедливо полагая, что все эти форпосты индустрии принадлежат всем им лично. А теперь вот возьми, наплюй людям в душу, вывали весь их жертвенный труд к ногам проходимца Чумайса. На такую подляну ни в жизнь не пойду, сам возле каждой плотины с шашкой наголо стоять буду. И еще вот что противно, Вы же ладу награбленному у народа добру не способны давать, нет у вас для этого ни ума, ни умения к труду и, главное, напрочь отсутствует совесть. Не следует приравнивать себя к успешным заморскими магнатам, которые фордами и рокфеллерами величаются. Это же все не просто ворье несусветное, но в первую очередь упрямые труженики, обучившие пролетариев собирать скоростные машины, мостить не хуже паркета дороги, выше небес дома возводить. Портки, в которые ты поутру наложил, тоже ведь сработаны теми талантливыми предпринимателями. Ты же, кроме как разграбить чужое добро и по карманам втихаря рассовать ни на что не пригоден. Вот прямо сейчас, покажи мне хотя бы использованный презерватив с твоим рыжим портретом на упаковке, в знак того, что он изготовлен на фабрике возведенной бизнесменом Чумайсом. Всеми вождями, Карлом Марксом клянусь, враз отпущу, беги на все стороны. Но ведь не покажешь же. Все, чем живет сегодня дивизия полностью обязано умелым

рукам наших доверчивых тружеников и тебе, шкура, следует помнить об этом, прежде чем затачивать морду лопатой.

– Будет Вам, Василий Иванович, – примирительно заворковал оживившийся пленник, даже не обращая внимания на сидящего под глазом надувшегося кровью комара. – Хотите, по дружбе, Саяно-Шушенскую красавицу, как с пенька отвалю. Места дивные, там сам Владимир Ильич на зайца ходил. Живи и наслаждайся, это Вам не какие-то захудалые африканские сафари. А жерех, а судак такой зимой на мормышку берет, что хоть лебедкой из лунок вываживай. Между прочим, подобной грандиозной плотины во всем мире не отыскать, насмерть стоять будет. Питерские рабочие непревзойденные, со знаком качества агрегаты на станцию забабахали, делать уже ничего до конца жизни никому не придется, успевай только показания с германских счетчиков считать, да денежки в торбочку аккуратненько складывать. Хорошая фабрика по добычи электричества работает лучше, чем печатный станок по выпуску денег. Не надо тебе ни бумаги, ни краски, никаких посторонних расходов, все просто как в армии, солдат спит, а служба идет. Я еще, когда гвоздиками в подземных переходах торговал, окончательно убедился, что денег всегда больше там, где результатов труда простым глазом не видишь. Со временем обязательно начну к нанотехнологиям подбираться, вот где размах, вот где раздолье, там даже в микроскоп при солнечном свете ни хера не рассмотришь.

Василий Иванович щуя глаз выслушал завлекательный спич отпетого проходимца и не враз определился с ответом. Он нарочито лениво нагнулся, поднял с земли березовую суховатую веточку и поковырял ей в курительной трубке. Долго не спеша ковырял, о чем-то своем размышлял, ухмылялся, потом заключил хладнокровно.

– Знаю я ваши саяно-шушенские, поди растащили, разграбили все дотла, не сегодня-завтра валиться начнут. Дурилка цветочная, обвести вокруг пальца боевого командира решил, мои героические заслуги в одной упряжке с фарцовкой пустить

вознамерился. Должен тебя огорчить, на это раз увильнуть от ответа ни за что не получится. Сам мараться не стану, но под суд пролетариев обязательно подведу. К тому же, комарье в Саянах уж больно кусачее. Если понадобится, я и здесь на Урале, какую-нибудь мельницу с плотиной на старость себе потихонечку сгорожу.

В конюшне четвертой сотни, тем временем, чапаевский ординарец отчаянно резался картами в модную у красноармейцев «буру». Против предназначенного на выкройку тувель планшета, Петька поставил серебряные с крышкой часы, на которые его куцепалый картежный соперник положил глаз еще в прошлой игре. Сражаться условились до пяти партий, кто первым наберет пять заготовленных спичек, тот и забирает призы.

Куцепалый разведчик заметно нервничал, снова и снова требовал от ординарца месить карточную колоду, ведь уже три ненавистные спички лежали на Петькиной стороне. Еще две проигранные партии и прощай английского хрома командирский планшет, вместе с надеждой завладеть старинной серебряной луковицей.

– Пара немазанных, – озлобленно предложил сопернику зажавший куцыми пальцами три карты разведчик.

– Не пойдет, – по-турецки подобрав под себя на походной койке ноги, отклонил рискованный выход, знающий толк в карточной игре ординарец.

– Тогда козырный марьяжик лови, – и куцепалый вывалил на засвет даму в червах с королем.

Петька невозмутимо накрыл их козырными десяткой с тузом и едва ли не как приговор твердо объявил: «Партия».

Четвертая ненавистная спичка неумолимо легла на Петькиной стороне и еще больше занервничал куцепалый соперник. Оставался быть может последний замес и поэтому перед сдачей разведчик для фарта потребовал: «Вскрой».

Петька по правилам вскрыл козырную масть и ловко разбросал для игры по три карты. Очень медленно, потрясывая

руками, начал он раздвигать выпавшую ему сдачу. Три трефовые масти поочередно засветились на вскрытых углах и ординарец с криком: «Бура!» вывалил на засветку картишки. Вывалил и накрыл своей железной рукой лежащий на кровати заветный планшет, разведчик накрыл кобуру револьвера. Долго сидели, пристально смотря друг другу в глаза, два известных в дивизии головореза, никто не хотел уступать. Однако игра есть игра и куцепалый предложил ординарцу: «Согласен, давай разойдемся, но только до следующего раза».

Удачно и, главное дело, ловко управившись с карточной операцией в конюшне четвертой сотни, Петька бойко шагал через торговую площадь города Лбищева. Притороченный к поясу английской кожи командирский планшет сопровождал пеший ход ординарца приятным похлопыванием по играющей мускулом правой ляжке. Прямо на выходе из базара он дружески поприветствовал Фурмановскую секретаршу Люсьену, которая по случаю воскресного дня сидела на низенькой табуреточке и торговала калеными семечками. Барышня предусмотрительно сменила красную косынку на полуоренбургский бабий платок, который еще резче подчеркивал нестерпимо яркие Люськины губы и здоровьем налитые девичьи щеки, пронзительно соперничающие с цветом зари коммунизма. Покупателей возле знатной торговли не было ни души, потому что в прошлый базар она явно перебрала с хитрым доньшком мерного стакана и полная революционного гнева щелкала масленичные семечки, брезгливо плюхая лузгой прямо на мостовую.

– Не пойму, чего этим сволочам не хватает, – шипело вне себя от злости лучезарное приложение замполита, провожая презрительным взглядом каждого проходящего мимо несостоявшегося покупателя. – Следующий раз на сковородку обязательно подолью какой-нибудь конской мочи, пусть подавятся, еще для этих придурков я обязана с Фурмановым про коммунизм хлопотать.

– Приветствую тружеников идеологического фронта, – геройски козырнул боевой подруге, светящийся радостью

Петька и зачерпнул прямо из ведерца горсть еще теплых семечек. Тут же взял на зубок одно ядрышко, щелкнул его и участливо заметил: «Я давно уже размышляю, если бы с красными бубушками научиться подсолнух выращивать, наверняка бойчее торговля пошла бы. Тебе надо срочно с Ванькой Мичуриным состыковаться, тот только и рыскает по дивизии, сутками напролет высматривает, где бы натворить в природе чудес. А ну как удастся вырастить семечки в форме пятиконечной звезды, да чтобы величиной с лошадиной копыто, сколько можно по старинке мелким зернышком пробавляться. Карлом Марксом клянусь, покупателей навалит не меньше чем на штурм Зимнего».

– Ты давай проваливай, нечего умничать, – взъерепенилась Люська, – сегодня ни единого стакана не продала, и без тебе сердце волки клыками терзают. Фурманов с Чапаем твоим чешут языком по чем зря, будто бесплатно жратву начнут раздавать, вот и замерла голодная дивизия как в гипнозе, ожидают идиоты халявы от большевиков. Дмитрий Андреевич, между прочим, очень не рекомендует мне Гоголя на ночь читать. Потому что у писателя галушки сами в рот лихо запрыгивают, не надо даже трудиться жевать. Будь моя воля, я бы быстренько всех накормила. Тачку в зубы и поехали на Колыму ананасы выращивать. Анке своей не забудь передать, пусть ко мне в гости вечерком забегают, я для нее к свадьбе заграничным флаконом по случаю разжила. Запах такой, что никакой любовью не насытишься, будешь тянуться к невесте как замороженный.

– Мне и без заморских духов родная невеста мила, – небрежно отреагировал Петька, – однако приглашение передам обязательно. – А теперь, извини, Чапай и минуты не оставляет в резерве, грузит под самые ноздри. Для меня, проще трех языков в плен привести, нежели с командирскими поручениями по дивизии шастать.

Ординарец по-офицерски прищелкнул хромовым сапогом и, набирая ход, прямиком направился в сапожную мастерскую. Выигранный в картишки, пахнущий дорожной кожей планшет

привнимательном рассмотрении материалом оказался отменным, поэтому подвенечные туфли обещались получиться на славу. Между прочим, красным директором и непревзойденным творцом обувных шедевров, в показательной сапожной мастерской, нес почетную службу ушедший на должностное повышение шахтерский забойщик Алешка Стаханов, а его то как раз и полагалось доставить в Разлив по просьбе комдива. Таким образом, все складывалось одно к одному – и котлеты «что надо», и мухи целехоньки.

Возглавляемая орденоносным Стахановым сапожная артель располагалась в подвальном помещении бывшей духовной семинарии, приспособленной по нынешним революционным временам под дом пионеров. На верхних этажах с утра до ночи упражнялись в медных сигналах молодые горнисты, соперничая с барабанной дробью, торжественными клятвами и огневыми речевками. При таком патриотическом сопровождении, склонившимся над стальными сапожными лапами мастерам и подмастерьям, работать приходилось с заткнутыми ватой ушами и переговариваться в случае необходимости на очень высоких тонах.

– Приветствую ударников обувного фронта, – нарисовался в полный рост в низком, пахнувшем ношеной кожей помещении лихой ординарец.

Отгороженные от внешнего мира спасительной ватой артельщики продолжали, не отрываясь, колдовать над сапожными лапами. Мало того, что никто не ответил на приветствие, никто даже головы не поднял, не удостоил взглядом вошедшего. Поэтому Петька с некоторым недоумением, однако же довольно решительно, проследовал в отдельную комнатку красного директора. За одно выразил в душе солидарность с Люськиным решительным настроением: «Будь моя воля, я бы всю эту артель загнал куда-нибудь на Колыму ананасы выращивать».

Бывший герой антрацита, застигнутый врасплох без стука ввалившимся в дверь ординарцем, суетливо принялся сгребать в

консервную банку рассыпанную на закройном столе серебряную мелочь. Несколько мелких монеток предательски прошмыгнули мимо жестянки и звякнули об каменный пол с издевательской громкостью: «Вот принесло, скотину, – подумал про себя Алеша Стаханов, – теперь разнесет по всей дивизии сплетни про мои сбережения, чего доброго до контрразведки дойдет». Тем не менее, шахтерский забойщик выдавил из себя приветливую по Станиславскому физиономию, поприветствовал командирского фаворита и учтиво поинтересовался : «С чем пожаловали, дорогой наш Петро Парамонович?».

– Дельце у меня к Вам имеется, товарищ Стаханов, – дипломатично повел разговор ординарец. – Туфли для Аннушки свадебные желаю соорудить, в этой связи личным подарком самого командарма Фрунзе, скрепя сердце, приходится жертвовать.

И Петька ловко отстегнул от пояса новенький с глянцевым отливом английской кожи планшет.

Вопреки ожиданиям Петьки, предъявленный им для прямого ознакомления английский товарец, не произвел должного впечатления на имеющего хыст в кожаных тонкостях горняка. Дело в том, что именно эту кожаную штукуну уже трижды приносили в сапожную мастерскую, на предмет выкройки модельной обуви. Последним захаживал доктор из армейского госпиталя, по кличке Халиф, и тоже душевно рассказывал, что получил дорогуший планшет в награду от товарища Фрунзе. Вот только до сих пор не может понять, награду получил за микстуру от поноса или за удачно подобранную мозольную жидкость. То, что вещь была с биографией, ничуть не смутило генерального закройщика фасонной обуви, напротив сердечно порадовало за возможность ломануть приличную цену. Заказ, без лишнего обсуждения, включал в себя поправку за инкогнитость происхождения ходового товарца и нежелательность широкой огласки.

– Матерьялец, доложу Вам, что надо, – принялся мять в руках скрипучий планшет, по самое не хочу любезный Стаханов, – сразу

видно заморских кровей. Я, Петро Парамонович, планшетик этот своими руками вечерком на лекала аккуратненько покрою, от любопытных глазенок подальше. Подарки, они ведь всякие бывают, а мы люди друг для друга совсем не чужие. Где-то я, что-то не замечу, где-то Вы, так, глядишь, рядышком до коммунизма благополучно и дошкандыбаем. Пожалуйста мерочки от Анкиных ножек, слово партейца даю, через пару деньков про планшетик этот никто и не вспомнит. А туфли стачаем такие, что еще не одну свадьбу перепляшут, не одну годовщину революции переживут.

– До чего же приятно иметь дело с понимающим в жизни толк человеком, – удовлетворенно заметил ординарец и бережно извлек из кармана штанов сложенную осьмушкой газету, на которой ломанной линией был отмечен Аннушкин след. – Мне бы хотелось туфельки справить на тонких шнурочках и с маленьким кованым каблучком, чтобы невеста, плясунья моя, искры из мостовой вышибала. За ценой не гонюсь, выполняйте заказ по самому высокому классу, для свадьбы ничего не жалею. Надеюсь, и Вы не откажете гостем почетным пожаловать к нам. А визит мой к Вам, не только с заказом туфель для невесты повязан. Велено мне, сами понимаете лично Чапаем, прямо сейчас доставить в Разлив наших непревзойденных чемпионов труда, для участия в особом мероприятии. А кто в целой дивизии отличился геройским трудом больше, чем Паша Ангелина и Алеша Стаханов, кто может с Вами по выезде тракторов и по добыче угля потягаться. Да вы же не только в труде, но и в борьбе за дело всей революции, почти на командирском коне рядом с Чапаем гарцуете. Одним словом, все прочие хлопоты побоку и немедленно выступаем в конюшню, там давно уже снаряжают тачанку из лучших штабных рысаков.

По счастью и знаменитая Паша Ангелина доблестно несла трудовую вахту здесь же поблизости. Соборную церковь, которая сиротливо пустовала во главе базарной площади, находчивые большевики ловко приспособили под МТС, что на суконном армейском языке означает «машинно-тракторная

станция» и торжественно назначили в ней красным директором незаменимую ударницу. Первым делом, по распоряжению директора, в помещении навели революционный порядок. Бочки с керосином накатили штабелями в алтаре, прямо под стенкой, где живописно восседает на небесном троне Спас Вседержитель и прорубали в стене небольшое оконце, разумеется прямо напротив дырки в заборе. Ответственность за сохранность горючего единогласно возложили на бесценного свекра Паши Ангелиной, который отличался редкой смекалкой лихо увязывать в единую технологическую цепочку керосин, оконце в стене и дырку в заборе.

Революция была и оставалась быть революцией, но кадры личного состава иногда запаливали керогазы и стряпали по вечерам не густую похлебку, поэтому кто ни будь нет-нет да и подкрадываясь с пустым бутылком через дырку в заборе к окнцу в алтарной стене. Соседи не без основания шептались, что Паша периодически устраивает для свекра профилактическую порку, но просторный свой дом незаметненько перекрыла листовой оцинкованной жостью и поставила кирпичный забор, в безветренную погоду предательски пахнущий помесью моторного горючего с церковным ладаном. Таким образом, директорство на МТС хоть малость компенсировало потери драгоценного здоровья, в непрекращающихся битвах за рекордный урожай.

Прокатиться на тачанке в Разлив долго уговаривать трактористку никому не пришлось. Она как баба-яга на метлу, в один прыжок залетела в тачанку и собственноручно полоснула вожжами коней. По мощеной брусчатке базарной площади дробью сыпанули копыта. На полном скаку экипаж залетел в известный всякому красноармейцу командирский Разлив и ординарец, в крутом вираже, осадил завалившихся на крупы коней, едва не вывалив к центральному пеньку долгожданных героев труда. Чапаев неподдельно обрадовался приезду гостей, выскочил, бряцая саблей из-за стола, и принялся лично приветствовать крепким рукопожатием каждого из прибывших

ударников трудового фронта.

– До чего же рад видеть Вас, дорогой наш кормилец, Паша Ангелина, как поживают керосиновые самоходные кони? Всякий раз, лишь только сажусь обедать к столу, с благодарностью вспоминаю Ваши мозолистые руки. Вот уж воистину «Хлеб наш насущный даждь нам днесь», – рассыпаясь в любезностях встретил комдив легендарную трактористку, пожаловавшую в Разлив по велению сердца с наостренным крестьянским серпом. Пленный Чумайс, как только приметил сверкнувший серпок, на всякий случай наложил распутанные перед приездом ударников лапы, на свои детородные прелести, хорошо памятуя народное присказку, что с крестьянским серпом шутки плохи.

– А Вам как рад, дорогой товарищ Стаханов, – переключился в сердечном приветствии командир на шахтерского чемпиона. – Как делишки в дивизии с антрацитовским угольком, Вы в последний рекорд социалистическую норму на сколько процентов перевыполнили? Ведь это сам Владимир Ильич указал, что уголь сегодня является настоящим хлебом промышленности. Я бы сегодня сказал много сильнее – что хлеб это уголь, а уголь, это хлеб всей нашей жизни. Выходит, что вы с Пашей Ангелиной на свои плечи взвалили заботы по дислокации личного состава у дверей коммунизма.

Сразу же обратив внимание, что знатный шахтер приперся в Разлив с отбойным молотком на плече, Чумайс окончательно загрустил, у него даже слегка засвербело в промежностях. Шансовый инструментарий приезжих гостей показался плененному не очень приветливым. Неровен час, дело могло окончиться наглейшим членовредительством и Чумайс, не дожидаясь беды, отчаянно двинул в атаку.

– Извините, что вмешиваюсь, – подал он на удивление уверенный голос, – какая-то нелепая постановка вопроса у вас получается. Что означает перевыполнить норму? Норма, она потому и называется нормой, что ее строго придерживаться следует. Мы же не одеваем сапоги семьдесят пятого размера, когда наша норма размер сорок третий. Если шахтерский

забойщик Стаханов утверждает, что перевыполнил норму в четырнадцать раз, он или шутит, или сознательно вводит руководство дивизии в заблуждение. А быть может занимается диверсионной работой, обслуживает английскую или японскую разведку, готовит в народном хозяйстве большой саботаж. Не мне вас учить, что любое нарушение принятых норм, приводит только к хаосу в народном хозяйстве, а то и прямо к свержению власти трудящихся.

Нос у Алексея Стаханова, постоянно красный от систематического недопивания, налился вдруг таким багрянцем, что с ним спокойно можно было опускаться в забой, вместо шахтерской коногоночной лампы.

– Да что ж это за контра такая, – заревел в бешенстве корифей трудового фронта, – да я же лично на глазах всей шахты, собственными руками сто две тонны чистейшего антрацита наколупал. Да я сейчас же отбойным молотком в муку эту рыжую падлу передолбаю.

– Об Вашем отбойном молотке мы потом как-нибудь потолкуем, но все же я многого не понимаю, – невозмутимоотреагировал Чумайс. – У Вас что же молоток в четырнадцать раз крупнее был, или лопата в четырнадцать раз длиннее была, чем у других забойщиков на шахтах Донбасса? Прямо сказочная какая-то гулливерия получается. Представьте на минуточку, что у Вас все вдруг сделается в четырнадцать раз большим, чем у других нормальных людей, да с Вами, уверяю, родная жена перестанет дело иметь. Вы как-то остепенитесь, перейдите на нормальные человеческие мерки. Здесь уже не выдержал сам Василий Иванович, весь затрясся от гнева, подскочил к распоясавшемуся Чумайсу и заорал kloкочущим голосом.

– Ты это брось, сволочь, перестань перед заслуженными людьми дурку ломать. У тебя денег в миллион раз больше, чем у любого из нас и ничего, поди не дюже страдаешь, не торопишься переходить к нормальным человеческим меркам. Только ты запомни, одно дело украсть много больше и совсем иное

дело быть первым в бою или в тяжком труде. Люди, не щадя своих сил, геройски трудились на благо дивизии, справедливо ожидая ответной благодарности, в том числе и достойного материального содержания. Ты же, подлец, паразитом прожил всю жизнь и теперь позволяешь себе нагло издеваться над знаменитым шахтером. На какое же снисхождение ты можешь рассчитывать от приглашенных на товарищеский суд представителей пролетариев и колхозников.

У Алексея Стаханова после жарких перебранок прямо на глазах у всех присутствующих конвульсивно задергались щеки. Неожиданно он начал торопливо глотать ртом воздух, как выброшенный на берег карась, и принялся, теряя равновесие, бессильно клониться набок. Петька с командиром вовремя подхватили его и на руках оттащили в тень под сосну. Распахнули ворот холщевой рубахи, прыснули в лицо холодной водицей и убедившись, что дышит, что жив знатный шахтер, передали его на попечение подоспевшему денщику, а сами вернулись обратно к центральному пеньку. Командир грозно посмотрел на рыжего, доживающего последние минуты проходимца, и молча уселся на лавку, положив руку на плечи Паши Ангелиной.

– А я Вам вот что без обиды скажу, Василий Иванович, – не унимался Чумайс, – такому передовику, как Ваш орденосный Стаханов, пусть хоть он и приморился немного, известный автопромышленник Форд и к воротам завода на сто верст не позволит приблизиться. На хорошо отлаженном производстве нет места шустрилам и выскочкам, они только делу вредят, сбивают работу большого конвейера. Вы же, когда поднимаете эскадрон в атаку, строго караете, если какой-нибудь всадник нарушит порядок в строю. Так же и нарушителей дисциплины труда, не признающих принятых норм, не в красные директора, на каторжные работы отправлять полагается, там свою дурь пусть выказывают.

– Может и меня на каторгу отправить положено, за то, что я дни и ночи из трактора не вылазила, – размахивая серпом покатила бочку Паша Ангелина. – Я же из-за таких вот сволочей

бабьего счастья не ведала, насквозь солярой пропитана, до сей поры соседская детвора в спину керосинкой вонючей с издевкою кличет. Вот и дождалась благодарности за весь мой бессонный героический труд. Интересно, а что бы ты жрал без меня, рыжая сволочь, чем требуху набивал ненасытную. По твоей гладкой роже безошибочно видно, что пожрать ты совсем не дурак. Думаю, Алешка Стаханов меньше в забое угля нарубал, чем ты черной икорки да с хлебушком беленьким слопал. Мы без тебя, как без сраных штанов до коммунизма дотопаем, ты же, скотина, с голоду подохнешь без нас.

Чумайс, однако, со спокойной невозмутимостью высказал предположение, что для приличной женщины гораздо полезней не по пашне на тракторе гонки устраивать, а дома детишками заниматься, да за мужем с любовью присматривать. И вообще, выразил убеждение, что в иных благополучных дивизиях прекрасно и без трактористок обходятся, доверяют это дело в мужские надежные руки. Все же приятней, когда от собственной женушки пахнет домашним борщом и печеными булками, не в пример приятней, нежели дизельным топливом. Последним заявлением рыжая каналья окончательно вывела из себя непревзойденную укротительницу керосинового коня. Чапай на всякий случай даже присмотрел местечко для нее в тени под сосной.

– Вы что же хотите сказать, что все наши героически пятилетки мы напрасно трудились, зря не покладали намозоленных рук? – едва владея собой, спотыкающимся голосом, при выпадающих из стационарных орбит ошалевших очах, поинтересовалась Паша Ангелина. – Может я и на свет народилась напрасно, разве только для того, чтобы такая мерзость как ты надругалась над моим честным трудом. И сколько еще должно продолжаться это неслыханное издевательство?

– Да почему же напрасно народились, что Вы такое городите, – искренне засокрушался Чумайс. – Все, что Вы героически наработали своим бескорыстным трудом, теперь в самый раз для хороших людей пригодилось и служит довольно исправно.

Сами судите, ребята яхтами свежими обзавелись, пляжи песчаные на лазурном берегу прикупили. Мы всегда с большой благодарностью вспоминаем про Вас. Но, как я понимаю, Вы свое получили сполна. Вспомните восторг пятилеток, вспомните счастье осмысленно прожитых лет, когда не грозит сжечь позор за бесцельно потраченные годы. Вы же все закалились как сталь, вам не очень с руки должно быть рядиться в золотые оковы капитализма? Каждый должен уметь делать в жизни свой выбор, вот вы позабавлялись игрой в строительство коммунизма, дозвоьте теперь и нам игрой в капитализм самую малость, хоть чуток поразвлечься.

Тут взбесился не на шутку Чапай, выскочил из-за стола, левой рукой вцепился в бинокль, правой ухватился за шашку и, играя желваками, огласил свой непреклонный вердикт.

– Вот подлец. Я для чего пригласил вас, товарищи? Не тебе, Паша, объяснять, какую ценой достались труженикам богатства дивизии. А вот эта белогвардейская контра растащила народные заводы и фабрики по своим безразмерным карманам и оставила весь личный состав в дураках. От вас хотел получить добрый совет, как поступить с этой гадостью. Может заключить по чести какое-нибудь справедливое соглашение, чтобы поделился, ворюга, с бойцами своими доходами. Теперь убедился решительно, с пленной сволочью негоже заключать никаких мировых соглашений, шлепну мерзавца из собственного нагана и шашку поганить не стану. Свисни, Петруха, сейчас же Кашкета, пускай яму возле помойки копает.

Под занавес командирского негодования в глубоком кармане его габардиновых галифе прозвучала музыкальная заставка «Смело товарищи в ногу». Никаких сомнений быть не могло, звонил командарм, лично Михаил Васильевич Фрунзе. Резвым аллюром пробежав по всему списку незакрытых проблем, Чапай сфокусировался на самом узком, воистину предательском месте. Дело в том, что дивизия хронически недопоставляла поредевших числом православных священников на зимнюю заготовку лесопильного материала, о чем неоднократно

ставилось на вид не только безупречному комиссару товарищу Фурманову, но и самому боевому комдиву. Архангелоподобный батюшка Наум заморился строчить чемпионские списки, для очередных кандидатов в пилигримские командировки на поиски благодатного духа. Давно уже отправили осваивать тайгу спесивого целибатника Никодима, проводили на лесоповал в едином лице совмещавшего должность старосты и пономаря одноногого мужичка из церкви самого благочинного, и супругу его просфорницу Глафиру. Все паломники каким-то непостижимым образом исчезали на широких сибирских просторах, как капли дождя в пустынях Синая, не подавая никому, хотя бы в молитвах, малейших признаков жизни. Фурманов неизменно ставил на вид, проявляющему непомерное любопытство протоиерею Науму, что православным паломникам на сибирском раздолье больно уж нравится и никто не изъявляет горячего желания возвращаться обратно домой. Дело дошло до того, что благочинный то ли сдуру, то ли от зависти притащил комиссару список, в котором под первым номером поставил себя самого. Дмитрий Андреевич посмотрел на обалдевшего протоиерея таким уничтожающим взглядом, что тот со скоростью скачущего от Святого Духа сатаны вычеркнул свою фамилию из чемпионского ряда.

Между тем, звонок от командарма Фрунзе вполне мог иметь и секретное содержание, на фронте всегда могут развернуться неожиданные военные действия. Поэтому Василий Иванович предусмотрительно дистанцировался от центрального пенька, отошел на известное расстояние и по всей форме доложил:

– Слушаю Вас, товарищ командарм, немедленно готов к выполнению любого задания!

За столом слышны были только скупые обрывки ответов Чапая. Можно было примерно догадываться, что речь идет о наличии боеприпасов, о заготовке фуража и рытье паутины окопов. Потом разговор перешел в житейскую плоскость, похоже, не забыли про баб, и еще про какие-то вызвавшие здоровый смех милые глупости. Но как это часто бывает, даже у самых важных людей, за праздниками наступают серые будни,

и по тому как Чапай подтянулся, нахлобучил папаху, ошетинил усы, не трудно было догадаться, что беседа перешла в деловое, серьезное русло. После короткого прослушивания Василий Иванович четко отрапортовал: «Здесь, у меня, товарищ командарм».

После следующего прослушивания он подтянулся еще строже, еще глубже нахлобучил папаху, ошетинил, как для парада, усы и четко доложил: «Так точно, сидим здесь, чаек попиваем, по партийному ведем товарищескую беседу».

Опять через паузу, Чапай начал нервически теребить свой бинокль, с чем-то хаотически соглашаться, благодарить за звонок и в конце сообщил: «Хорошо, сейчас с удовольствием передам».

Комдив, глядя куда-то в сторону, где над дальней кромкой леса в вольном полете кружил сокол, мелкой рысцой подскакал к центральному пеньку. И со словами «Это Вас, дорогой Анатолий Варфаломеевич», все еще отводя в сторону, не единожды смотревшие смерти в лицо глаза полного Георгиевского кавалера, передал трубку Чумайсу.

Рыжий чертяка, не изображая никаких человеческих эмоций на своей отможенной физиономии, ловко подхватил услужливо предложенный мобильный телефон и, как ни в чем ни бывало, практически на равных сообщил командарму: «Все в порядке, Михаил Васильевич. Скоро буду, обождите немного. Без меня, пожалуйста, не начинайте».

Никогда еще, сколько существует под звездным небом Разлив, не было такой тишины и конфуза, как после состоявшегося разговора между Чумайсом и Фрунзе. Даже когда уходили в небытие динозавры, даже в это трагически беспощадное время беспокойно чирикали воробьи и квакали в мутной воде зеленые жабы. Здесь же ощущение было такое, что наступил полный Армагеддон, заключительный конец света.

– Чего приуныли, друзья? – нарушил гробовое молчание, пустившийся в бесстыжий кураж преобразившийся фармазонщик, – может и вправду чайку хлебанем на дорожку,

красиво завершим нашу душевную встречу. Скоро вам ваучеры подвезут, заживете на полную катушку, еще благодарить меня будете. Надо же делать хоть маленькие перекуры на пути к коммунизму, подметки в дороге чинить, и строго сверяться по розе ветров с марксистской теорией.

– На полную катушку это как, – зашевелила разинутым в долгом оцепенении ртом, словно выпадая из трактора, знаменитая Паша Ангелина. – Это когда нас всех намотают а потом станут веревки сучить?

– Все наоборот, все наоборот, дорогая Керосина Ангелина, – успокоил с любезной улыбкой трактористку Чумайс. – Это когда мы Вас сначала хорошенько засучим, чтобы Вы потом легко на катушки наматывались. Серпок то крестьянский не случайно с собой прихватили. Может прошлись бы в тенек под сосенку, чикнули кое-кому безразмерные прелести, чтобы не мешали в забое нормально уголечек рубать.

– Это что же такое творится, – истерически завизжала, не совладав с собою, насмерть оскорбленная королева черноземных полей.

Щеки ее затряслись, как совсем не давно у Алексея Стаханова. Так же начала хватать ртом свежий воздух, будто выброшенный на песчаный берег карась и, теряя равновесие, стала валиться набок. Вовремя подхваченную сильными мужскими руками Ангелину поволокли в тенек под сосну отпаивать холодной водицей и, при необходимости, мостить на загривок пивовок.

Благополучно разобравшись с ударниками трудового фронта, Чапай как будто кидаясь в кавалерийскую сечу, скомандовал Петьке: «Лучших коней! Без заминки! И смотри у меня! Анатолия Варфоломеевича доставишь по месту назначения быстрее, чем на четырехмоторном аэроплане. На дорогу за шалашом в погребке баночку с черной икоркой возьмешь, от комдива почетные гости не убывают без добрых гостинцев. Пускай в главном штабе наперед знают, что чапаевская дивизия не подкачает, не только в жестоком бою, но и в гражданке не подведет».

Петька во мгновение ока рванул к коновязи, снаряжать для скоростного броска экипаж. Сам пересмотрел, потянул на разрыв конскую упряжь, проверил подковы у бьющих копытом землю коней. Для надежности попробовал на люффт колеса тачанки и, убедившись, что все ступицы под завязку заправлены дегтем, удовлетворенный, одним толчком левой ноги пощегольски вознесся на скамью ездового.

Оставшись с глазу на глаз, Василий Иванович не преминул подбросить Чумайсу заманчивое предложение: «Может выберемся как-нибудь на рыбалочку, в Шушенское больно уж хочется, очень тянет наведаться к памятным для революции местам. Владимир Ильич вспоминал, там жереха бой на заре изумителен».

– Напоминаю, комарье там уж больно кусачее, – рассудительно заметил Чумайс. – А про презервативы ни за что не забуду, пришло обязательно, может даже со шпорами и с портретом пулеметной тачанки на дорогой блестящей упаковке.

И ни с кем не попрощавшись, прямо таки на английский манер, Анатолий Варфаломеевич рыжим дьяволом заскочил в разворачиваемую Петькой экипированную тачанку.

Глава третья

Небо над Разливом заволочло угрюмыми, наполненными до самых краев проливными тучами. Все настойчивее давал знать о себе предгрозовой свежий ветер, с запахом грядущего дождя, с привкусом поднятой пыли и чащобной прелости. Забеспокоился

потревоженный лес, заволновался таинственными скрипучими звуками, словно приготавливаясь со всей своей живностью к принятию щедрой небесной влаги. Чапаевские гости, герои труда, отпоенные холодной водицей и расслабленные сеансом спасительных пивков, всегда про запас хранящихся у Кашкета в стеклянной банке на голодном пайке, понутив головы, сидели за центральным пеньком.

– Однако дождичек урожайный на нас надвигается, – суетливо прокомментировал предстоящий разгул стихии Чапаев. – Комиссар наш не устает перед грозой повторять, что пару дождичков в маю и агрономы, если можно так выразиться, по барабану. Чаем, как всегда, хотел попотчевать Вас, но, видно, не судьба, и дождичек и настроение, по правде говоря, не очень теперь компанейское. Не все у нас в дивизии на большевистский лад получается, был бы жив Владимир Ильич, многое, наверняка в жизни личного состава сложилось бы совсем по-другому. Но нельзя сомневаться, товарищи, что рабоче-крестьянская власть рано или поздно одержит свой верх. Пролетарская революция еще не закончилась, мы еще скажем свое последнее слово. Жалко, что Петька умчался с тачанкой, а то с ветерком доставил бы вас в расположение. Но вы по тропинке, напрямик через лес, по скорой дорожке и сами не заметите, как дома окажетесь.

Гости, неумело скрывающие душевное разочарование, по результатам почетного визита, без лишних слов и неуместного энтузиазма уныло поднялись из-за стола. Поочередно обнялись, душевно поручались с легендарным комдивом, по традиции обменялись интернациональным победительным жестом и потопали восвояси по извилистой лесной дорожке.

Ни раскаты зловещего грома, ни первые крупные капли дождя не могли разогнать безнадегу, что волчьей хваткой вцепилась им в горло и не давала надежды на продох, хоть на малый глоток торжества коммунизма. Не знали, не понимали, конечно, они, что коммунизмом как раз и был их иступленный нечеловеческий труд. Этот дурман оголтелого созидания, как образ, как способ ведения жизни, без должной награды за результаты труда, может

и был, и являлся олимпийской вершиной их советского жития-бытия. И это тоже извечная драма, никогда не решенный вопрос – что желанней для гордого человека, что способно приносить неизбывное наслаждение – давать или брать. Давать не беря, или брать не давая. Казалось бы, проще всего одновременно давая и брать, но тогда не получится испытать величайший восторг, полное к жизни презрение.

Долго сидел за омытым грозю пеньком насквозь промокший Василий Иванович. Он даже не обратил внимания, как из небесного корыта окатило Разлив россыпью трескучего града, как остервенело хлестали его по щекам тугие ветви холодных дождевых струй. И все сидел, прямо смотрел перед собой ничего не видящим внутренним взором, содрогаемый мелкой дрожью после внезапного ненастья и невыразимой внутренней стужи. Беспольной оказалось серая каракулевая бурка, которую предусмотрительно притарабанил денщик еще при начале потопа и теперь оплывшим мокрым квачом распласталась на залитой дождевою водою скамейке. Едва ли и Анкины теплые груди способны были в эту годину глубокой печали отогнать от сердца лютую сердечную стынь.

– Командир, – в который раз уже из сухого шалаша голосом заботливой няньки тоскливо отозвался Кашкет, – ведь наверняка заболете, неровен час чахотку прихватите, было бы из-за чего над собой измываться. На кой черт сдались Вам все эти электростанции и ленинский план осчастливить ими неблагодарное человечество. Давайте лучше на балалайке для Вас что-нибудь душевное сбацаю.

Когда озноб перешел в состояние зубодробильной трясучки, Василий Иванович тяжело стащил с себя доверху залитые дождем сапоги, поочередно вытрусил из них вездесущую воду и, не оборачиваясь, побросал в сторону шалаша, предвидя наперед, что стерегуший Кашкет тотчас подхватит и начнет приводить их в порядок. Такая же участь постигла и габардиновые галифе, из которых еще в начале дождя был эвакуирован мобильный телефон.

Неожиданно, Чапай выскочил одним прыжком на центральный пенек, в мокрых семейных трусах и прилипшей к груди гимнастерке, резко выхватил из чехла кавалерийскую шашку, сделал пару отчаянных с просвистом махов и стремительно загородил в ножны клинок. Буйную его, открытую разным ветрам шишковатую голову, в который раз за последнее время пронзила гнетущая мысль о неизбежных гримасах человеческого бытия, о бесконечных несправедливостях преследующих каждого из живущих на земле, о невозможности принципиально изменить что либо в окружающем мире. Все вместе лишало положительного смысла и его собственную жизнь, и суровую до безобразия революционную борьбу. Однако в закаленном бесконечными боями командирском сердце, оставались непоколебимая ответственность, долг перед близкими, перед однополчанами, перед памятью погибших товарищей, наконец. И Чапаев, будто после отобравшей все силы безжалостной сечи, трудно держась на босых с синеватыми прожилками ногах, направился к командирскому шалашу.

В незамысловатом лесном жилище примирительно пахло нежностью сена, благоуханием сушеного разнотравья, пестрыми пучками развешанного Кашкетом под камышевой кровлей. Не только на случай нечаянных хворей, но и просто, для заварочных ароматов. Молча разделся легендарный комдив донага, укутался в запасную, Анкой пошитую теплую бурку и так же, ни слова не обронив, погрузился в сладкое, врачующее тревожную душу забытие. В ушах послышался далекий перезвон колокольчиков хрусталия, верный спутник несущейся в неизвестность дороги. Замелькали верстовые столбы, полустанки и вот прямо перед собой он увидел добродушное лицо убиенного Николая Романова, который мягко трепал его за плечо и ласково говорил: «Василий, вставай, пора на работу».

Чапая со всей ясностью осознавал, что подобная встреча могла состояться где угодно, но только не на Земле. Стало быть Господь, не предупредив, принял решение отозвать его навеки к себе. «Все-таки поступил он не совсем по-приятельски, –

подумал Чапай, – мог бы, конечно, заранее подсказать, чтобы и по службе и в семье сделать последние распоряжения». Но не было страха, не было ни капли печали, естественной в таком случае жалости об оставленных людях. Почему-то не возникло соответствующее обстоятельствам любопытство, не появилось желание прикинуть в уме, разобраться, что же ожидает теперь впереди, какими сюрпризами встретит Создатель. То, что жизнь пока не закончилась, вселяло некоторый оптимизм, но зачем, почему она не закончилась, абсолютно не интересовало комдива.

«На работу, так на работу», – покорно согласился Василий Иванович и так же, как все находящиеся в просторной военной казарме, стал обряжаться в зеленую новую робу, услужливо поданную Николаем Вторым в протянутой руке. И покрой комбинезона, и размер мягких тапочек, все на удивление ладно совпадало со статью комдива, и даже маленькая гребеночка для зачески усов обнаружилась в потаенном нагрудном кармане. Более того, драгоценный мобильный телефон, подарок товарища Фрунзе, тоже благополучно оказался при нем. Внутренний голос настойчиво шептал на ушко Чапаю, что с телефоном ни в коем случае не стоит на людях светиться, хотя бы до той поры, пока не опробует связь с заветным девятизначным абонентом.

Где-то вдаль, сквозь долготу расстояний и толщу переборок, по-корабельному ударила вахтенная рында и одетые в зеленые комбинезоны мужчины, молча толпясь у выходных дверей, стали скоренько выталкиваться на дежурное построение. Вместе со всеми, влекомый потоком людей, комдив пробирался по сложным переходам и лабиринтам со ступенчатыми маршами и скользящими спусками, пока наконец не оказался на геометрическом плацу верхней палубы огромного космического скорохода, очертания носовой и кормовой части которого едва улавливались в синеве фосфорирующего неба. Два носовых мощных прожектора прорезали для лайнера космический путь, небольшой третий фонарь на самом кончике верхней мачты сварочным светом сигнализировал морзянку для идущих на встречных курсах кораблей.

Экипаж скорохода по-военному быстро справился с построением, и даже Василий Иванович с бывшим царем нашли себе место в расчетном строю. «Сейчас, наверное, заставят присягу принять, – подумал Чапай, – интересно, как у них здесь относятся к новобранцам, дедовщиной не травят? Клятв никаких даже под смертельной угрозой не собираюсь давать, пока сам не пойму, чем они на корабле занимаются».

И вот откуда-то с верхней рубки послышалась усиленная репродуктором команда: «Романов, доставьте новичка к капитану, всему личному составу приказываю организованно разойтись по служебным постам. В добрый путь, дорогие товарищи».

– Не дрейфь, Василий, – участливо ободрил комдива, торопливо идущий впереди Николай Александрович. – Вспомни, на сопках Манчжурии и пострашнее бывало. Капитаном на нашем космическом лайнере несет почетную вахту прославленный адмирал Нельсон, прекрасный флотоводец и герой бесчисленных морских баталий. Человек он, как я уже убедился, безупречно справедливый, настоящей матросской закалки, ты обязательно найдешь с ним общий язык. Наверняка, он вполне осведомлен о твоих боевых заслугах и, быть может, как знаменитого командира, сразу назначит баранов пасти.

– Скажешь тоже, каких еще нахер баранов, – вылупив глаза, заерепенился уязвленный по самолобию комдив, – я терпеть издевательств даже от адмирала не стану, не для того полным Георгиевским кавалером закончил империалистическую войну и в гражданскую капелевцам скучать не давал. И что это за корабль непутевый у вас? На нем, выходит и поля есть и реки, раз баранов разводите, может даже и жабы зеленые есть? То-то комбинезоны у всей команды мне сразу показались подозрительно знакомого цвета.

– Нет на нашем корабле, Василий, ни рек, ни озер, и жаб тобой презираемых тоже здесь нет. Неужели ты еще не прозрел, это же командирский диспетчерский лайнер. За нами закреплена пара десятков звездных галактик, вот мы и дрейфуем,

помаленьку присматриваем, если честно сказать, обслуживаем их. Я до визита в благословенный Разлив, проживал на одной из планет созвездия Спелых Бамбуков. Теперь повышение вышло, переселили сюда, мою галюны на двенадцатой палубе, где располагаются астрономы и скрипичных дел мастера из словного итальянского местечка Кремона. Честно признаюсь, служба на спелых бамбуках была мрачноватой. В нашем краснознаменном колхозе «Тихие Заводы» занимались зачисткой грехов у вновь прибывшей публики. Постоянное кипячение вонючей смолы, раскалка жаровень, все это входило в мои непосредственные обязанности. Но более всего досаждали крики и вопли обрабатываемых грешников. Такого насмотрелся против собственной воли, такого наслушался, что случись заново оказаться на родимой Земле, ни секунды не медля, заточил бы себя в жесточайшую схиму.

– А подолгу хоть жарить или в смоле кипятить приходилось?
– с нескрываемым интересом полюбопытствовал Чапай, – Я не думаю, что подобная процедура могла занимать много времени, сколько адских мучений может выдержать тленная плоть?

– Да уж не менее четырех-пяти дней, пока до нужной кондиции не доводили. Хороший студень на кухне поварам часами томить приходится, а здесь грехи человеческие выжигать надо, крепкая работенка для кочегара, уйму дровишек спалить полагается.

– Я все понял, – радостно воспрянул духом комдив, – жарят не просто, чтобы издохли, но обязательно в прах обратились, как сушеные кизяки, которые у кашеваров под эскадронными казанами палатся. По правде говоря, для белогвардейских капелевцев это вполне подходящая обработка, никаких дров не надо жалеть.

– Почему же обязательно, чтобы издохли или в прах обратились, – искренне выразил недоумение благородный Николай Александрович. – Мы ведь на страже жизни стоим, ничего созданного Творцом не истребляем. Кому же придет в голову преступная мысль, посягать на истребление бессмертных человеческих душ. Спустя положенный срок

вилами перекладываем грешников из раскаленных жаровен в котлы с кипящей смолой и терпеливо варить начинаем. Опять же не меньше пяти-шести дней добросовестного кипячения.

– И все же, что же потом, до каких пор эта канитель продолжается. Чем заканчивается кипячение в бурлящей смоле, какие следом предлагаются радости, что еще может оказаться страшнее пройденных испытаний.

– А ничем не заканчиваются, – ответил царь, – снова жарить приходится, и так до тех пор, пока очищающийся грешник не скукожится, не усохнет до размеров обыкновенного таракана. Ты думаешь, почему они такие коричневые, как запеченные груши. А вот когда рыжих зверюг наберется достаточная гвардия, запаковываем их в фанерные ящики и благополучно спроваживаем на Землю, совести да ума набираться. Я полагаю, любой таракан, был в свое время таким же, как и мы, человеком, но не оправдал высоких надежд и получил в Тихих Заводях заслуженное оформление. Конечно жестокое наказание, но ведь силком никто за уши в жаровню не тащит, каждому предоставляется возможность строить светлую, с наградой ко спасению жизнь.

– Так выходит, что наша рыжая сволочь Чумайс снова возвратится в дивизию и будет паскудить на Анкиной кухне. Я бы все-таки предпочел распрощаться с ним окончательно, без напоминаний о прошлом. Не вижу смысла продолжать эту гадость воспитывать, проще новенького мальчонку молодым супругам склепать.

– Ты же знаешь, Василий, надежда умирает последней. Милость Создателя не знает границ. Он терпелив и заботлив, неустанно надеется, что какое-нибудь полезное дело совершит на Земле даже презируемый тобой таракан и поднимется на очередную ступень совершенства. Может, сделается городским воробьем или все той же озерной жабой, путь наверх никому не заказан.

– Не очень то я понимаю ваши порядки, – пряча насмешку,отреагировал по военному быстро соображавший Чапай, –

однако скажи, где могут предложить мне баранов пасти, я что-то не вижу здесь подходящего места.

– Во-первых, не предложат, Василий, а просто пошлют. Конечно не так, как у тебя это в прошлой жизни легко получалось. И заметь, такая удача может случиться только при очень фартовом раскладе. А насчет рек и полей не стоит печалиться, здесь такие планеты, такие красавицы среди них попадаются, что ваши альпийские луга скучнейшей тундрой покажутся. У всех передвижников вместе взятых не достанет холстов и фантазий запечатлеть щедроты Творца.

Поднявшись по крутым маршевым сходам к дверям капитанской рубки, Николай Александрович украдкой трижды сплюнул через левое плечо, торопливо наложил на себя крестное знамение и негромко постучал костяшками аристократической ручки. Дверь медленно, без скрипа отворилась, и едва переступив порог, Василий Иванович вместе со своим проводником очутился на рулевом капитанском мостике.

Прямо по центру командирской рубки, на небольшом возвышении, за сверкающим медью в розе ветров компасом, сидел знаменитый адмирал Нельсон. Сидел в золоченом наподобие царского седалища кресле, с подозрительной трубой на коленях и начатой бутылкой пепси-колы в старческой руке. Неподалеку от капитанского кресла вахту нес рулевой за внушительных размеров лакированным штурвалом, как полагается, с одной деревянной ногой и черешневой курительной трубкой в щербатых зубах. Удивительно, что на капитанском мостике такой огромной космической субмарины не было никаких сложных навигационных приборов, полностью отсутствовала вспомогательная электронная техника, только морской компас и рогатый штурвал старинного образца из красного дерева. Панорамный обзор с верхней рубки открывался фантастический. Корабль дрейфовал в межзвездной тиши с поразительной поступательной скоростью. Все космическое население мироздания, пылающие светила, планеты, астероиды, болиды проплывали мимо окон капитанской рубки, вращаясь и

оставляя за собой траверсный след.

– Обратите внимание, – сказал надтреснутым голосом, не оборачиваясь к вошедшим, адмирал Нельсон, – сейчас по правому борту мы проходим мимо любопытной планеты, на которой прячется бедолага Адам. Уважаемый дружище Джон Сильверс, – дал указание адмирал рулевому, – просигнализируйте стапельным прожектором нашему праотцу сообщение, что хватит ему валять дурака, первородные грехи его давно уже прощены. При желании он давно уже может подобрать на свой вкус название для этой планеты и теперь уже не из ребра, а из чего-нибудь более существенного вылепить по сердцу спутницу жизни, и клепать всем на радость здоровых детишек. На обратном курсе обязательно будем делать у этой твердыни швартовку, поговорим с праотцом по душам и отведаем знаменитых антоновских яблочек. В довершение Нельсон приставил к глазу окуляр подзорной трубы, на которой золотыми латинскими буквами было начертано имя «Galileo» и внимательно рассмотрел плывущую мимо, обжитую Адамом планету.

– Что же вы незваными гостями стоите у порога, господа, проходите смелее, будем знакомиться, – сказал, поднимаясь из кресла, пожилой адмирал.

По-стариковски прямо торча в пояснице и волоча одетые в шерстяные валенки ноги, он подошел к дорогому резному буфету. Отворил бронзой инкрустированную с хрустальным окном барную дверку и достал начатую склянку ямайского рома. Также неспешно поставил на серебряный поднос три золоченые чарки и наполнил их благородной рукой.

– Выпьем, друзья, за наше знакомство, – предложил адмирал и первым пригубил крепкий флибустьерский напиток. Пейте без смущения, господа. Воистину, глоток чистого ямайского рома не принесет вам вреда. Многие годы эта бутылка пролежала на дне Средиземного моря, в глубокой безмолвной тиши. Злые духи в ней давно уже упокоились, только нежность виноградной лозы и запах южных ветров, да еще тепло заботливых рук виноделов

несказанным букетом окрасят вам настроение.

Василий Иванович хотел было для форса чуть-чуть повыпендриваться и заявить, что на дух не переносит спиртного, но, увидев как лихо расправился со своей чаркой царь Николай, тоже опрокинул рюмашку. Ром и в самом деле оказался хорош, достаточно крепок, с волнующим ароматом пиратских сокровищ. Этот ни с чем не сравнимый аромат удивительным образом вызвал из залежей прошлого напоминание о боях в Августовских лесах неприятельской Пруссии. Дело было в Первую Мировую войну, когда он с десятком промышлявших казаков отбил генеральский обоз и в нем обнаружилась дюжина бутылок старинной купорки. Казаки тогда по достоинству оценили трофейный напиток, похоже, то был настоящий ямайский ром.

– С Вами, Николай Александрович, мы порядком знакомы, – заметил с доброй улыбкой царю адмирал, – боцман постоянно отмечает Ваше безупречное прилежание на вверенной службе. Прекрасно, что Вы наконец-то обрели достойное для себя применение. И про Вас, дорогой Василий Иванович, я премного наслышан, давненько уже на наш космический скоростной не направлялись толковые боевые командиры. Не часто во все времена появлялись на свет заслуживающие внимания полководцы. Мне уже дважды звонили про Вас, ходатайствовали, рекомендовали учесть ратные подвиги и определить на видное место. Нам в женскую баню истопник из ответственных людей до зарезу нужен, вот руководство предлагает Вашу кандидатуру. Вы человек военный, организованный, кому как не Вам следить за порядком в женской купальне. Очень рассчитываю на Ваш стратегический опыт и способность управлять капризным коллективом.

Василий Иванович по-шустренькому прикинул для себя, что нечего Бога напрасно гневить, удача и на сей раз улыбнулась ему, поэтому без долгих раздумий с благодарностью принял заманчивое предложение. Выразил уверенность, что не подведет, использует весь свой боевой опыт и справиться с любым, самым

рискованным заданием.

– Вот и славненько, – заключил, потирая руки, удовлетворенный адмирал. – Осваивайтесь на новеньком месте, присматривайтесь, у руководства по поводу Вас далеко идущие планы. Мне уже на покой по-стариковскому хочется, очень требуется на капитанский мостик выдающийся полководец. Может быть, через десяток веков займете это почетное кресло, примите из моих рук и подзорную трубу, принадлежавшую некогда самому Галилею. А пока не смею задерживать вас, господа. Сопроводите, Николай Александрович, героического комдива к нашему корабельному фельдшеру, пускай проведет профилактические мероприятия.

На том адмирал развернулся и плюхнулся в свое капитанское кресло, давая знать посетителям, что аудиенция завершена. А приставленная к единственному глазу Нельсона смотровая труба, как бы положила незримый барьер.

– Я что-то не совсем понимаю, – признался по выходу из рулевой рубки Василий Иванович, на кой черт мне понадобился ваш корабельный фельдшер? Со здоровьем у меня все в порядке, после последнего ранения прошло уже не менее года, рога могу быку своротить. Давай не пойдем в лазарет, лучше рванем напрямик на рабочее место. Мне, если честно признаться, ни разу еще не приходилось бывать в женской бане. Не скажу, что самое для меня подходящее место, но все же лучше, чем чистить галюны из под всякой обожравшейся задницы. Почему бы и Вам не похлопотать о более серьезной работе, негоже хоть и бывшему императору в чужом дерьме ковыряться, не царское это дело.

И вот, кто бы, что не выдумывал, но место все же красит, облагораживает человека. Превосходство новоиспеченного баньщика над чистильщиком общественного галюна враз обнаружилось по осанке, по учительному тону Чапая. Тем не менее, Николай не теряя достоинства объявил:

– Здесь, Василий, все как в армии и приказы командования не обсуждаются. К фельдшеру явиться придется обязательно,

в противном случае, можно и на губу залететь. Ты уж поверь, это окажется гораздо неприятней моей непыльной работы, даже не хочу огорчать тебя мыслями о такой перспективе. Однако меня другое тревожит, сердцем чую, кастрировать тебя могут в больничной каюте. Служба такая выпала, техника безопасности требует. Чикнут с наркозом, конечно, специалисты по этой части у нас будь здоров. Но голос командирский немного просядет, а мне он душу греет больше всего, до слез напоминает смотровые парады в Царицыне.

– То есть как это кастрировать, – вполоборота начал заводится Чапай, – я им что кролик ушастый подопытный. На кой хер мне их баня сдалась и вся эта бабская тряхомудия. Скорей жаровни в аду соглашусь дни и ночи палить, чем в евнухи по доброй воле податься. Ни в какой лазарет не пойду, поворачиваем к одноглазому недотепе, пускай отменяет приказ. Это ему мужское хозяйство уже ни к чему, а я не собираюсь на дембель идти, далеко не до конца еще отстрелялся.

Василий Иванович натурально включил заднюю и потащил Романова за руку в обратный ход. Император с неожиданной твердостью застопорил движение и со всей убедительностью заявил.

– Ты напрасно ерепенишься, дружище, на корабле своих решений командование никогда не меняет, да и яйца тебе здесь совсем ни к чему. На космическом лайнере много чего делать умеют, но размножаться не просто запрещено, здесь любой член экипажа навсегда лишен способности выполнять подобное предназначение. Это удел землян, воистину их неизбывное превосходство, может потому и вызывают зависть богов, не скупающихся на изобретение для людей испытаний. Заниматься бесплодной кроличьей любовью в качестве приятного развлечения, в наших условиях, ты запомни, не придет тебе в голову. Так что не стоит жалеть по-пустому за яйцами, тебе же самому спокойнее будет.

У Чапая на сердце сделалось нестерпимо тоскливо. Выворачивая душу, помянулись Анкины статуарные телесные

прелести, роскошные ее объятия и минуты мужского торжества, особенно остро ощущаемого после бурных любовных экстазов. Это сладостное состояние сопоставимо разве что с легкостью гарцевания на взмыленном скакуне впереди боевых порядков лихих эскадронов. И теперь в одночасье ему предстояло навсегда лишиться возможности ощущать это первородное мужское лидерство. Забавно, нет слов, потереться среди баб в теплой купальне, но какой в этом смысл, если фельдшер положит кранты его боевым резервам. Это все равно, что наган без патронов. Оставалась, быть может, последняя надежда, последний на удачу шанс. Следовало каким-нибудь хитроумным способом избавиться от докучливого Николая Романова и позвонить кому следует. Все-таки есть обязательства приятельской дружбы, Создатель не должен оказаться прохвостом, Ему то проще всего отменить экзекуцию.

– Знаешь, Николашенька, – принялся хитрить Василий Иванович, – мне бы по нужде куда-нибудь сбегать. Я вчера огурцов с молоком не по делу нажрался, не на шутку, гляжу, подпирает, помощи уединиться где-нибудь в положенном месте. Люблю посидеть в тишине, заодно и поразмышлять о своей предстоящей доле.

– Нет ничего проще, – с готовностью предоставить руку помощи, радостно доложил Николай. – Давай махнем на двенадцатую палубу, где мое рабочее место и там преспокойненько справимся со своими проблемами. Мне, кстати, и самому наведаться туда не мешало бы, приглянуть хозяйским глазком все ли в порядке на службе. Я, знаете ли, привык держать доверенный пост под личным контролем.

С юношеской легкостью проскакав по крутым переходам и трапам, приятели оказались на двенадцатой палубе космического скорохода. Перед изумленным взором Чапая, во всю длину субмарины раскинулась раздольная улица по обеим сторонам которой располагались уютные мастерские ремесленного люда. На каждом фронтоне отдельной мастерской красовалась рекламная вывеска с изображением какого-нибудь музыкального

инструмента. Здесь можно было увидеть всевозможные цитры, гитары, гармоники, но более всего впечатляло обилие представителей семейства смычковых инструментов, от самых маленьких детских скрипачек, до необъятных лакированных контрабасов. На вывеске, всегда большими буквами сообщалось имя мастера, сосредоточенно работающего за светлым широким окном. Здесь продолжали творить великий итальянские корифеи, такие как Сториони или Бергонци. Они мирно соседствовали с полузабытыми тульскими и вологодскими умельцами музыкального цеха. Отовсюду доносились мелодические переборы настраиваемых инструментов, как перед выступлением большого симфонического оркестра и явственно пахло отделочными политурами и свежей древесной стружкой. Некоторые мастера по-дружески приветствовали бывшего императора, торопливо влекущего за собой несколько растерявшегося Василия Ивановича. Иногда Николай останавливался и сам подходил к отворенному окну, участливо интересовался настроением, успехами в творчестве и желал всего самого лучшего. Одному гитарному мастеру, по фамилии Соколовский, передал запечатанное в почтовом конверте письмо.

Между прочим, ремесленная улица называлась Шоссе Энтузиастов, об этом уведомляли небольшие адресные таблички, симметрично прикрепленные на углах оббитых сосновой шалевкой стен. Приятно для глаза было видеть патрульные группы матросов, несколько раз уже повстречавшихся им на пути. Одетые в широкие клеши и черные бушлаты с красной повязкой на левой руке, эти стражи порядка удачно вписывались в общий космический пейзаж. У Василия Ивановича даже сердце от тоски защемило, до того захотелось вернуться обратно в дивизию, которая в сравнении с безупречной стерильностью Шоссе Энтузиастов вспоминалась как нескончаемое гуляй-поле.

Так пройдя примерно километра полтора под несмолкающие обрывки настроенных мелодий и дружеские приветствия приятелей Николая Романова, они оказались возле, до боли

знакомого, дощатого сооружения. От традиционного летнего сортира эта деревянная конструкция отличалась значительно большими размерами, внутри нее приветливо располагалась череда круглых, выдавших всякие виды отверстий. Невозможно было даже предположить, что на такой уникальной субмарине могут оказаться самые захолустные подсобные удобства, практически времен динозавров.

– Вот и добрались, Василий, располагайся на выбор, любое отверстие тебе уступлю, – с жестом щедрого сеятеля предложил комдиву радостный царь, – и я с тобой за компанию малость присяду, вместе оно всегда веселей.

– Честно говоря, я надеялся, что у вас здесь, как в штабе у Фрунзе, кабины отдельные, рукомойники, сушилки, масса удобств для ухода за телом. У нас даже деревенские мужики постепенно начинают переходить на фаянсовые ватерклозеты. Все-таки не очень понятны многие ваши причуды, по-моему, вы ерундой занимаетесь.

– Это ты зря, дорогой друг Василий, – отклонил возражение император, – вы в дивизии привыкли обращаться с природой по-хамски, все только жуете, глотаете, ничего приличного не возвращая взамен. Ты должен помнить, что у нас автономное плавание, замкнутый цикл, следовательно, на учете любая капля полезных отходов. Все это добро я аккуратненько собираю внизу, внимательно раскладываю по разным сортам и отношу на четвертую женскую палубу. Там сырье подвергается специальной обработке и поступает на камбуз для приготовления пищи. Сегодня на обед обещали пельмени подать, ты даже не представляешь, из чего они слеплены. Но пальчики оближешь, бьюсь об заклад, станешь даже добавку просить.

Деваться было некуда, Василий Иванович расстегнул фирменный комбинезон, откинул задний клапан и как только присел на корточки, драгоценный мобильный телефон предательски юркнул в сортирное очко и шлепнулся внизу обо что-то подозрительно мягкое. В жизни комдива были не только героические победы, не раз приходилось отступать в

боях, терпеть поражения, но никогда, даже во времена самых сокрушительных неудач, душа его не испытывала такую горечь и муку, как в эту роковую минуту, сидя на очке в сортире грандиозного космического скорохода. Дальнейшее пребывание в позе нераспустившегося лотоса потеряло всякий практический смысл, но Чапаев все сидел с поникшей головой, обдумывая горькую свою не испитую чашу. Николай Александрович несколько раз уже выходил на улицу, снова заглядывал в нужник, и никак не мог взять в толк, что его приятель высиживает, медлит чего.

В анналах военной науки Василий Иванович отмечен недюжинными способностями находить выходы из самых тупиковых ситуаций. Вот и теперь, спустя пару часов упрямого сидения на корточках, в его мозгах созрела смелая спасительная комбинация. Комдив со счастливой физиономией вихрем выскочил на улицу, заключил в объятия опешившего царя и сделал неожиданное предложение.

– Больно служба понравилась мне твоя, Николаша. Не мог бы ты договориться на сегодняшний день с адмиралом, чтобы я подсобил здесь тебе. А уж завтра, как договаривались, отправлюсь сам в лазарет, не стану перечить, пускай чикают.

– На денек, оно можно попробовать, – согласился царь Николай, – но только работать под моим руководством, боюсь пересортицу сделаешь. Учиться никому никогда не заказано, тем более, что целая жизнь впереди. Не исключено, что когда-нибудь выйдешь на повышение и тебе доверят мое почетное место, вот и пригодятся полезные навыки.

Николай Александрович поразмыслив самую малость, подошел к ближайшему дежурному телефону, которые в изобилии были развешаны на стенах домов вдоль всей перспективы улицы. Он достал из внутреннего кармана спецовки голубенькую записную книжечку, открыл ее на искомой странице и словно на мясорубке вертанул боковую телефонную ручку. Коммутатор ответил незамедлительно, и Романов попросил соединить его с нужным абонентом.

Разговор поначалу складывался непросто, по всей видимости, порядки на субмарине соблюдались действительно строго. Но все-таки по результатам беседы лицо Николая осенила улыбка удовлетворения и он радостно сообщил Чапаю, что с большим сопротивлением получил разрешение поработать сегодня вдвоем над сортировкой полуфабрикатов из под двенадцатой палубы. Василий Иванович настоял не терять понапрасну времени и немедленно приступить к исполнению служебных обязанностей.

Рабочее место Николая Романова по техническим причинам располагалось на палубу ниже и они в приподнятом настроении, буквально взявшись за руки, помчались туда без оглядки. Судя по оформлению служебного поста, императора следовало отнести к категории людей исключительно обстоятельных. Повсюду на стенах висели графики с производственными показателями. Некоторые графики походили на зубастые пасти акул, некоторые напоминали «девятый вал» Айвазовского. Сырья в помещении накопилось довольно достаточно, пересчитав по порядку наваленные кучи, комдив без труда взял на заметку самую для него драгоценную и тотчас же схватился за лопату.

– Не стоит горячку пороть, Василий, урезонил азартного сортировщика Николай, – давай сначала чайку хлебанем, а потом, помолясь, возьмемся и за работу. Видишь, у меня в уголочке маленький столик стоит, присаживайся, сейчас подключу кипятыльник.

Император с врожденной изысканностью сервировал чайный прибор, заварил липовый цвет, тонко пробивающийся сквозь общий производственный запах и лично поворачал серебряной ложечкой в расписной фарфоровой чашке комдива. Как обыкновенно случается за русским чаепитием, приятели расслабились и незаметно погрузились в душевную беседу.

– Ты для чего это, Коля, от престола отрекся? – задал императору давню уже мучавший его вопрос полный Георгиевский кавалер. – Это же надо, по собственной воле подобную дурость сморозить. Наверное, вот здесь, на служебном посту, не раз и

не два вспоминал про былую роскошь царских дворцов. Вот уж, воистину «из князей в грязи» по самые уши угодил. Я тебе доложу, на такое стремительное преображение не у каждого Гоголя хватит фантазии.

– А что же по-твоему оставалось мне делать, как следовало поступать после позорно проигранной Мировой и Японской войны. Россия таких поражений никому не прощает. Это только ваши комиссары считают, что революцию совершили большевики, тогда как она сделалась неизбежной расплатой за поражение власти в войне. Сказать по правде, Василий, вот здесь на сортировке сырья мне живется гораздо покойней, нежели на престоле Российской Империи. Детишек жалко до слез, но о себе я ничуть не тужу. Мне адмирал обещал встречу устроить с убиенным Алешей. Цесаревич, оказывается, на секретной субмарине вахту несет, которая базируется на созвездии Альфа Центавра. Может через несколько парсеков и свидимся, я по случаю разжился кулечком конфеток «Мишка на севере», сыночек любил их до самозабвения.

После двух часов не очень обременительного труда, именно в тот момент, когда Николай Александрович поволок на четвертую женскую палубу первые ведра тщательно отсортированного полуфабриката, у Чапая в кармане форменного комбинезона призывно заиграл «Интернационал». Василий Иванович не был человеком сентиментальным, но в эту минуту натурально подкатил ком к горлу. Все-таки настоящая дружба подтверждается поступками, и на сей раз Создатель показал себя, с самой что ни есть положительной стороны.

Комдив, словно шашку из ножен, выхватил из кармана комбинезона мобильный телефон и, едва не переходя на истерический крик, отозвался: «Слушаю Вас, Отче наш. Вы даже не представляете, как я соскучился за Вашим отеческим голосом, как ожидаю дружеского звонка. Вот так живешь и не всегда понимаешь, кто на свете тебе всех дороже, за кого ты готов без оглядки собственную голову сложить».

– Обыкновенное дело, Василий, – как ни в чем не бывало

ответил Создатель, – вы всегда начинаете вспоминать про Меня, когда жареный гусь хорошенько прицелит и клюнет. Ты бы похвалился по дружбе, как устроился на новом месте. Много неожиданного, наверное, открыл для себя. Сам теперь убедился, ничего здесь особенного, нормальная жизнь, только порядка, пожалуй, побольше, чем в твоей непутевой дивизии. Честно скажи, немного серчаешь, что самовольно переселил тебя в наши пределы? Но ведь жизнь тогда и прекрасна, когда балует нас всякими неожиданностями.

– Не стану сочинять, будто обрадовался нечаянному перемещению, – признался Чапай, – однако ничего не поделаешь, придется терпеть, приспосабливаться и к этой космической экзотике. Я человек военный, с хорошей закалкой боевыми походами, найду свое место в строю. С детства мечтал посвятить себя мореплаванию. Конечно, не так это все представлялось, больше мечталось под парусом ходить, а здесь сплошные галактики и нагромождения веков. Правда, со службой не все пока ладится. Адмирал назначил вахту нести в женской бане, кочегаркой заведовать и не предупредил старый плут, что для этого оскопиться придется. Может в хозяйстве мужские бубенчики и не пригодятся, но все одно почему-то обидно. Дело даже не в этом, все-таки хочется как-то поближе к моей главной профессии определиться. Доброй конницы наверняка у вас нет, а вот пехота какая никакая, полагаю, имеется обязательно. Согласен хоть рядовым в строю, хоть подразделением небольшим покомандовать

– Видишь ли, Василий, профессия твоя больно уж здесь непотребная, никто в нашем царстве воевать не намерен. А потому отличаются спросом ребята, которые хорошо научились делать что-либо полезное. Был бы ты, скажем, хорошим сапожником или краснодеревцем, не возникло бы с трудоустройством ни малейших проблем. Даже не представляю, куда можно определить на космическом скороходе специалиста по истреблению невинных людей. Так и быть, если не вмогуту отказаться от детородной забавы, попробую выхлопотать

медицинскую должность, сам будешь новобранцам яички отпиливать.

– Господи, да на кой мне сдались чьи-то яйца, – в отчаянии запротестовал комдив, – что Вы все время меня к ним пристегиваете. Мне о них даже подумать противно. Лучше назначьте баранов пасти, к сельским работам я с детства приучен, приложу все старания, не подведу.

– Такое впечатление, Василий, что ты только вчера на свет народился. Ведь баранов тоже охлащивать в кошаре придется. Какая разница, кому ножичком яйца приходится чикать, баранам или вновь прибывшим рекрутам. По-моему, ты просто капризничаешь, сам не знаешь, чего добиваешься. Мой тебе совет, держись как в бою, шашку долой и где «ваша не пропадала».

– Ради всего святого, умоляю, Отче наш, оставьте меня при Николае Романове, буду прилежно сортировкой сырьья заниматься. Не скажу, что дело очень приятное, зато ни с чьими яйцами не придется возиться. Видно, свое я уже отвоевал, дайте спокойно пожить напоследок.

– Не печалься, дружище, открою секрет, это я по-приятельски притащил тебя в наши края в порядке экскурсии на один лишь денек, – неожиданно обрадовал комдива Создатель. – Надо же было тебе как-то продемонстрировать, какие приятные встречи ожидают вас всех впереди, и, как знать, может быть сделать полезные выводы. Хотя я не очень рассчитываю на человеческое благоразумие и подозреваю, что оно на Земле совсем ни к чему. Хорошо, когда есть возможность проживать интересную жизнь по своему усмотрению, для нас это важнее всего. Сейчас возвратишься обратно в дивизию, обо всем, что случилось с тобой ни гу-гу. Командир ты толковый, оперативную обстановку сам хорошо понимаешь. Отправляйся в прошлую жизнь.

Очнулся Василий Иванович в жутком поту, в напрочь вымокшей бурке, едва ли не такой, что сушилась на бельевой веревке поблизости от шалаша. На дворе вечерело, закатное солнце окрасило Разлив и небо над ним густой палитрой

полыхающих зорь. Настолько желанным, прекрасным и близким показался Разлив, что легендарный рубака, не стесняясь, уронил, исходящую от самого сердца, скупую слезу.

«Что же это было со мной, – подумал Чапай, – сон ли, какое-то наваждение, или, в самом деле, пришлось навеститься на другую сторону света и лично познакомиться с тем, что ожидает людей впереди. И как теперь жить с этим свалившимся на голову знанием. Может, в само деле, перестать валять дурака и по совету Николая Романова заточиться в жесточайшую схиму. Еще не поздно неустанной молитвой заслужить себе будущее в каком-нибудь милом местечке, чтобы не сделаться потом тараканом или до скончания веков не ковыряться в дерьме».

Долго еще лежал в шалаше притихший комдив, обуреваемый напором неподдающихся простому решению человеческих дум.

Глава четвертая

Уже денщик тихонечко занес и подвесил под потолком запаленный керосиновый фонарь, неизвестно по каким причинам называемый в народе «летучая мышь». Уже из леса начали доноситься первые звуки ночной таинственной жизни, а Чапай все не поднимался, мучительно соображал, какие выводы сделать, как распорядиться собой после недавней экскурсии. Все-таки, удалось как-то адмиралу Нельсону сохранить свое военное положение и заступить на почетную капитанскую должность в рулевой рубке космической субмарины. Или тем

же скрипичным и прочим музыкальным мастерам предоставили возможность продолжить заниматься любимым своим ремеслом. Значит, существуют приемлемые способы совмещения земной человеческой деятельности с грядущей предвечностью. Наконец, не придя ни к какому положительному решению, комдив вздохнул полной грудью, расправил усы и негромко окликнул Кашкета.

Денщик, преданно отиравший шею неподалеку, тотчас подал свой голос и тихонько, бочком пробрался в шалаш.

– Настроение нынче что-то паршивое, – пряча улыбку, заметил Чапай, – сыграл бы что-нибудь для своего командира, давненько не слышал твоей балалаечки.

– Уж и не знаю, как развезть Вашу тоску, Василий Иванович. Судя по всему, любимая Ваша рапсодия с «одесского кичмана» едва ли придется ко времени, тут надо исполнить что-либо тонко берущее за душу. К Вам в последнее время трудно бывает приладиться. Раньше я наперед узнавал любые желания своего командира, а теперь не могу, все мечтаете о чем-то совсем непонятном. Такое впечатление, что каждый день к самому Карлу Марксу на доклад собираетесь.

Кашкет бережно снял с камышовой стены шалаша подвешенную за головку концертную балалайку и тщательно протер ее висевшим рядышком полотенчиком. Поудобней уселся на своем топчане и принялся сосредоточенно подстраивать сердобольную трехструночку. Пробные прикосновения, как одинокие капли дождя, украдкой впелись в звуковую палитру вечернего Разлива. Даже отдаленный жабий переквак начал приобретать какую-то музыкальную гармонию и художественную осмысленность.

– Ты у меня все-таки однажды доболтаешься, определяю я тебя в передовые окопы на доклад к Карлу Марксу, вот там и сыграешь с «одесского кичмана», будут тебе и пряники с повидлом и кофе с молоком. Много чего еще ожидает тебя дурака впереди, ты уж поверь своему командиру. Наш Разлив еще таким раем покажется, белугой завоюешь при любом

воспоминании о нем. А послушать сегодня мне хочется романс из булгаковской «Белой гвардии», хватит всякую дрянь Чапаю наигрывать. Есть что-то в поэтических грезах про белые акации и гроздья душистые от весны моей юности. У нас под южным солнцем до одури в начале лета акации цвели. А еще в семинарии поп один, прибывший из Украины Закон Божий читать, необыкновенно вкусно из цвета акации варенье готовил. Может в Киеве, он в Андреевской церкви обедню служил, что неподалеку от дома Турбинных расположена. Чудаковатый был поп, без поросячьего сала даже в Великий пост не умел обходиться, трескал втихую, запираясь в семинарском сортире. Мы, не будь дураками, пробуравили ножичком в досках дырочку и подловили его на горячем. Наставник всем нам пятерки в журнале по успеваемости ставил, боялся, чтобы не заложили архиерею.

– Вы никак батюшкой имели желание сделаться, Василий Иванович, – изображая недоумение, будто впервые слышит, поинтересовался Кашкет. – Представляю Вас в бурке на лихом скакуне и вокруг Святого престола, размахивая кадилом, гарцуете. Вылитый Георгий Победоносец. Православие в Вашем лице потеряло или святителя, или угодника преподобного. Может, добьем капелевцев и вместе махнем на приход, я при Вас пономарить тихонечко стану, глядишь, и для себя молитвами тихими спасение заслужу. Больно уж в раю повидаться кое с кем мне не терпится.

Из разрозненных звуков, как из осколков драгоценного сосуда, исполнитель начал лепить волшебный силуэт прекрасной музыки. И вот уже в шалаше, заполняя Разлив гармонией совершенства и высочайшей любви, зазвучал непревзойденный белогвардейский романс. Все-таки непостижимое существо человек. Сколько раз в своей фронтовой жизни легендарный комдив кромсал и крушил капелевских офицеров, а вот сейчас, так же самозабвенно и неистово, наслаждался благородством хрустальных их душ.

Выслушав до конца белогвардейский романс, Чапаев

распорядился закончить с музыкой и продолжил прерванный разговор.

– Болтаешь, дуралей, что ни попадя, как бы жалеть потом не пришлось. Однако чем заниматься после победы над капелевцами, каждому бойцу хорошенько задуматься следует. Я бы на твоём месте в артисты подался. Говорят, в Москве режиссер один есть по фамилии вроде бы Станиславский, к вешалкам очень равнодушный. Вот тебя туда в распорядители назначить, поди ни один крючок без дела не пустовал бы. Ну а если без шуток, скажи мне, Кашкет, что у нас в целом с искусством в дивизии происходит. Как оно служит народному делу, как оправдывает надежды революции.

– Ничего такого особенного с искусством в нашей дивизии не происходит, – невозмутимо сообщил денщик, – все идет по заведенному распорядку. Композиторы сочиняют музыку, поэты, как им полагается, пишут стихи, артисты играют в театрах спектакли Те, которые партию славят, в президиумах почетных сидят, а те, которые истину добывают, тоже где-то сидят, но писем пока-что не пишут. Некоторые весельчаки, большей частью из тех, кто белокостной болезнью страдают, лыжи втихаря в сторону капелевцев наострили, мечтают при их благородиях звезды с неба хватать. Скатертью дорожка, как говорится: «барышня с возу». Фурманов, не будь идиотом, распорядился в армейском клубе трехактный балет «Семен Буденный» поставить. Может и меня на главную роль пригласит, я уже на всякий случай не бреюсь, усы решил отпускать.

При этом денщик зажмурил от предвкушаемого удовольствия левый свой глаз и провел большим пальцем по едва наметившейся щетине будущих роскошных усов. Быть может, в эту минуту он увидел себя на мавзольном подиуме, может даже, принимающим торжественный парад отбивающих брусчатку победоносных сапог.

– Правильно мыслишь, Кашкет, воистину в тебе прибавляется революционной закваски. Мы ведь за что с беляками боремся, мы

какую жизнь в дивизии наладить хотим. По Марксу и по моему разумению, люди искусства призваны служить своему народу. Именно служение рабочим и крестьянам должно сделаться при коммунизме главной мечтой для творческого человека.

Василий Иванович в душе откровенно порадовался за удачную формулировку толкования деликатных материй. Натурально возникло полное ощущение, будто он и сам причастен к написанию «Капитала».

– Странное дело, – искренне усомнился денщик, – хорошо помню, что нас в консерватории увенчанные сединами и мудростью профессора настойчиво призывали служить искусству. Делали это весьма убедительно и, признаться, многие охотно верили им. Согласитесь, в наставлениях профессоров был некоторый смысл. Зачем же служить тому, кто в твоих услугах, быть может, и не очень нуждается.

– Неправильно вас учили, Кашкет, совсем не революционному, — категорически запротестовал Чапай. — Ты же не глупый малый, сам рассуди. Народ содержит на своем попечении всех наших деятелей искусства, кормит их, одевает, строит жилье, больницы, театры возводит. Вот за все это служители культуры и должны не оставаться в долгу перед своим народом. Всегда справедливо ожидать, чтобы на добро отвечали добром. Если я кормлю свою кобылу вдоволь овсом, должна же она иметь ко мне благодарность.

– Может Вы и правы, Василий Иванович, но сравнивать Бетховена и Шекспира с Вашей кобылой мне до сегодняшнего дня просто на ум не приходило. К тому же, если не ошибаюсь, этих великих мужей специально никто ничем не задабривал, не брал на свое попечение. Они по велению дарованных Богом талантов, отворяли нам сокровища своих трепещущих душ. Может оставить в покое и наших пролетарских служителей муз, пускай порхают на воле, как птицы небесные, с надеждой на промысел Божий. Все-таки хорошо, когда никто никому ничего не должен и не требует друг от друга вознаграждения.

Василий Иванович, разумеется, знал кое-что про Шекспира.

И на счет перед сном помолиться с Дездемоной, и по поводу «быть или не быть», все одно как по поводу «жизнь или кошелек» имел вполне определенные представления. Однако какое отношение имеют датские короли к проблемам дивизии, Чапай понимал с трудом. Поэтому деликатно подправил разговор об искусстве поближе к собственным, доморощенным корифеям и укротителям муз.

– Дался тебе этот Шекспир, зачем нам нужны чужие кумиры, давай лучше о своих писателях поговорим. Наша дивизия талантами не обделена, русские люди башкою крепки и изобретательны. Что ты можешь сказать, например, про писателя Михаила Афанасьевича Булгакова, он талантливый сочинитель или нет? Его романы добавляют гордости русскому слову, принесут литературную славу нашему дорогому отечеству?

– Мне бы гораздо проще было ответить на этот вопрос, если бы я знал Ваше мнение, товарищ комдив, – предусмотрительно заметил Кашкет. – Все-таки партия наш рулевой, опасаясь, как бы самому не в ту степь заблудиться. Иногда мне кажется, что я еще не совсем сознательный, чтобы доверять своему мнению.

– А мне тогда зачем твой ответ. Ты давай, дураком не прикидывайся, правду скажи, нравится тебе роман «Мастер и Маргарита» или нет. Это гениальное творение или чушь собачья. Фурманов на сто процентов убежден, что писатель Булгаков, на самом деле, сбежавший из сумасшедшего дома недобитый белогвардейский офицеришка. И что нам давно уже пора определиться с ним по назначению, то ли обратно в дурдом, то ли обеспечить по заслугам революционный исход.

– Я, Василий Иванович, сам все время ломаю голову, нравится мне писатель Булгаков или нет, вроде бы роман «Мастер и Маргарита» неплохо написан, но дуркой от него несомненно пахнет. Так что, ей Богу, не знаю.

– Вот, проходимец, таки отправлю на передовую, чтобы мозги тебе на место поставили. Так всю жизнь дурачком не прокатишь, башку свернешь обязательно. Колобок он только

сначала от дедушки и от бабушки ушел, а потом все равно лишице на зуб прикатился.

– И что это Вы, Василий Иванович, передовой меня постоянно пугаете. Будьте уверенными, не хуже Петьки вражеского языка своими руками возьму. Ни про какую уху сопли разводить не стану. Это у него то чей-то брат занемог, то у кума кобыла сдохла. Я сразу шашку наголо и любого противника, как кочан капусты, в солому перекрошу.

– Это с балалайкой то своей наголо? Не боишься, что кони в дивизии все обхохочутся? Я тебе так скажу, хорошо, когда каждый своим делом норовит заниматься. Вот тебя дураlea в консерваториях искусству учили, значит в искусствах и находи себе применение. Почему бы тебе в нашем армейском клубе не поставить спектакль по роману «Мастер и Маргарита». Главным консультантом пригласим самого Михаила Афанасьевича, пускай сочинитель воплощает на революционных подмостках своих фантастических персонажей. Талантливая молодежь среди бойцов в дивизии есть, подберем достойных исполнителей на всякую роль, пора красноармейцам к большому искусству приспособляться. И вешалку, между прочим, не хуже, чем в Малом театре соорудим. Не знаю, как с вражеским языком, а с вешалкой у тебя, уверен, неплохо должно получиться. Можешь считать, что я уже назначил тебя главным распорядителем во всем гардеробе, осваивай новую должность.

Тем временем в Разлив на полном скаку, нарушая вечернее умиротворение глухим стуком конских копыт и звоном трясущейся сбури, залетела штабная тачанка. И вот уже в дверном проеме командирского шалаша замаячила крепкая стать потирающего руки ординарца. Петька был из тех редких и счастливых людей, присутствие которых в любой ситуации сообщает окружающим здоровый оптимизм и ощущение вкуса жизни. По всему видно было, что день у Петрухи, как и полагается, сложился на славу. Об этом свидетельствовало сытое сияние ликующих глаз и заплечный увесистый сидор, который он на ходу сбросил в руки Кашкету. Ординарец, источая запах

свеженькой водочки, вперемешку с конским и собственным потом, с прищелком офицерских сапог сделал под козырек и доложился Чапаю о выполненном поручении, особенно отметив доставленный в полной сохранности гостиничный сидор.

Василий Иванович несомненно обрадовался возвращению ординарца, но по обыкновению не выразил внешнего восторга и не обращая внимания на пухлый сидор, недовольно пробурчал: «Где тебя нелегкая носит? Уже можно было двадцать раз вернуться не только из штаба Фрунзе, но на тот свет и обратно смотаться. Не иначе, как с бабами где-то тягался, знаю тебя кобеля».

– Так я же Чумайса к Михаилу Васильевичу в штаб армии по Вашему приказанию сопровождал, – начал оправдываться Петька, поправляя пристегнутую шашку и деревянную кобуру трофейного маузера. – Неплохим человеком, между прочим, рыжий кренделек оказался. Часики карманные в золотой оправе по дружбе мне подогнал, теперь на службу в Разлив без опоздания буду являться. Банок с тушенкой полный сидор наклал, в знак уважения к Вашим геройским заслугам. И еще акциями Саяно-Шушенской ГЭС обещал подогреть, того и гляди, жизнь потихоньку наладиться. Вот уж действительно, никогда наперед не узнаешь, где найдешь, а когда потеряешь.

– Я тебя, контра, взгрею акциями с народных электростанций, не хватало только в штабе дивизии собственных мироедов для полного счастья иметь. Уж больно торопится на свой лад похозяйничать этот рыжий Чумайс, последнего слова большевики еще не сказали. Мы еще устроим кое-кому прогулку без яхты, по ленинским, милым сердцу местам. Сибирь необъятная, места для всех хватит. Между прочим, пока ты водяру с конторой хлебал, мы с Кашкетом времени зря не теряли, вместе ломали голову, что бы такого приятного для молодежи в дивизии сделать, как приобщить ее к сокровищам мирового искусства. И вот решили в армейском клубе поставить спектакль по знаменитому роману Михаила Булгакова. Давай и ты подключайся к пролетарской культуре, будем вместе

советоваться, как бы получше все это депо обстричь. Я предлагаю репетировать сразу в авторском присутствии, чтобы было, как говорится, из первых рук. Нечего нам тень на плетень наводить, поэтому сочинителя Булгакова следует немедленно доставить сюда. Пока лошади еще не охолонули, дуй на тачанке в расположение и к утру, хоть разбейся, но доставь его целым и невредимым в Разлив.

– Управлюсь ли за ночь, Василий Иванович? Неровен час, коней загоню. Целый день не выпрягал рысаков из тачанки, сорок верст в один конец и примерно столько же было обратно. Может завтра с утра, на свежих копытах рвану за писателем. Никуда он не денется, доставлю в полной сохранности, получите как из швейцарского банка. Закажете, и пару балерин вместе с ним прихвачу, для настоящего театра они в самый раз. Прикидывайте сразу, чтобы тачанку по чем зря не гонять.

– Откладывать ничего мы не будем, – категорически заявил Чапай, – некогда ждать, молод еще, не знаешь настоящую цену времени. Мне в твои годы тоже казалось, что его и девать вроде бы некуда. А вот ныне такое привиделось, после чего каждый день, минута прожитая на нашей Земле, начинает казаться таким драгоценным даром, что любые богатства мира с готовностью отвалишь за них. Так что не медли, малость перекури и трогайся в путь. С писателем будь повнимательней, революции нужны толковые головы. А то ведь тебе только словечко против шерсти скажи, шашку небось наострил, что косу перед жнивами.

Еще не остывшие кони с места рванули в карьер, и тачанка умчалась на поиски знаменитого писателя. Только дробное постукивание скорых копыт утонуло в лесной чащобе. Последнее время распоряжения комдива, его поступки и загадочные ухмылки порядком осточертели ординарцу. Теперь эта свистопляска с идиотским спектаклем. Маргариту поставить куда еще ни шло, но Мастеров и своих в дивизии хватает. А тут еще Анка не на шутку запропастилась, с этой революцией никак личную жизнь не наладишь. Может пора бросить все к чертовой матери и махнуть с ней в Актюбинск, поближе к городской,

человеческой жизни. Петька сплюнул в сердцах и полосонул нагайкой пристяжного коня.

Оставшись в Разливе вдвоем, комдив предложил Кашкету приготовить вечерний чаек и даже вызвался помочь ему развести небольшой костерок. Денщик подвесил над очагом походный медный чайник и занялся необходимыми приготовлениями. Василий Иванович, тем временем, расположился за центральным пеньком, разложил на столешнице вышитый бисером кисет с табаком и оправленную в серебро черешневую трубку. Привычным ловким движением он отделил от горелки мундштук, поднял с земли подходящий пруток и начал прочищать им курительный инструментарий. Несколько раз собирал трубку, продувал ее с легким шипением, чем-то оставался опять недоволен и снова прочищал тонким березовым прутиком.

– Может помочь? – поинтересовался незаметно подошедший к командиру денщик.

И не дожидаясь ответа, добавил:

– Не нравится мне эта театральная канитель, Василий Иванович. Поговаривают, будто Булгаков с нечистой силой знается, как бы порчу какую на нас не навел. Писатель он, может быть, и не плохой, но белогвардейщиной от него за версту пахнет. Если уж так приспичило приобщать красноармейцев к большому искусству, предлагаю поставить спектакль «Буденный и Маргарита». Оно и Маргарите приятней, до самого сердца проймет, и бойцам хороший пример для подражания. Все эти черные кошки и разборки с Понтием Пилатом до добра дивизию не доведут. Фактически это же наглый подкоп под самого Карла Маркса. Фурманов только вчера рассказывал на курсах ликбеза про прибавочную стоимость, а мы начнем в армейском клубе без счета червонцы на голову красным бойцам высыпать. Какой же дурак будет после этого революцию защищать, все немедленно в колдуны подадутся. И опять-таки, Анка у нас на сносях, рискованно запускать в Разлив нечистую силу, того и гляди родит всем на смех уродца.

– Не бойсь, не родит уродца, – самоуверенно заявил комдив. –

А червонцы бросать на бойцов с балкона никто и не собирается, мы им лучше значков и грамот почетных побольше подбросим, пускай наслаждаются. С виду, быть может, раскрасим почти как червонцы, но в буфете они не прокатят. А вообще-то, давай отправимся спать, чего-то ни чаю, ни курить мне сегодня не хочется.

Утром проснувшись против обыкновения непривычно поздно, Чапай увидел сквозь дверной проем шалаша сидящих за центральным пеньком ординарца, денщика и, по всей видимости, доставленного Петькой писателя. На столе отдувался парами большой самовар и компания, подливая себе кипяточек, о чем-то увлеченно беседовала, не забывая черпать из эмаливой миски свежее кизиловое варенье. На плече у Булгакова, словно охотничий сокол, сидел небольшой черный кот, не обращавший никакого внимания на хозяйничающую в Разливе вертлявую шавку, которая подвизгивая и вращая хвостом, шныряла между ногами сидящих мужчин. Особенное внимание она оказывала дорогим писательским штиблетам. Собачонка несколько раз обнюхала, облизала их, потом, изловчившись, сыканула втихаря пару раз на лакированные носки, но не успокоившись, высматривала новые возможности для совершения мелких собачьих гадостей.

Василий Иванович сообразив, что в глазах заезжего писателя следует выглядеть подобающим образом, начал облачаться в парадный мундир с накладными карманами и шеренгой боевых орденов. Управившись с кителем, он не спеша пристегнул именную шашку и командирский с секретными картами неразлучный планшет. Более чем со сдержанным удовлетворением посмотрел на себя в походное зеркало и для пущей важности одел через голову полевой бинокль, потом еще раз посмотрелся в зеркало и все-таки приторочил кобуру с револьвером. Из шалаша комдив вывалился разряженным ну просто как новогодняя елка, поэтому все, включая франтоватого писаку, невольно поднялись со своих мест. Один только кот на плече Михаила Булгакова не выразил никакого восторга, по

поводу долгожданного явления героя своему народу.

Свежим голосом хорошо отоспавшегося человека Чапай пожелал всем присутствующим доброго здоровья и зачем-то иронично добавил, что тому, кто рано встает, Бог и кроме чая чего-то дает.

– Вот вам Михаил Афанасьевич Булгаков, как и просили, собственной персоной, – доложился сияющий ординарец. – Первым делом должен сказать, что с таким попутчиком хоть в бой, хоть в разведку без страха пойду. Половину дороги без меня коней погонял, можно сразу командиром тачанки без всякого испытательного срока назначить.

– Рад, очень рад видеть Вас, – искренне, от души пожал протянутую руку писателя Чапаев, – кота пока не приветствую, если шkodить не будет, у нас в Разливе найдет для себя достойное применение. Может даже Кашкет ему «Мурку» вечером на балалайке тихонько забacает, главное, чтобы зверь был хороший. Как добрались? Не шибко потрусил Вас в тачанке мой сорвиголова? Вот так в пути вся боевая наша жизнь и проходит. Молодежь в суровых буднях совсем одичала, отбилась, так сказать, от высокой культуры. В этой связи дело у меня к Вам исключительной важности, не терпящее никаких отлагательств. Вы еще немного почаевничаете здесь без меня, пока я к водиче спущусь, освежусь после крепкого сна в нашем озере. А уж потом посидим, обо всем не спеша побеседуем.

При упоминании озера котяра на плече у Булгакова заметно насторожился, загорелся глазом и показал для чего-то клыки. Писатель мягко потрепал его по взъерошенной холке и тот сделал вид, что уgomонился, но сквозь щелку левого глаза внимательно сопроводил режущим зрачком удалявшегося командира.

Хорошее впечатление сразу произвел на Чапая писатель. Благородные черты лица, умные с глубоким внутренним светом глаза, чистейшая с изумрудными запонками рубашка под строгим концертным пиджаком на красном подбое – ничто не ускользнуло от наблюдательного глаза внимательного воина. Но, разумеется, все это только красивая внешность, необходимо прежде всего

перетереть по мобилке с Создателем, получить информацию сверху, только тогда можно будет определиться, что это за мастер без Маргариты. Как выстраивать с ним отношения, и стоит ли вообще допускать бойцов к его творчеству. Кашкет хоть и баламут, но про то, что Булгаков знается с дьявольской силой, слухи по дивизии ходят упорные. Поэтому необходимо провести массивованную тыловую разведку и самому во всем разобраться.

Еще на подходе к заветной коряге, Чапаев заметил, как с насиженного им топляка попрыгали в воду, загорающие на припеке местные жабы. Но одна, особенно наглая, примостилась на тонком дальнем конце, раздула дрожащие щеки и скорчила такую гримасу, будто страдает невыносимым запором и готова пройти от натуги по крутым этажам могучего русского слова.

Насчет могучего слова, Василий Иванович безусловно опередил зеленую жабу и по этажам прошелся без единой запиночки, к тому же успел с земли подхватить корявую палку и прямой наводкой запустить по противнику. Снаряд, как назло, пролетел мимо цели, отчего у негодующего Чапая приключилось даже небольшое светопреставление. Ему почему-то вдруг показалось, что жаба строит ехидную рожицу, обнажая два хищных клыка, точь в точь такие же, как у писательского заезжего кота. В это трудно поверить, но сволочь таки квакнула обидное слово «дурак» и плюхнулась в студёные воды Разлива. Комдиву стоило немалых усилий, чтобы сдержать себя и не кинуться в воду на расправу с намылившей ласты рептилией.

Погуляв еще для порядка на нижних этажах все того же многострадального русского слова и потискав темляк неразлучницы шашки, Василий Иванович понемногу уgomонился. Он как был в парадном мундире, при бинокле и при всех орденах, с облегчением расположился на заветной коряге, предусмотрительно протерев сухим песком облюбванное место. Присутствие жабьего духа омрачало немного предстоящий разговор со Спасителем, но комдив извлек из кармана галифе свой мобильный телефон и набрал сакраментальный

девятизначный номер.

На том конце немедленно отозвались: «У аппарата, внимательно слушаю Вас».

– Я может быть не очень вовремя, Отче наш, и как всегда премного извиняюсь, но дело имею большой общественной значимости, оно касается не только меня одного. Вы же знаете, о себе я всю жизнь меньше всего беспокоюсь.

В эту минуту прямо перед комдивом из озера выплыла только что сквозанувшая жаба, показала два обнаженных кошачьих клыка и, как ни в чем не бывало, проквкала все то же обидное слово «дурак». Прятаться мерзотина не стала, нагло распластала по воде четыре когтистые лапы и устала вызывающе пристальный взгляд.

Глаза у Чапая вылупились больше чем у выплывшей жабы, не всякая помидорина даже в самое жаркое лето могла получить тот окрас, которым наполнилась его негодующая физиономия. Однако устраивать морские баталии в присутствии самого Создателя не мог позволить себе даже самый бывалый вояка. Разговор приходилось вести, что называется под «колпаком у Мюллера», то есть под издевательским наблюдением противника. Поэтому Чапай демонстративно отвернулся в противоположную сторону, невероятным усилием воли подавил свой гнев и весьма любезным голосом продолжил.

– Я, Отче наш, справочку желаю навести про одного незаурядного человека. Сегодня ко мне в Разлив пожаловал писатель Булгаков. Имя этого борзописца наверняка давно Вам известно. Поговаривают, что отношения с Царством Небесным у него не очень сложились. Не в моих правилах совать свой нос в чужие дела, но, если возможно, просветите немного, чем не по нраву пришелся Вам этот горделивый, пишущий странные описы человек?

– Это ты прав, Михаил Афанасьевич действительно гордый, непростой человек, – согласился Создатель. – Вместо того, чтобы развлекательные романы строчить, принялся биографии нам сочинять, жизнеописанием богов заниматься. При этом,

не имея на то ни горнего благословения, ни собственных молитвенных заслуг. Все, что полагается знать человеку про Божьего Сына сполна преподано Духом Святым в Новом Завете и не может служить предметом художественной литературы. Это Наше священное право составлять биографии жизней и в помощниках мы до сих пор не нуждались. По скользкой дорожке балансирует писатель Булгаков, не там где положено он ищет свой душевный покой.

– Я в ваших разборках не хотел бы участвовать, Отче наш, – предусмотрительно дистанцировался Василий Иванович, – но мне необходимо сегодня же знать, может ли творчество Михаила Булгакова оказаться полезным для личного состава нашей дивизии? Мы твердо намерились поставить в армейском клубе спектакль по мотивам романа «Мастер и Маргарита». Но о писателе по дивизии слухи зловещие бродят, как бы ненароком не спутаться нам с бесовщиной. Дайте по дружбе мудрый совет, ставить на нашей сцене Булгакова или повременить. А быть может пригласить Михалкова Сережу, больно он ловок делать чудесные переложения. Пускай порадует нас обновленной редакцией, с понятным каждому красноармейцу названием «Семен Буденный и Маргарита».

– Насчет Михалкова судить не берусь, эта фамилия по другому ведомству числится, а что до Булгакова, могу подсказать. Искусство ведь тонкое дело, многое зависит от того, как ставить спектакль, – резонно рассудил Создатель. – Маргариту на шабаше можно и голой, а можно и в галифе показать. Лысая гора тем и сильна, что ни для кого не ставит никаких препятствий, можно и Понтия Пилата без порток спокойненько выставить. Все зависит от того, что вы собираетесь бойцам своим преподать. «Мастер и Маргарита» произведение сложное, оно, как жизнь людей на земле, предполагает различные драматургии. Ты вот негодуешь на клыкастую жабу, а она, может быть, совсем не при чем. Рекомендую тебе за булгаковским котярой нет-нет да присматривать.

– Да что же мы, по Вашему, совсем сумасшедшие, чтобы

бойцам Понтия Пилатовы яйца со сцены показывать. Нам, прежде всего, побольше общественной справедливости из романа Булгакова на сцену вытащить хочется. У меня такое впечатление, что ребята из бригады Воланда большевистскую закалку прошли, можно сразу к Фурманову в команду записывать. Кабы в дивизию с десяток таких специалистов привлечь, через пару недель без всяких соплей в коммунизм закатим. Много чего полезного есть в книгах Михаила Афанасьевича, как наглядный пример для наших бойцов.

– А тогда зачем морочишь мне голову. Ставьте все, как написано у Булгакова, тем более, что и автор задействован в вашем театре. Вот только с Га-ноцри и Понтием Пилатом я посоветовал бы вам не очень выпячиваться. Критикуйте бездарных писателей, нечистых на руку торгашей, в пух и прах разнесите советскую бюрократию, только не следует ломиться со своим уставом в чужой монастырь. У себя наводите порядок, а наших коллег не цепляйте, они иной раз нервничать начинают.

– Мне и самому история с Га-ноцри и Понтием Пилатом очень то нравится, – выразил солидарность Василий Иванович. – Мы с комиссаром личный состав постоянно атеизмом натаскиваем. Но душой понимаю, что без этих экзотических персонажей привередливый писака не согласится сотрудничать. Он по своей бестолковщине от чего-то решил, что это и есть его самые главные персонажи. Представляю, какие претензии возникнут к этим героям у товарища Фурманова. Конфликт между Булгаковым и Фурмановым практически неизбежен. У меня, если честно, просто крыша дымится, даже не представляю, как поступить с этой театральной бедой, хотя и от затеи поставить спектакль не готов отказаться. Очень много поучительного, полезного в нем, способного хорошо послужить революции.

– Ты знаешь, Василий, мне пришла в голову неплохая идея, вот возьми и предложи Фурманову сыграть роль сатаны, у него это неплохо должно получиться, не напрасно он в тужурке из чертовой кожи по дивизии носится. Я полагаю, и опыта

практического он выше крыши набрался, того и гляди, рога прорастут. Ты его в баньку хоть разок пригласи, подозреваю, у него давно уже в сапогах копыта лохматые цокают.

– Вот это идея, вот это совет, – аж заерзал на коряге от восторга Василий Иванович, – комиссар, как пить дать согласится играть всемогущего Воланда, особенно если узнает, что с ним на сцене в роли Маргариты будет голая Анка скакать. Все-таки голова у Вас крепко работает. А скажите по правде, как на Ваш взгляд, к роли Мастера я подхожу?

– К роли мастера чего? – поинтересовался Создатель.

– К роли писателя, конечно, – немного обидевшись на недогадливость Всевышнего, ответил комдив. – Я, между прочим, имею твердое намерение написать на склоне лет мемуары. Во-первых, если сам о себе не напишешь, ни одна сволочь потом и не вспомнит как ты воевал, сколько добра людям сделал и как жертвовал всем для удовольствия ближнего. И во-вторых, кому как не мне поведать будущим поколениям про боевые походы, про погибших товарищей, про весь наш революционный героический путь.

Неожиданно прямо напротив комдива вынырнула все та же клыкастая жаба. Мерзотина все же состряпала отвратительно презренную рожу и дерзко проквашала обидное слово «дурак». Василий Иванович на сей раз не поддался очередной провокации, при полном внешнем спокойствии подавил в себе закипающий гнев. Но в мыслях, не отказав в удовольствии врезаться с шашкой наголо в фалангу из озерных жаб, искромсать их в лапшу, а клыкастую мерзость подцепить на кончик клинка и проскакать с ней на резвом коне в развевающейся каракулевой бурке.

Тотчас из телефонной трубки последовал комментарий Всевышнего. Складывалось впечатление, что он лично присутствует при этом бородинском, с жабым уклоном сражении.

– Ну что ты с ней, дуралей, по полю без толку носишься. Взял бы, как умные люди, супец заварил с задними филейными

лапками. Какой же из тебя, скажи мне на милость писатель, если ты с французской кухней не очень в ладу. Доля писателя совсем не из легких, прежде чем сделаться хорошим Бальзаком, не одну жабу придется сожрать. И учти, самая главная книга без усталости пишется на заоблачных небесах. Крайне желательно, чтобы написанная человеком словесная книга, хотя бы немножечко совпадала по содержанию с большой главной летописью, иначе усилия автора становятся простой авантюрой, а за это могут и в угол поставить. Заставят потом до скончания веков читать перед зеркалом с выражением собственный бред. Так что желаю успеха в твоей литературной и театральной теперь уже деятельности. Не забывай мне позванивать изредка, однако и не надоедай.

Василий Иванович в целом удовлетворенный результатом состоявшегося разговора, ловко соскочил с ольховой коряги, подошел к кромке плескавшегося озера, поколдовал над пуговицами парадных галифе и шумно, с хорошим напором облагодетельствовал студёные воды Разлива излишками своей разгоряченной стихии. И опять же не отказал себе в удовольствии картинно представить, как бы кстати оказалось в этот момент вынырнуть под живую струю исчезнувшей клыкастой жабы. Чуда на сей раз не случилось и комдив без должного энтузиазма приступил к выполнению обязательных после сна физкультурных занятий. Против обыкновения, за отсутствием душевного энтузиазма, он лениво подрыгал ногами, как это делают конвульсирующие под электричеством жабы. Потом совершил череду неглубоких приседаний, под утешительный скрип генеральских сапог, и передумав оголять для джигитовки каленую шашку, направился вверх по откосу к командирскому шалашу.

За центральным пеньком наблюдалось заметное оживление. Прежде всего в Разливе появилась долгожданная пулеметчица Анка, которая столичной штучкой порхала вокруг очарованных ее свежими формами здоровых мужчин. Она хлопотливо раскладывала закуски, расставляла графины и прочий

необходимый арсенал для предстоящего застолья. Здесь как нельзя более кстати оказался Чумайсовский сидор. Петька, словно фокусник в цирке, опускал руку в таинственный вещмешок и поочередно доставал, удивляя публику, то банку с консервами, то бутылочку с настоящей смирновской водочкой.

В принципе, Чапай недолюбливал, когда без его командирского дозволения начинали затевать веселье. Однако на сей раз, в связи с присутствием высокого гостя, да еще в виду благополучного прибытия Анки, комдив отнесся к самостоятельности своих подчиненных на редкость благосклонно. Так же благосклонно он выслушал рапорт пулеметчицы о добросовестно выполненном почетном задании и принял в руки секретный пакет от самой Надежды Константиновны, в котором якобы содержатся заветы Ильича и еще кое-какие партийные документы. На что командир объявил отличившейся боевой подруге персональную благодарность и пообещал сделать представление к награде, может даже с вручением именного пулемета.

– Ну что же, делу время, а потехе час, – на правах хозяина застолья сделал любезность Чапай и предложил всем присутствующим располагаться поудобнее за почти что семейным столом.

Что, вообще говоря, происходило самим собой, без всяких распоряжений. Даже Кашкет давно уже примостился на краешке деревянной скамейки, потирал от нетерпения руки и едва сдерживал активное желание опрокинуть грамм двести смирновочки.

– Вот и наступил, Михаил Афанасьевич, Ваш звездный час, – со старта обрадовал автора знаменитого романа комдив. – Нынче же примемся ставить на сцене армейского клуба Вашего Мастера за одно с Маргаритой. Все складывается на редкость удачно, как хорошая партия в домино, даже Маргаритушка, не дающая промаху пулеметчица наша, собственной персоной к первому действию пожаловала. За все вместе предлагаю выпить безотлагательно.

В полном согласии компания сдвинула налитые до верха чарки.

Последовав примеру своего командира, все общество дружно накинулась отведывать извлеченные из щедрого чумайсовского сидора закуски. Беседа завязалась без всякого принуждения, выпившие люди на удивление легко стали азартно обсуждать предстоящий спектакль. Самый живой интерес вызвало выдвижение соискателей на предстоящие роли. Более всех горячился Кашкет, непрестанно напоминая присутствующим о своем неоконченном консерваторском образовании и, как следствие, о законной претензии на одну из заглавных ролей. Может быть только один ординарец не выражал явным образом великой привязанности к лицедейскому жанру.

– Полюбуйтесь, Михаил Афанасьевич, красавицей нашей Анюткой, – мурлыкал на ухо писателю слегка повеселевший комдив, – разве подберешь на роль Маргариты более привлекательную актрисочку драматического жанра. Она тебе хоть Джульетту, хоть Тристана вместе с Изольдой, без всякого грима, как на блюде преподнесет. Вы случайно, когда роман свой писали, не заезжали тайком к нам в пулеметную роту?

– К вам в пулеметную роту, признаться, я не наведывался, с демонстративным сожалением заявил сочинитель, но только сценарий произведения будет таков, что Маргарите придется неоднократно голой на публику выходить. Это довольно непростая для актрисы задача. Ей ведь необходимо при этом и свое достоинство и драматизм ситуации полностью сохранить. Не представляю, как ваши красноармейцы будут реагировать на подобные сцены. С другой стороны, переделать что-либо в романе нет никакой возможности, сразу развалится вся литературная ткань.

– Вы, товарищ Булгаков, по-моему очень недооцениваете нашу революционную молодежь, – выразил уверенность Чапай. И тут же задал пулеметчице прямой и принципиальный вопрос: «Скажи мне и писателю, Аннушка, сможешь перед всеми бойцами на сцене без порток прогуляться».

– Если, чтоб жеребцам нашим поглазеть – конечно, не стану. А если для дела революции потребуется, все смогу, – как

на военной присяге отчебучила захмелевшая Анка и начала немедленно стягивать с себя гимнастерку.

– Да погоди ты, не враз, – принялся осаживать ее командир и подмигнул Михаилу Булгакову. – Это потом, по ходу спектакля, когда все артисты войдут в свою роль и публика поймет, что наступил самый подходящий момент.

И уже обращаясь непосредственно к писателю, комдив не без гордости поинтересовался:

Ну как Вам она, Михаил Афанасьевич?

– Да что Вам сказать, – выразил свое не совсем определенное мнение автор, – мне почему-то Маргарита немного скромнее, сублильней чуток представляется.

– Вы на что намекаете, уважаемый приезжий писатель, – начал заметно волноваться Петруха и физиономия его стала набирать по окрасу спелость серединки арбуза. – Анка не просто трижды раненый орденосец, не только лучшая пулеметчица в целой дивизии, она ведь еще и невеста моя. Советую повнимательней относиться к словам.

– Ни на что я, собственно говоря, не намекаю, – развел руками Булгаков, – просто смелость для меня несколько непривычная, не очень соответствует персонажу. Если Вы обратили внимание, Маргарита является женщиной довольно тонкой организации. Что бы так сразу, пуговицы на себе принимать расстегивать, согласитесь, не совсем вяжется с фабулой произведения. А так ничего, Аннушка у вас девушка весьма даже славная, – и Булгаков для верности продемонстрировал перед ординарцем поднятый большой палец правой руки, а черный кот, вторя ему, закивал головой.

После череды произнесенных и закрепленных смирновочкой тостов, отдельно за здоровье гостя и отдельно за здоровье комдива, за победу революции и даже стоя за благоухание присутствующих дам, общий градус восторга по поводу предстоящего спектакля стал понемногу затухать. Чтобы поддать куражу, взбодрить буксонувший тонус застолья, Чапай велел денщику принести балалайку и сыграть что-нибудь задушевное обществу, хорошо

бы про белые акации и гроздья душистые. Кашкет с готовностью метнулся в шалаш и вывалился оттуда с неразлучной трехстрункой. Пока музыкант подстраивал инструмент, прохаживаясь возле шалаша и сосредоточенно глядя куда-то под макушки сосен, комдив неожиданно поинтересовался у писателя:

– А зачем это, Вы, Михаил Афанасьевич, биографии богам от себя сочиняете? Ведь в Писании ни про какого Крысобоя, ни про какую собаку, стерегущую Понтия Пилата, ничего не написано. Воля Ваша, но на мой взгляд, в рискованные кости играете. Хорошо, если в мире атеизм окончательно одолеет, а неровен час пролетит. Вдруг на поверку окажется, что Бог действительно существует, при полном комфорте, и Ваша фантазия не очень понравится на небесах. Простите, но ведь могут спокойненько и к ответу призвать. И охота Вам, по чем зря, рисковать? Пожалее, когда кочегары примутся на сковородке, как семечки жарить, да в бурлящей смоле кипятить, пока не усохните до размеров кухонного таракана. Не позавидую Вам.

– Вы, Василий Иванович, не очень то доверяйте поповским талмудам, – посоветовал комдиву несколько протрезвевший сочинитель биографий богов. И кот на плече у писателя принял воинственную стойку. – Бог, Он если и есть, не напрасно Творцом называется. Всяк творящий на этой Земле дело горнее делает. Ничто не запрещает большому художнику изображать Спасителя литературными красками. Вы же не боитесь впереди эскадрона в атаку идти, почему я же должен в своем ремесле чего-то бояться?

– Я бы на Вашем месте не торопился сравнивать наши заслуги, – предостерег писаку Чапай. – Одно дело с беляками за народное счастье биться и совсем иное дело, порядки среди богов на свой лад заводить. Все-таки в первую очередь, мы обязаны в дивизии со своими людьми разобраться, справедливый порядок восстановить, а уж потом, коли так невтерпех, за богов приниматься.

– Я полагаю, про счастье народное, это Вы для красного словца хватанули, – немедленно отреагировал гость. – Счастье не бывает народным, оно касается только отдельного человека, – и кот на плече, вторя писателю, опять закивал головой. – Если Вас всерьез смущает религиозная сторона моего романа, можно отказаться от «Мастера и Маргариты» и поставить на сцене армейского театра «Собачье сердце». Неплохой может получиться спектакль, и главное, для личного состава весьма поучительный. В Разливе, я смотрю, и балалайка имеется, все реквизиты у вас на лицо.

Тут уж Кашкет, по собственной инициативе, выдал на полную катушку знаменитую «Барыню». Так завернул, так пробежался по медным ладам, что казалось близлежащие деревья не совладают с собой и пустятся в пляс. Даже если бы на балалайке можно было играть только одну эту озорную мелодию, все равно трехструночка была бы великим музыкальным инструментом. Если скрипка существует исключительно для того, чтобы изливать драматическую долю евреев, то без балалайки невозможно объять и осмыслить скоморошно великую душу России.

– Можно, конечно, и сердце собачье поставить, – покладисто согласился Чапай, – только Фурманов это произведение не шибко приветствует. Да и я, признаться, не совсем понимаю его. Странная выдумка, что-то там не по делу против крестьянства и пролетариев наших нафантазировано. Вам бы не мешало иногда с «Капиталом» хоть маленько сверяться.

– Ничего странного, как раз в сердце собачьем и нет, – возразил писатель. – Произведение о том, что наука сейчас появилась передовая, хорошенько запомните «генетикой» называется. В соответствии с этой наукой, человек не очень качественного происхождения никогда, ни при каких обстоятельствах не сделается полноценной культурной личностью. Ведь иные, по простоте душевной, всерьез полагают, если Шарикова посадить в шестериком запряженную тачанку и снабдить акциями Промнавоза, из него может получиться порядочный человек. И,

как всегда, ошибаются. Потому что именно акции Промнавоза и являются визитной карточкой господина Шарикова. Случайному человеку они ни в жизнь не достанутся. Волга ведь почему впадает в Каспийское море? Ей просто некуда больше деваться. Вот так и акциям Промнавоза некуда больше деваться, кроме как только идти на откорм жеребьячьего племени.

Кот на плече у писателя несколько раз противно мяукнул, в знак согласия со своим знаменитым хозяином, и нежно погладил его правой лапой по голове. Странное складывалось впечатление, что это вовсе не кот при писателе, но знаменитый сочинитель прибыл в Разлив при черном коте.

– А я вот, что скажу Вам, товарищ Булгаков, – перешел на официальный тон Василий Иванович, – у нас здесь хотя и не дискуссионный писательский клуб, но советовал бы не увлекаться сверх меры своими фантазиями. К тому же, для соблюдения справедливости, Вам следовало бы написать и вторую часть своей вызывающей книжки. Согласитесь, было бы честно, пересадить гипофиз белого офицера какой-нибудь голодной дворняге и продемонстрировать, как из нее получится Кант или Гегель. Помяните мое слово, из этой закваски вырастет такое ничтожество, не то, чтобы кошек бездомных, даже комнатных мышей не заставишь ловить. Будет только ананасы с утра до ночи трескать и о судьбах человечества, ковыряясь полированным ногтем в носу, рассуждать.

Писательский кот обнажил в недовольстве злые клыки, к тому же исказил свою морду почти что в жабую гримасу. Чапаю даже послышалось со стороны озера мерзкое кваканье, отдаленно напоминающее обидное слово «дурак». До чего же захотелось выхватить командирскую шашку и поквитаться с ненавистным котом, чтобы до последнего дыхания помнил, как полагается вести себя в присутствии полного Георгиевского кавалера.

Трудно справившись с волнами наступающего гнева, комдив настоятельно предложил Булгакову:

– Вы, пожалуй, возвращайтесь потихоньку домой, а надумаем

ставить спектакль, обязательно вспомним про автора.

– И уже обращаясь непосредственно к денщику, сделал распоряжение:

Сопроводи почетного гостя на лесную тропинку, Кашкет, выведи вместе с его чудесным котом.

Оставшись втроем, комдив, ординарец и Анка не стали строго судить несмышленного господина Булгакова. В самом деле, чего толкового можно было ожидать от штатского шелкопера? Поэтому зарядили по полной веселящей душу смирновочки и заголосили любимую песню Чапая «Черный ворон».

Глава пятая

Капелевцы между тем в последнее время распоясались окончательно, на подступах к границам Чапаевской дивизии становилось беспокойно. Беляки втихую перекрасили френчи в коричневые тона, с надеждой замести следы, и начали концентрировать ударные группы отборных войск, вне всякого сомнения, готовясь к решительным наступлениям на позиции Красной Армии. Особое коварство капелевцев заключалось в том, что совсем недавно все гуленые и бесхозые сотни, наводнявшие ближайшую округу, были по-честному поделены парламентариями высоких противостоящих сторон и закреплены мировым соглашением. И вот, несмотря на торжественные заверения жить по соседству в любви и согласии, лазутчики стали доносить в Разлив секретные донесения о точных сроках наступления вражеских армий. Комдив, полагаясь на храбрость

и лихость своих эскадронов, не очень то доверял сообщениям лазутчиков, потому что выступление для капелевцев было бы равнозначным их собственному уничтожению. По прикидкам Чапая, хватило бы пары знаменитых кавалерийских атак, чтобы навсегда покончить с агрессором. Уверенности придавало и героическое спокойствие комиссара. Вчера вечером у Василия Ивановича состоялся с ним обстоятельный разговор о возможных последствиях после выступления капелевцев и Фурманов развеял любые сомнения, чем очередной раз подтвердил несокрушимую мудрость политики партии.

Комиссар тем оказался силен, что явился на совещание не с пустыми руками, но под мышкой он припер выдавшие виды старинные бухгалтерские счета, со скользящими по стальным спицам деревянными кругляшками. На законный вопрос, что будем делать в случае вероломного нападения капелевцев, Дмитрий Андреевич невозмутимо ответил:

– Ничего делать не надо, само все уладится, давайте лучше чаю попьем.

Вот так спокойно, как амазонский удав, успокоил рвущегося в бой командира красавец Фурманов.

– Вы что, совсем одурели, – вскинув брови, удивился Чапай и саданул со всей злости курительной трубкой о секретную штабную карту развернутую на центральном пенке. – Разве не понимаете, какая армада врагов на нас надвигается. Всегда сокрушался, что Вы человек не военный, не умеете оценить остроту стратегического момента. А я ведь рассчитывал на партийную Вашу смекалку. Видимо, как всегда, самое ответственное решение придется принимать самому. Такова незавидная доля всех великих полководцев. И Наполеон, и Македонский, и Кутузов самые ответственные решения принимали в одиночку, наперекор своим ближайшим помощникам. Хорошо, что потомки умели оценить по достоинству мужество и красоту их стратегического искусства.

Но странное дело, высказанная легендарным комдивом быть может самая сокровенная мысль, не произвела на комиссара

абсолютно никакого действия. Более того, складывалось впечатление, что она даже несколько развеселила его. Об этом свидетельствовали горящие иронией глаза и откровенно насмешливый, с подчеркнутым превосходством голос.

– Война, чтобы Вы знали, Василий Иванович, дело сугубо гражданских и никак не военных людей.

Фурманов извлек при этом из кожаных штанов чистый батистовый платок и основательно высморкался, так что с соседней сосны шархнулись перепуганные птицы.

– А заблуждаетесь Вы потому, – продолжил комиссар, – что с шашкой своей все никак не расстанетесь. Скажу больше, партия считает, что любые военные действия в нашей дивизии являются занятием исключительно и только бухгалтерским. Вот обратите внимание на эти чудесные канцелярские счета. Нам точно известно, что у капелевцев запасено в арсеналах десять тысяч патронов. Спокойно отбрасываем их на верхних зачетных костях.

Дмитрий Андреевич указательным пальцем зацепил стайку деревянных кругляшек и профессионально метнул их на свободное поле. Костяшки издали сухой, расстрельный щелчок и обособились на стальной гладкой спице, демонстрируя собой десять тысяч смертоносных патронов.

– Предлагаю внимательно следить за моей мыслью, продолжил комиссар. – Мы также по опыту знаем, что из четырех выстрелов в самом жестоком бою только один достигает назначенной цели. Из этого следует, что нам необходимо оставить на счетах две с половиной тысячи круглых костяшек по количеству целевых попаданий. Теперь положим чуть ниже десять тысяч костей по количеству наших сабель в строю. Делаем простое вычитание и получаем замечательный вывод. Как только у капелевцев закончатся все патроны, вы с семью с половиной тысяч оставшихся конников вступаете в бой и наголову разбиваете обезоруженного противника.

– Как-то легко у Вас все получается, Дмитрий Андреевич, – сокрушенно заметил комдив. – Две с половиной тысячи это же

наших красноармейцев, однополчан. Разве можно так легко и беспечно, словно мусор сбрасывать их на канцелярских костях.

– А в этом как раз главная наша козырная карта заключена, – радостно сообщил комиссар. – Мы ведь будем себе на уме. Поэтому выставим в переднюю линию самых поганных, самых ненужных бойцов, всяких перерожденцев и подкулачников. Вот капелевцы всех их за нас и пошлепают. Я с товарищами из партактива совсем забодался собственную контру крошить, с этим делом офицерики белые шустренько справятся. Нашей задачей будет только со спины недобитых врагов народа аккуратненько пулеметами подгонять, и терпеливо дожидаться, когда дивизия от всякой нечисти благополучно избавится. Останутся самые лучшие, отборные кадры, с которыми в два счета угодим в коммунизм.

Справедливости ради необходимо признать, что Фурманов все последнее время ночами напролет метался с подручными на закрытой брезентом тачанке и выдергивал из теплых постелей расплодившихся как саранча белогвардейских лазутчиков. Всякого рода диверсантов, шпионов, вредителей развелось в дивизии такое невероятное множество, что поутру с воспаленными, не выспавшимися глазами и обветренными лицами доблестные защитники революции буквально валились с копыт. А ведь на плечах и портупях этих, бескорыстно влюбленных в свою героическую профессию людей, лежала еще нелегкая забота о перемещении личного состава на великие стройки коммунизма, что было связано с тотальной индустриализацией. Не все красноармейцы активно проявляли революционную сознательность и по доброй воле отправлялись в тайгу возводить заводы и фабрики, кое с кем приходилось проводить специальные разъяснительные работы, очень индивидуального характера. После чего многим, многим красноармейцам в дивизии было, представьте себе, не до осетрины сомнительного качества в гостеприимном буфете театра «Варьете». Дмитрий Андреевич и на этом участке революционной борьбы оказался таким трудоголиком, так

рьяно взялся за дело, что многие таежные звери начали заметно терять в популяции от наплыва неожиданных гостей. И наглядно, очень заметно поределели вечерние улицы селений и городов.

Преподанный комиссаром урок, на предмет бухгалтерских способов ведения боевых действий, надо признать, впечатлил легендарного комдива. У него даже заметно скукожились каракулевые папаха и бурка, и совсем не по героически обвисли усы. Тем не менее Василий Иванович проявил бойцовский характер, он взял себя в руки и нашел мужества предложить комиссару свой вариант подготовки личного состава к войне.

– Может стоит нам боевую и политическую подготовку с бойцами еще раз провести, джигитовку по всему кругу пройти и стрельбами малость позаниматься. Великий Суворов не зря завещал «трудно в ученье, отдыхаешь в бою».

– Кому надо, Василий Иванович, давно уже каждую ночь стрельбами занимаются, руку так набили, что без мушки, на темную цели берем. Даже соревнования среди партактива устраиваем, кто с одного выстрела сразу две цели насквозь прошибет. Так что с этим делом у нас все в порядке. И потом опять же я Вам говорю – куда торопиться. Измотаем противника, арсеналы вражеские опустошим и навалимся всей своей мощью на захваченного врасплох супостата.

В самый разгар закрытого совещания, в Разлив на полном скаку залетел, весь в пыли, верховой нарочный. Не слезая с захеканного, фыркающего белой пеной коня, он вручил командиру почтовый секретный пакет, заклепанный по уставу дюжиной толстых сургучных печатей. Комдив с суровым лицом отпустил скорохода, чтобы немедленно вскрыть донесение, поступившее из главного штаба армии. Дмитрий Андреевич, соблюдая субординацию, поднялся из-за стола, подрыгал замлевыми ногами и заторопился в сторону леса, на ходу расстегивая портупей. Скрывшись в кустах, он долго хрустел прошлогодним валежником, подбирая целинное место.

Василий Иванович ловкими приемами освободил пакет от сургучных печатей и аккуратно извлек из него два подробных

отчета о секретных научных изысканиях. Большой отчет, составленный известным в дивизии и за ее пределами новатором-энтузиастом Розенбладом Моисеем Христофоровичем, содержал в себе подробную инструкцию о правилах применения изобретенной им универсальной смазки для конских копыт. Знаменательно, что при необходимости, предлагаемая чудо-мазь прекрасно ложилась и усваивалась порепанными солдатскими пятками, существенно облегчая ведение как ближнего, так и дальнего боя. В отчете поменьше, составленном выдающимся врачом-человеческих недугов, Александром Соломоновичем Коценбаумом, находился чертеж и описание приставных задников для сподних кальсон, работающих по самосвальному принципу.

Чапай внимательно ознакомился с секретными документами, разложил чертежи с описанием на центральном пеньке и погрузился в глубокие стратегические размышления. Между прочим, в донесении сообщалось, что все эти военно-технические новшества, хорошо зарекомендовали себя в недавних боевых сражениях с финнами и утверждены верховным военным советом для самого широкого распространения. Василий Иванович, хотя академий, как известно, не заканчивал, но вполне был знаком с различными видами военной хитрости. Он, в частности, прекрасно понимал, что иная боевая ситуация предусматривает выполнение замысловатых, скрытых маневров, в том числе и с временной сдачей позиций, с ложными отступлением вглубь обороны. Но вот так, чтобы сразу со смазанными пятками выходить на противника, это не вписывалось ни в какие военные доктрины. Комдива, не очень доверчивого от природы, начали, естественно, одолевать подозрения – быть может, он бесконечно отстал от современной стратегической мысли, а может все эти новаторы и рационализаторы давно переметнулись в стан противника и ведут в дивизии подрывную работу. Вопрос это немедленно следовало обсудить с Дмитрием Андреевичем.

Фурманов тем временем, почесывая задницу, выбирался из крайних кустов и насвистывал любимую мелодию «Смело мы в

бой пойдем». Настроение и вид у него были такие, как будто он только что в одиночку отразил знаменитую психическую атаку капелевцев.

– Полюбуйтесь, комиссар, – заметив его приближение, со старта начал заводиться комдив, – чем наши лоботрясы академики занимаются, перестреляю подчистую всех сволочей. Фактически они предлагают мне смазать какой-то гадостью пятки и без боя тикать за Урал. Да за такую научную деятельность без всякого трибунала шашкой в солому всех их перекрошу. Сейчас же пошлю ординарца, чтобы доставил этих умников под конвоем в Разлив и отдал в руки Кашкету, он у нас первый специалист пробовать смазки. Веревку так умеет намылить, что под собственным весом зашморгивается.

Фурманов спокойно и внимательно ознакомился с документами, потер от удовольствия руки и выдал совсем неожиданно:

– Молодцы, узнаю почерк своих лучших сокольников, я же постоянно твержу вам: успокойтесь, все идет как по маслу. Партия железной волей держит руку на пульсе истории, полностью контролирует ситуацию. Не понимаю, чего вы колотитесь, сидите тихонько в Разливе, чаек попивайте. Когда начнется война, мы вам обязательно скажем, потребуется, разбужу среди ночи, лично доложу обстановку. И не забывайте, нам сегодня детишек в пионеры принимать, обязательно патриотическую речь приготовьте. Поди, и красный галстук разучились повязывать. Специально принес вам, потрудитесь хотя бы на Кашкете потренироваться.

Попрощавшись по-товарищески с комиссаром крепким рукопожатием, комдив принялся задумчиво прохаживаться около центрального пенька, напряженно пытаясь постигнуть непредсказуемость предстоящих военных баталий. Внутреннее чутье бывшего боевого командира безошибочно подсказывало, что в заявлениях комиссара, при всей их сумасбродности, просматривались некоторые победные предпосылки. Однако не в правилах Чапая было уклоняться от свирепого боя, сдавать

стратегические позиции. По его глубокому убеждению, лавры полководца Кутузова хотя и украсят биографию любого военного стратега, однако едва ли превысят унижительное оставление Москвы. Биться будем с первой минуты до последней капельки крови, – так решил для себя комдив и направился к озеру, переговорить на всякий случай с кем следует.

Безмятежно плескалось древнее озеро, поившее своими целебными водами еще бедолаг динозавров. И прибрежные ивы, и кусты и деревья кругом даже не подозревали, какая большая беда надвигается на их благословенную землю. Какими пожарищами и бомбежками будет изуродована, испепелена щедро кормящая всех земляца, сколько безутешного горя, кровушки людской, примет она. И знает ли о том беспечная жаба, притаившаяся на ольховой коряге, может даже в ожидании комдива, что это и в ее родительский дом стучится беда. Не стал Василий Иванович сгонять с насиженного места пригревшуюся жабу, но просто достал из глубокого кармана галифе свой мобильный телефон и набрал заветный девятизначный номер.

– Слушаю тебя, Василий, – отозвался Создатель, – все-таки разговоры наши не проходят бесследно, вот ты уже уступил насиженное место беззащитной лягушке. Или это надвигающаяся беда заставляет пусть не любить, но проявлять уважение к окружающей жизни? Готов внимательно слушать тебя.

– Никогда бы не стал по пустякам беспокоить Вас, Отче наш, но вопрос у меня, как всегда, исключительной важности. Все идет к тому, что на нашу землю придет большая война, и дивизии против воли придется вступить в тяжелейшие кровопролитные бои. За исключением комиссара, весь личный состав в полной растерянности, никто не знает, как предотвратить эту беду. А если война? Тогда удастся ли нам одержать победу? Все-таки очень обидно, ведь самой малости не хватило, чтобы достроить коммунизм и тогда во всеоружии сокрушить любого врага. Что посоветуете? Как подстойнее встретить начало войны?

Всевышний ответил не сразу, складывалось впечатление,

что перед звонком он был занят обычной бытовухой. Об этом не совсем ловко рассказывать, но «лучше горькая правда, чем сладкая ложь». По всей видимости, Создатель был увлечен хлопаньем мух. Потому что прежде, чем услышать ответ, Чапай отметил характерный хлопок и радостный возглас «Попал!». Потом было еще традиционное чирканье спичками, как будто раскуривает трубку и, наконец, прозвучал сам ответ:

– Удивляюсь я на тебя, Василий. Ты человек от молодых ногтей безнадежно военный, но все еще не понимаешь, что у войны не бывает начала. Убийство людей это всегда итог, завершение худых долгих дел. Ожидаемое нашествие началось по моим прикидкам эдак лет двадцать или тридцать назад, просто вы долго делали вид, что не замечаете этого. А если и замечали, то надеялись, что вас это не касается. Теперь отступать, уклоняться от схватки не вижу возможности, война неминуема. Но ты должен хорошо понимать, что никакую войну нельзя проиграть или выиграть. В этом деле можно только не опозориться, впрочем, можно и наоборот. На что у вас хватит мужества и ума, мне пока что неизвестно. Советовать ничего не могу, потому что ненавистные тебе капелевцы это тоже ведь божие люди, и с ними пребывает наше небесное заступничество. Выбирать между вами не стану, этот спор придется решать без меня. Одно лишь могу тебе от души посоветовать, постарайся избежать всяких подлостей, воевать ведь тоже можно с достоинством. Больше мне не звони. Понадобись, сам потревожу.

У Чапая в эту минуту дрогнуло сердце и сделалось нестерпимо грустно, похоже это были последние слова слышанные им от Всевышнего. Когда теперь появится возможность и представится ли вообще okazия пообщаться с Богом он, конечно, не знал. Почему-то вдруг вспомнилось детство, самое раннее, когда он маленьким карапузом стоял босиком на околице и видел вдали вертящийся смерч. Было так боязно, страшно, что не находилось сил двинуться с места. А смерч неотвратимо наступал на него с готовностью увлечь своим вихрем, захватить адским круговращением. И только после того, когда роковая

стихия промчалась совсем близко, он с удивлением обнаружил маленькую лужицу у босых своих ног. Маленький Вася зажмурил глазенки, закричал тоненьким голосом «Мамочка!» и побежал по улице в сторону дома.

Время стояло обеденное, и Кашкет накрывал за центральным пеньком нехитрый походный стол. Под крышкой закопченного казана аппетитно дымился любимый Чапаям кулеш, заправленный старым толченым салом. В большой алюминиевой миске, источая укропный дух, лежали навалом краснющие раки, вперемешку, которые по пять и по три. В другой алюминиевой миске строевым порядком выложены были ноздреватые ломти порезанного хлеба вместе с чесноком и чищенными головками лука. Все было готово к полевой трапезе.

– Может, саданем для пищеварения по стопарю? – неуверенно переходя за пределы уставных отношений, предложил денщик.
– У меня сегодня, Василий Иванович, как раз день рождения, двадцать первое июня, не грех и отметить. Как ни как, четвертый десяток меняю, напрямую к возрасту Христа приближаюсь, того и гляди, какое-нибудь чудо в дивизии отмочу.

– О чем говорить, сейчас же к столу, – заторопился Чапай и выразил от себя лично и от всего штаба сердечное пожелание имениннику счастья, может даже с перспективой сотворения чуда. – Представляешь, до чего замотался со службой, даже дни рождения ближайших друзей забываю. Так когда-нибудь и про свои именины можно не вспомнить. Но подарок за мной. Нынче же посоветуюсь с Петькой и сообразим тебе что-нибудь дельное. Между прочим, говорят, что у нас в обозе трофейную скрипку обнаружили, были бы пальцы все при тебе, лучшего подарка и не подберешь. Давненько собираюсь спросить, а почему ты отказался от скрипки и предпочел балалайку, – с неподдельным любопытством поинтересовался комдив, наливая из стеклянного графина чистейшего первача такого знатного градуса, что впору гадюк травить. – Не тебе мне рассказывать, что для души и для уха не найдешь более сладкой музыки, чем поющая скрипка, ведь не чета же нашей мужицкой трехструнной балалаечке.

– Не уважаю я этих вопросов, Василий Иванович, – нехотя, с каким-то враз посеревшим лицом, ответил денщик. – Не хочу Вас обидеть, но о скрипке судить может лишь тот человек, который сам попытался ее укротить. Это настолько своенравная барышня, что едва ли и самому Паганини удалось до конца подчинить ее себе. Скрипка, как музыкальное явление, всегда остается гениальней любого исполнителя. Но ведь Вы же не захотите иметь под собой не поддающегося выездке, вольного, как ветер коня. Вот почему среди скрипачей практически не попадается счастливых людей. Если ты заранее не уверен в победе, тогда какой смысл начинать любую борьбу?

– Это ты прав, с этим навряд ли поспоришь, без веры в победу лучше не хвататься за шашку. Однако, бери свой стакан.

И командир дружеским тоном поздравил именинника с днем рождения и пожелал из любой борьбы выходить победителем.

Чапаевцы отведали огонь первача и принялись жадно закусывать вареными раками. Что может быть желаннее, вкуснее раковой шейки, после первой пропущенной стопочки. Мягкая, сочная, вобравшая в себя всю жизнотворную силу древнего озера, она не просто насыщала голодную плоть, она устраивала праздник души, призывала ее к торжеству возрождения. Бывают продукты, которые ест человек, чтобы утолить чувство голода, бывают, чтобы получить удовольствие, но раков едят для того, чтобы ощутить прелесть бытия, насладиться красотой мироздания.

Когда Кашкет начал разливать половником по мискам полевой кулеш, Василий Иванович неожиданно спросил: «А ты знаешь, дружище, что скоро начнется война и многим нашим красноармейцам предстоит сложить в боях голову. Это пока большая военная тайна, но тебя, как ближайшего соратника, доверительно ставлю в известность». При этом комдив на всякий случай даже огляделся по сторонам, чтобы никакая залетная контра не навестила шпионское ухо. Провокаторов в последнее время наплодилось в дивизии столько, что даже в Разливе сделалось небезопасно. Петька только вчера обнаружил

под подушкой листовку с призывом бросать оружие и когти рвать за Урал.

– Вот тоже еще тайну нашли, вся дивизия знает, что завтра начнется война, половина личного состава на свал приготовилась. Моисей Христофорович с Александром Соломоновичем давно уже лыжи смазали, в солнечной Азии каракулевые шубы собираются шить, обещались бурочку новенькую для Вас подогнать. – Легко, словно на пионерском собрании поведал денщик, по ходу быстренько соображая, далеко ли можно откровенничать в этому деликатном вопросе с беспокойным комдивом. – Мне, если честно признаться, кум два раза уже предлагал махнуть за Урал, только из уважения к Вам и торчу в этом Разливе.

– Право дело, спасибочки, обрадовал своего командира, – вывалив из орбит глаза, запричитал застигнутый новостями врасплох Василий Иванович. – Выходит, пока я без сна и отдыха загибаюсь над штабной стратегической картой, мои подчиненные спокойненько приготовились стать дезертирами. Ничего не скажешь, славная под знаменем революции сформировалась победоносная кавалерия. Нынче же устрою генеральную чистку всего рядового, командирского и вспомогательного состава. Эти засранцы у меня не то, чтобы за Урал, за плетень своего огорода дрыскать заморятся, – и комдив судорожно стиснул золоченую рукоятку своей не знавшей милосердия шашки.

На следующий день, будто в воду глядел Кашкет, ударные силы капелевцев вероломно вторглись в пределы дивизии. Может, силы у неприятеля были чересчур велики, а может чапаевски красные конники больно уже стосковались по нормальной человеческой жизни, но стоящие на передовых рубежах эскадроны почему-то кинулись наперегонки сдаваться неприятелю в плен. На первых порах у беляков натурально возникли серьезные проблемы с нехваткой харчей. Аппетит у пленных был настолько завидным, что некоторые беляки сами деру давали от голодных чапаевцев, опасаясь за сохранность собственных сухих и горячих пайков. Даже выдавшие виды

интендантские службы оказались не в состоянии накормить такое несметное количество прожорливых ртов. К тому же, после пленения красных бойцов немедленно возникали проблемы с обеспечением их полным комплектом обмундирования, с настойчивыми требованиями переправить через линию фронта оставшихся в дивизии родственников. В первые дни капелевцы с перепугу чуть было не рванули обратно, никто не предполагал такого коварства со стороны непредсказуемых «товарищей». Прошедшие пол Европы, не знающие поражений генералы в агрессорских штабах, долго собирались с духом, чтобы убедить войска продолжить наступление.

Неоднократно потом военные историки, разбирая начало кампании, будут строить научные гипотезы, по выявлению причин сокрушительных поражений чапаевской армии. Часть аналитиков, откровенно среднего ума, будут валить вину на военную технику. Дескать на знаменитых «максимах» почти все стволы оказались развернутыми не в ту сторону, поэтому не всегда получалось строчить куда следует. Некоторые специалисты свяжут провал в обороне с неудачным расположением передовых эскадронов, дислоцированных не понятно на чьей территории. Стоящие на дальних рубежах деревни не всегда выглядели и вели себя как большевистский оплот мировой революции, поэтому не всякий красноармеец успевал быстро сообразить, что и от кого следует защищать.

С первой минуты героической обороны дивизии, в Разлив на запаленных скакунах начали прибывать потерявшие голову эскадронные комиссары и сотники, с докладами о вынужденном отступлении, о недоумении по поводу пропадающих без вести красных бойцов, и о немедленном подкреплении свежими силами. Всем до неутрапки требовалось получить указания про тактику боевых действий, предусмотрительно разработанной в штабе Чапая. Никто и на секунду не сомневался, что временное заманивание противника вглубь своей обороны, является ничем иным как хитрым маневром, после чего последуют знаменитые чапаевские атаки. Личный состав с нетерпением

поджидал, когда наконец в распутившейся бурке и с шашкой наголо сам Василий Иванович поведет за собой не раз и не два блиставшие лихостью эскадроны. Нарочные без передышки прибывали в Разлив, молча группировались возле центрального пенька, с мрачными натянутыми лицами терпеливо дожидались победоносных распоряжений комдива.

Как только в Разливе стало известно о вероломной агрессии капелевцев, легендарный комдив, не сказав никому ни слова, заперся у себя в шалаше, никого не желал принимать, и было слышно порой как тоскливо, словно одинокий потерянный волк, подвывал «Сулико». Но стоял на часах у запертых дверей шалаша ординарец с ручным пулеметом в руках, и даже слушать никого не хотел о беспокойстве Чапая. Кашкет, между тем, проковырял в задней соломенной стенке укромную дырку и методически просовывал в нее пузырьки с первачом в обмен на порожнюю тару.

Примерно дней через пять беспробудного возлияния, в Разлив на парадной тачанке появился с бухгалтерскими счетами под кожаной курткой Дмитрий Андреевич Фурманов. Комиссар бодренько соскочил с рессорного агрегата, подошел к центральному пеньку и поприветствовал не на шутку взгрустнувших красноармейцев. Как и положено боевому политруку, он поинтересовался настроением товарищей, озаботился присутствием воинственного духа и выложил на стол для раскура непечатую пачку махорки. И вот ведь пустяшное дело, обыкновенный табак, но глаза на лица людей тотчас наполнились радостью жизни, как будто и не было недавних печалей, досадных тревог. Комиссар улучшив момент, сделал вид, что имеет небольшую нужду, мелкой трусцой забежал за шалаш, и в пробуравленную дырку заговорчески протараторил:

– Васька, хватит валять дурака, отпирайся, необходимо в срочном порядке провести закрытое партийное совещание.

Василий Иванович немного помедлил, тяжело соображая, что лучше – послать комиссара куда следует или впустить в шалаш для беседы. Он для верности хлебанул пару глотков матерого

первача и сипло прохрипел: «Крепка советская власть». Потом резко выдохнул и scomандовал: «Заходи».

Вид у комдива, прямо скажем, был несвежий. Все, начиная с запутавшихся в усах клочков сена и до расстегнутой ширинки, из которой торчали подвязки кальсон, свидетельствовало о нелегких испытаниях, выпавших на долю Чапая в эти ненастные дни. Он молча впустил комиссара в шалаш, выглянул на свет божий, заметил толпящихся у центрального пенька красноармейцев и сделал Петьке дополнительное распоряжение, касающееся надежной работы ручного пулемета.

– Тебе что, впадлу выйти к бойцам и проникновенно сказать им «братья и сестры!», – с первых же слов начал наседать на командира забравшийся в шалаш комиссар. – Сколько можно строить из себя осерчавшую невесту перед сорок пятой брачной ночью.

– Ну скажу я «братья и сестры», – пробормотал застегивающий ширинку комдив, – а дальше то что? По глазам их читаю, достаточно одного неверного шага, чтобы в Разливе поднялся мятеж. Здесь такой может завертеться танец с оглоблями, что никакой папайхой, никаким «Капиталом» не прикроешься.

– Ты только произнеси «братья и сестры», а что дальше, не имеет никакого значения, – с уверенностью отличника, сдающего самый легкий экзамен, выдал несгибаемый комиссар. – Потом можешь плести любую ахинею, какая только на ум придет. Вот соседка моя купила давеча козу и назвала ее Зорькой. Казалось бы, плевое дело, но скотинке это славное прозвище настолько понравилось, что она и секунды не раздумывая начала в три раза больше отдавать молока. Мотай на ус, вот тебе ленинский образец толковой партийной работы с широкими народными массами. И вообще не скупись, подлей еще керосина, что дивизия в опасности, что враг вероломно напал в тот самый момент, когда до коммунизма уже оставалось практически не больше недели. Люди сразу духом воспрянут, наперегонки попрутся даже в рукопашный бой.

– Предположим, толкну с горы я эту телегу, – обреченно

махнул рукой командир. – Да ведь уже почти тысяча сабель без малейшего сопротивления отправилась в руки капелевцев, похоже, что многие только и ждали, как бы рвануть за линию фронта. Попробуйте объяснить это личному составу, где найти оправдание? Предупреждал бывший регент Петропавловской церкви, что не следует перебарщивать с продразверсткой, нехорошо увлекаться сверх меры назначением лютых врагов, поиском кулаков и предателей трудового народа. Как бы не подрыскали в разные стороны все остальные бойцы, в одиночку останемся защищать родную дивизию.

Василий Иванович, не глядя, нащупал на топчане пузырь самогона и прилип к нему с жадностью грудного младенца. Опустошив его до половины, он сделал глубокое философское заключение: «Чем больше живу, тем яснее понимаю древних мыслителей, кажется, греков. Надо же так точно подметить, что только в вине и сокрыта настоящая истина».

– Вы бы закончили с деморализацией, Василий Иванович, и обратили внимание на эти волшебные счета, – раздраженно заявил комиссар, доставая из-за пазухи бухгалтерский шансовый инструмент. – Вот смотрите сюда, отбрасываем на верхних костях из десяти тысяч личного состава одну тысячу перерожденцев и подкулачников, остается девять тысяч лучших в дивизии сабель.

Фурманов, как заправский счетовод, цеплял ногтем указательного пальца стайку выцеленных костей и метал их по скользящей спице, всем своим видом показывая, что последнее слово остается за этим сухим щелчком.

– Продолжаем расчет, – азартно объяснял комиссар. – Отбрасываем из оставшихся бойцов две с половиной тысячи случайных костей на нейтрализацию вражеских арсеналов. Шикарный получается результат, настоящая виктория. Вы с шестью с половиной тысячами верных делу революции бойцов, наголову разбиваете обезоруженных капелевцев, просто сметаете с поля боя одним кавалерийским наскоком, такое и Наполеону в лучшие годы не снилось. Еще учтите, вовсе

неплохо, когда некоторые красноармейцы в плен подались. Нам сейчас кормить лишних дармоедов все равно нечем, а после войны потребуются рабочие руки, вот мы всех их и приспособим на знаменитых комсомольских стройках и лесоповалах.

– Не очень то я доверяю Вашим занюханым счетам, – засомневался комдив, икнул пару раз и потянулся за пузырьком самогона.

Однако тормознулся на полпути к намеченной цели и, присев на топчан, поделился с комиссаром посетившим его откровением.

– Может быть нам, для поднятия воинского духа в дивизии, обратиться к попам, к дорогому православному духовенству. Со священников, если с умом их использовать, можно много чего поиметь. Как учил незабвенный Владимир Ильич, с поганой овцы, хоть шерсти вонючей клочок. Подключите кореша вашего, красавца Наума, и других хранителей церковного опиума, пускай приступают к активному богослужению, народ это будет приветствовать. Если моим красным соколкам зарядить грамм по двести, да выстроить под хоругвями с призывом «За святую православную Русь!», они любому супостату до задницы заломят рога.

– Неплохая идея, должен признать, вино и впрямь открывает Вам истины, – согласился Дмитрий Андреевич. – Давно подозревал, что теорию относительности знаменитый Эйнштейн накатал с хорошего перепоя, ее по трезвому понять до сих пор никто не решается. Только со священникам у нас в дивизии в последнее время как-то негусто, если не сказать, что нет их совсем. Перевелись почему-то.

– То есть, как это нет, куда они все, подлецы, подевались? – абсолютно искренне поинтересовался комдив.

– Видите ли, Василий Иванович, принимая всем сердцем в расчет, что священники любят Бога значительно больше, нежели советскую власть, мы вошли в положение духовенства и ускорили им встречу с драгоценным Создателем. Но, говоря откровенно, я всегда был открытым противником церкви. Вы

как-нибудь почитайте Евангелие, будете немало удивлены, оказывается фактически все свои заповеди попы бессовестно содрали с нашего устава коммунистической партии. Например, партия учит не красть и попы, будто попугаи, следом за нами призывают не красть. А куда деваться нашим красноармейцам? Они, понятное дело, не могут вкурить кого слушаться, теряют ориентацию и невольно начинают слегка подворовывать. Но идея Ваша безусловно толковая, обсудим ее на ближайшем партийном собрании.

Оглядевшись по сторонам и приблизившись вплотную, почти что к самому уху Чапая, Фурманов еле слышно добавил:

– Между прочим, есть секретное постановление партии временно перебросить Вас за Урал. Враг надвигается стремительно, неровен час, захватит Разлив, а мы не имеем права рисковать жизнью легендарного командира. Построим в березовой роще новый шалаш и отправляйтесь спокойно работать над боевыми воспоминаниями. Кому как не Вам из первых рук передать для потомков героическую память о наших победах. Война, Василий Иванович, обязательно закончится и в героях окажется тот, кто первым успеет настрочить мемуары. Могу по дружбе предложить название для будущей великой книги – «Шалая земля», например. Я просто пятками чую Вашу харизму большого писателя.

Неожиданная перспектива стяжать лавры большого писателя, без сомнения комдиву пришлась по душе, однако военное начало, как и во все времена, возобладаало в нем и он ответил решительно:

– Неужели, Дмитрий Андреевич, Вы до сих пор не в состоянии уяснить, что мое присутствие в Разливе воодушевляет бойцов, вселяет в них веру в нашу победу. Одна моя знаменитая сабля, даже без бурки, стоит целого ударного эскадрона. Если я мотану за Урал, с дивизией случится беда, половина личного состава слиняет с фронтов в ту же минуту, а то и вовсе развернет против шерсти штыки.

– Все мы прекрасно понимаем, Василий Иванович, все

предусмотрели и разработали сверхсекретный военный план.

Фурманов для безопасности даже выглянул из шалаша, дабы убедиться, что их никто не подслушивает и, переходя на заговорческий шепот, поведал:

– Перебросим Вас за Урал ночью, особенно тайно, а в Разливе посадим стопроцентного двойника. Загримирuem Кашкета, воткнем ему в зубы трубку, приклеим усы, научим петь «Сулико» и ни один враг народа с микроскопом не подкопается. Он будет принимать ходяков, выслушивать нарочных, а вечером появляться в армейском клубе, слушать симфонии. Таким образом, весь личный состав продолжит оставаться в полном спокойствии и Вы, как всегда, при делах, в случае победы никто не посмеет упрекать Чапаева в трусости.

Давненько уже Дмитрий Андреевич не испытывал настоящего восторга от собственной дальновидности, подобного тому, которым наслаждался в эту триумфальную минуту. Вот когда в полный рост удалось продемонстрировать комдиву всю свою интеллектуальную мощь, полное торжество партийного слова. На радостях он даже подхватил с топчана пол пузыря зверячьего самогона и залпом осушил его до самого дна. Глаза комиссара чуть-чуть повысовывались из орбит, но он мужественно справился с перебитым дыханием и возвратил их на законное место.

– Как Вам мой план? Честно признайтесь, не ожидали от своего комиссара? – бесконечно любясь собой, поинтересовался повеселевший герой.

– Что тут скажешь, планничего, – почесав затылок, согласился Чапай, – только рано пока что перебираться мне за Урал. Вы напрасно считаете, что командир сидел все эти дни в шалаше и бездействовал. Я ведь тоже свой план победоносных маневров для ведения войны разрабатывал. По моему разумению, перво-наперво следует разобраться, чем так заманивают наших бойцов оборзевшие капелевцы, каким это медом увлекают они. Вот для этого я и решил сегодня же вечером отправить своего ординарца в разведку. Пускай под видом пленного красноармейца попадет

в расположение к неприятелю и на месте событий выяснит все. Петьку не проведешь, он разнюхает обстановку и выведет капелевцев на чистую воду.

– Дело рискованное затеваете, Василий Иванович. Ведь и Петька может дрыснуть к врагу, а особенно, если девок ядерных подсунут. Не устоит же подлец, враз забудет про революцию.

– Вы это бросьте, Дмитрий Андреевич, – застегивая ворот рубахи, обиженным тоном предостерег Чапай. – Мы с ординарцем не одну макитру соли на фронте слопали, доверяю ему как себе самому. Больше скажу, помяните мое слово, еще какого-нибудь вражеского генералишку к нам в плен языком приведет. В любом случае, вести активные боевые действия до тех пор, пока не разберусь в чем причина, почему красноармейцы бегут из дивизии, я не стану. С такими бойцами не подступиться к врагу. Крикните в шалаш ординарца, прямо сейчас и поставим ему боевую задачу.

Петька, как только забрался в шалаш, начал шарить снайперским глазом, в поисках закупоренного пузыря. Но как только обнаружил под топчаном пустую тару, заметно поник и безучастно спросил командира:

– Зачем вызывали, Василий Иванович?

– Пузырь твой никуда от тебя не уйдет, – немедленно закрыл неуместную тему Чапай. – Мы с комиссаром дело решили доверить тебе очень серьезное. Надо нам, наконец, разобраться, почему бойцы валом бегут в плен к неприятелю, чем это капелевцы так привадили их. Вот для этого посылаем тебя с секретным поручением в разведку. Отправляйся сейчас же на передовую, притворись понарошку контуженным и сдавайся на милость врагу. Поживи там несколько дней, выведай все и возвращайся через неделю в Разлив.

– Так я, Василий Иванович, пока Вы здесь отдыхали, уже пару раз смотался к неприятелю в плен и генерала ихнего на всякий случай с собой приволок, лежит за шалашом, расслабляется. Кашкет ему уже пару кружек воды подогнал в обмен на швейцарские часики.

– И чего ж ты молчишь, каналья, немедленно языка на допрос, запорю и тебя, и подлеца генерала, – взревел враз протрезвевший комдив, так что бойцы за центральным пеньком попадали в перепуге с насиженных мест. – Где моя шашка, где револьвер? Сейчас же все в строй, я вам покажу, как обязана воевать чапаевская дивизия.

– Да погодите Вы, Василий Иванович, – начал урезонивать комдива хладнокровный комиссар. – Пускай ординарец толком все расскажет, как обращаются с нашими пленными капелевцы, действительно ли там так приятно, что домой возвращаться не хочется? Расскажите Петр Парамонович все по порядку, чем Вам запомнилась встреча с противником.

– Честно скажу, – с готовностью отозвался Петька, – неплохо было бы знать их язык. Потому что они сразу же начали называть меня «русиш швайн», а я до сих пор не могу разобраться – хорошо это или плохо. Потом принесли большой деревянный циркуль, принялись замерять форму черепа, и тут мне малость не повезло, циркуль забраковал мою маковку. Правда, подфартило, что у них печка потухла, а то не видать бы мне своего командира. Там они очень строго дрова экономят, топят, что под руку попадается. Если с формой черепа чуток подгулял, в два счета на растопку отправишься. А так ничего, природа у них больно красивая, почти как в нашем Разливе, и озера, и деревья кругом. Вот только любоваться приходится всем этим через колючую проволоку. Вы не верьте, что слишком много наших красноармейцев в плену собралось. Понимаете, сыро у них на дворе, топить постоянно приходится.

В жуткой, бессильной злобе исказилось лицо командира. Никогда, даже в самой жестокой сечи оно не приобретало такой бледный бескровный окрас. Петька по опыту знал, что в этих приступах безумного гнева Чапай был действительно страшен и мог в одиночку подавить неприятельский эскадрон.

– Коня мне, – еле звучно потребовал Василий Иванович. – Ординарцу обеспечить общее войсковое построение и ждать, я только на минуту окунусь в свежей водиче.

Комдив, не глядя по сторонам, раненым вепрем вывалился из шалаша и потянулся к древнему озеру. На берегу он разделся донага, грохнулся на колени и в раздирающей душу молитве, обратился к Всевышнему: «Господи! Помоги ты мне избавить нашу землю от этой неслыханной нечисти». Потом поднялся с колен, перекрестился, и в хищном, дерзком прыжке послал свое тело в студеное озеро, из которого пили воду еще динозавры. Только парящий высоко в небесах сокол, внимательно наблюдал за россыпью шуганутых ныряльщиком жаб. И озеро накрыло сосредоточенное молчание, нарушаемое только тяжелым сопением комдива.

ЧАСТЬ III

И СВОЙ ПОРТРЕТ ДАЮ НА ПАМЯТЬ

Глава первая

Хорошо, когда в ночные улицы ворвется одуревший ветер. Лёгкий, стремительный, единым потоком несется вдоль мостовой. Молоденькие деревца, скорчившись под упрямым напором, из последних мочей соперничают с ним. Стройные тополя, уверенные в своей силе, лениво перебирают мускулами, сетуя на докучливую стихию. И даже старый клен, разбуженный от горьких дум внезапной свежестью, по-молодецки пересыпит кроной. На дворе ни души, но сколько жизни бушует в необузданных страстях меж стихиями и, бог весть, как хочется ринуться в этот кавардак.

Я стою у окна. С пятого этажа моего добротного, сталинского покроя помпезного дома, видно все. Внизу, на ветру, вижу площадь – большую, роскошную, забранную в красный гранит и, может поэтому, а может еще почему, названную «Красной». В строгом смысле это и не площадь вовсе, скорее парковый ансамбль, разбитый у подножия великолепного архитектурного

сооружения, именуемого Домом техники.

В былые времена с восторгом, а ныне все чаще в раздумье, взираю я на это удивительное творение рук человеческих, на это художественное откровение, запечатленное в камне. Прекрасное штучное здание с колоннадами и портиками утвердилось на мощном, из красного блочного гранита, цоколе, очень высоком, с колотой фактурой на лицевой стороне. По существу это настоящий дворец, как по внешнему так и по внутреннему убранству. При всей своей насыщенности архитектурными изысками, самого решительного градостроительного сталинского стиля – скульптурными группами, символической лепниной, беседками и шпилями, всему зданию зодчие сумели придать необычайную эстетическую легкость и элегантность. Доминируя, оно как бы парит над парковой площадью, очерченное стройностью своих монументальных силуэтов.

Дом техники, подлинный символ индустриального Донбасса, построили военнопленные немцы и начертали на его могучих стенах крылатое напоминание Ильича о том, что «Уголь – это настоящий хлеб промышленности». Немцы трудились добросовестно, строили на века, не взирая на голод, неволю и тоску по поруганной родине. Однако, что означает «на века» в нашем разлюбезном отечестве ? Когда-то во главе Красной площади, что в городе Луганске, красовалась старинная каменная церковь, с престолом от святителя Николая Чудотворца Мирликийского. Недолго, конечно, красовалась, ибо что там не говори, но красота – штука весьма и весьма неустойчивая. Вот стоял себе храм Божий. При храме, за долгие годы, образовалось просторное, густо поросшее зеленью кладбище. Там, под сенью южных акаций и кустов персидской сирени, тихо покоились мощи бывших священнослужителей и прочих почтенных мирян, удостоенных заслуженной чести быть погребенными на церковном погосте, с надеждой на долгую молитвенную память.

Старые замшелые надгробные плиты своим печальным безмолвием едва ли кому доставляли хлопот. Но вот церковь, как живое напоминание о вечности, о суде Божиим,

постоянно нервировала советскую власть, бесила упрямством храмовых куполов, не желавших склониться перед величием большевистских идей. До чего же портили, как смущали революционный пейзаж нелепо торчащие сквозь громадые пятилеток кресты колоколен. Тащить за собой в коммунизм эту фабрику «опиума для народа», этот духовный бедлам было верхом легкомыслия. Зачем дурачить прогрессивные массы сомнительными упованиями на Царство Небесное, когда и здесь, на земле, вот-вот грядет рукотворная райская жизнь. Поэтому самая гуманная и сердобольная в мире власть, со всей пролетарской прямоотой, методически применяла антирелигиозные санкции. Имея целью полностью искоренить у советских людей дремучее подозрение о своем божественном предназначении. Пуще того, на корню истребить саму надежду на возможность бессмертия человеческой души.

Никольскую церковь взорвали до войны, в развеселые тридцатые. Вот уж славные, решительные были времена. Столько извели собственного народа, столько сожгли, разрушили и осквернили творений рук человеческих, что храмом больше, храмом меньше — уже не имело никакого принципиального значения. Большевистская идеология беспардонно исказила общественное сознание, изуродовала критерии человеческой морали. Люди утратили способность трезво осмысливать происходящее, разучились соизмерять цену приобретений и переживать горечь потерь. Храм на поверку оказался хлипким, рухнул в одночасье, как поверженный всадник. После взрыва враз покрылся трещинами, завис на мгновение между небом и землей, как бы в растерянности, и пал на потеху сынам дьявола. Вздрыгнула матушка-земля, глубже просели могилы наших соотечественников, то был плохой, очень недобрый знак.

В дни войны, по освобождению Луганска, на заброшенном церковном погосте расчистили небольшую площадку и совершили братское захоронение советских воинов, сложивших головы в боях за город. Благодарные жители проводили героев в последний путь со всей подобающей торжественностью. Над

погребением возвели, убранную боевыми орденами, бетонную стелу. Устремленная ввысь, героическая стела монолитно крепилась на широком плоском портале со ступенчатой окантовкой, что придавало памятнику классическую стройность и монументальность. Был в его силуэте, прочно стоявшем на вольной луганской земле, запечатленный порыв в поднебесье.

Так случилось, что братская могила не вписывалась в смелые проектные задумки прогрессивно настроенных, с позволения выразиться, советских зодчих. Просто никак не совмещалась с предполагаемым оптимизмом грядущего паркового ансамбля, выпячивалась, как прыщ на неудобном месте. У нас ведь всегда так: стоит затеять что-либо выдающееся, сразу же будто из-под земли вырастают препятствия, наваливаются непредвиденные сложности, только и выручает мужество партийных решений. Высокие обкомовские придурки, верные своей революционной закваске, не сморгнув глазом, круто поставили вопрос об исполнении санкции. В самом деле, какие могут быть сантименты в преддверии небывалой коммунистического благоденствия. Могли какой-нибудь другой народ, окромя нашего, сформулировать сакраментальное – «раз пошла такая пьянка, режь последний огурец». Памятник уничтожили ночью, тайком, стерли с лица земли совершенно неожиданным образом. Никому в голову не могло прийти, что в начале пятидесятых, фактически по свежей памяти, посмеют пройтись большевистским накатом. Кто же мог догадываться, что конечная, благородная цель не нуждается в беспоконном подборе и оправдании средств.

Жизнь человеческая – субстанция неожиданная, подчас жестокая, тут уж ничего не поделаешь. Один из первых уроков жестокости был преподан мне, несомненно, в те далекие дни. Дело в том, что наши ребячьи забавы в большинстве своем проходили на заброшенном церковном погосте. Там мы устраивали «войнушки», водили «казаков-разбойников». Мальчишки постарше рубали свинчаткой монету. А те, кто совсем постарше, и не только мальчишки, находили укрытие для недетских забав. Но никогда, в запале даже самых азартных игр,

шалости живых не посягали на покой павших воинов. Об этом специально никто не договаривался, но территория памятника была для всех неприкасаемой. Разве только очень маленькие детки, да еще голуби, любили ранней весной потопать на теплом бетонном помосте, радостно давая знать усопшим, что все в порядке, жизнь в городе продолжается.

Помню, отлично помню странное волнение, когда с соседским дружкой Володей Милявским отправился на разведку к предполагаемым руинам. Детская фантазия, возбужденная зловещими слухами о гибели памятника, тщетно силилась извлечь из собственного мизерного опыта возможную картину разгрома. Однако надо знать виртуозность исполнителей. Вандалы сработали молниеносно, словно под взмахом крыла бесноватого иллюзиониста. К нашему приходу на месте братской могилы не было ничего, не было и в помине никаких живописных развалин. Стояло ровное, стыдливо присыпанное песком пустое место. И вот это, парализующее воображение «ничего», на месте, как представлялось таинственным и героическим, сразило наповал наши неокрепшие души.

Тогда, после страшной войны, мы исключительно остро ощущали цену Победы. В полях еще ржавело не поднятое оружие, в городе стояли обожженные каркасы разбомбленных кирпичных домов. Еще не отгоревали вдовы и матери, еще не переставали надеяться и ждать, не принимая, не соглашаясь со списком потерь. Еще близким эхом слышится, как на этом именно месте наши отцы клянутся боевой верностью и обещают погибшим вечную память. Весь ужас переживаемого потрясения происходил от того, что проступивший обман не находил объяснения в нашем непорочном сознании. Аксиому провели настолько нагло и бесцеремонно, что мозги отказывались верить в случившееся. Впрочем, удовлетворительного объяснения этому безумству нет в моей голове и поныне, если такое объяснение в принципе возможно, без привлечения специальных, очень патологических диагнозов.

Каждому понятно, что время лукаво. Скоротечен, неудержим

образ мира сего. По прошествии жизни почти любого человека остается пустое место. Но какая-то разумная память, пусть не на века, пусть в пределах благодарности одного поколения, должна же быть. Иначе любые разговоры о гуманизме, о нравственности и морали превращаются в обыкновенный фарс. Особенно, если учесть, что каждая человеческая судьба, любая доля – есть испытание жесточайшее, достойное всяческого уважения и сострадания. Можно только надеяться, что Господь с поклоном, самолично принимает в объятия преставившиеся души, чередой отходящие в мир иной. У Бога с людьми свои, конечно, счеты, мне же всегда хотелось попросить прощения у тех безымянных солдат, отдавших собственную молодую жизнь за мой неблагодарный город. Что и делаю, серьезно, с глубочайшим почтением и раскаянием.

На месте братской могилы, что имела неосторожность возникнуть на Красной площади в городе Луганске, как ни в чем не бывало поставили роскошный фонтан. Живоструйный такой, брызгообильный, щедро источающий спасительную прохладу знойными южными вечерами. В строительстве фонтана принимал участие и мой родной дядя. На своем неуклюжем автокране он устанавливал верхнюю чугунную чашу и центральное массивное жерло фонтана. Дядя Павел – фронтовик, орденосеиц, кавалер солдатской «Славы», в самом широком смысле. Собственное боевое крещение он принял под Прохоровкой, в броневой машине, там же отведал с почином первое ранение. Последнее ранение настигло его в Чехословакии, с чем и закончил Отечественную войну. Для тех, кто очень интересуется военной проблематикой могу засвидетельствовать, что самым ярким фронтовым воспоминанием моего дяди были рассказы о том, как после взятия Праги, он со своим экипажем двое суток очищал танковые траки от человеческих кишок. Вот это и есть единственно честный, подлинный итог любой войны, в том числе и последней Мировой. Но вовсе не какие-то бредовые свершения наших великих гофмаршалов, умудрившихся потопить в кровищи собственного народа четверть обезумевшей

Европы. Справедливости ради следует заметить, что дядя Павел не испытывал отвращения к войне. Вспоминая ратные дела, глаза его наполнялись весьма азартным блеском, как будто речь шла не об убийстве людей, а о потешных баталиях. Наблюдение жестокое, но оно относится не только к моему дяде, и в этом правда. Я знал многих фронтовиков, которые навсегда сохранили в себе память о прошедшей войне, как самое дорогое и вожделенное напоминание, с тайным желанием заново прожить, вторично прокрутить это жуткое кино. В целом же, потрясения от тех страшных событий оказались настолько глубокими и непреодолимыми, что никто из всамделишных фронтовиков, до конца своих дней, не научился видеть мир иначе как через призму военных воспоминаний.

Еще один родной мой дядя Витя погиб на фронтах Прибалтики, под Ригой. Не берусь судить, что думают сегодня о моем родственнике «объевропеевшиеся» потомки латышских стрелков, но мне грустно от мысли, что его кости покоятся в далекой, не русской земле. Что может быть горше смерти на чужбине. Вот такая невеселая судьба. В Риге давно уже живет моя старшая сестрица Любаша. Она разыскала братскую могилу, принявшую останки нашего дяди, и добросовестно посещает ее.

Третий родной мой дядя Саша был летчиком, понятно, что и коммунистом. Читающий да понимает. Дядя Саша сделался во время войны инструктором. Где - то под Ташкентом готовил по ускоренной программе молодых пилотов, большей частью в качестве живых мишеней для геринговских молодчиков. Это только шалунишка Суворов с чего-то вдруг возомнил, что воевать следует не числом, а умением. Красная армия потому и горделиво величается «красной», что основным, непобедимым ее оружием, является алая людская кровушка.

Трое дядьев, это все родные братья. Четвертым, и самым старшим из которых, был мой отец – Дмитриев Михаил Алексеевич. Папа не воевал, но он не был трусом. В предвоенном сороковом мою бабушку Ульяну, как ловко констатировали не дремлющие стражи пролетарской революции, жену

опаснейшего врага народа, приговорили Уральским областным судом к восьми годам лишения свободы. Мать четверых детей отправили для профилактики в пермские лагеря, так сказать, проветриться по морозцу, привести в соответствие непристойный моральный свой облик с идеалами строителя коммунизма. Папа не раздумывая подался вслед за бабушкой, чтобы быть рядом и оказывать матери посильную помощь. Он устроился работать литейщиком на березниковском магниевом заводе. Получал по вредной сетке неплохую зарплату, и фактически благодаря сыновьей верности бабушка осталась в живых. Завод выпускал стратегический материал для самолетостроения, и как только началась война, на папу наложили броню. Это обстоятельство перекрыло ему дорогу на поля сражений, вопреки бесконечным хождениям в военный комиссариат.

Вот отрекомендовал родного деда опаснейшим врагом народа и в который раз задумался. Дед был потомственный, нет, не граф и не барон, он был потомственный кузнец. Мой прапрадедущка Игнат значился по ревизской сказке крепостным кузнецом у Аксаковых, в Бугуруслане. Если кто помнит книгу «Детские годы Багрова-внука», то это и про него, вернее про ту далекую ушедшую жизнь, в которой дед принимал участие. Игнат слыл знатным кузнецом, известным по всей округе. Нрав имел крутой, силой отличался неимоверной, играючи, голыми руками укрощал самого бедового жеребца. Сразу же по отмене крепостного права он был приглашен уральскими казаками на вольные хлеба. Хороший кузнец в казачьем быту персона первостепенная. Подковать коня, отладить крестьянскую утварь, привести в порядок оружие – все умел дед мой Игнат. По труду, как водилось, и честь. Дедушка получил солидный земельной надел и пользовался всеми привилегиями казачьего сословия. Ему позволялось беспрепятственно промышлять на Урале красную рыбу, охотиться на дикого зверя, запастись из леса ягодой, грибами, дровишками.

Сын Игната, а мой прадед Илья, сызмальства был приставлен к кузнечному ремеслу. Мастером он сделался необыкновенным,

лучшим по всему батюшке Уралу. Большой удачей считалось для яицкого казака заполучить шашку, сработанную в кузнице моих предков. Сына своего я назвал именем этого славного человека, вот только с ремеслом кузнечным, да еще с совестью случилась у дитятки незадача. Илья прожил девяносто лет. До семидесяти пяти стоял у наковальни, без очков и без единого выпавшего зуба. Уйдя за штат по причине больных ног, Илья каждое утро заходя являлся в кузню и самостоятельно разводил горно, такова была непреодолимая тяга к ремеслу. Молодые мастера безупречно почитали хранителя огненных дел секретов. В знак особого расположения, дедушке ежедневно подносили к обеду стакан житной водки. Вот так в валенках, махнув очередной стакан, старик вышел на порог кузни, вздохнул полной грудью и представил Богу душу. Чего еще желать христианину?

Сын Ильи Игнатьевича, а мой родной дедушка Алексей, разумеется, тоже встал к наковальне и сделался кузнечным мастером высочайшего класса. По достижению срока зрелости молодого парня женили на дочери бондаря, девушке по имени Ульяна, из Саратовской губернии. Кузнецы и бондари традиционно водили между собой верную дружбу, потому что настоящая дубовая бочка стягивалась набором ловко выкованных обручей. Сплоченная трудом и церковью чета сложилась на счастье крепко и жизнотворно, как союз бондарей с кузнецами. Отменное усердие, любовь к жизни, к родной земле позволили молодой семье за короткий срок обустроить надежный крестьянский достаток. К тому же Господь благоволил Ульяне разрешиться рождением четырех, как на подбор, молодцеватых парней. Рожала в поле, прямо по ходу повседневных забот, без повитух и врачебных радений. И вот спрашиваю: если потомственный кузнец и дочь бондаря, одарившие отечество четырьмя сыновьями, объявляются врагами народа, то кто же тогда есть мой народ, и кто его любимые, самые верные друзья? Вопрос этот, как мне представляется, до сей поры не утратил своей актуальности.

Первый раз Алексея и Ульяну брали в начале тридцатых,

по доносу. Взяли на зорьке, внезапно, с револьверами наголо. Ворвались в хрустящих кожаных, изнемогали от пролетарского гнева и очень торопились. Имуущество экспроприировали незамедлительно, буквально за считанные минуты опустошили зажиточный крестьянский дом. А четверых несмышленных пацанят увезли в областной центр и, вместе с другими отпрысками таких же врагов народа, заперли в уральском кафедральном соборе. Ночью моему отцу удалось сделать под церковными дверями подкоп, и он вытащил через лаз своих из заточения. О судьбе остальных детей никто ничего не знает. Разумеется, кроме тех, кому по революционному долгу знать и исполнять очень положено.

Деда отправили строить из костей, бетона и проклятий знаменитый канал имени «Москвы». Бабушку держали в уральской тюрьме, видимо ломали голову над формулировкой пристойного обвинения, а может гораздо проще, держали из удовольствия. Мой четырнадцатилетний папа, с меньшими тремя братишками, несколько месяцев прятался в балке, под Уральском. Жили тайком, в норе, как волчата, без тепла и одежды. По ночам отец промышлял, делал набеги на посадские огороды, добывал пропитание. Несколько раз приходил ночным гостем к ближайшим родственникам, но двери ему не отворяли. Страх, животный ужас держал страну за горло. Тут уж не до жалости, не до состраданий. Через полгода бабушку неожиданно выпустили, выручила болезнь – брюшной тиф, и она отыскала своих беспризорных мальчишек.

А потом завертелись все круги энкаведешного ада. Голод, бесприютные скитания, дом ведь никто не вернул, и отчаянная надежда на встречу с отцом. Наивные были люди. Деда, как того требовала священная пролетарская воля, всене непременно расстреляли. В самом деле, где ж это видано, чтобы с кузнечным рылом и пряником в коммунизм. Чуть погодя, как не трудно догадаться, за бабушку принялись снова и таки пристроили валить тайгу, дабы никто не сомневался, что большевики взяли власть всерьез и надолго. Вот в таком интересном положении

батяня мой, светлой памяти Михаил Алексеевич, девятнадцатого года рождения, встретил Великую Отечественную.

По молодости лет, в простоте душевной, я долго не мог подобрать разумного объяснения, для чего понадобилось советской власти убивать моего дедушку, деревенского кузнеца? Не просто безвредного для страны мужика, но представителя общественного слоя, который является стовальным хребтом Российской империи. Иначе как безумием, подобное деяние не назовешь, потому что оно с неизбежностью ведет к суициду державы. Теперь-то я хорошо понимаю, что фундаментальная, корневая суть любой революции покоится на бесконечно разнообразных формах и методах оскорбления, унижения и уничтожения людей.

Всякой революции предшествует оригинальное разделение общества на людей хороших и не очень. Далее, в соответствии со здравым смыслом, выстраивается замечательных логический ряд, в соответствии с которым, если избавиться от плохих людей, то останутся только хорошие экземпляры и общественная жизнь чудесным образом приобретет благостный и приветливый вид. По какому признаку разделять людей на плохих и хороших – не имеет принципиальной разницы. Можно делить по цветам, на голубых и апельсиновых, можно делить на тех, кто при серпе и молоте, против тех, кто при шпаге и фермуарах. Поддержка масс, народный энтузиазм всегда гарантированы, поскольку обретает положительное разрешение сакраментальный вопрос: «Кто виноват?». Результат же, тем не менее, оказывается одинаково разрушительным и подлым.

Самым большим заблуждением каких-то угодных государственных преобразователей, во все времена, было и остается их несокрушимая уверенность, будто они в состоянии чем-то управлять, придавать общественным процессам необходимую целенаправленность. Когда большевики запускали в действие механизм по наведению порядка на предмет плохих и хороших людей, они свято верили в разумную подконтрольность этого благородного начинания. Разумеется, моего родного деда,

деревенского кузнеца, верные ленинцы причисляли к категории хороших, самых лучших людей в стране советов. От князей и графинюшек следовало избавляться срочным порядком, это же ясно, как небесная синь. И за дело принялись рьяно, исключительно добросовестно. Процесс начал набирать обороты, люди освоились с нужными профессиями, вошли во вкус, ощутили важность, значимость подобной экстравагантной работы, но как на грех, князей и графинюшек критическим образом стало недоставать. Однако, процесс есть процесс, он своенравен, его за здорово живешь не заглушить. Поэтому в дело пошел с неизбежностью разночинный люд. За графьями потянулось купечество, потом вшивая интеллигенция, пока наконец на заработал во всю мощь, во весь охват принцип домино. Он захлестнул страну советов, докатился до ребят при серпе и молоте, которые, собственно говоря, и затеяли всю эту кутерьму. На поверку оказалось, что когда азартный революционный процесс набирает полный ход, первичное разделение людей на плохих и хороших приобретает абсолютно непредсказуемую конфигурацию. Закономерным лишь остается, что революция обязательно возвращается к своим истокам и спрашивает с застрельщиков в полном объеме. Не случайно последний автограф многих выдающихся революционеров запечатлен на глянцевого резака отвесной гильотины.

Я, как говорится, свечку не держал, но нутром чую, что больше всего мечталось заполучить от большевиков дармовой земли тем крестьянам, которых впоследствии объявили кулаками, то есть наиболее крепким, способным к самостоятельному труду хлеборобам. К таковым относился и мой родной дед Алексей. Косой трепаться не станет, землю от Ильича, стриженные в скобку несмышлениши, конечно, получили, но как требуют законы революционного жанра, исключительно для того, чтобы своим неистовым трудолюбием возродить экономику страны, укрепить советскую власть, а затем торжественно отчитаться перед товарищем маузером. А кабы мой наивный дедуся не разевал варезку на чужое добро, но прибывал в твердом

стоянии, что только честный труд способен обеспечить счастье и благополучие добропорядочному человеку, то жил бы себе припеваючи до скончания Богом отпущенных дней.

Будущие мои родители впервые увидели друг друга в Березниках, в барачной умывальной комнате. Папа был необычайно музыкален и элегантен. Он имел прекрасный голос, великолепно танцевал и всю жизнь бредил театром. Некоторое время даже служил Мельпомене. В Актюбинске, скрываясь от «доброжелателей», работал в областном драматическом театре монтером-осветителем. Пару раз оказывался на сцене, на подхвате, взамен не в меру выпивших артистов. Вспоминал об этом в шутилом тоне, но забыть ведь не мог. Когда моя мама, сублинная, задорная, с полотенцем наперевес и бруском солдатского мыла вошла в умывальню, папа самозабвенно распевал: «Скажите, девушки, подружке вашей». «Ну что тут за соловей объявился», – были первые слова моей матушки. Соловей, не прервав своей сладостной песни, влюбился. Однажды и навсегда, как полагается благородному человеку.

В Березниках мама оказалась по эвакуации. Моя вторая бабушка Ксения, родом из-под старинного русского города Ельца, гонимая накатом войны, со своей молоденькой дочерью Тамарой (моей будущей мамой) и меньшим сыном Валентином, коротала лихолетье за горами Урала. Дедушки не было. В свое время, окончив Воронежский сельскохозяйственный институт, дедушка Георгий служил крупным агроспециалистом на бескрайних просторах Поволжья. Много ездил, занимался подъемом сельского хозяйства, после страшного голода, унесшего миллионы крестьянских жизней. В одной из поездок крепко застудился, заболел воспалением легких и сгорел за считанные дни. Бабушка овдовела, навсегда сохранив верность единственному избраннику. До конца своих дней оставалась жить с моей мамой и сделалась ангелом-хранителем уже нашего семейного очага. Неотлучно держала при себе свадебный образ «Знамение Божией Матери» и пару венчальных свечей, с которыми отправилась на исповедание к прародителям.

Жизнь людей устроена таким образом, что чтобы не происходило во внешнем мире, какие бы страсти не полыхали вокруг, всегда остается нечто личное и часто самое важное, позволяющее преодолевать любые трудности и испытания. Война, понятное дело, занятие не из легких и сталинские экзекуции вовсе не праздник прилета скворцов, но люди тем не менее и в этих условиях хранили залог будущей жизни. Они влюблялись, назначали свидания, строили планы в грядущее и создавали новые, радующиеся своему голубиному счастью семьи.

В сорок четвертом мои родители справили свадьбу. По военному времени: с ведром вареной картошки на весь промерзший барак. Удобства, питание, одежда – все было на уровне военных лет, поэтому очень скоро оба заболели туберкулезом. Болезнь протекала тяжело, врачи рекомендовали немедленно покинуть Урал. Бабушка Ульяна, к тому времени, применилась выживать в условиях Гулага. Она стала работать в швейной бригаде, по изготовлению лагерной же верхней и нижней одежды. Шить ватные штаны и бушлаты было несравненно комфортней, нежели валить вековую тайгу. Тогда отец принял волевое решение и уехал с семьей в теплые края, на восстановление Донбасса. Народ там к концу войны подобрался пестрый, прямо по Ною – всякой твари по паре. Что могло быть желанней для уцелевшего отпрыска врагов народа, только и ищущего возможности затеряться в трудовых массовках, ухлыстнуть подальше от бдительного ока вождей. К тому же степной сухой климат Донбасса сулил надежду на полное исцеление.

Есть на луганщине небольшой шахтерский город, с веселым названием Красный Луч, вот туда и занесла нелегкая моих молодых родителей. Все в этом мире существует как связь времен и явлений, наверное были и какие-то тайные причины оказаться им на самом востоке Украины, где тесно переплелись судьбы украинского и русского народа, да еще десятков разношерстных национальных мастей. Здесь, на далеко просматривающейся,

открытой многим ветрам земле и назначило проведение увидеть мне свет Божий. Аскетически суровым, скупым и сдержанным был тот край, хранивший в своих недрах солнечный шахтерский камень.

Мое первое воспоминание о себе запечатлелось и отложилось необычайно рано. Как сейчас вижу осенний приусадебный сад, маму, гуляющую с подружкой по саду и отчаянный детский крик. Это мама отлучает меня от груди, обмазав ее перцем. Мама, милая моя мама, сыну твоему уготована такая нелегкая стезя и зачем ты торопишься познакомить меня с болью, с обманом. Конечно, не со зла, конечно, по недомыслию, но такие вот серьезные нравы бытовали в нашем добродушном народе.

Еще помню себя стоящим на околице, маленьким, очень маленьким, года в полтора, не более. И даль, бесконечно нарастающий донецкий ландшафт. В памяти крепко засело неутолимое желание понять, объять эту даль и меня в ней, на земле и в небесах. По пронзительности и эмоциональности, по контрасту пробуждающегося сознания, это самое яркое воспоминание из всего калейдоскопа прожитых дней. Знаю, предвижу наперед, именно в эту широкую панорамную даль и отлетит в конце пути освобожденное сознание.

Когда вернулась из заключения бабушка Ульяна, мне было всего лишь два годика. Она приехала высокая, прямая, в коричневой фуфайке и коричневых же чулках, с большим деревянным чемоданом в руке. Коричневая фуфайка, да будет вам известно, — совсем не пустяк, это особый лагерный шик, ведь все ходили в обезличенных серых. Тут же, снимите-ка шляпу, персона. У всякого, даже мало приметного человека, живет острое осознание своей неповторимости, своей персональной исключительности. Ни за что не соглашусь, будто Чайковский слышал мир, а Сезанн его видел точно таким же, как я, как все остальные люди. Это, конечно, высочайшие индивидуальности, но ведь каждый человек воспринимает внешний мир по-своему, наблюдает собственную картинку на волшебном экране вселенского синематографа. Хотя бы потому, что себя то видит

в самой ведущей, заглавной роли этого грандиозного сериала, во имя которой вроде бы и вертится все цветное кино. Блажен, мучительно счастлив человек, которому Господь положил заявить о своей индивидуальности через какой-либо небесный дар, будь то талант художника, мыслителя или поэта. Но если ничего подобного не случилось, не наделило проведение ярким дарованием, изыскиваются более прозаические средства для отстаивания своей исключительности, своей претензии на заглавную роль. Коричневые фуфайки, деньги, власть – это все из одного ряда, от неистребимого желания выделиться из сонма себе подобных, не затеряться в презренных массовках. Но тщетны упования, зыбка надежда. Людвиг ван Бетховен замечен как северное сияние, пара тактов из Лунной сонаты навеки решают проблему его узнаваемости. Сонату никому не присвоить, не купить, не отнять, и ничего нельзя изменить, вот где собака зарыта, а потому фуфайку хочется все коричневее, денег все больше и власти без конца и края, до тошноты, до умопомрачения.

В сорок восьмом году все большое семейство Дмитриевых полным составом обосновалось в Красном Луче. Жили тремя дворами, на частных квартирах. Бывший танкист дядя Павел, по-холостячки, жил с бабушкой Ульяной, то есть со своей матерью. Это и его имели в виду, сочиняя шахтерский шлягер, как «в забой отправился парень молодой». Из Ташкента, с женой и двумя дочерьми приехал дядя Саша. Летательные устремления моего дядюшки-икара почему-то родину перестали интересовать и он срочным порядком переквалифицировался в дорожно-строительные мастера. А мой батяня не раз еще помянет «не злым, тихим словом» среднего брата, разбивая собственный автомобиль на бесконечных ухабах, по-советски исполненного асфальтного бездорожья Ворошиловград – Красный Луч. Наша семья разрослась до шести человек. Папа, мама, бабушка Ксения, старшая сестра Любовь, младшая сестрица Людмила и я. В стране лютовала послевоенная разруха, голодно и холодно жили победители. Бабушка Ульяна зорко осмотрелась кругом, оценила

обстановку и велела каждой невестке купить по зингеровской швейной машинке, с тем, чтобы обучить их шить на продажу всевозможные трусы, бюстгалтеры, школьные воротнички и манжетики. Обескровленная страна испытывала нужду во всем. Железная бабушкина воля, ее неисчерпаемое трудолюбие взбодрили и организовали сложный семейный ансамбль. Кто-то шил, кто-то ходил на базар торговать, появились оборотные средства, и жизнь, как в исправном часовом механизме, начала приобретать предсказуемость и надежность.

Не прошло много времени, и Красный Луч признал дружное семейство уральцев Дмитриевых. Бабушка Ульяна, своей царственной поступью, с запахом здорового женского тела ходила по воскресной толкучке, встречалась с перекупщиками, снабжала людей товаром, сама запасалась мануфактурой. В то время базары буквально кишели человеческими обрубками. Десятки никому не нужных, покалеченных войной людей отирались на городских вокзалах и воскресных толкучках. У бабушки всегда был припасен особый денежный фонд на раздаяние милостыней. Не припомню случая, чтобы она прошла мимо убогого, обделив своим состраданием. Происходило это скорее всего от собственной боли и горечи личных потерь. Дочь свою я назвал именем этой славной бабушки, в надежде, что она проживет достойную жизнь, верную памяти своих предков, которые с надеждой взирают на нас из своего чудного далека.

По воскресеньям, после торгов, неизменным образом затевались пельмени. Бабушка решала в чьем доме устраивать большой семейный обед. Пельмени лепили все вместе, в белых передниках и белых косынках, в таких же свежих, как мясо, мука и руки стряпчих. Пельменей делали много, обильно, вкусно необыкновенно и всегда с сюрпризом. В один из пельменей заворачивали соль или пуговицу, для потехи. Застолье продолжалось долго, ели и пили не торопясь, шутили, вспоминали былое и, конечно, как все здоровые счастливые люди, мечтали о будущем. А потом пели под баян песни. Дядя Саша виртуозно владел что гитарой, что баяном. У всех братьев

были фантастические голоса. Пели до того заразительно, что у калитки собирались толпы зевак, мощно, с полной отдачей, как будто последний в жизни раз, и все больше про Байкал, про Россию, про батюшку Урал.

Другая моя бабушка, по материнской линии, которую величали Ксения Афанасьевна, была прямой противоположностью к Ульяне Исааковне. Она вела внешне неприметную, но полную забот и трудов праведных жизнь. На ней держался весь дом. Семья была большая, бабушка Ксения незаметно умудрялась всех обстирывать, окормливать, за всеми прибирать, и все строчила до глубокой ночи бесконечные трусы, воротнички, бюстгалтеры. Хотите верьте, хотите нет, но почти за полвека совместной жизни я ни разу не видел бабушку в гневе, наверное за это Господь даровал ей долгую, покойную жизнь.

Отец, на первых порах, шоферил. Был такой, испытанный на фронтовых распутьях чудо-грузовик «пятый Урал-ЗИС», с квадратным деревянным кузовом и такой же ящикоподобной кабиной. Все машины той поры вид имели угрюмый. Ездили с противным трансмиссионным подвыванием и очень неохотно. Обыкновенно водитель стоял в раскоряку перед радиатором своего упряма и остервенело ворочал заводную рукоять. Потом внезапно заскакивал в кабину и чего-то там смыкал, понукая крепкими словами бензинового коня. Денежный достаток мало-помалу начал сказываться на положении отца в обществе. Каким-то замысловатым образом он сделался сотрудником комбината «Краснолучуголь». Работал в отделе техснаба и был ключевой фигурой, с семиклассным своим образованием.

Папе предоставили казенную квартиру рядом с комбинатом, по улице Водопроводной, ведь до этого мы жили на частной, возле базара. Это был двухэтажный, в два подъезда штукатуренный дом. Нас поселили на первом этаже. Дом стоял на возвышенности, со двора хорошо просматривался весь Красный Луч. Внизу, под нами, располагалась действующая шахта. Мне доставляло несказанное удовольствие наблюдать по вечерам ползущие по откосу террикона груженные

вагонетки, помеченные электрическими огнями. Возникало ощущение пульса трудовой страны, ибо я уже понимал, что эти медленнодвигающиеся вагонетки всего лишь малая часть сложной работы, которую делают мужественные люди глубоко под землей. И больше всего на свете хотелось стать большим, чтобы явиться к маме в шахтерской робе и обязательно с таким же черным лицом и руками, как у настоящих забойщиков, и со светящейся коногонкой во лбу.

Если папа не был в командировке, обязательно приходил на обед домой. Любил горячий борщ, с добрым куском говядины и непременно свежайшей мозговой костью. Всегда выкраивал пару минут для текущих домашних забот. Успевал починить табуретку или отладить оранжевый абажур, если на вечер намечалось лото. За большой овальный стол садились все вместе, взрослые и дети. Играли азартно, не взирая на лица. Любимые карты, личные накрывашки, жаргон «кричащего», у каждого свои, особенные. Когда цифра семь, то обязательно «армянский нос», если одиннадцать – «барабанные палочки», двадцать два – «уточки», девяносто – «дед», потому что восемьдесят – это «баба» и так почти по любому поводу. С каким восторгом, полным торжества и надежды, объявлялось партнерам – «квартира». Это означало, что на одной карточной строке выстроился неполный ряд и судьбу кона могло решить заветное число. Поэтому доставать из мешочка следовало очень осторожно, тщательно перемешивая и только по одному бочонку. Господи, до чего же было все это тепло и мило, как, наверное, повторяется только в раю.

Незабываемо приятные хлопоты наполняли дом в предновогодние дни. На самом деле, все начиналось с осени, когда папа вырезывал из плотного листа фанеры большую звезду, настоящую копию ордена Победы. Приходя домой на обед, он успевал выпиливать несколько двухкопеечных дырочек, в которые позже будут вставляться электрические лампочки. Их много, по всему периметру звезды. Внутри надпись, так же из дырочек – «1952 год». Папа покрасит лампочки в нарядные

цвета, перепаяет их. Соберет из разноцветных огней гирлянды, для освещения новогодней елки. И по вечерам, задолго до праздника, будет подключать в розетку всю эту замысловатую иллюминацию, заново перепаяивать, перекрашивать, подбирать оптимальные сочетания.

Ближе к первому января настанет и наш черед. Мама достанет из шкафа цветную бумагу, канцелярский клей и мы примемся мастерить елочные украшения. Любаша знает толк в зверушках, моя задача изготовить длинные, на весь обхват широкой елки, красивые цепи, а меньшая сестренка нарежет и соберет гирлянды из маленьких разноцветных флажков. Знаем заранее, что в Деда Мороза облачится дядя Павел, он самый веселый и добрый, а еще он мой крестный. Догадываемся о содержании подарков, доставленных будто из заснеженного соснового леса. Но ничего не делается понарошку, все от мала до велика настроены серьезно, без лукавства. Удивительно вспомнить, как послевоенный народ наш был открыт для вкушения любых, даже самых наивных радостей.

И вот наступил, в звезду оправленный, пятьдесят второй год. Год выжидательный, полный тревог. Страна нутром чуяла закатные дни великого кормчего. Чуял и вождь настигающее в затылок дыхание старухи с косой, стремительно дряхлел, понимал всю беспомощность медицины и за это мстил врачам – жестоко, беспощадно. На дальних подступах он сделался уже не опасен, за отсутствием широкого энтузиазма, но кремлевская, но обкомовская верховная сволочь переживала тревожные, душененавистные дни. Непредсказуемо мрачным появлялся в этот год Сталин, никто не мог знать, что твориться в его угасающей кухне дьявольских интриг и затей. Как распознать, чья физиономия вдруг подвернется некстати и вызовет нечаянный гнев, с неминуемо разрешенными последствиями. Соратники, под всякими предложениями избегали встреч, сторонились хереющего на глазах гения. Все чаще сказывались больными, искали поводов для неотложных командировок, с головой накрывались видимостью нетерпящих отлагательств

государственных дел, и все труднее делалось заманить кого-либо хоть на ближнюю, хоть на загородную дачу. Он видел все, запоминал каждое предательство, каждую подлость, в надежде подобраться с силенками и в который раз продемонстрировать мерзавцам, кто в доме хозяин.

Но самое тревожное – никто не боролся за власть. От вождя шарахались, как от зачумленного. Все понимали, что человек, принявший власть непосредственно из окровавленных рук товарища Сталина, обречен. Уже становилось понятным, что страна обязательно спросит, потребует ответа от верных и не очень радивых ленинцев. Вопрос заключался лишь в том, спросит действительно, или сделает вид, в мягком режиме прокатится на тормозах. С другой стороны, вся околосталинская псарня изготовилась в предстоящий смертельный гон. Потому что сначала сухой щелчок арапника, за ним долгожданное «Ату его!» и тогда уж пощады не жди, тут тебе ни понятых, ни свидетелей.

В пятьдесят втором меня, с неполными шестью годами, отправили в школу. К тому времени я свободно читал, писал, считал, и дожидаться исполнения необходимых семи лет не имело видимого смысла. Специально моим ранним развитием, конечно, никто не занимался. Разве только бабушка Ксения, постоянно читавшая по вечерам для детей хорошие книжки. Но училась старшая сестра Любаша, и я, между делом, подучивался вместе с ней, заглядывая в букварь через плечо. Школьная учительница жила по соседству и, что называется, не чаяла во мне души. Под влиянием ее активных уговоров родители согласились отвести меня в первый класс. Однако возраст был мал, школа отапливалась печью, из рук вон плохо, и я в зиму крепко захворал, застудил уши. Папа прекратил эксперимент с вундеркиндом до следующего года.

Глава вторая

Право же, одному небу известно, как оно было на самом деле. То ли пятьдесят третий пришел, чтобы окочурился Сталин. То ли вождь дал дуба, чтобы грянул пятьдесят третий. Но он наступил, мартом припечатал страну к роковому пределу. Голос Левитана, в черных репродукторных тарелках, предвещал конец света. Ощущение всеобщего горя грозило разрастись до масштабов вселенской катастрофы. Папа явился на обед очень сосредоточенным, снял со стены картонный портрет генералиссимуса и стал наводить под линейку цветными карандашами красно-черную рамочку. Несколько раз подправлял печальный пейзаж, никак не находил ни себе, ни портрету подходящего места, все метался с ним по квартире, примеряясь к наиболее значительным ракурсам. У меня такое впечатление, что он горевал неподдельно. Как, почему, после всех своих мытарств и лишений, до сих пор не возьму в толк? Но пришла бабушка Ульяна и спокойно сказала: «Кончилась, сволочь». С мамой чуть было не приключился удар. Бабушка ненавидела советскую власть, со всеми ее вождями, большими и малыми, такой душераздирающей злобой, что для внешнего проявления уже не оставалось никаких сил. Ненавидела молча, непоколебимо, насмерть, как статуя Свободы. Можно только догадываться, сколько горя, какую боль и обиду пронесла через жизнь моя незабвенная бабушка, если даже смерть главаря не принесла облегчения. Обида проистекала не только от ужаса страданий и невосполнимости потерь, но, прежде всего, от вопиющей несправедливости, от абсолютной несоразмерности невообразимо диких обвинений и наказаний.

Дело было ранней весной. Возле комбината кучковались

серыми призраками потерявшиеся соотечественники. По всему видно было, что произошло нечто непоправимое и вот-вот отверзнутся хляби небесные. Никто не знал, как следует вести себя перед концом света, что можно и нужно делать с этим несчастьем, ведь и не делать ничего смерти подобно. Многие боялись идти домой, чтобы там в одиночку не сотворить чего непотребного. И не было никакой надежды и помощи ждать неоткуда. Полнейшая растерянность парализовала, накрыла оцепеневшую страну.

Обыкновенно, мы лукаво персонифицируем историю, особенно в части ее кровавых, постыдных страниц. Народ ведь не располагает коллективным мужеством, позволяющим во всеуслышание заявить: это мы, советское падло, своими собственными зубами растерзали лучших сынов и дочерей, на этом настаиваю категорически, нашего бесноватого отечества. Подобного мужества недостает, поэтому возникает потребность назначить подходящего козла отпущения, то бишь тирана, который за все в ответе. Удобно чрезвычайно, без лишних вопросов и ненужных затей по разборке полетов. Кто стрелял? А никто не стрелял. Кто издевался, допрашивал, грабил? А никто никого не допрашивал. Сталин – козырь неубиенный, джокер на все времена. Мы ведь народ подневольный – серенький, маленький. Положим и хищненький, положим – зубатенький, но нас не видать, не слышать и не сметь ворошить потаенного.

Образ Сталина-тирана более всего устраивает затихарившихся палачей, у которых руки по уши в крови. Всякие разглагольствования о культе, о порочной идеологии – чушь собачья. Конкретные убийства совершали не во имя великих идей, и почти никогда – по личной указке товарища Сталина. Мудрый Коба просто не мешал другим активно заниматься самовыражением. Несказанное наслаждение испытывает безбожный человек от насилия над себе подобным, пуще того, когда сам становится причиной чужих страданий. Попранный стыд, вот настоящий мотив любых преступлений. Совесть, мораль – это все от Бога. Это непереносимое для

животного человеческого естества насилие свыше, всегда подспудно манит освобождением. И потом, какое дело мне лично до товарища Сталина, если я точно знаю кто донес на моих. Фамилия их Витюковы. Бог шельму метит, нехорошее занятие предаваться злорадству, но сын этих мерзавцев пришел с фронта слепым. А ведь были и те, кто по ночам арестовывал, кто-то допрашивал бабушку с дедушкой, да с какой фантазией, с каким пристрастием. Не простое это дело – раздуть скромную персону деревенского кузнеца до масштабов врага народа, обслуживающего агрессивные вражеские разведки. А кто-то еще и собственноручно стрелял в моего беззащитного деда. Причем знал наверняка, что перед ним никакой не буржуй, не белогвардеец, не шпион, не диверсант, а обыкновенный сельский мужик, так и не верящий до последнего дыхания, что все эти дикие обвинения предъявляются всерьез и последствия возымеют самые грозные.

Не могу без возмущения наблюдать демагогию нынешних властей относительно фигурантов тех жутких событий. Что толку посыпать голову пеплом над памятью усопших. Истинное покаяние состоит не в том, чтобы вспоминать миллионы безвинно погибших. Гораздо важнее для здоровья общества поименно перечислить всех надзирателей, палачей, стукачей, чьими стараниями совершались людоедские злодеяния. Чтобы жег позор до седьмого колена. И не надо рассказывать, что дети не отвечают за своих родителей. Отвечают, да еще и как, только вот все больше с нашей стороны. Могу привести длиннющий список престижных учебных и служебных заведений, не самых элитарных, дорога в которые нам была заказана по факту самого рождения и где неплохо устраивались и благополучно пребывают поныне отпрыски палачей, без устали тыкающие в усатую морду расшалившегося семинариста. Если дети имеют моральное право наследовать материальное достояние своих родителей, то они просто обязаны наследовать ответственность за совершенные преступления своих распоясавшихся предков. Конечно, для этого нужна порядочная власть, которой стыдно

будет кривляться, стыдно лицемерить и манипулировать общественным сознанием. Правда и ничего кроме правды, вот единственно возможная мера вещей, все остальное – от лукавого. Как заметил один наш умнейший писатель: «Правду говорить легко и приятно». Хотя подозреваю, что на предмет слушанья правды, могут быть и другие мнения, особенно если шапка смердит предательски.

Во дни моей младости был в большой чести забавный такой супер идеологический групповой портрет, с четырьмя смотрящими вдаль священными идолами, от Карла Маркса до Сталина. Гривы, лысины, усы, бороды – все в ряд, единым порывом устремлены в светлое будущее. Эту портретную галерею свободно можно разворачивать, как тульскую гармонь. В любую сторону, хотите от Карла Маркса? Извольте – Фурье, Сен Симон, Жан Жак Руссо, Кампанелла, и так без конца и края, насколько достанет эрудиции. Желаете в другую сторону, будьте уверены: свято место пусто не бывает. Иосиф Джугашвили, временно конечно, оказался в этом ряду крайним. Ему и шишки все. Но дайте срок, хамская, сумасбродная идея осчастливить всех скопом, по точно выверенному плану, непременно возобладает, да с такой еще яростью, что дух перехватит.

А все от того, что у нормального человека может быть в жизни только одна серьезная задача – это спасение собственной души, то есть приведение ее к состоянию бессмертия. К тому единственно прекрасному и блаженному состоянию, которое дарует ощущение счастья горнего. Как только человек начинает заниматься устройством чьего либо счастья, а то и вовсе организацией счастья всего человечества, он неминуемо оказывается в сетях дьявола. Дьявольщина – это порождение порочного общественного сознания. Ветхий наш человек Адам благополучно пребывал в раю, доколе оставался сам. В Библии до обидного скупое написано – Ева ли виновата в том, что поддалась искушению змия, Бог ли сыграл нехорошую шутку, насадив в эдемском саду запретное древо и был ли то всамделишный рай, когда в нем существовали запреты? Складывается впечатление,

что бедолага Адам вошел в общественные отношения, что называется, связался на свою голову.

Иногда на свет Божий появляются люди, наделенные исключительными дарованиями. Из них вырастают выдающиеся мыслители, музыканты, поэты. Яркий композиторский талант позволяет художнику улавливать и воспроизводить никому неведанную доселе музыкальную ткань. Неизвестно, существовала ли шестая симфония Чайковского в сокровенных глубинах Вселенной задолго до того, как Петр Ильич извлек и озвучил ее. Подобно тому, как закон Архимеда всегда существовал в природе вещей. Или шестая симфония является исключительно выражением собственной фантазии художника, продуктом его творческого самовыражения. Но в любом случае, носитель такого удивительного таланта абсолютно богоподобен, потому что реально участвует в сотворении мира, являя на белый свет нечто доселе неслыханное, людям неведанное.

Когда мы читаем в Библии, что Человек сотворен по образу и подобию Божию, надо хорошо разуть – это говорится об избранных Божиих, способных сделаться сопричастными к трудам на поприще сотворения мира. Кстати сказать, в первоисточниках первый стих книги Бытие, по смысловой нагрузке, принципиально отличается от современных текстов. Сейчас пишут: «В начале Бог сотворил небо и землю». Между тем на древнееврейском сообщали много мудрее: «В начале Бог сотворяет небо и землю». Понятие «сотворяет» имеет непреходящее значение, оно четко указывает, что процесс сотворения мира никогда не прекращается, это постоянно действующий, живой божественный акт. Люди, принимающие участие в таинстве преобразования мироздания, действительно отмечены знаками образа и подобия Божия, ибо и они, вместе с Отцом своим небесным, постоянно сотворяют, созидают мир божий, украшают его.

Иногда рождаются люди, наделенные исключительным даром ощущать потаенную суть мироздания, его богооухотворенность. Из таких людей вырастают великие

пророки, святители, праведники, Божии угодники. Они сияют в веках призывом к благочестию, для людей томящихся горением вышнего духа и стоят живым укором для тех, кто не способен улавливать Божественную гармонию мироздания. Виноват ли человек в том, что не воспринимает музыку Баха, плохо рисует, не пишет стихов, не испытывает религиозных восторгов? Нет, наверное, не виноват. Почему так бывает не знает никто, и это все тайны проведения Божия.

Осталось совсем немного времени, когда все наши великие предшественники будут вызваны из небытия, что бы по велению Христа рассудить мир сей. И тогда обнаружится ошибка фараонов, которые легкомысленно рассчитывали с помощью сохранения плоти и с использованием труда сотен тысяч подневольных людей, обрести желанное бессмертие. Залог вечности, счастье спасения несомненно даны человеку, но они вовсе не в плотском обличии, они в делах, в результатах прожитых наших дней. Большим заблуждением является упование и моих современников, будто развивающиеся биотехнологии в скором времени научатся воссоздавать ушедшие персонажи по их бранным останкам. Подлинный генетический код человека не имеет никакого отношения к говядине. Одухотворенный Пушкинский стих, палитра Ван Гога, пируэт Улановой – вот настоящий живой ключ к воссозданию бессмертных людей и они обязательно явятся еще раз в этом мире, во всем своем могуществе и великолепии. Вспомните заветное игольчатое ушко, о котором проповедовал Иисус, и в которое с черного хода пытаются протраться толпы ничемных людей. Никому не удастся проташить сквозь волшебное ушко свое сытое брюхо. Только слава подвижников духа беспрепятственно минует заветный рубеж и сделается порукой телесного воплощения ее носителей.

Все талантливые люди ведут сосредоточенную, с большим внутренним содержанием жизнь. Действительный дар Божий требует огромных усилий по его обслуживанию, когда практически не остается ни времени, ни сил для каких-то

побочных интересов. Но иногда выпадают на наши головы беспокойные ребята, которым вдруг начинает казаться, что они пришли в этот мир, чтобы улучшить его, на предмет справедливости. Правильно устроить течение рек, течение жизней, наполнить их разумным содержанием, в соответствии с некоторым очень мудрым учением. На таких людей не бывает в обществе спроса, их никто не ищет, не ждет, не заказывает, они размножаются самосевом, как чертополох, и важно величают себя государственными или политическими деятелями. Трудно установить, в чем состоит положительная исключительность таких людей, в чем неповторимость их дарования: скорее всего в умении распахнуть перед зрителем товары лицом, заманить дурманом своих сумасбродных идей. Содержание и обслуживание важных государственных персон обходится обществу очень дорого, но куда как дороже вылетают результаты их неугомонной деятельности, плоды разгулявшейся фантазии.

Человечество в целом не делается со временем лучше или хуже. Люди были всегда такими как есть, какими их сотворил Господь, поэтому живут и действуют по законам, отвечающим их натуральной природе. Из этого, прежде всего, следует, что цивилизация, не смотря ни на какие сумасбродства бесконечных вождей, реформаторов и прочих государственных деятелей упрямо продвигается к месту своего назначения. Хорошо, когда выдающийся общественный муж в меру придурковат и не очень настойчив, тогда дело обходится кукурузой, иконостасом из подметных наград, перестройкой. А когда возникают личности масштабов Гитлера или Сталина, с огромным умом, амбициями, волей, да еще темпераментом каких-нибудь кавказских кондиций, тогда держись, ну просто хоть святых заноси, тогда неминуема перековка людей, со всеми тяжкими, ведь дело это горячее. Такие экземпляры опасны своей последовательностью, они знают, что не изменив, не переиначив природу людей, ничего в этом мире изменить невозможно. Но ведь не то, чтобы переделать, а и волосы на голове все сочтены, так утверждает

святое Писание.

Есть в биографии товарища Сталина одна общеизвестная, но по настоящему недооцененная, непрочитанная страничка. Я имею в виду годы его семинарской учебы. Это только простакам чудится, что между священниками и большевиками нет ничего общего, будто они огонь и вода. На самом деле, между ними существует железная связь, прочная, принципиальная. Священники, так же как и большевики, знают ответы на все вопросы. У этих людей не бывает сомнений, им известно все, по любому поводу, на любой случай жизни.

Не стоит заблуждаться, будто священниками становятся симпатичные парни, которые сильно, до невтерпежки, поверили в Бога. Батюшками, как правило, становятся интересные ребята, которые умеют картинно изображать веру в Иисуса Христа. Ничего удивительного, бывают люди, которые любясь собой, умеют достоверно изображать страуса, пингвина и даже «ципленка табака». Я никогда не понимал, для чего человеку, действительно верящему в Бога, кликушествовать об этом на весь белый свет. Настоящая вера – это настолько сокровенное сердечное переживание, что публичное высказывание о нем только подтверждает пророческое предостережение: «Слово изреченное есть ложь». Вообще в жизни людей бывает много чего, что предполагает интимность. Например, если человек начинает публично, то бишь профессионально заниматься любовью, то это занятие приобретает несколько иное название. Не случайно дома, в которых рекомендовано открыто заниматься любовью, называются «публичными». Невозможно профессионально любить родную мать, свою родину. Невозможно представить, чтобы выражение этих благородных чувств сделалось ежедневным публичным вашим занятием, конечно, если судьбина не вознесла вас в секретари обкома комсомола. Уверен, что и вера, любовь к Богу, это настолько интимные субстанции, что при переходе в профессиональную деятельность они должны называться все-таки немного иначе. Не возьмусь судить как, это должны сделать заинтересованные

лица.

Все большевики прекрасные теоретики, они точно знают, что такое справедливость, как хорошо, если всем поровну, чудесно, когда у всех все одинаково. Вот только собственную квартиру подавай на Кутузовском, в крайнем случае на Липках, пожрать со спецраспределителя, отдохнуть в отдельном санатории, в отдельной баньке, на кладбище и то – по отдельной программе. Для того, чтобы перекинуться от священника к коммунисту, не требуется больших усилий, достаточно только чуть-чуть, самую малость подправить на перископе резкость, и ты узришь, зачаруешься дивной картинкой буколического счастья. Универсального, всеобъемлющего, всеобщего счастья, в теоретическом воплощении сегодня и в практическом решении совсем скоро, в прекрасном светлом будущем. При этом всегда хочется масштабов, большого поля деятельности. В полном соответствии с шариковским правилом: «Чтобы все». Разве завернешь в какой-нибудь Грузии настоящий голодомор, с хорошим результативным выхлопом, где народу всего миллионишко, так, паршивенький голодоморчик. Ты подавай Поволжье, ты предоставь украинский чернозем, вот тогда пригубишь, отведаешь семинарской заквасочки.

Страна устала от Сталина, это было ясно по тому, как скоро забыла о нем. Буквально на следующий день после грандиозного прощания закипела новая жизнь. Уход отца народов удивительно органично совпал с пробуждением природы. Не припомню другой такой дружной, оглушительно животворной весны на Донбасе. Солнце куражилось, все ликовало кругом. Люди, птицы, любая живая истотина неожиданно обнаружили на себе Божие попечение. Ведь до этого даже мухам казалось, что они пребывают в послушании у кремлевского горца.

Но не только восторг, ведь и явная растерянность царила в стране. Одним чуялось время надежд, другими овладело беспокойство возможных разоблачений. А ну как возьмутся ворошить: кто в кого стрелял, кто на кого стучал, предавал, подличал? А то вдруг примутся пуще прежнего стучать, стрелять

и подличать. Поди разберись в одночасье. Ясно, что кругом одна сволочь недобитая, после такого небывалого революционного шабаша почти все – потенциальные враги народа, только знать бы, кто в первую, кто во вторую голову.

Как всегда случается в мутном безвременье, на высоких подмостках закружилась мышьяная возня. Стали выдвигаться скороспелые вожди-однодневки – некоторым образом булганины и маленковы. Шелкоперы, им еще невдомек, что суетливым нищим мало подают. Или, как говаривала одна шикарная дама, проводя инструктаж перед вечерним выходом своих девочек – главное, не суетитесь под клиентом. Потому что уже затаился, приготовился к решающему выходу настоящий маэстро. Лысый, пучеглазый, как сатана из мельничного омута, такой же вертлявый и вездесущий.

Но это там, в столице. А на местах новые веяния были заметны по всякого рода административным перетасовкам. Так, наш Краснолучский угольный комбинат для чего-то переименовали в «Ленинуголь», как будто Ильич был самым шустрым шахтерским проходчиком, и переместили в областной центр, по тем временам, дай бог памяти, наверное, в Ворошиловград. Потому что вскоре будет несколько раз то Луганск, то Ворошиловград. В зависимости от того, сухой был Климентий Ефремович, или доблестным красным конником. В действительности он был и тем и другим, одновременно, нераздельно, в полном соответствии с кремлевским уставом для торжественного стояния на мавзолеем подиуме.

В первую очередь на новое место жительства перебирался комбинатовский канцелярский арсенал. Рабочие вытаскивали и укладывали на грузовики двухтумбовые столы, шкафы, телефоны, грессбухи и прочую служебную утварь. Доверху заставленные машины запускали двигатели и мчались по шоссе на дороге в волнующую меня даль. Я все время старательно пытался вообразить большой, по рассказам отца, город и красивый, многоэтажный наш будущий дом. Не все, конечно, сотрудники комбината были переведены в областной

центр, да еще с предоставлением казенной квартиры. Папа изловчился дать кому следует в лапу, и Родина выделила ему прекрасную новую квартиру на Красной площади, в лучшей части города.

Я абсолютно уверен, что отец мой был очень полезным, по настоящему ценным работником. Его отличала необыкновенная организованность, он никогда ничего не делал на авось. Сомневаюсь, чтобы какой-нибудь англичанин или немец мог бы соперничать с моим папой в аккуратности, трудолюбии, обязательности, именно по этому я верю в мой народ, в его достойное, обязательно доблестное будущее. У папы не было высшего образования, к тому же он не был коммунистом, и даже в этой, по советским меркам абсолютно безнадежной ситуации, он умудрился продвинуться по служебной лестнице до весьма солидных чинов, до уровня руководителя областного масштаба. Прекрасно помню уговоры сослуживцев, на предмет плюнуть на все и положить в нагрудный карман заветный партийный билет, мандат – открывающий перспективу дальнейшего роста. Но для моего отца плюнуть на все означало, прежде всего, плюнуть на себя самого, а это было недопустимо ни при каких обстоятельствах.

Вот так и оказался я в мае пятьдесят третьего в роскошной, четырехкомнатной квартире на пятом этаже архитектурного сталинского дива. После краснолучских шахтерских пристанищ в новых апартаментах возникало ощущение стадиона. Недостигаемых высот потолки, гостиная в тридцать квадратных метров, огромная прихожая, необъятная кухня, удобства, кладовые, все для житейского благополучия, в самом лучшем виде было скомпоновано в нашем новоявленном царстве. О чем говорить, если даже люстры, самые настоящие, бронзовые с хрусталем, были предусмотрительно развешены и подключены строителями в каждой жилой комнате. Балконами, окнами квартира выходила на обе стороны украшенного карнизами и лепными консолями здания. На первых порах мы были просто не в состоянии заполнить квартиру. В одной из комнат, с

выходом на балкон, устраивали на зиму хранилище антоновских яблок, капусты и картофеля. Хотя, конечно, во дворе имелся капитальный коллективный погреб для бочек с соленьями и бутылей с томатным морсом, тогда еще не освоили умение городить консервации.

Для меня является вершиной русского литературного слога то место у Юрия Михайловича Лермонтова, где он описывает жилище Печорина и панораму Пятигорска. Помните ли? «Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту, синее, как последняя туча рассеянной бури; на север подымается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона; на восток смотреть веселее...».

Увы, увы. Открывавшаяся из наших окон панорама на фасадную сторону оказалась не столь живописной. Очень смущали взор заборы из многорядной колючей проволоки, сторожевые псы и вышки с автоматчиками под прожекторами. Прямо через дорогу, напротив нашего дома, ошетинились колючкой лагерная зона, на которой жили и возводили «Дом техники» заключенные. Пронзительно удручающей проступала картина в ночи, когда по всему периметру зоны включали осветительную иллюминацию. Сырость, бесконечные ряды электропроводов, взрылленная земля, шарящие лучи прожекторов и нескончаемый собачий лай. Сам вид лагеря, люди в серых бушлатах, вперемежку снующие между кучами делового материала и строительного мусора, постоянно напоминали жителям дома, что дорога в тюрьму никому не заказана. Что расстояние от их зыбкого благополучия до лагерного беспредела, как говорится, в два плевка, в прямом и переносном смысле. Все граждане страны, в то беспокойное время, пребывали в некотором промежуточном состоянии между волей и тюрьмой. Ни один человек, ложась на ночь в свою теплую постель, не мог быть уверен, что досматривать сновидения ему не придется на казенных нарах, даже пусть он трижды энкаведешник, супер Павлик Морозов, экстра-стукач. Потому, что сначала сажали тех, на кого стучали, потом тех, кто стучал, потом стучавших

на стучащих и так по кругу без конца и края.

Есть одна характерная черта, особая примета сталинской эпохи. Когда в затравленной стране десятки миллионов людей томятся за решеткой, вовсе не означает, что оставшиеся на свободе счастливы наблюдают эту экзотику со стороны. На самом деле оказывается, что сидим дружной компанией, все вместе. Общество функционирует как система сообщающихся сосудов. Лагеря, пропустившие через свое ненасытное чрево массу униженных и поруганных людей, вываливали на просторы Родины несметное количество бывших зэков, носителей тюремной «культуры», тюремной же «этики». Был преступлен некий критический рубеж, за которым общество оказалось не в состоянии переваривать весь этот гулаговский продукт и само начало неуклонно сползать в джунгли лагерного этноса. В следствие чего вся большущая страна советов превратилась в грандиозный «кичман». Не случайно любимой песней вождя оказалась уголовщина из лирики Утесова : «С одесского кичмана сбежали два уркана».

Первое, что я увидел, выйдя на балкон внутреннего двора нашего великолепного дома, оказалась стайка подростков, отчаянно бившихся у шлакоблочного забора. Они играли на деньги в «пристенок». Наверное, кто-то сжульничал, а может обидно проиграл, и в ход пустили самые убедительные аргументы. Дрались раньше много и часто, по всякому поводу. Дрались большие и малые, с энтузиазмом, до кровищи, не вызывая живого интереса у случайных прохожих.

Игры на деньги, в начале пятидесятых, приобрели настолько массовый характер, что вся денежная мелочь, бывшая в обращении, настолько оказалась изуродованной, что определять достоинство монет приходилось только по цвету и наружному их диаметру. Чаще всего денежные игры имели «битьевое» происхождение. Обыкновенно приходилось что-то швырять или ударять в стенку, монету ли, специальный биток, а потом приниматься вышибать стоящую на кону мелочь, колотить по ней, пока она не опрокинется с «орла» на «решку». Находились

ловкачи, умудрявшиеся с одного битка опрокидывать целую стопку монет. Металлические деньги пасовали перед игровым азартом, они плющились, коржились, теряли привлекательный вид.

Стуканьем мелочи занималась по преимуществу голоштанная дворовая шпана, серьезные парни тоже играли на деньги, но делали это с толком, с достоинством. Если играли монетами, ставили заклады под «орла» или «решку». Здесь надо было держать ухо востро. В ход пускали особым образом заготовленные фортели. Брали две одинакового достоинства монеты, спиливали идентичные стороны и потом прочно склеивали. В результате получалась интересная денежка с двухсторонним «орлом» или двухсторонней «решкой». Шулера запускали в дело такие штучки в самый ответственный момент, когда игра выходила на заключительные ставки.

Хорошей известностью славилась игра в «чик или лишку». Это когда зажимается в ладони горстка мелочи и желающему предлагается отгадать, делится ли оказавшаяся сумма на двое, тогда будет «чик», если нет – будет «лишка». Но опять таки, в самый ответственный момент могла возникнуть волшебная копейка, привязанная через рукав на тонкой леске. Она то и могла решить исход всей игры.

По настоящему солидные люди играли в «шмен». Здесь фигурировали бумажные банкноты, ставки делались на казначейских номерах. Закладывалась в руку купюра, и охотник выбирал половину порядковых цифр на банковском денежном номере. Названные цифры складывались, также складывались и оставшиеся. Выигрывал тот, чья сумма оказывалась большей. Знатные шулера обзаводились двухсторонними, поддельными купюрами, с различными банковскими номерами, когда при любом раскладе возникал необходимый перевес на той или иной стороне бумажной банкноты. Разумеется, если обнаруживался обман, зубы летели в разные стороны.

Еще в пятидесятых у дворовой шпаны пользовалась широкой популярностью игра в «жосточку». Это аккуратно изготовленный

воланчик из кусочка длинноворсового меха и свинцовой пяточки. Играющий, или, как его называли «маящийся», стремился максимально долго жонглировать ногой эту летающую штучку. У каждого был свой любимый, тщательно разглаживаемый, завернутый в тряпочку воланчик. Если дело происходило весной или осенью, никто не снимал с себя верхней одежды, ведь могли и упереть. Надо было приспособиться каким-то замысловатым образом перекосить на себе пальто, чтобы высвободить одну ногу и руку, дабы не путаться в полах и свободно подбрасывать щечкой стопы летающую жосточку. Жонглирование могло продолжаться довольно долго, на счет, со всевозможными канканами, аллюрами и переворотами. Успешней оказывался тот, кто был ловчее и выносливее.

Вся эта играющая в подворотнях на деньги молодежь была насквозь пропитана уголовной «героикой». Жесты, повадки, жаргон, песни, ужимки, наконец, манера носить одежду, способы курить, плевать, свистать – все было «фирменное», оттуда – с Печоры и Колымы. С другой стороны, в каждом сидела героика прошедшей войны, несомненно, патриотическая ее составляющая, обусловленная психологией победителей, но во многом и сопутствующая любой войне жестокость. Людям, прошедшим неслыханную кровавую баню, оказалось совсем непросто вернуться к нормальной, мирной жизни. Многие фронтовики ностальгировали по жажде острых ощущений, искали душевного риска, в избытке поставляемого войной. Это желание пройтись по лезвию ножа передавалось молодежи и, в сочетании с лагерной «героикой», подталкивала к криминальному самовыражению. Вот в таких непростых нравственно-этических общественных кондициях подрастало и утверждалось будущее нашей страны.

В это трудно поверить, но наиболее популярной, прямо-таки кумирообразной персоной моего детства оказывался не физик или лирик, это будет потом, в шестидесятых, а обыкновенный уголовный ватажок, хотя бы и удачливый карманный вор. Из этого никто не собирался делать большой

тайны. Если карманник, то об этом знала вся улица, вся округа. Ему улыбались, перед ним заискивали, почти как перед нынешним банкиром. Солидные, уважаемые люди не гнушались знакомством с подобными ребятами.

Ничего, ничего не меняется в этом мире. Хотя и меняется. Тщательно вымытый, выбритый, стриженный под «бокс», в шелковой тенниске, в хромовых гармошкой сапогах, с финкой за голенищем при голубом кожаном отвороте, такой красавец не идет ни в какое сравнение с нынешним подловатым киллером, трусливо затихарившимся с оптическим карабином где-нибудь у чердачного окна. Тот мог спокойно, глядя противнику в глаза, засадить в бочину финский нож, обтереть его батистовым носовым платком, сплунуть на поверженного со словами «душа с тебя вон» и не торопясь отправиться восвояси.

Выскажу мысль парадоксальную, но по моему глубокому убеждению: поколение молодежи, рожденное в тридцатых и сороковых, по своему потенциалу, было наиболее ярким и емким, из всех лет двадцатого века. Уникально крепкие духом, умны, сильны физически были те люди. Быть может революция, сталинские репрессии, а потом война каким-то образом мобилизовала генетические ресурсы и вызвали к жизни дополнительные резервные силы. И это не есть хорошо, потому что существует закон маятника.

Я все не перестаю удивляться: насколько изменяются внешние формы жизни в пределах памяти одного человека. Нет смысла утверждать, делается ли жизнь людей от времени лучше или хуже, но она очень существенно меняется, становится принципиально иной. Ведь надо только представить, что это я, современный человек, ходил с бабушкой Ксенией по улицам Луганска и собирал в ведро конский навоз, чтобы замешивать его с песком и глиной для обмазывания печки на нашей кухне. Газа не было, топили на пятом этаже дымоходный очаг дровами и углем. Таскать наверх из подвала топливо входило в мою ежедневную обязанность.

Городская жизнь обслуживалась по преимуществу гужевым

транспортом. Хлебные будки, фуры груженные крем-содой и вермутом, пролетки – все держалось на лошадиной тяге. Какие «Феррари», какие «мобилки», что за компьютеры? Еженедельным моментом истины, венцом мироздания распахивался воскресный базар. Народищу, товару, барахла стекалось со всего света видимо-невидимо. Знахари, цыгане, ворожки, гадалки, ручные крысы, вещие совы, удавы, коты – все это умело предсказывать, утешать, исцелять, осчастливливать. Уличные фотографические салоны, с задниками под вставные морды. Воткнул рыло в дырку – и ты уже кавказский джигит, князь на горячем коне, воткнул в другое отверстие – летчик, а хочешь – витязь в тигровой шкуре. Красота, только бы не моргнуть, когда вылетит птичка. Там кричат: «Держи вора», там орут: «Есть холодная вода лучше пива и вина». Обыкновенную воду со льдом носили сорванцы в ведрах и продавали за пятак полную кружку. Ни тебе газов, ни тебе сиропов. И все это с неимоверно красными, задыхающимися от счастья, радостными физиономиями.

Однако заканчивалось лето пятьдесят третьего. Я перезнакомился, передружился с ребятами из нашего двора. Детей тогда в каждой семье водилось много, трое, четверо – обычное дело. Все перемешалось, ровесники, дети постарше, поменьше жили одной большой дворовой ватагой. Носились по улицам как угорелые, забывая о доме, о еде. Босиком, с утра до ночи, куролесили по всей округе, лазали по деревьям, подвалам, чердакам. Вечером, приходя домой, мыли ноги, едва доползали до коек и проваливались в детские воздушные сны.

Первого сентября мама собрала меня в школу. Скажу сразу: весь первый класс я простоял у доски, в роли провинившегося. Хотя учебный год завершился с похвальным листом. Плохую службу сыграло мое, оказавшееся некстати, умение бойко читать и писать. Когда все нормальные дети с каллиграфическим нажимом осваивали палочки и крючочки, я, от скуки, принимался дурачиться. Вертелся, гримасничал, всячески норовил обратить на себя внимание, чем подрывал образовательный процесс.

Вот и сейчас пишу, вы думаете зачем? – по прежнему желаю обращать внимание. Моим первым педагогом оказалась пожилая учительница, преподававшая еще в дореволюционных гимназиях, лично видевшая самого Льва Николаевича, надеюсь понятно, что Толстого. Ее главное педагогическое кредо выражалось в стремлении любыми способами укротить первоклашку, привести мальчика в смиренное состояние. Потом все становится легко и сподручно, как гарцевание на англазированной лошади. Я же был настолько упрям и непреклонен, что дело доходило до того, когда целый педсовет уговаривал меня попросить у Марии Сергеевны прощения, чтобы она уже больше никогда не ставила меня в угол. Увы, прощения я не просил.

Стремление оболванить, обкорнать человека подстерегает нас с раннего детства, это один из самых действенных и универсальных инструментов, на котором зиждется управляемость обществом, при любой власти, пусть даже самой раздемократической. Но вот удивительное дело, ведь и религиозные наставники повсеместно утверждают, что главной добродетелью христианина является смирение и послушание. Хотя сам-то Иисус был бунтарем образца беспримерного. Вся его жизнь и даже смерть оказались протестом и дерзанием высочайшим, доселе манящим и смущающим человечество. Достаточно вспомнить, как еще вчера раздражали большевиков златоглавые церковные маковки. В сильно продвинутых странах наловчились, приспособились жить чуть ли ни с Христом за пазухой, но ведь и с фигой в кармане. Сомнительное знаете ли, это занятие, когда в одной руке – заздравная свечечка, в другой – чемоданчик, черненький, с кнопочкой красненькой, а в глазах – благочестие и готовность, хоть сейчас на образа.

На всю жизнь запомнилась школьная новогодняя елка в первом классе. Мама нарядила меня в новенький, байковый, темно-синий костюм. Папа нарисовал, изогнул и склеил из картона маску кота. Руки у отца были золотые, как будто специально созданные для украшения нашего мира. Котятра получился с длиннющими усами и почему-то гусиным пером, направленным

за ухо. На утренник, по чистому снегу, привела меня бабушка Ксения. Все дети, возбужденные, в карнавальных нарядах, были необычайно приветливы и внимательны друг к другу. Нарочито нас никто не развлекал, не было никаких масовиков-затейников. Мы самостоятельно веселили себя в старинном, с камином, школьном парадном зале. Водили под пахнущей хвоей и мандаринами елкой хоровод, танцевали, затевали игры, читали стихи. Новогодняя сказка, создаваемая нами самими, получалась настолько красивой и захватывающей, что учителя и родители долго не осмеливались прекратить, остановить этот праздник. Уже когда все очень утомились, что называется иссякли, наша старенькая учительница собрала всех детей около себя, немного помедлила и дрожащим голосом сказала: «Дети, как я хочу, чтобы вы были счастливы». Разрыдалась и оставила нас. Мы были последним ее классом, последним новогодним утренником, со следующего учебного года она отправлялась на очень заслуженный отдых. Спасибо вам, Мария Сергеевна, мы конечно же счастливы, уже только потому, что вы были у нас.

Глава третья

Следующий, тысяча девятьсот пятьдесят четвертый год, в жизни страны и в моей личной памяти запечатлелся как годовщина чествования трехсотлетия воссоединения Украины с Россией. Доложу вам без преувеличения, власти раскрутили по этому поводу нешуточный шабаш. Складывалось впечатление, что страна никогда, разве только в День Победы, не ликовала и не

веселилась так самозабвенно и искренне, как в тот незабываемый юбилей. Сколько было выпущено всевозможной агитационной бесовщины – расписной посуды, открыток, почтовых марок, значков, всего не перечесть. Непрекращающиеся уличные концерты, бесплатные угощения, танцплощадки – все бурлило, гремело: казалось, что праздник этот будет неизбывным, что он никогда не закончится. Между тем, праздник возник и удался каким-то волшебным образом, ни до, ни после пятидесяти четвертого года о нем серьезно уже никогда не вспоминали. И этому тоже есть свое объяснение. Под видом захватывающего восторга от слияния Украины с Россией, страна подсознательно ликовала по случаю избавления от товарища Сталина.

Заключительным аккордом праздничного сабантуя затевался грандиозный фейерверк. Что зря трепаться, садили с разных точек города из пушек, минометов, ракетниц всю ночь напролет. Получалась сплошная, рассыпающаяся цветными огнями феерия, с огромным количеством зенитных прожекторов, чертивших белыми лучами ожившее ночное небо. Все продумано до тонкостей. Артиллерийские расчеты, сосредоточенные в разных частях города, устраивали своеобразный перепляс, как бы переговариваясь и состязаясь между собой в изобретательности, силе и яркости залповых огней. Грохот стоял такой, что чертям становилось тошно, чудилось, будто небо не устоит, дрогнет и накроет расшалившийся город. После праздника долго еще, несколько месяцев спустя, можно было находить по всем улицам разноцветные металлические кружочки, крышечки из-под осветительных зарядов.

Дабы ни у кого не возникало сомнений на предмет прочности союза двух братских народов, кремлевские придурки продемонстрировали широту большевистской натуры. Хрущев, что называется «с барского плеча», отвалил в пределы Украинской советской республики Крымский полуостров. Разумеется, Крым, не взирая ни на какие политические игрища, всегда был и останется Крымом, там всегда будут жить люди различных национальностей. Не уверен, что гражданам жилось

бы много лучше, окажись они в составе России, или живется лучше от того, что числятся за Украиной. Дикость этой акции состояла в том, что Хрущев переместил Крым, словно табуретку на собственной кухне. При этом, будьте уверены, никому и в голову не пришло, что не худо бы поинтересоваться мнением единственного народа, которому, если положить руку на сердце, и принадлежит эта земля. Справедливости ради следует отметить: крымские татары на то время, что называется, бомжевали, они как бы свалились с Луны, им не находилось укромного уголка на широкой карте Советского Союза, так что и советоваться толком не было с кем.

Однако все не просто в этом мире, зачем-то ведь понадобилось Никитке отвесить поклон украинским сотоварищам. На то были важные интернациональные причины. За годы советского беспредела кремлевские молодцы крепко наследили на украинских черноземах, обильно окропили их невинной кровушкой, а здесь, после смерти вождя, подвернулся хороший повод дать отступного. Дескать, прошлые времена – это все дело рук негодяя Сталина, а мы – демократы, интернационалисты, первые ваши друзья. Вот так в обмен на страдания замордованного народа и возник в пределах Украины полуостров Крым.

Для меня, человека родившегося и выросшего на востоке Украины, совершенно нелепо воспринимается ситуация, когда Украина и Россия оказались разделенными пограничными кордонами. Верите ли, я даже сейчас, хоть убей, не скажу с уверенностью ни об одном из моих одноклассников: был ли он русским или украинцем. Еврея помню каждого, помню армян, помню якута Вову Малиновского, но нас, даже представить себе не могу, по какому признаку следовало бы различать. Предполагаю, что везде по-разному, но на Донбассе все обстояло именно так.

Донбасс был и остается по преимуществу русскоязычным. Когда я учился в школе, нам преподавали предмет с красивым названием «родная речь». В этом определении сокрыт глубочайший признательный смысл. Появляясь на свет Божий,

человек не выбирает своих родителей, он также не выбирает и язык, слово, которое есть начало всех вещей в этом мире, дается человеку от момента рождения. Родная речь связана с этнической, культурологической средой, в которой оказывается маленький человек. Моим родным языком является русский. Что ни хорошо и ни плохо, это данность, она также священна и непреложна, как память моих предков, как слава, как культура моего народа.

Любые посягательства на право человека пользоваться своим родным языком, есть преступление гнуснейшее, оно не может иметь никаких оправданий. Вопросы использования языка, то бишь слова, во всем цивилизованном мире давно уже решены настолько понятно и окончательно, что об этом и говорить-то не очень удобно. Тем не менее, учитывая специфику настоящего момента, когда в Украине откровенно попираются принятые гуманистические нормы, приходится напомнить азбучную истину, что родная речь – это, в первую очередь, достояние человеческое, и только потом государственное или политическое. А коли достояние человеческое, как цвет наших очей, как размер ноги, наконец, то вовсе не нуждается ни в каком государственном урегулировании. Фашистские идеологии не в расчет. Поэтому в благополучных странах не власти, и конечно, не ура-патриоты определяют статус официального государственного языка, а только конкретное население. Желают люди иметь два, три государственных языка, они их имеют и прекрасно сосуществуют в рамках единой страны. Когда власть оформляется в неожиданно эксклюзивные режимы, такое порой имеет место быть, элементарные права человека никого уже не интересуют. Тогда все начинает определять глобальные идеи доморощенных наполеонов, как правило пещерного происхождения.

У языков, также как и людей, бывает счастливая, благоприятная и не очень завидная судьба. Русскому языку в этом смысле повезло необычайно. Фактически он давно уже не является принадлежностью одной только нации. Этот язык

совершенствовался на протяжении веков представителями десятков, сотен национальностей, людьми различных религиозных исповеданий. Лучшие сыны многих народов вложили щедрость своего таланта в русскую языковую культуру. Не хватит никаких страниц, чтобы перечислить всех казахов, грузин, латышей, башкир, армян, посвятивших свою жизнь развитию, без всякого преувеличения, величайшего языка человечества, именно в силу его многонациональной природы, особого рода соборности. Разумеется, процесс глобального развития русского языка сопровождался обескровливанием донорских национальных словесностей. Как выразить, чего стоило украинскому языку изъятие одного только гения Николая Васильевича Гоголя. Вклад его творческих усилий в русскую языковую сокровищницу настолько велик, что литературное предание безоговорочно признает гоголевскую «Шинель» прародительницей, из которой вышла вся блистательная галерея мастеров художественного слова, воспевавшая российский девятнадцатый век. А ведь творчество Гоголя на самом-то деле обязано было сделаться достоянием украинской литературы.

Судьба украинского языка, как впрочем и судьба самого народа, отнюдь не из завидных, если не прибегать к более сильным выражениям. Огромная проблема украинской национальной идеи заключается в ее недостаточной удаленности от постоянно нависающей, очень мощной российской идеи, подкрепленной национальной культурой мирового масштаба. Дело не в географической близости двух стран, а прежде всего в культурно-этническом родстве наших народов. Если говорить об украинском языке, то он не настолько отличен от русского, чтобы иметь масштабное самобытное оформление, как положим армянский или польский, над которыми не довлеют властными призраками родственные, конкурирующие языковые напластования. Украинский и русский язык всегда будут существовать в некотором общем контексте, как производные от единой морфологической структуры. В этой ситуации украинская интеллигенция должна проявлять глубочайшую

мудрость и не в коем случае не скатываться в бездну квасного патриотизма.

Только терпеливый и настойчивый труд над развитием украинской национальной словесности способен сделать ее привлекательной для других народов. Это очень сложная, долговременная работа, требующая огромных интеллектуальных и материальных усилий. Ее в принципе невозможно одолеть никакими силовыми способами, потому что насильно мил не будешь. Никому еще не удавалось обмануть законы Ньютона, согласно которым сила действия всегда равна силе противодействия. Правило полностью справедливое как для злых, так и для добрых начинаний. И разумеется, ответственная украинская интеллигенция ни под каким видом не должна втягиваться в глупейшее противостояние к российской культуре. Это абсолютно тупиковый путь для развития украинского просвещения, нечто на подобие подвига Матросова. Путь, ведущий в никуда, он по определению не может иметь серьезных положительных результатов. Без заимствования, без преемственности ни в состоянии развиваться ни одна национальная культура, тем более когда пытаются отстраниться от такого колосса цивилизации, как российская словесность.

Сегодня, когда Советский союз приказал долго жить, братские республики обрели желанную независимость, вместе с тем обрели и массу проблем, в том числе и языковых. Заслуживает полного уважения стремление каждого народа жить и развиваться в родной языковой среде, но при этом не следует увлекаться большевистской методологией. Прекрасно поживает на белом свете огромное количество людей, интеллектуальный багаж которых легко трансформируется в любую языковую форму, хотя бы и племени мамбо-юмбо. Но бывают люди, для которых язык – это гигантское хранилище человеческих знаний, веками накапливаемых в данной лингвистической форме. Ни на один национальный язык огромной империи не переводилось и десятой, сотой доли памятников мировой культуры, которые представлены в русском языке. Я уже не говорю о качестве

этой неподъемной, баснословно драгоценной работы. Поэзию Байрона переводил Лермонтов, многие переводы которого, по единодушному признанию искусствоведов, превосходят своим поэтическим вдохновением тексты подлинников. Шекспира переводил Борис Пастернак, стопроцентный гений, величайший поэт двадцатого века, и так до бесконечности.

Отстаивать достоинство своего родного языка, своей национальной культуры обязан любой нормальный человек. Но делать это необходимо не с помощью луженой глотки, а преимущественно мозгами. Никто и никогда, ни в какие времена не мешал кому-либо наваять великий роман, чтобы прославить на весь белый свет родной язык, свою национальную словесность и даже назвать его громким именем «Война и мир» или «Братья Карамазовы». Человечеству неважно, на каком языке говорят люди, важно, что говорят, почему и как говорят. Когда миру сказать нечего, возникают проблемы хореографического происхождения, постоянно досаждавшие одному незадачливому танцору.

Когда видишь, как иные горячие головы торопятся отмежеваться от русской культуры, от русского языка, возникает подозрение, что эти великие государственные мужи кроме чемоданов с деньгами никогда в руках ничего не держали. Разве что для политического куража подарочное издание “Кобзаря” в сафьяновом коленкоре. Люди, принуждающие общество сравняться с их собственным образовательным уровнем, вернее скатиться в пропасть их дремучего невежества, совершают интеллектуальную диверсию. Последствия не заставят долго ждать, самые печальные, и вдвойне обидно, что пострадает наша молодежь, будущее страны.

Скажите на милость: чему можно научить современного студента при помощи языка, на который никто еще не собирался переводить труды Эйнштейна, Резерфорда, Пуанкаре, да и вообще весь классический арсенал от Лукреция и Аристотеля, до нынешних нобелевских лауреатов, и это только применительно к физике. А ведь есть еще масса иных наук, положим,

философия, которую невозможно постигнуть без знакомства с наследием Гегеля, Спинозы, Шопенгауэра, полностью не представленным в украинском языке. Господи, понимает ли кто-либо в нашей стране, чего стоит, какого ума и труда, публикация одной только серии «Философское наследие», это же целая библиотека высочайшей мудрости, это же гимн и космическая ода человеческой цивилизации. Пропасть, разделяющая информационную насыщенность современного украинского языка и мировое культурное информационное поле, воистину невообразима.

Досадно говорить, но по количеству липовых академиков, профессоров, ректоров-скоморохов и, собственно, высших учебных заведений, Украина давно уже обставила все передовые европейские страны, иногда возникает ощущение, что и вместе взятые. Международный рейтинг этих доморощенных ликбезов таков, что ни один наш ВУЗ не числится даже в первых пяти сотнях уважаемых европейских школ. Случилось невероятное: мы умудрились профукать авторитет легендарного Киевского политеха. Между прочим, базовая оценка возможностей любой высшей школы строится на ее интеллектуальном обеспечении, проще говоря, и на наличии хороших книжек. Там ведь интересуются, кто учит, чему, на каком языке и с помощью каких учебников. Но как пошутил незабвенный старик Иммануил Кант, «если факты против нас, то тем хуже для фактов».

Факты – штука довольно упрямая, и события последних лет вынуждают признать, что желаемого воссоединения двух братских народов не случилось. Наверное, прежде всего, потому, что это было все-таки не воссоединение, а присоединение и пусть братских, но давно уже разных народов. Чтобы разобраться с провалом на предмет воссоединения Украины с Россией имеет смысл еще раз обратиться к истории и поразмышлять над великим рассоединением, размежевавшим древний славянский народ во времена существования Киевской Руси, на две самостоятельные ветви.

К концу первого тысячелетия наше отечество оказалось

в окружении сопредельных государств, исповедующих крупнейшие монотеистические религии – христианство и ислам. Задолго до крещения Руси посланцы из Рима, миссионеры из Константинополя, представители иудаизма и ислама атаковали нашу, задержавшуюся в языческом исповедании страну. Они вели большую агитационную работу, как в широких слоях населения, так и в среде власть придержащих, дабы распространить свое религиозное влияние на богатые русские земли.

Мы каким-то огульным образом восторженно принимаем исторический факт крещения Руси, вовсе не желая задуматься, насколько болезненной для наших предков оказалась эта духовная перелицовка. Современные незатейливые трактовки идеологии языческого исповедания, по преимуществу, основаны на поповской лжи и к реальному положению вещей не имеют никакого отношения. Все без исключения древние летописные источники отмечают духовную и физическую красоту наших предков. Они единодушно свидетельствуют о их несравненном гостеприимстве, об обоюдной супружеской верности, о беспримерном мужестве и храбрости славянских воинов. Славянские жены не соглашались переживать своих мужей, они отправлялись с ними в военные походы, не боясь смерти добровольно сгорали на кострах с поверженными сужеными. Без высоконравственной религиозной культуры все эти качества в принципе были бы невозможны. Я отнюдь не уверен, что нынешний христианин, носитель Евангельской вести, по своим моральным и этическим качествам превосходит нашего языческого пращура.

Сегодня практически невозможно вести на должном интеллектуальном уровне серьезный разговор о достоинствах и недостатках языческой веры, рассуждать о теологических особенностях этого религиозного учения. Время, а точнее люди, распорядились, как это часто бывает, беспощадно: они уничтожили все источники, способные пролить свет на глубинную изотерическую сущность языческого исповедания.

Фактически мы ничего не знаем об идеологии, о философской парадигме этой древнейшей духовной религии. Но ни в коем случае не следует упрощать и сводить цивилизацию Киевской Руси к дерзким походам воинствующих дружин в пределы блистательной Византии, где под предводительством прославленных князей победители язычники пили хмельное вино из черепов поверженных противников. Потому что язычество – это величайшая религиозная доктрина, корнями уходящая в непревзойденную египетскую мистику. Язычество вобрало и хранит в себе самые потаенные знания о жизни Вселенной. Египетской мудростью был вскормлен пророк Моисей. Сам Господь наш Иисус, до назначенного часа, пребывал и возрастал духом именно в Египте. Авторы Благой вести, четыре евангелиста, избрали для себя символами элементы недремлющего сфинкса, гербового знака язычества.

С точки зрения организации государственного устройства, языческое исповедание явно уступало более молодым прогрессивным религиям. Язычество функционировало как бы вне общественного контекста, оно регулировало потаенную связь между отдельным человеком и природными стихиями. Именно в этой плоскости пролегла изотерическая парадигма языческого исповедания. В то время как христианская доктрина акцентировано ориентировалась на обслуживание взаимоотношений между людьми. Нагорная проповедь – это идеальный вариант морального кодекса строителя коммунизма. Примат общественной составляющей поставил молодые религии в преимущественное положение относительно языческой духовной культуры. Между прочим, современное состояние общественных отношений с большой вероятностью предполагает возврат человечества к массовому исповеданию языческого культа, именно в силу возрастающей его разобщенности. Причин для такой разобщенности превеликое множество, одна из них, на всякий случай, обусловлена колоссальным разбросом профессионального поля деятельности современных людей. Например, в подъезде моего девятиэтажного дома едва

ли подберется два-три человека занимающихся родственной производственной деятельностью. Если раньше трудовые отношения сплавляли, объединяли людей, то теперь неуклонно ведут к размежеванию.

Объективные сложности развития взаимоотношений Киевской Руси с внешним миром настоятельно требовали поиска эффективной религиозной идеи, способной реформировать общественные отношения, с выходом на перспективное государственное устройство. Христианское крещение оказалось на поверку делом отнюдь не простым и далеко не безоблачным. Принятие, а более того смена религии даже для одного человека, сопровождается глубокой ломкой психики. Когда же речь идет о целом народе, со сформировавшимися традициями культуры и быта, эта реформация приобретает чрезвычайно болезненные очертания. Вспомните недавнее наше прошлое, связанное с кошмарами становления советской власти в стране. По существу, это была фундаментальная реформа религиозно-идеологических основ жизнедеятельности общества. Не только простые граждане Киевской Руси, но и элита общества к началу второго тысячелетия пребывала в языческом состоянии, как по убеждениям, так и по нормам житейского уклада. Тот же благоверный князь Владимир делами своими едва ли мог претендовать на христианское благочестие. Известно, что он публично изнасиловал пленную княжну Рогнеду, буквально на потеху хохочущей толпы. Для удовлетворения своих похотей, как полагалось состоятельному человеку, князь держал в загородных дворцах многочисленные гаремы. Он предательски убил своего единокровного брата Ярополка. Он же установил в Киеве обряд человеческих жертвоприношений, согласно которому в жертву Перуну возносились мучения христиан. Наша православная церковь до того запуталась в своей непростой истории, что многие ее святые не только не вытягивают на святость, но едва ли достойны обыкновенного человеческого уважения.

Князь Владимир на первых порах делал решительные

попытки преобразить языческий культ. Он искал возможности приспособить древнюю нашу религию под современные нужды общества, однако делал это безуспешно. Поиск новой религии, обновленной общественной морали, складывался довольно непоследовательно. Известны неоспоримые свидетельства, что князь оказывался близок к принятию ислама, мы едва не сделались последователями пророка Мухаммеда.

Остается только предполагать, в силу каких причин мало походящий на святого, крутого, необузданного нрава языческий вождь находил важнейшие для судьбы отечества решения. Может под действием политических реалий. Много руссов принимало христианство еще в девятом веке, при Аскольде. Среди дружинников князя Игоря так же было значительное число христиан, и об этом прямо говорится в летописях. Надо иметь в виду, что даже великие князья не смели перечить коллективной воле военных дружин. Быть может Владимир склонился к христианству под влиянием данного ему откровения, то есть вследствие пережитого духовного опыта. А быть может все происходило гораздо прозаичнее, просто хорошо сработала легендарная византийская хитрость, и князя, что называется, «охмурили». На подобие того, как польские ксендзы охмурили Адама Козлевича. Тем не менее, судьбоноснейший выбор для будущего страны был принят, Владимир разрушил языческие капища и крестил в Днепре свой народ с ориентацией на восточно-византийскую церковь.

Неисповедимы пути Господни, так учит вселенская мудрость. И вот из всех возможных сценариев обретения новой веры, киевский князь Владимир сделал наиболее нелогичный, самый чреватый по своим последствиям выбор. В результате принятия византийского исповедания Киевская Русь тот час же оказалась в окружении вражески настроенных сопредельных государств. С одной стороны – ислам, с другой – римское католичество, и оставался только вопрос времени: когда иноверцы примутся терзать юноправославных славян.

Выбор религиозного вероисповедания князем Владимиром

был непредсказуемо рискованным не только с позиции внешней безопасности, но и для внутреннего устройства страны. Процесс крещения Руси протекал в силовом режиме. Митрополит Илларион свидетельствует, что «крестились, если не по собственной воле, то из страха перед крестившим». Не все люди покорно исполняли княжью волю, очень часто замена исконной русской языческой веры встречала открытое сопротивление. В результате насильственного крещения Киевской Руси вместо ожидаемого единства, государство начало разваливаться на удельные княжества, с последующей междоусобной враждой. Христианская вера уравнивала многочисленных сыновей великого князя, рожденных от разных жен, в претензиях на собственное владычество, что неминуемо привело к массовым военным и социальным конфликтам. Достаточно вспомнить, что только в самом Киеве с 1068 по 1157 год вспыхивало три колоссальных народных восстания, исключительно как результат насильственного внедрения чужеродной веры, разрушившей глубинные государственные устои.

Несмотря ни на что, православное христианство проникло в Киевскую Русь, многие люди познали нравственную сущность евангельского слова и стали искать возможности для сосредоточенного его исповедания. В условиях непрекращающихся междоусобиц и набегов варваров, делать это становилось все труднее. Народ устал от бесконечных конфликтов, кстати говоря, часто и густо спровоцированных извне на религиозной почве, и начал покидать насиженные места. Так иногда назойливые полчища гнуса лишают покоя благородного оленя и он срывается с щедрых пастбищ в поисках умиротворения.

Большущая часть населения Киевской Руси, во главе с князьями, духовенством, воеводами, поднялись с любезных, веками обживаемых земель и направились в северные широты. Они увезли с собой национальные святыни, увезли чудотворные византийские образа, увезли антиминсы с храмовых алтарей. Наконец, они забрали с собой священные дары, царственный

венец и бармы, с которыми возводились на трон российские самодержцы. И самое главное, они унесли с собой нечто непреложное, неподдающееся словесной формулировке, что составляет духовную сущность великой нации.

У русских людей, покинувших многострадальный Киев, достало сил построить в сумеречных широтах великие города, воздвигнуть прекрасные храмы, оформить мирового, космического значения национальную культуру. Со временем они покорили ханскую столицу, их влияние распространилось на половину земного шара. Вот кем оказались на поверку потомки киевских русичей. Можно по-разному относиться к российской истории, по-всякому воспринимать российскую культуру, но самым читаемым на планете писателем, в течение всего двадцатого века, был и остается Федор Михайлович Достоевский. Самым востребованным драматургом, на всех театральных подмостках, был и остается Антон Павлович Чехов. Самыми исполняемыми композиторами, во всем мире, были и еще очень долго останутся русские композиторы, во главе с Петром Ильичом Чайковским. В действительности этот список не имеет границ, вклад русских людей в мировую культурную сокровищницу воистину необъятен.

Падение Киевской Руси фактически сделалось расплатой за христианское крещение нашего народа в православном исповедании. Если бы русские князья приняли ислам, а такая перспектива реально представлялась, развитие страны пошло бы по совершенно иному сценарию. Не было бы никакого монголо-татарского ига, ведь мы оказались бы единоверцам, и скорее всего примкнули к ханским ордам. Вероятнее всего и европейская история приобрела бы иную конфигурацию. С другой стороны, если бы киевские князья приняли крещение в римском исповедании, Киевская Русь скорее всего не распалась. Потому что римская церковь крепка именно государственной традицией, она всегда умела властвовать над людьми, держать их в повиновении.

Нам неизвестно, по какому признаку одни люди покинули

пределы Киевской Руси, а другие остались в ней. Но вот тот, кто остался в древнем Киеве и в последствии сделался представителем украинского народа, сполна отведал весь кошмар чужеземного насилия. В самом общем виде хронология надругательств и глумлений над жителями только города Киева выглядит так:

В 1240 году Киев был дотла сожжен и разрушен ордами Батыя. Почти все население города было вырезано, не жаловали ни стариков, ни детей, ни женщин.

1362 году Киев был завоеван, в полном соответствии с варварскими нравами тех лет, великим княжеством Литовским.

В 1482 году Киев опустошило войско крымского хана Менгли Герея.

В 1569 году произошло очередное покорение Киева и переход его под власть феодальной Польши.

В 1651 году Киев пережил жесточайшие разрушения от польско-литовского войска, под предводительством Яна Радзивилла.

И это все только крупные, глобальные потрясения многострадального града Киева. Кровь же поруганного народа, все это время, лилась непрекращающейся рекой. Надо же понимать, что более чем за четыре века, вплоть до семнадцатого, в Киеве не было отстроено ни одного православного храма, не появилось ни одного сколь-нибудь приметного архитектурного или иного культурного памятника. Все древнерусские святыни, в течение этого долгого периода подневолья, лежали в руинах, руки не доходили даже до восстановления Десятинной церкви, первого христианского храма, сооруженного самим благоверным князем Владимиром. Так случилось не потому, что люди были не гожие, в отличие от тех, кто покинул родной Киев и создал великую русскую культуру. Из этого следует заключать, в каких унижительно нечеловеческих условиях жили, а вернее прозябали сыны молодой Украины.

Быть может, роковым для украинского народа итогом многовекового иноземного гнета сделалась отвратительная

готовность плясать под чужую дудку. Вовсе неважно, с Кремля ли, с Белого дома раздается команда «ап!», и мы тут же, словно цирковые шавки, выSTRUниваемся на задних лапках и самозабвенно принимаемся тЯвкать, до семи ли, до одиннадцати раз, потому как закажет почтенная публика.

Можно ничего не знать из истории Украины, но глубоко исследовав художественный замысел и драматическую судьбу Софии Киевской – Премудрости Божией, получишь полное представление о тернистом, трагическом пути, пройденном во втором тысячелетии украинским народом. Ибо стены Софии – это наша незабвенная память, наша неизбывная боль, испытывающая и вопрошающая.

Смотрю на Софию Киевскую и невольно наполняюсь думами о бурной деятельности Петра Могилы, имя которого в последнее время поднято на штандартах украинской общественной мысли. Сын молдавских господарей, воспитанный на западноевропейских духовных ценностях, он в полной мере реализовал в Киеве свою энергичную натуру. Будучи на этих землях человеком пришлым, Могила меньше всего заботился о сохранении национального достояния древнего златопрестольного града. Вся его деятельность была направлена на разворот украинского общества от московских палат к европейским столицам. Задавшись целью обрубать историческую память народа, запечатленную в камне, Петр Могила, своей реформаторской рукой, принялся перестраивать архитектурные памятники времен Киевской Руси. Он делал это настолько решительно и активно, что в столице практически не осталось ни одного сколь-нибудь значительного, по художественному исполнению памятника архитектуры, которого не коснулись нововведения в форме новоявленных куполов и надстройкой всевозможных карнизиков и фронтонычков. Не избежала этой участи и София Киевская.

Я все думаю, что означает намерение перестроить или улучшить памятник культуры? Почему никому не приходит в голову подрисовать в известной картине четвертого богатыря.

Или, предположим, подмалевать Сикстинской Мадонне балалайку: пущай развлекается барышня. Но вот переиначить древний памятник архитектуры, чего-то там достроить для красоты или отпилить за ненадобностью, в Киеве считается очень хорошим тоном. Памятники архитектуры, в особенности времен раннего христианства, были выполнены в таком экстремальном эстетическом режиме, что любое вмешательство, любое прикосновение к их художественной фактуре, немедленного разрушает высочайшую гармонию этих гениальных творений. Надо хорошо понимать, что изуродованные памятники культуры отнюдь не безмолвствуют. Они, сделавшись нашим отражением, с лихвой возвращают свой срам и уродуют, необратимым образом деформируют духовный облик людей.

Вмешательство Петра Могилы в конструкцию великих храмов древнего Киева было настолько бесцеремонным и разрушительным, что я иногда задаюсь вопросом: неужели посетители Киевской Софии, без устали щелкающие затворами фотокамер, не подозревают, что перед ними не уникальный архитектурный шедевр времен Ярослава Мудрого, а его искаженная, глумливая пародия? Со мною, конечно, кто-то не пожелает согласиться, но я утверждаю, что эти примитивные, абсолютно не пластичные, с широкими, грубыми, балаганными гранями формы куполов, венчающие нынешнюю Софию, никакой эстетической ценности не имеют. И весь соборный ансамбль в данном выражении существует дробно, откровенно неинтересно. Буквально любой его внешний элемент носит случайный, и как следствие, вульгарный характер. По едкому лермонтовскому замечанию напоминает «помесь черкесского с нижегородским».

Поэтому, когда я стану говорить о Софии Киевской, я все-таки буду иметь в виду тот подлинный, первозданный храм Божий, являвшийся действительно одним из чудес света, столпом нашей национальной культуры. Убежден, пройдет не очень много времени и Премудрость Божия потряхнет со своих священных стен чужеродные облачения, она предстанет пред миром во всем

своем непорочном великолепии. Как только в общественном сознании возобладает исконная национальная идея, обязательно придет понимание, что Украине негоже метаться между востоком и западом, а настал час продемонстрировать свою самодостаточность, свое христианское первородство. Вот тогда и восстанет София в своем первоизданном образе. Уже очень скоро заголосят умученного сердца февронские колокола, затрубят недремлющие вестовые волшебного града Китежа. И возвернется на призывный звон благовеста из северных широт, и водворится в своем материнском лоне животворная благодать крещенской мистерии. А у моего народа будет еще большая и благородная судьба.

Нынешняя София Киевская, по внешнему своему облику, не имеет никакого отношения к тому грандиозному храму, который был задуман и воздвигнут нашими предками на днепровских высотах во времена Ярослава Мудрого. Внешне, тот настоящий памятник, монументальным своим силуэтом приближался к египетским пирамидам. Начиная от охватывавшей его одноэтажной галереи, храм постепенно нарастал и возвышался, с каждым новым ярусом своих куполов и закомар, ритмично устремляясь по наклонной к вершине центрального купола. Этим приемом зодчие обеспечивали трехмерность геометрического восприятия всего сооружения, чем в максимальной степени достигалось впечатление его цельности и грандиозности. Сегодняшняя София, вследствие позднейших надстроек, с любой точки просматривается плоскостно, практически в двух измерениях. В результате чего полностью уничтожается гениальный замысел древних зодчих, стремившихся достигнуть перспективной цельности восприятия Божьего храма.

Концептуально, внешняя эстетика Софии Киевской спроецировала на себя культуру скифского Приднестровья. Весь ее внешний облик был предназначен не для демонстрации своей наружной красоты, что характерно для традиционных западноевропейских культовых сооружений, но для подчеркивания великой тайны, хранящейся в ее заветных недрах.

Так строили египетские пирамиды, так сооружались скифские курганы, как таинственные сокровищницы и стражи вселенских мистерий, обитающих внутри них. Крытая тяжелым свинцовым листом курганообразная София имела вид неприступного мавзолея, хранящего вечный покой его обитателей. Таким образом, каждому человеку, прежде, нежели он проникал в храм, внешним его обликом сообщалось колоссальное напряжение ожидаемого чуда, заключенного в его недрах.

Войдем и мы в храм Божий, внутренне повторяя удивительные слова из херувимской песни: «Всякое ныне, ныне житейское, отложим попечение, отложим попечение». Наверное у всех это по-разному, меня же, однако, невероятно волнуют запахи старинных православных церквей. Эти запахи создавались на протяжении многих веков. Они вобрали в себя неисчислимые слезы и радости неисчислимых прихожан, запахи венчальных свечей и погребальных каждений. Вдохнем в себя этот благодатный, ничем неистребимый запах священной Софии Киевской.

Когда, после сдержанных настроений внешнего облика храма, человек оказывался под его сводами, перед взором совершенно неожиданно открывалось непостижимо яркое, по своей палитре и освещенности, набранное разноцветной смальтой изображение святых. Этот перепад тонов и настроений был настолько фантастически резок, что паломник, оказавшись под сводами собора, невольно испытывал потрясение огромной силы. Контраст между внешней монументальной сдержанностью памятника и внутренней его роскошью действовал неотразимо, он повергал человека в неопикуемый восторг. Именно в этом состоял стержневой эстетический принцип воздействия древнерусского шедевра. В те благословенные времена гениальные зодчие были еще и мудрыми психологами, они начинали работать со зрителем уже на подступах к своим бессмертным творениям. Загодя готовили эмоциональный настрой, чтобы в решающий момент нанести сокрушительный удар, поразить в самое сердце. Ничего этого не знал, не понимал,

не мог прочувствовать в чужой для себя культурологической среде неутомимый реформатор Петро Могила. Все работы по возрождению Киевских святынь проводились наспех, второпях, руководствуясь заимствованными с римского запада требованиями внешней красоты. Так часто, за красивой, размалеванной внешностью иного человека, скрывается абсолютно пустая, бездарная личность.

О внутреннем убранстве многострадальной Софии Киевской – Премудрости Божией написана большая литература, в том числе и толковая. Я не стану описывать все великолепие ее благородных интерьеров, остановлюсь лишь на главной святыне, во имя которой, собственно говоря, и сооружался сей великолепный храм.

Вот не могу удержаться, чтобы не привести свидетельство духовного писателя девятнадцатого века Андрея Муравьева, посетившего Софию: «Переступи порог идохнешь иной жизнью; пусть замкнутся за тобою медные врата западные, и за ними мир: иди все к востоку, к той Нерушимой стене, которая осенила собою Церковь и Русь; и когда в алтаре соборном, на сводах горнего места, встретит тебя, с воздетыми к небу руками, Молитвенница земли Русской, которой еще молился великий Ярославль – тогда пади пред нею в безмолвном восторге, и выскажи свое сердце, если есть еще слова в такие минуты!».

Центральным персоналием Софии Киевской является мозаичное изображение Богоматери Оранты, расположенное над горним местом главного алтаря собора. С незапамятных времен это изображение именуется христианами Нерушимой стеной. Во всей искусствovedческой и религиозной литературе установившиеся наименование трактуется как свидетельство нерушимости святого храма, прошедшего через вековые испытания и, соответственно, как порука нерушимости города Киева. Дескать: доколе стоит в Софии Нерушимая стена, быть и Киеву. Еще считалось, что всякому, кто хоть раз в жизни взглянул на Чудотворную Оранту, проведением сообщалось Небесное заступничество. Я же, однако, сомневаюсь, что

создатели этого уникального образа были так уж озабочены судьбой города Киева, ибо все их творческие устремления обращались все-таки к прекрасному Небу. Согласитесь, никакие земные радения не способны мобилизовать человека, на создание шедевра, подобного уровня.

И вот открываю тайное. Изображение Богоматери на центральной алтарной стене, с ограждающее поднятыми руками, есть ничто иное, как нерушимая преграда, стоящая между нами и Царствием Божиим. Приходите в Софию, мобилизуйте свое воображение, постарайтесь проникнуть за образ Оранты и перед вами отворятся чертоги Небесные. Дело в том, что Пресвятая Богородица, даровавшая миру в непорочном зачатии Иисуса, пребывает как бы на рубеже – между Богом и человеком. Она связывает наше земное бытие с предвечностью Божией. Однако заглянуть в Царствие Небесное из этого грешного мира весьма затруднительно, подчас и невозможно. Здесь требуются усилия высочайшего духовного напряжения, по плечу только избранныкам Божиим – праведникам, святителям, религиозным поводырям. Вот и названа была Софиевская Оранта Нерушимой стеной.

Если хорошенько поразмышлять, фактически все великие памятники цивилизации являются своеобразной нерушимой стеной. Ибо все они пребывают на сопредельности с потусторонним миром. Не только гробницы фараонов и скифские захоронения, но и улыбка Джоконды – это ведь тоже своеобразная нерушимая стена, которую возвел гений Леонардо между тайной бытия и небытия. И я рискую утверждать, что из всех памятников мировой культуры, по своей эмоциональной и эстетической напряженности, Софиевская Оранта не имеет себе равных. Говорю об этом вовсе не под влиянием местечкового патриотизма, но исключительно по здоровой оценке художественных достоинств мозаичного изображения Софиевской Оранты.

В сердце храню надежду, что мой рассказ о Премудрости Божией пригласит к размышлению всех, кому действительно

дороги историческая память и судьба нашего народа. Ведь надо же когда-нибудь разобраться, какие злые силы смутили и вынудили миллионы людей отказаться от истинного почитания своей главной Заступницы. Даже трудно вообразить, до чего же немилосердно распорядилась жизнь, если из памяти народной напрочь вышибло духовное и смысловое значение даже самых первых его святынь.

Глава четвертая

Между тем, жизнь идет своим чередом. Река времени стремительно влечет в водовороты новых, подчас нечаянных событий, плещется еще неизведанными радостями, лукаво манит, дурманит предчувствием грядущих восторгов и разочарований. У древних греков, наших духовно-религиозных наставников, на самом деле существовала река времени и называлась она «Лета». В языковой транскрипции славян периода Киевской Руси, как мне представляется, это наименование выглядит благозвучней. «Альта» – говаривали наши предки. Река с таким чарующим названием была и у нас, она протекала в предместьях Киева, по территории нынешнего города Борисполя, и считалась любимым местом уединения многих русских князей. Там, под сенью ракут, в тиши неспешных вод, они погружались в раздумья о своей непростой доле, о грядущих путях процветания дорогого сердцу отчества.

Там же, в Борисполе, на берегах самой милой сердцу реки, принял смерть от предательских рук святой князь Борис,

любимый сын благоверного Владимира, которому завещался золотой киевский престол. Здесь же, при Альте, великий русский князь Ярослав, поддерживаемый новгородскими дружинами, сразился с печенегами. То была величайшая по масштабам и кровопролитию битва. Ярослав овладел стольным градом Киевом и положил конец бессмысленной братоубийственной войне. Позже на этом трагическом, должно быть священном для нашего народа месте, поставили храм Божий, во славу убиенного князя Бориса. Когда киевский владыка Владимир Мономах почуял близкий час своей кончины, он велел отвезти себя на берега реки Альты и представил Господу душу на месте убийства обожаемого князя Бориса, прямо под стенами церкви на крови. А еще позже люди повергнут, уничтожат сей знаменательный храм, вытравят из памяти народа само место нахождения этой величайшей национальной святыни. Вот такие мы, скажем прямо, более чем интересные ребята. Стоит ли после этого скулить, негодовать по поводу неуважительного отношения к себе иноземцев, если и себя-то толком ни ценить, ни беречь не умеем.

Летом одна тысяча девятьсот пятьдесят пятого года родился меньший брат мой Сергей. Как только стало известно о рождении брата, папа на радостях помчался в ювелирный магазин и купил для мамы золотые, с золотым же браслетом часы. По тем временам, надо полагать, воистину королевский подарок. В этот же день, с необъятным букетом любимых маминых роз и дюжиной шампанского для медперсонала, папа поехал в родильный дом, чтобы поздравить супругу и вручить золотые дары. Об этом не очень приятно говорить, но и молчать не хочется. Через некоторое время родильный дом, в котором появился на свет Божий мой брат, зачем-то переименовали в дурдом, то есть открыли там психушку. Теперь многие из моих земляков, луганчан, говоря о месте своего рождения, должны предостерегать собеседника, дескать, это случилось еще до того, как помещение окрасили в желтый колер. Вот такое хамское, такое паскудное отношение к судьбам, к памяти людей

возможно было только в нашей стране, где на каждом заборе висел здоровенный транспарант с напоминанием: «Все для тебя, советский человек».

Наступил долгожданный день, мы уселись в легковой автомобиль и отправились за семейным пополнением. Бабушка Ксения, загодя, разостлала на большой кровати свою старинную лисью шубу, в которую первым делом полагалось завернуть младенца, для счастья. Братишка удался на славу. Весом более пяти килограмм, симпатичный, подвижный, смешливый, с хорошим пищеварением и богатырским сном. У мамы оказалось так много молока, что она имела возможность делиться с соседкой, не имевшей грудного питания для своей малышки. Фактически мама выкармливала сразу двоих детей. Ходить к соседке с бутылочкой маминого молока считалось для нас, детей, хорошей удачей, потому что без пары шоколадных конфет никто домой не возвращался.

В мою постоянную обязанность входило кормление младшего брата фруктовым соком. Папа пробуравил напильником в стеклянном пузырьке небольшую дырочку, чтобы не залипала соска и я терпеливо поил родного карапуза. Помню, каких усилий стоило удерживаться от соблазна отведать вкусного сока, но я держался изо всех сил. В девятилетнем возрасте для меня не оставалось секретом, откуда появляются на свет божий люди. Видел маму в положении, живот у нее был очень велик. Когда смотрел на сосущего яблочный сок брата, сердце сжималось от жалости. Потому что я постоянно соображал, ну как же он находился в мамином животе? Мне все казалось, что брату в темноте было очень страшно и жалко становилось его до слез. Брат вырос. В советские годы работал зубным техником, теперь занимается бизнесом, весьма успешно. Настолько успешно, что в середине девяностых обокрал мою семью до последней нитки и слинял на берега Невы. Великим нефтедауном он не сделался, может быть рылом не вышел, но автозапчастями на Питерских рынках торгует довольно бойко.

В последние времена обыкновенная процедура деторождения

принимает подозрительно уродливые формы. Возникают какие-то, доселе не слыханные фигуранты, в этом, в общем-то незамысловатом действии. Чего стоит одно только название «суррогатная мама», за которым, в соответствии со здравым смыслом, неминуемо следуют – «суррогатные дети». Нормальное зачатие человеческой жизни является актом божественным, хотя бы потому, что освящается любовью, высочайшим эмоциональным всплеском, апофеозом чувственного естества. Если мы всерьез полагаем, что человек сотворен по образу и подобию Божию и что Бог есть любовь, то залог нашего богопричастия, порука нашего богоподобия, закладывается в минуту зачатия, именно под знаком любви. Об этом не худо было бы помнить будущим родителям, которые иногда торопятся пройтись по всем кругам земного ада, а потом ищут панацею в суррогатных упражнениях. Невозможно без внутреннего содрогания видеть на телеэкране различные медицинские агрегаты для искусственного сохранения недоношенных, недоразвитых, неполноценных малюток. Подается вся эта чудо-техника, как высочайшее достижение цивилизации. В этой связи вспоминается забавный анекдот, по которому: «армянская молодежь настойчиво создает себе трудности, чтобы потом мужественно их преодолевать».

Между тем, в пору языческого прошлого наши пращуры относились к рождению детей предельно ответственно. Когда молодые люди вознамеривались обзаводиться ребенком, они брали меховые полости, полагали их на свежевскрытую пашню и всю ночь, под звездами, занимались любовью. Великое таинство зачатия новой жизни происходило в соитии с плодородием матушки-земли, да еще под звездным благословением. Нельзя не склонить голову перед мудростью и деликатностью наших предков, в ответственной деле продолжения рода человеческого. Они оформили, сохранили и передали нам уникальный генетический фонд, с невероятной жизнестойкостью. Этот драгоценнейший их дар мы варварски разбазарили фактически за три-четыре последних десятилетия,

похоже, что невосполнимо. Как тут не посокрушаться о диких нравах наших далеких пращуров.

На тысяча девятьсот пятьдесят пятый год приходился десятилетний юбилей Дня Победы. Вероятно, самый необычайный юбилей в ряду следующих круглых дат от девятого мая. Дело в том, что отношения с Великой Отечественной у Никиты Хрущева не сложились. Война не оставила в его биографии яркого, героического следа. Как главный рулевой республики кукурузный Никита нес негласную ответственность за позорные провалы на украинских фронтах. Воякой-то он был известным. В академиях, как повелось с чапаевских времен, штаны не протирал, но членом военного совета был и генеральскими погонами забавлялся. Отстоять Украину, в первые месяцы войны, у руководства страны советов объективных шансов не было, однако преступные просчеты с окружениями на собственной территории, унижительные сдачи пленными сотен тысяч боеспособных людей – это все результат «мудрой» стратегии партийного руководства. В итоге Никита окончил войну без дежурной звезды героя, что по его положению равносильно наказанию. По этой-то причине очередной ленинец недолюбливал соратников в галифе и всякие торжества по случаю Дня Победы, чувствовал себя, как татарин на чужом пиру. Вот где-нибудь на скотоферме или на колхозном поле в соломенной шляпе, да с початком лохматой кукурузы в руках Никитка смотрелся исключительно органично. Ему бы по-хорошему приладить свое рыло где-нибудь кладовщиком при колхозном амбаре – щупать в потемках баб, обвешивать под шумок мукой зазевавшихся просителей и благополучно дожидаться старости, не гневя по-крупному Всевышнего. Так нет же, занесла дуралея нелегкая в умопомрачительно дерзкий кремлевский залет. Хрущев, более чем кто-либо другой, хорошо знал настоящую цену празднику Победы. Как и во все времена, отсутствие цены на человеческую жизнь сделалось главной трагедией для нашего народа в этой страшной мировой бойне. Дайте срок, он припомнит генералам весь их победоносный

кураж, восстановит статус-кво. Доберется до самого Жукова, исполнит ему «куцен-бацен», не взирая на все его четырежды героизма, это вам не какой-нибудь танец с оглоблями под звон щитов камуфляжных гладиаторов.

Кроме прочего, в массовом сознании понятия Сталин и Победа слились нераздельно, фактически они сделались синонимами, весьма раздражавшими строптивного Хрущева. Он-то предвидел безошибочно, что генералиссимусу недолго красоваться в мраморной неприступности мавзолея – надо же и честь знать. Акция по изъятию мумии вождя была предопределена, но провести ее требовалось деликатно, очень мягко, не возбуждая ревности фронтовиков и, разумеется, не пороча девственной чистоты, дерзните сами догадаться, какой целомудренной партии. Нечто подобное происходит сегодня с другой, самой главной мумией. Вроде бы пора и ей честь знать, но явно не хватает энтузиазма, не достает у застрельщиков пороку. Грозен, опасен, непредсказуемо коварен Ильич даже в своем одиноком затворничестве. И уж будьте уверены, предрекая, хлопот еще предстоит с этим парнем не на одно поколение. Потому что слишком уж сладок, заманчив призыв для ничтожества, для посредственности – быть равным, как все.

Принято думать, что самые интересные события происходят в столицах, при больших каменных дворцах. Ничуть не бывало, поведаю вам. Вся эта чехарда со сталинскими перезахоронениями не идет ни в какое сравнение с манипуляциями покойниками на местах. Во времена становления советской власти в Абхазии, был отравлен по высочайшему распоряжению один популярный политический деятель, славно потрудившийся за правое дело. Ему закатали роскошное прощание с захоронением в центральном городском парке Сухума. По прошествии недолгого времени выяснилось, что усопший товарищ не очень верно ориентировался по линии партии, за что был изъят из шикарной могилы и немедленно переведен в более прозаические ландшафты. Этим кампания не ограничилась, надо же знать Кавказ, там все привыкли делать с размахом.

Прямо на месте бывшего погребения соорудили капитальный общественный сортир, для облегчения гуляющей публики. Вот это было настоящее, деловое решение. А в Москве все чего-то там возятся у Кремлевской стены, перетаскивают за уши с места на место, ведь явно не хватает фантазии для чего-нибудь экстравагантного. Тогда возникает вопрос: чего кобениться? Не проще ли обратиться к недавнему революционному опыту. Людям на пользу и вождю приятно убедиться, что дело его по-прежнему живо.

Как бы там ни было, но властная вертикаль в стране советов работала безупречно, официальное отношение к десятилетнему юбилею Дня Победы было сконфужено сдержанным. То есть вроде бы и праздник, однако, без лишнего шумихи. В нашей школе, разумеется, организовали торжественную линейку. Пионеров, под криканье горнистов, выстроили в ряд. Потом, для пущей важности, тарахтели в барабаны и отдавали салют выпучившим остекленевшие глаза ветеранам. Каждый из нас, при этом, на строгий призыв пионервожатых: «Будь готов», звонко, с восторгом выкрикивал: «Всегда готов». К чему готов? Зачем готов? До сей поры одолевают сомнения. А ну как не всегда был готов и вдруг не полностью, всего лишь наполовину? Орденоносные дяденьки делились со школьниками тяжелым опытом военных лет. С вдохновением рассказывали, какими мерзавцами бывают тупорылые немцы. Стращали их кровожадностью и подлостью. И, конечно, с гордостью вспоминали о своей боевой отваге, о ратных подвигах погибших товарищей.

В недалеком прошлом светлейшие предводители ленинской компартии недоуменно сокрушались, да как же так, почему могучим советским писателям никак не удается состряпать гениальный роман о второй мировой войне, подобный тому, что проворно соорудил Лев Николаевич? Бойкого пера секретари союза всех величайших писателей, понукаемые центральным комитетом, отчаянно шевелили короткой мозговой извилинкой и пыжились сотворить нечто толстовскообразное, чтобы

всем недоброжелателям в пику и, главное, на века. Им было невдомек, что хорошую книгу о прошедшей войне написать никак невозможно. Потому что у советских людей невероятно куцые, обглоданные, абсолютно не книгоформатные судьбы. Князь Андрей Болконский сделался классическим персонажем вовсе не потому, что доблестно воевал, а более всего и в связи с тем, что за ним стояла великолепная фамильная история, могучая российская культура, с прародительскими традициями и глубинным житейским укладом. Даже самые известные биографии советских людей сляпаны, как детский мат в три хода – быдло, кожанка, расстрел. Жизнь их бессмысленна и скоротечна, сродни пузырям, подпрыгивающим в дождливой луже. Ведь кого ни возьми из когорты наших достославных вождей или военачальников, никогда не поймешь, откуда выпыпадали на наши головы все эти ретивые парни. За ними никого и ничего, упираешься, как в задницу биндюжника и толку-то, что он – Хрущев или Жуков. Тут, брат, как в трех соснах, шибко не нафантазируешь, не распишешься.

Частенько мне припоминается одна забавная военная комедия. Однажды ночью, меня, взрослого уже мужчину, подняли по учебной тревоге в городе Луганске и потребовали явиться в клуб Маяковского, который был определен, как место сбора для срочной мобилизации. В актовом зале собралось пару сотен таких же вояк, как и я. Вдруг на сцену выскочил очень волнующийся, в португелях, человек и принялся стращать публику. Первое, что он сделал, предупредил всех, если, в случае войны, кто-нибудь хоть на минуту опоздает к месту сбора, немедленно будет поставлен к стенке, и даже указал рукой в сторону кирпичного забора. Между тем, в рядах запасников поднялся один чудак и как заорет на весь зал: «Точно такое же мне пообещали вчера на работе. Такой же шустряк посулил: если в начале войны хоть на минуту опоздаю в цех, то буду поставлен к стенке, и тоже показал к какой. Так что же мне делать, какой избежать стенки, самому застрелиться, что ли?». Народ покотился от хохота, а красавец на сцене, как взбесился: «Я бы такую гадость как ты,

пристрелил бы и войны не дожидаясь». На том и разошлись, удовлетворенные, по домам. Все вместе называлось «плановая учебная военная подготовка».

Когда я старательно кропаю эти строки, народы отметили шестидесятилетие Дня Победы. Прошло уже немало лет, о войне написаны горы книг, которые, за небольшим исключением, носят развлекательный, большей частью поверхностный, а то и откровенно примитивный характер. Естественно, что каждая страна, да и каждый человек, принимавший участие в беспощадной мировой войне, видит ее по-своему. Однако общая направленность освещения военной проблематики строится преимущественно по правилам беседы мудрого папаша с незатейливым крошкой сыном на предмет, что такое хорошо и что такое плохо. Скажем так, Курская дуга – это хорошо, очень здорово, Бабий Яр – это плохо, совсем отвратительно. И так по всему кровавому сценарию, по всем страницам военной истории. Хотя по сроку давности пора бы уже обратиться к правде о той страшной войне не в системе хорошо или плохо, но в первую очередь с позиции зачем? и почему?

Наивно рассчитывать, что человеческая природа может как-то радикально измениться за шесть десятков лет. Немцы, тотально изводившие еврейское население в середине прошлого века, остались тем же самым народом, по определению. Жизнь никогда, никого, ничему не учит – это же элементарная истина. Если мы не найдем в себе мудрости рассуждать о мировой войне спокойно, без эмоционального флера, все может повториться, с большой вероятностью.

Ответственный разговор о Второй мировой войне невозможно выстроить с помощью политических соплей, наматываемых вокруг пакта Молотова - Риббентропа. Неужели кто-то всерьез полагает, что заплечных дел мастера, несшие вахту у печей Бухенвальда, держали в нагрудном кармане копии дипломатических документов, подписанных министрами. Или кто-то наивно допускает, что люди, оказываясь в окопах под смертоносным огнем, не важно с какой стороны, могли

вести захватывающие идеологические дебаты о затейливых политических раскладах. Для меня, например, так же как и для будущих поколений, гораздо важнее попытаться выяснить – почему просвещенные немцы беспощадно уничтожали евреев? Зачем варварски сгноили миллионы абсолютно беззащитных людей – женщин, детей, стариков. Не для того, чтобы трепетать от радости или задыхаться от горя, но по возможности предотвратить эти «прелести» в будущем.

С подачи Владимира Семеновича Высоцкого мы благополучно разобрались, почему аборигены съели Кука. Оказывается, они решали таким невинным способом вопросы общественного питания. Но немцы-то, явившие миру Канта, Бетховена, Гетте, они что, вот так же запросто, кровожадности ради, принялись истреблять целые народы. Понятно, что эти кошмарные преступления сопровождались эффективной пропагандой, позволившей опустить цивилизованных людей до готовности совершать несусветные гнусности. Должно быть понятно, что никакая пропаганда, никакое теоретическое обоснование не может иметь успеха в образованном обществе без привлечения очень убедительных аргументов, имеющих благодатные исторические корни. И тут нечего скрывать, истоки зла должны быть публично обнаружены, опять же таки, во имя грядущего. Об этом никто и нигде не желает серьезно говорить. Евреи не поднимают этот вопрос вследствие неподдающихся осмыслению масштабов потерь. Остальные молчат из ложного страха, каким-нибудь нечаянным образом обидеть евреев и вызвать на себя шквал всегда имеющихся наготове обвинений в антисемитизме. Вот так и живем – торжествуем, рыдаем, рвем на себе волосы и не утруждаемся разобраться, что же происходило в действительности в середине двадцатого века, что не поделили между собой цивилизованные люди, зачем немцы подвергали истреблению древний библейский народ.

Воснове фашистской идеологии, любой, не только германской, лежит упование на национальную исключительность, так сказать, на расовое превосходство избранных. Когда Адольф

Гитлер пришел к власти и окончательно уверовал, что в жилах его однопартийцев течет голубая, арийская кровь, он с удивлением обнаружил целую череду претендентов на национальную исключительность, которые также пребывают в иллюзиях относительно особых достоинств своей благородной крови. Беда, однако, в том, что никакая исключительность в принципе не может мириться с конкурентами, ибо не предполагает наличия еще каких-либо соискателей. Иначе это уже не исключительность, а обыкновенная коммунальная тусовка. Стало быть, все другие исключительности, кроме немецкой, оказались в годы Второй мировой войны обреченными.

Нравится это кому-либо или нет, но первыми в ряду претендентов на национальную избранность всегда оказываются евреи. Так уж повелось. Во-первых, о богоизбранности этого народа предостаточно наговорено в Библии. Это не удивительно, ведь книгу составляли сами евреи. Другая, несомненно боговдохновенная книга – Коран, о еврейской богоизбранности предусмотрительно умалчивает. Во-вторых, и это самое главное, у каждого еврея припасен в памяти длинный список представителей его национальности, которые сделали украшением рода человеческого. Этот список – сущее искушение для желающих раздуть свое национальное превосходство до масштабов кровной, биологической исключительности.

Современный культурный человек являет собой продукт общественный. Культура не есть нечто биологическое, присущее человеку по факту его рождения. Известны случаи полного одичания людей, когда они оказывались вытесненными из культурологической среды. Нет ничего плохого в том, что люди гордятся своей национальной культурой и лучшими ее представителями, но при этом необходимо иметь ясное представление о том, что есть действительное национальное достояние? Рассуждая о культуре, о ее великих творцах, необходимо в первую очередь учитывать, что цивилизация существует как результат усилий всего человечества. Из этого следует, в частности, что Александр Сергеевич Пушкин велик

не сам по себе, как человек с особой африканской кровью или с большими выразительными глазами, но только и исключительно, как гениальное явление русской литературы, то есть явления общественного. Вне общественного литературного контекста, именуемого великой российской словесностью, персона Пушкина ничего не стоит и ничего не означает, будь оно хоть трижды окроплено самой экзотической кровью.

До Октябрьской революции в Петербургской консерватории вел педагогическую деятельность по классу скрипки выдающийся профессор Леопольд Ауэр. Ауэр оказался в исключительно благодатной музыкальной среде, как раз в период ожесточенного соперничества между представителями могучей кучки, во главе с Балакиревым и консерваторцами, группировавшимися вокруг Рубинштейна. Ауэр примкнул к лагерю консерваторцев. У него завязалась большая дружба с Рубинштейном, Давыдовым, Чайковским. Профессору удалось создать уникальную школу скрипичного исполнительского искусства. Выпускники его класса определили уровень инструментального мастерства на весь двадцатый век, по ним оценивали остальных музыкантов, они сделали мерой вещей. То были Яша Хейфец, Мирон Полякин, Ефрем Цымбалист, Миша Эльман и еще много блестящих имен. Кроме артистичного, виртуозного владения скрипкой, этих людей объединяло еще одно качество – все они были евреями. Однако в мировой искусствоведческой литературе школа Ауэра рассматривается как выдающееся явление русской музыкальной культуры. И это абсолютно справедливое суждение, потому, что все названные талантливые люди были носителями и выразителями русского музыкального мироощущения, они были продуктом той общественной культурной среды, которая вскормила их и вознесла к творческим олимпам.

В нашей стране подозрительно часто любят распространяться о необычайной музыкальной одаренности украинского народа. Мне представляется, что немusикальных народов не существует по определению. Но вот о чем не худо призадуматься – почему украинская культура, при наличии таких то талантов,

не сподобилась предъявить миру по-настоящему великого композитора, произведения которого пользовались бы широкой популярностью у серьезных музыкантов? Ведь вы не сыщете во всем мире ни одного уважаемого симфонического оркестра, в чьем репертуаре была бы представлена украинская классика. Происходит это вовсе не потому, что в искусстве существует мировой антиукраинский заговор, просто высокой нашей классической музыкальной культуры не существует в природе. И это происходит не оттого, что на Украине живут бездарные люди, просто украинская национальная культура до сих пор еще не сумела подняться до уровня общечеловеческих кондиций и создать предпосылки для творчества индивидуальностей мирового масштаба. А такие индивидуальности в стране, несомненно, есть, иначе быть не может. Но для этого, прежде всего, необходимо много учиться, в том числе и уважению культуры иных народов. Бесконечной трескотней о своей музыкальности, о своей европейскости делу, увы, не поможешь, Шопены от этого на свет не появляются. Здесь нельзя обойти вниманием весьма сомнительный вектор направленности развития национальной украинской культуры, с позволения выразиться, антимоскальского содержания, заданный еще Тарасом Григорьевичем. Чем быстрее Украина справится с этим болезненным комплексом, тем скорее у ее народа освободятся духовные силы для восхождения к мировым культурным вершинам.

Некоторые евреи наивно полагают, что Альберт Эйнштейн сделался великим физиком исключительно потому, что особенно удачно подвергся обрезанию. Хотя великим-то физиком его сделала уникальная немецкая национальная культура. Эйнштейну лишь посчастливилось оказаться выразителем той напряженнейшей работы, которую вели передовые европейские умы в начале двадцатого века. Окажись маленький мальчик Альберт где-нибудь на задворках могилевского гетто, мир обязательно пришел бы к теории относительности, но никогда, ничего не узнал бы о физике Эйнштейне. Современный Израиль

– прекрасная тому иллюстрация, как-то не густо в Телль-Авиве с великими композиторами, учеными, писателями. Подлинным представителем еврейской национальной культуры по праву считается писатель Шолом-Алейхем, пожалуй музыкальный наигрыш «семь сорок». Продолжить этот весьма скромный ряд я лично затрудняюсь. Вклад непосредственно еврейской национальной культуры в мировую сокровищницу чрезвычайно скромен. Его не только невозможно сопоставить с великими европейскими национальными культурами, о нем даже много распространяться не представляется возможным. Тот необъятный калейдоскоп блистательных имен, который, в простоте душевной, предъявляется многими детьми Авраама, как свидетельство беспримерности их национальной одаренности, с неизбежными претензиями на исключительные интеллектуальные национальные достоинства, весьма и весьма проблематичен, если не сказать абсурден.

Невозможно отрицать выдающиеся достижения представителей еврейского народа, их способность ассимилировать в различные национальные культуры и добиваться исключительных успехов. Но дело здесь не в каких-то богоданных особенностях еврейской крови, а все-таки в уникальности еврейского материнства. Почти все знаменитые евреи обязаны своим успехом родным матерям, их непревзойденному стремлению вознести свое чадо на пьедестал судьбы. Редко какая другая мамаша умеет быть настоящей путеводной звездой, наставницей, хранительницей, оберегом для своих деток. В христианском лексиконе существует много прекрасных определений для величания пресвятой Богородицы, даровавшей миру Иисуса. Заступница, Молитвенница, как только не восхваляют Богоматерь верующие люди, и все эти определения очень органично накладываются на великое еврейское материнство. Наверное, когда-нибудь люди воздвигнут грандиозный памятник еврейской матери от имени всего человечества, в благодарность за славных ее сынов, так доблестно потрудившихся во благо цивилизации.

Разумеется, это собственное решение еврейского народа, как позиционировать себя относительно иных национальностей, иных представителей человечества. Однако не следует забывать, что любая исключительность, состояние хотя и приятное, но и очень рискованное. Так что, как торжественно предупреждали нас в школе мудрые пионервожатые, на всякий случай «будьте готовы!».

Я, разумеется, далек от намерений скандалиться по поводу разделения народов на элитные и другосортные группы. Однако не считаю правильным уклоняться от объективных оценок, опирающихся на веками выверенное восприятие той или иной национальной общности людей. Иногда бывает достаточно одного прицельного определительного слова, чтобы охарактеризовать подлинное лицо целой нации, выразить его отличительную особенность, что называется, высветить одним ударом кисти. Положим, для англичанина таким знаковым определительным словом несомненно, является «джентльменство». Для китайца – «император». Для француза – «любовь». Для русского человека – «земля-матушка». Для украинца настойчиво просится милое сердцу «сало», хотя значительно серьезнее претендует определение «Богородица». А есть еще «сосиски», «макароны», «ром», «шашлык», «коньяк» и много чего еще. За евреями, как ни ряди, закрепились позиции «хитрость». Лично я не вижу в слове «хитрость» ничего оскорбительного. Это качество сформировалось в результате извечной борьбы за выживание еврейского народа. На худой конец понятие «хитрость» можно перевести в щадящую формулировку и определить как «предусмотрительность». Вообще я не понимаю, почему о русском пьянстве позволяет высказываться сколько угодно, а вот о еврейской хитрости и жадности обязательно с оглядкой.

Много евреев на исходе прошлого века покинуло нашу страну. Трудно судить еврейское счастье. Никто не знает достоверно, что приобрели эти люди в землях обетованных, но вот наши потери имеют разрушительные приметы. Сужу об этом хотя бы и по городу Киеву. Покинувшие столицу Украины евреи увезли с

собой неповторимую культуру, бытовую и профессиональную, фактически моделирующую некий общественный тип, отражающий усредненный портрет жителя большого города. Киевские врачи, музыканты, учителя, торгаши, парикмахеры в массе своей были евреями. Они придавали городской жизни особый подольский уклад, сообщали ей некоторую еврейскую доминанту. Потери города в связи с массовым отъездом евреев воистину невосполнимы. Освободившиеся еврейские вакансии авральным порядком заполнили корифеи безнадежно средней руки, отчего качество городской жизни с неизбежностью опустилось до уровня провинциальной безликости.

Вот не устою от соблазна вспомнить одного из старожилов киевского Подола. Мой старинный товарищ Евтеев Александр жил на Нивках, по улице Салютной. Наезжая к нему из Луганска в гости, я первым делом отправлялся в ближайшую парикмахерскую, обслужиться у знакомого мастера, уроженца Подола, еврея по имени Саша. Это не было штатное брадобрейство, но полноценное представление, действие, достойное хорошего спектакля. Саша встречал меня такими картинными жестами и возгласами, что со стороны могло показаться, будто на ваших глазах происходит свидание Тристана с Изольдой. Мастер с поклоном приглашал взойти на тронное место, долго обхаживал со всех сторон, шурил глаз и болтал без умолку. После визита в парикмахерскую можно было покидать Киев со спокойной душой, потому что ты знал все, что когда-либо случалось в этом городе, что есть сейчас и что будет потом на многие годы вперед. Саша, не торопясь закуривал папиросу и мягкими пассажами начинал править опасную бритву на дюжине различных ремней. На ощупь большого пальца проверял готовность золингеновской стали и требовал подать горячий прибор. Подсобная женщина тотчас же подносила парующие снасти и мастер начинал священнодействовать. Мылил, пенил подобранный белоснежной салфеткой лицо, словно объяснялся в любви, ангельскими прикосновениями снимал излишки пены с кончика носа и, затаив дыхание,

демонстрировал чудеса владения трофейным инструментарием. Потом был с обжигающими компрессами кремовый массаж. Потом прохладное пощипывание непревзойденного одеколona «Шипр» и прощальная улыбка кудесника Саши.

Известно, что благими намерениями вымощена дорога в ад. Не следует упрощать и представлять историю так, будто пришедший в Германии к власти баварский ефрейтор Шикльгрубер с самого начала своей политической одиссеи замыслил глобальную мировую бойню. Вот ведь удивительно, почему то многие вожди-злодеи предпочитают отказываться от своих родовых фамилий и переходят на зоологический язык кличек. Главное дело в корне настоящей фамилии Адольфа Гитлера затаилось созвучие «шикль», право же, удивительно перекликается, едва ли не вытягивает на еврейский «шекель». Увертюра к кровавой вендетте фюрера отзвучала вполне пристойно. Намерения и обещания рейхсканцлера были весьма благородны, ориентированы на социальную справедливость, полны забот, как принято говорить, о рядовом человеке.

С давних времен люди стремились держать на собственном подворье породистую живность, иметь под седлом крепкого скакуна, растить урожайные нивы. Жизнь оформила умение отбирать и выращивать элитные породы или сорта сельхозпродукции в науку о селекции. Современного человека не удивишь сногшибательной стоимостью породистого голландского бугая, потому что вырастить знатного производителя – дело тонкое и дорогостоящее, хотя и вполне рентабельное.

Естественно было задуматься: если люди прилагают столь значительные усилия для выведения элитного поголовья буренок и кроликов, почему бы не обратить внимание на собственное несовершенство и не попытаться улучшить человеческую породу. Рассуждая подобным образом, некто Фридрих Ницше пришел к «счастливой» идее о необходимости становления сверхчеловека, фактически о селекции элитарной личности. Вот, собственно говоря, с какой, вроде бы наукообразной

затеи начинался обыкновенный фашизм. Оставалось лишь перебросить мосток от одного совершенного экземпляра к единственной совершенной нации, и дело оказывалось в шляпе. Потому что немедленно возникал нериторический вопрос: а что делать с остальными, беспородными нациями, хотя бы и на предмет неправильной формы черепа?

Человек устроен таким образом, что его восприятие внешнего мира всегда носит персональный характер. Мы видим и слышим не то, что объективно окружает нас, но только и именно то, что в состоянии видеть и слышать в данный момент. Когда разنوется зуб или одолеет головная боль, картина внешнего мира приобретает надлежащий колорит, соответствующий душевному расположению. Хорошо заметил поэт: «Гвоздь у меня в сапоге, кошмарнее, чем все фантазии у Гете». Когда на сердце легко и жизнь удается, окружающий мир опять-таки отвечает настроению и смотрится преимущественно в розовых тонах.

Юрия Гагарина, мужчину, надо полагать, безукоризненно здорового и лучезарного, меньше всего беспокоила мысль о человеческом несовершенстве, о необходимости улучшения породы людей. Фридрих Ницше, хотя и был человеком талантливым, но и очень нездоровым. Он умер от сухотки спинного мозга, то есть от хронического заболевания нервной системы, как следствия позднего проявления нехорошей венерической болезни. Психические патологии, несомненно, сопровождали по жизни Адольфа Гитлера. Парнем он был тоже одаренным, знал толк в высоком искусстве – имея замечательный голос, прекрасно пел, великолепно рисовал. Сталин от рождения был уродцем, с целым комплексом физических недостатков. С детства пытался подвизаться на ниве духовного служения, самозабвенно любил театр, мог часами, по памяти декламировать высокую поэзию. Разумеется, для этих ущербных, физически неполноценных людей, мир виделся прямо-таки болезненно несовершенным, вызывающим благородные порывы заняться его исцелением. Никому из них в голову не приходило обратиться

к себе, навести порядок в пределах собственной шкуры. Но вот устроить профилактические работы по оздоровлению населения планеты, а кое от кого и вовсе избавиться – казалось делом крайне необходимым, абсолютно гуманным.

Все беды на земле от безбожия. Верующий человек принимает жизнь, окружающий мир, как абсолютную данность, в которой ничего не следует улучшать, или ухудшать, разве только себя самого сделать немного чище, достойней радения Божия. У атеиста дела обстоят значительно сложнее. Если собственная жизнь складывается комфортно, окружающий мир принимается в его существующем виде. Если же в личном плане возникает неудовлетворенность, атеист заявляет во всеуслышание: «Я в мир пришел, чтобы не соглашаться». Взбунтовавшийся человек не желает задуматься, что никуда он не пришел, что жизнь человеческая есть священный дар Божий. Ведь не сами же мы назначаем себе право присутствовать в этом неописуемо прекрасном, бесконечно совершенном мироздании. Тогда, на подмену промысла Божьего, выступает дьявольская гримаса нашего тварного естества, вплоть до нелепой самооценки своего родства с обезьяной и, как следствие, возможности соответствующих поведенческих норм, вплоть до проведения селекционных работ, по аналогии с разведением кроликов.

Германский народ состоит из очень ответственных, трезво мыслящих людей. Развязывая Вторую мировую войну, немцы свято верили, что несут европейским народам благо. Советские, в сущности миролюбивые люди, так же сулили Европе благо, разумеется, в собственной, марксистско-ленинской редакции. Не говоря уже о том, что сами европейцы имели и свою точку зрения на предмет личного блага. Вот ведь в чем основная коллизия Второй мировой. Столкнулось так много благожелателей, что угрохали чуть ли не сотню миллионов ни в чем неповинных человеческих душ.

Когда-то я спрашивал своего крестного дядю, фронтовика: страшно ли было убивать людей. Он удивленно вскидывал очи и говорил: «Каких людей? Я же убивал немцев». Когда

бы мой дядя Павел знал музыку Вагнера, если бы он, как и я, не представлял жизни без сонат Бетховена, он все равно бы, конечно, воевал, но на мой вопрос, быть может, попытался бы ответить содержательнее. Наверное и многие немцы, если бы они видели Покров на Нерли, читали «Старосветских помещиков» Гоголя, как-то более избирательно обращались с прицелами. А быть может все гораздо проще, стреляли бы и те, и другие, так же азартно и весело, но мне никогда не понять эту готовность миллионов людей подниматься на убийство себе подобных. Даже в царстве зверей, на очень большом удалении от Библии и Корана, не бывает примеров кровожадности, сравнимых с теми, которыми полна наша история.

Если опять-таки обратиться к далеким, варварским, как представляется иным, временам, то наши предки воевали следующим образом. Человек брал в руки меч или копье и выходил в поле, чтобы сразиться с таким же вооруженным противником. Воины сходились, видели друг друга в лицо, имели возможность просить пощады, наконец, могли не ввязываться в сражение, разворачиваться и бежать восвояси. Но вот мне интересно: американский летчик, который нес в чреве своего самолета увесистое благо для японцев, он что на много гуманнее, цивилизованнее наших диких предков, если одним только нажатием кнопки стер с лица земли сотни тысяч никогда не знавших, не видевших в лицо, не причинивших ему никакого вреда людей. Причем все эти жертвы были лишены выбора и шанса на выживание, их никто не спросил – желают ли они, готовы ли воевать с американским народом. Невольно задумываешься, так ли уж принципиально отличаются подвиги американских военных летчиков, отбомбивших Японию от безумства гражданских парней, направивших пассажирские «Боинги» в наполненные живыми людьми небоскребы. А если быть уж совсем до конца последовательными, то с точки зрения личной доблести исполнителей этих кошмарных злодеяний, поступок американских летчиков является просто вершиной возможностей человеческого паскудства.

Если внимательно посмотреть на политическую карту мира, можно заметить, что каждое государство в пределах своих границ окрашено собственным цветом. Из этого, в частности, следует, что каждый человек, будь то президент великой страны или рядовой гражданин, должен хорошо понимать, что он имеет моральное право сеять разумное, доброе, вечное только в пределах границ своего государства. Все равно, как на своем приусадебном участке, можно выращивать клубнику, кукурузу, ананасы, но не сметь шустриться с мотыгой на соседских грядках. Это единственно возможное условие мирного, добропорядочного сосуществования на Земле всего многообразия народов. Как только кому-либо, под любым предлогом начинает казаться, что на соседской усадьбе вместо баклажан не худо бы развести чечевицу, начнутся серьезные проблемы. Сразу для всех – и для тех, кто сильно умен, и для тех, кто не очень. Потому что, если факел на статуе Свободы начинает чадить от несварения иракской нефти – жди беды, обязательно разгорится большущее пламя, по месту жительства этой благороднейшей леди.

Глава пятая

В одна тысяча девятьсот пятьдесят шестом году произошло событие, определившее очень многое в моей дальнейшей судьбе. Внешне оно выглядело весьма заурядно. Папа принес с работы несколько почтовых марок, наклеенных на конверты из-под служебных переписок. Он научил меня отпаривать над носиком кипящего чайника эти симпатичные, зубчатые картиночки.

Научил закреплять почтовые марки на специальных бумажных язычках в альбоме для рисования. Одним словом, посвятил, приобщил к когорте коллекционеров. Собирательство редкостей сделалось на всю жизнь моей второй натурой. Я уже никогда не расстанусь с волнующей страстью прикасаться к вещам, несущим на себе память прошлых лет. Никогда не устану, не пресыщусь испытывать несказанное удовольствие от прикосновения к изделиям, хранящим следы художественных и ремесленных вдохновений, сотворенных руками знаменитых и безвестных мастеров.

За долгие годы чего только не перебивало в моей собственности. Я имел редчайшие, античные, византийские золотые солиды. Обладал драгоценнейшими царскими наградами, выполненными по заказу придворными ювелирами фирмы «Эдуард». Я владел уникальными картинами, иконами, скрипками самого высокого достоинства, всего не перечсть. Никаких слез не хватит, чтобы вспоминать и печалиться о всех антикварных раритетах, прошедших через мои руки.

Всякий бывалый коллекционер проходит в своем развитии, если, конечно, проходит, три четко обозначенных стадии. На первых порах, он руководствуется некоторым общим интересом, по избранной для себя тематике. Ему доставляет наслаждение сам факт обладания вожаделенным предметом, приносит удовлетворение осознание расширяющегося кругозора, непременно сопутствующего любому собирательству.

Следующая ступень, и она абсолютно неизбежна, связана с предпринимательским соперничеством и вовлечением в материальные страсти, кипящие вокруг хождения раритетных вещей. Здесь иногда фигурируют серьезные интересы, сталкиваются амбиции маститых коллекционеров и довольно значительные суммы. Во всем мире торговля антиквариатом – это целая индустрия, и каждый собиратель, в разной степени, причастен к ней. Чем значительней, масштабней ценитель старины, тем больше оборотных средств запущено в его деятельности. Финансовые дразги непредсказуемы, здесь все

как в любви: от успеха до разочарования один только шаг.

Но есть еще высшая, третья ступень, которую достигают редкие магистры антикварных дел. Это удел избранных. Я имею в виду знатоков, истинных жрецов, хранителей древностей: которые умеют читать, постигать духовную сущность раритетов. Такие люди способны входить в тонкую связь, сожительствовать с уникальными вещами. Они понимают сокровенную суть мистической жизни рукотворных изделий, могут угадывать их настроения, намерения, способны понимать и уважать их непреклонную волю. От этого возникает несказанное наслаждение, томительное, ревностное, всепоглощающее.

Из школьных лет мы выносим убеждение, будто видимый мир делится по двум признакам – одушевленных и неодушевленных предметов бытия. И вроде бы между этими двумя категориями не существует никакой очевидной связи. Такое примитивное разделение окружающего мира, в духе вульгарного материализма, формирует абсолютно неверное, уродливое отношение к жизни. Потому что в действительности мир Божий един и неделим. Более того, вокруг нас существует огромное количество необыкновенных, мистических, особо одухотворенных предметов, способных оказывать на людей колоссальное живое воздействие. К ним относятся, в первую очередь, подлинные произведения искусства.

Когда талантливый человек создает то или иное художественное произведение, он вкладывает в него свое вдохновение, некоторую индивидуальную творческую энергию, попросту говоря, переносит частичку собственной души. У очень талантливых, гениальных создателей щедрость души, воплощенная в их творениях, может обрести убедительность и силу необыкновенную. Вышедшие из рук больших мастеров одухотворенные изделия несут на себе неотвратимые знаки собственной кармы, они могут заключать счастливую или трагическую судьбу. Поэтому, вступая в интимную связь со своими обладателями, становятся их жизненными партнерами, а иногда и противниками. Если какой-нибудь случайный,

неопытный человек попытается неловким способом завладеть подобной одухотворенной вещью, да еще попытается навязать несвойственную данному предмету судьбу, он будет раздавлен, уничтожен творением мастера.

Это только начинающему собирателю приходится гоняться за раритетами. Он рыскает по блошиным рынкам, тусуется на специальных сходках старьевщиков в надежде на встречу с нечаянным антикварным чудом. Опытный же маэстро спокоен и терпелив, он знает наверняка, что серьезная вещь сама выбирает для себя хозяина, сама комбинирует выбор, может затаиться до срока, потом выкинуть совершенно непредсказуемый фортель, прокладывая свою персональную судьбу. Сколько раз случалось: идешь по следу, кажется, что вот-вот, остается последнее усилие, и желанная вещь окажется в твоих руках. Но происходит какой-нибудь невообразимо непредсказуемый канкан и добыча навсегда ускользает от тебя. Так иногда на рыбалке: у самого берега, подцепленный на крючке карась делает какой-то замысловатый пируэт и моментально скрывается в спасительных водах.

Я знаю массу различных случаев, когда рукотворные вещи оказывались сильнее живых людей, навязывали владельцам свою непреклонную волю, а бывало, что и расправлялись с ними. Дабы не выглядеть голословным, приведу из своего личного опыта какой-нибудь поучительный пример. Почему, собственно говоря, только один пример. Расскажу для верности два, три интересных приключения из моей обширной коллекционной практики. Наверняка это будет занятно, а для кого-то и назидательно.

Как-то в начале девяностых, живя в Киеве, я по привычке заглянул в антикварный магазин, что находился на углу пересечения улиц Красноармейской и Саксаганского. Любители старины со стажем отлично помнят этот магазин, его уж нет, а жаль.

Едва переступив порог магазина, я не просто увидел, сердцем почуял присутствие настоящего раритета. Достаточно

было короткого взгляда направо, в сторону, где обыкновенно выставлялись на продажу иконы, чтобы увидеть необыкновенной чистоты и убедительности изображение Покрова Пресвятой Богородицы. На стене, за прилавком, красовалось исключительного достоинства, как по качеству исполнения, так и по редкости содержания, подлинное произведение искусства. На большеформатной, мощной, благородного дерева доске, был изображен издавна почитаемый христианами образ Божией Матери. Уникальность раритета обуславливалась безупречной зрелостью вкуса, твердостью руки мастера. Икона поражала необыкновенной гибкостью обыгрывания голубых тонов, превалирующих в палитре художника и являющихся в церковной идеологии цветом Богородичного чина. К тому же, это было крайне редко исполняемое явление Богоматери донским казакам в Августовских лесах, что связано с реальными, историческими событиями.

В годы Первой мировой войны российские войска несли тяжелые потери на территории Польши. Однажды в Августовских лесах отбившаяся от войск донская казачья сотня, после долгих преследований неприятелем, угодила к концу дня в окружение. Казалось, что судьба сынов Дона предрешена: с рассветом они будут полностью уничтожены, ведь казаков в плен старались не брать. Всю ночь сотня не смыкала глаз, кто-то молился, кто-то вспоминал близких, люди готовились к принятию смерти. И вот только забрезжил рассвет, перед очами изумленных дончан предстала на облаке, в божественном сиянии, с пречистым Младенцем на руке Небесная Заступница. Казаки, при виде нечаянного чуда, пали на колени свои и стали воздавать хвалу Господу за щедрый, утешительный, как представлялось, предсмертный дар. Наступил день, а неприятель все не давал о себе знать. Дозоры стали докладывать, что во всем лесу, namного верст кругом, нет ни единой живой души. Казаки заседлали лошадей и тронулись в поход, по направлению к своим войскам. Они вышли из окружения, так и не потеряв ни единой сабли.

Все эти события имели место быть на глазах большого количества обреченных людей, получивших чудесное избавление. Русская Православная церковь по свежей памяти признала и канонизировала небесное явление Богородицы донским казакам в Августовских лесах. Было утверждено и рекомендовано иконописное изображение происшедшего чуда. Явление полагалось рисовать как бы в двух уровнях. В верхней части иконы следовало изображать стоящую на облаке Божию Заступницу всех христиан, которая в одной руке держит Младенца, другой осеняет небесным покровом войска. В нижней части иконы изображалась разбившаяся лагерьм, терпящая бедствие казачья сотня.

Продаваемое теперь в антикварном магазине произведение имело, несомненно, первосписочное происхождение. Возраст иконы выдавало состояние дерева и красочного слоя, но самое главное – на изображении весьма явственно проступала рука польского художника. Манера письма, в особенности на лице Богородицы и Младенца, несла на себе все признаки католической иконописной культуры. Это означало, что священный образ заказывали и выполняли непосредственно в Польше, сразу же по факту чудотворного явления Покрова Пресвятой Богородицы. Мне же оставалось только достать из кармана необходимую сумму, пробить чек и принять в свои руки прекрасную икону.

Есть в физике такое понятие, как «торичеллиева пустота», нечто наподобие глубокого вакуума. Мои финансовые возможности, на то время, были близки к этому суровому состоянию. Я недавно переехал из Луганска в Киев, в силу не совсем благоприятных обстоятельств, жил на квартире с женой и девятилетней дочерью. Жил, скажем осторожно, не на широкую ногу. За икону просили, в купоновом выражении, что-нибудь около трехсот долларов. Для меня же, что триста, что миллион, не имело большой разницы, денег не было в упор. Я покрутился вокруг магазина, пощелкал зубами и очень расстроенный отправился восвояси, с полным пониманием, что

такая уникальная вещь в магазине долго не задержится.

Между тем покоя я лишился по-серьезному, икона не покидала моего воображения, постоянно напоминала о себе. Неудивительно, что на следующий и еще на следующий день я приезжал в магазин на Красноармейскую. А Богородица все стояла и сияла своей неповторимой красотой на удалом антикварном торжище. Киев – многомиллионный город, с солидным представительством любителей старины, священников, перекупщиков и, вообще, множеством людей, для которых подобное произведение должно бы представлять горячий интерес, да еще при откровенно мизерной его цене. Казалось невероятным, что такая знатная вещь не находит своего покупателя.

В то время единственным моим источником дохода был ремонт и изготовление скрипок, и я, почти без всякой надежды, приступил к строительству нового инструмента. Дабы продать его и за вырученные деньги выкупить икону. Затея представлялась утопической, поскольку для изготовления скрипки требовался немалый срок. Тем не менее я настойчиво принялся за дело, но каждый вечер приезжал к магазину, очередной раз убедиться – на месте ли Богородица. В какой-то из дней продавцы выставили икону в витрину, чтобы она эффектно просматривалась с улицы и завлекала покупателей. Меня эта затея повергла в панику, в отчаянии я едва не разворотил витрину. Но однажды вечером, когда я приехал к магазину и, внимательно всмотрелся в священный образ, меня осенила совершенно спокойная, непоколебимая уверенность, что не следует суетиться – икона обязательно окажется в моих руках. Бестолковым поездкам был положен конец и я с удвоенным рвением устремился к завершению работы над созданием скрипки, чтобы-таки явиться в магазин с деньгами. Приблизительно месяц я не навещал Красноармейскую, до того самого дня, когда нанял такси, взял чистую простынку и в чудесном расположении духа переступил порог антикварной лавки, даже в мыслях не допуская, что могут произойти какие-

либо неожиданности. По предъявлению оплаченного чека, мне с приятной любезностью завернули икону в беленькую простынку и поздравили со счастливым приобретением.

Радость мою невозможно описать никакими словами. Я снимал очень скромную однокомнатную квартиру. Дочка Ульяна спала на диване, мы с женой ютились на полу, довольствовались матрасом. Икону ставили на ночь возле себя, так же на полу, запаливали лампаду и упивались ее неземной красотой. Мы прожили в Киеве с этой иконой не менее трех лет, она сделалась неотъемлемой частью нашего существования, фактически полноценным членом семьи, а быть может – ее главою.

Судьба, как это иногда бывает, заложила очередной вираж и я, по необходимости, возвратился обратно в Луганск. За время отсутствия, а это более пяти лет, прямо около моего дома поставили Казанскую церковь, на месте небольшого сквера, где до войны стоял храм Божий и приглянулся большевикам на предмет «шарахнуть динамитом». Мера цинизма при этом достигла революционного апогея – советские чертяки покуражились вволю. Прямо на месте бывшего алтаря поставили скульптуру горниста, алебастрового краснопузого мальчика при пионерском галстуке и дудке в гордо оттопыренной руке. Скажу по-совести: и мальчика мне жаль, позже с ним расправятся так же беспощадно, как в свое время разобрались с храмом. Знаменательно, что к вновь открывшейся церкви Казанской Божией Матери приписалось луганское донское казачество. Таким образом, икона явление Пресвятой Богородицы в Августовских лесах оказалась в двух шагах от своего исконного храма, где ей должно находиться по чину и положению.

В Казанской церкви правил службу знакомый священник отец Николай, человек в высшей степени достойный, и я поделился с ним радостью обладания имеющейся у меня святыни. Батюшка изъявил желание взглянуть на Богородицу. Я дал согласие, и он явился с парой казаков на свидание с донской Заступницей. Войдя в дом, гости обомлели, почтенного возраста казаки, при портупеях и лампадах, грохнулись на колени и возликовали,

как малые дети, батюшка в восторге уронил слезу. После этого визита моя жизнь утратила покой. Казаки принялись «доставать» со всех сторон, любыми путями вознамерились заполучить святыню – просили, увещевали, сулили деньги, грозили судом Божиим и так далее. Я, разумеется, и сам понимал, что подобное духовное сокровище не может и не должно принадлежать одному человеку, но расстаться с Покровом было выше моих сил. Надо хорошо представлять, какое это счастье, какая радость и утешение – видеть перед собой каждую минуту священный образ высочайшего духовного достоинства.

Между тем обстоятельства складывались таким образом, что мне предстояло уезжать обратно в Киев. Увезить явление Богородицы из-под стен казачьего храма представлялось делом сомнительным, что-то внутренне подсказывало о недопустимости подобного шага, и я принял сложное для себя решение – расстаться с Покровом. За день до отъезда пришел к отцу Николаю и сообщил о своем намерении передать образ в храм. Батюшка ответил, что с великой радостью примет подношение, вот только хорошо бы устроить крестный ход, вынести икону из моего дома с певчими, со всем церковным церемониалом. Я же был непреклонен – икону следует брать сейчас же и без всякой помпы. Священник прихватил с собой бархатную скатерку, и мы отправились за Богородицей. Было делом одной секунды снять со стены образ, завернуть в скатерку, и, я даже глазом не успел сморгнуть, как батюшка был таков.

Когда я затворил за отцом Николаем дверь и вошел в свою комнату, где в святом углу, среди домашних икон зияло огромное пустое место, передо мною померк свет Божий. Потеря оказалась настолько кричащей и невосполнимой, что в эту минуту я возненавидел себя, отца Николая, казаков, богомольных старух, одним словом всех, кто имел отношение к Казанской церкви. Чего только не передумал в отчаянии. Когда домой пришла жена и обнаружила утрату, она молча посмотрела на меня, как смотрят на мерзавцев, подлецов или идиотов. Ночь я, конечно, не спал, маялся, как в судный день.

Утром, перед дальней дорогой, мы с женой поплелись в церковь, чтобы напоследок взглянуть на бывшую нашу икону. Шли, надо полагать, ровно, как на Голгофу. Что вам сказать, я увидел Покров Пресвятой Богородицы и не поверил своим глазам. Воистину произошло чудотворное преображение. Богородица лучилась неописуемо живым светом, торжествовала всем своим божественным естеством. Казалось, переночевав в церкви, осуществилась самая заветная ее мечта. Господи, сказал я себе, ну кем же надо быть, чтобы не видеть и не понимать, что это наверняка один из самых благодатных дней в моей жизни. И как же можно было жалеть и сокрушаться, что моя любимая икона перестала, наконец, скитаться по свету и оказалась в единственно благоприятном для себя окружении.

Позже, по зрелом размышлении, я, в который раз для себя убедился, что подлинное произведение искусства неудержимо в изъятии собственной воли. Ведь во всей этой истории, я оказался всего лишь инструментом, с помощью которого Богородица преодолела путь от антикварного магазина к донскому казачеству. И молю Господа, что у меня достало ума, а быть может еще чего, чтобы не стать поперек воли священного образа и не попасть под его негодующее око.

Впрочем, был в моей жизни случай, когда пришлось на собственной шкуре по полной программе отведать грозную силу настоящего раритета.

Однажды в Киеве ко мне обратился, через общих знакомых, солидный мужчина с предложением купить у него старинную ценную скрипку. Мы созвонились и я, проявив уважение к возрасту, поехал за инструментом лично. Хозяин принял весьма любезно, продемонстрировал действительно интересную скрипку и пригласил отведать английского чаю.

Надо отметить, что квартира, в которой меня принимали, была тесно заставлена какими-то несуразными вещами, не имеющими друг к другу никакого отношения. Складывалось впечатление, что это не жилая квартира, а барахолочный развал. Вещей было неестественно много, все старые, собранные без

элементарной логики и, в целом, не коллекционные. Тем не менее, ощущение интриги не на секунду не оставляло меня. Пока хозяин тархтел на кухне чашками, я, под разными предложениями, перемещался с хозяйкой по квартире, в надежде обнаружить нечто любопытное, щекотавшее мой наостроенный нюх. Однако, ничего достойного внимания серьезного собирателя на глаза не попадалось. В кухню я явился практически в безнадежном настроении. В самом деле, на какой раритет можно всерьез рассчитывать в наших совковых кухнях?

И вот – век живи, век учись. Именно в кухне, под потолком, на крыше старинного буфета стоял предмет, который оказался самой крупной моей антикварной добычей. И только ли моей? Понимание истинной ценности этой вещи пришло не сразу, потому что ни о чем подобном я никогда не знал, нигде не читал, ни от кого не слышал. Перед моим взором предстал довольно внушительных размеров, сложной, я бы сказал, паукообразной конструкции старинный керамический сосуд, не имеющий аналогового определения в арсенале моих весьма обширных знаний в области антиквариата.

Представьте себе густо черного цвета керамическое изделие, центральная часть которого выполнена в форме правильного шара. В верхнем плане – сфера круто переходит в горловину, в нижнем – в подставку. Посередине центральной, шарообразной части сосуда изваяны четыре барельефные изображения, имеющие портретное сходство с представителями народов, живущих по разным сторонам света, относительно Киева. Если сосуд сориентировать по розе ветров, то на южной его стороне окажется изображение человека с ярко выраженными татарскими чертами лица. На северной стороне, соответственно, изображение человека с чертами представителей северных народов. На западной – представлена еврораса, и только на восточную сторону обращена какая-то фантастическая физиономия, в виде конской морды с петушиным гребнем. Кроме того, в верхней половине изделия размещены четыре мощные рукояти, протянутые от верхней горловины до середины сосуда

между четырьмя барельефными изображениями. Рукояти выполнены таким образом, что они могут функционировать как музыкальные флейты. Если сосуд залить водой, поставить на огонь и плотно накрыть крышкой, то образующийся пар, по специально проделанным ходам, начнет продувать рукояти-флейты, в результате чего возникнет замысловатое музыкальное пение.

Обо всем этом я узнал позже, когда появилась возможность увидеть в деле чудесный сосуд. Любопытно, что поющие флейты музыкально точно интонированы по розе ветров. Каждая рукоять, обращенная на ту или иную сторону света, издает звук, отличающийся особыми тембральными окрасами, характерными именно для данной стороны. Но все это обнаружиться потом, а пока что я пил чай и смотрел на фантастический сосуд, как замороженный.

Было глупо скрывать свое любопытство, и я поинтересовался у хозяина, что это за предмет и откуда он у него? Вот какую удивительную историю поведал хозяин.

В послевоенные годы ему довелось работать учителем и преподавать пение в спецшколе, где набирались знаний и воспитывались дети высокого руководства. Между прочим, и дети Никиты Сергеевича Хрущева. Школа находилась неподалеку от Софиевского собора, напротив пожарной части, в помещении нынешнего посольства Узбекистана. После войны модным было организовывать при школах всевозможные собственные музеи, помню это и по своей луганской школе. Здесь же, в соответствии с исключительностью заведения, местный музей отличался особым размахом и эксклюзивностью.

Уж и не знаю, на счастье ли, на беду, рядом со спецшколой находился академический институт археологии, который принимал активное участие в жизни школы, и, разумеется, в подборе экспозиции музея для венценосных чад. Полагаю, если бы от директора института потребовалось вывесить в том школьном музее собственные яйца, ждать пришлось бы недолго. Услужить-то мы умеем, а уж в принопамятные сталинские

времена – святое дело. Сейчас невозможно установить, каким образом сосуд оказался в институте археологии, но в школьный музей он попал именно оттуда. Мне представляется, что война – это еще и миллионы кубометров изувеченной, искореженной земли. Вполне вероятно, что сосуд обнаружили где-нибудь на развороченных киевских улицах и, как подъемный материал, доставили в институт. Бог весть. Как бы там ни было, но руководство института отменно постаралось ублажить отпрысков вождей и отдало в музей экспонат, являющийся уникальной ценностью не только для отечественной культуры.

А что же детки? Детки оказались верными наследниками своих коронованных родителей, нет не зря говорил Платонов: «Естество свое берет». Помните ли, Максим Горький, в своем очерке о Ленине, описывает дикую выходку советских хлебобобов, расквартированных в дни съезда в царских покоях. Когда господа от сохи покинули гостеприимный дворец, обнаружилось, что многие мировые шедевры были использованы ими для отправки своих, как бы сказать по- деликатнее, невинных нужд. К расследованию этой милой шутки была привлечена специальная комиссия, которая с недоумением констатировала, что все подсобные службы работали безукоризненно, и не было никакой видимой надобности искать альтернативные удобства. Максим Горький очень верно анализирует крестьянский подход к делу, он утверждает: когда быдло видит перед собой нечто возвышенное и прекрасное, оно обязательно пытается опустить эту красоту до уровня своего культурного состояния, то есть изгадить, осквернить возвышающуюся над ним вещь. Воистину, большевистский подход, когда все на равных.

Дети наших вождей начали систематически гадить в этот величайших памятник культуры. Он до сей поры еще источает из своих недр запахи мочи. В школе возник особый род состязания, каждому из мальчиков хотелось отличиться и первому повеселить публику, с девочками дело обстояло сложнее. Завхоз ежедневно опорожнял оскверненный сосуд, а мальчишки, со своей стороны, не дремали, умудрялись не оставлять дядьку без

работы. Наконец, завхоз не выдержал издевательств и спрятал злополучный экспонат у себя в коморке.

По смерти Сталина, на волне либеральных перемен, спецшколу упразднили, а пай-учеников перевели в обычную школу, что напротив Андреевской церкви. Музей, скорее всего, растащили шустрые хлопцы, а вот с бедолагой сосудом произошла следующая история. Завхоз вынужден был освободить помещение, и он ни до чего лучшего не додумался, как решил выбросить памятник на помойку, может и потому, что от него серьезно разило мочой, и хозяйственник видел в нем срамное назначение. На счастье, а скорее всего по другому и быть не могло, перед самой помойкой завхоз повстречался с учителем пения, с которым я пил на кухне чай, и который забрал эту вещь к себе в дом. Надо бы низко поклониться доброму человеку.

Следующим владельцем таинственного сосуда оказался ваш покорный слуга. Придя домой, я набрал полную ванну воды и принялся отмывать, отдраивать это фантастическое изделие. Под многолетним слоем грязи обнаружилась довольно живописная картина. Портретные барельефы оказались покрытыми черной поливной глазурью, кроме того, фрагменты лиц были проработаны цветной эмалью. Четыре флейты-рукояти тоже оказались покрытыми поливной глазурью, тогда как сам сосуд имел мягкую, черно-матовую фактуру. Скажу так: уникальное произведение искусства заметно преобразилось.

Несколько дней я пристально рассматривал эту диковину. Ритуальное предназначение изделия не вызывало сомнения, напрашивалась связь с языческой культурой, но мои познания в этой области не позволяли делать какие-либо ответственные предположения. Глубокое, серьезное изучение памятника началось после прямого контакта с его мистической сущностью.

Дело в том, что донная часть сосуда требовала некоторой реставрации, и я разложился вечером на кухонном столе, с набором необходимого материала и инструментария, чтобы подлатать днище. Хорошо запомнил первое внутреннее

ощущение после того, как принялся зачищать наждачной бумагой места наложения латочек. Неожиданно по всему позвоночнику явственно обнаружил легкое жжение, как будто сработал внутренний теплоизлучатель. Мой личный опыт общения с подлинными антикварными редкостями указывал, что я соприкоснулся с предметом мистического содержания, именно по ощущению тепла в позвоночнику. Однако оценить степень воздействия данной вещи на мое физическое состояние не представлялось возможным.

По окончании процесса реставрации и приготовившись ко сну, я почувствовал, что со мной происходит нечто неладное. Сначала возникла легкая лихорадка, которая нарастала, и дело дошло до того, что меня стало подбрасывать на постели, как на вибрационной доске. Трусило так, что супруга в панике кинулась вызывать «скорую». Я категорически запретил ей делать это, прекрасно понимая, что никакие врачи не помогут и вопрос заключается лишь в том, хватит ли у меня сил выдержать это испытание. Положение делалось настолько серьезным, что дело фактически шло о жизни и смерти, говорю об этом без всякой бравады. Я несколько раз терял сознание, могу только догадываться, что пережила в эту ночь моя бедная жена. К утру трясучка стала отступать, но неожиданно начала подниматься температура до каких-то немыслимых градусов. Однако во мне появилась надежда на избавление. С рассветом атака начала затухать, и я понемногу впал в забытие. Проснулся к вечеру свежий, вполне удовлетворенный состоявшимся знакомством и полным решимости разобраться с нечаянным приобретением.

Не стану утомлять читателя рассказами о хождениях по библиотекам, музеям, о встречах со специалистами, сделаю лишь короткое резюме. Оказавшийся в моих руках древний сосуд, является ничем иным, как языческим идолом. Был в языческом пантеоне один из верховных властителей, именованный «Стрибогом». Небесный Бог ветра, в народе его величали «Посвистач». В пользу этого утверждения говорит наличие четырех ликов, смотрящих «на все четыре стороны»

и являющихся классическим апотропеем, оберегающим от всякого зла, могущего прийти с любой стороны света. Кстати говоря, фантастической физиономией, изображенной на восточной стороне идола, в виде конской головы с красным петушиным гребнем, оказался «Световид», предвещающий зорю. Разумеется, что и поющие «на все четыре стороны» рукояти-флейты призваны были бороться со злом, ведь носителями зла считались «злые ветры».

Значительно сложнее оказалась проблема датировки изготовления идола. Нет смысла распространяться о возможных допущениях, скажу лишь о том, что известно доподлинно.

Размеры Стрибога выполнены в полном соответствии с метрической системой русского локтя периода XI-XIII веков. Высота Стрибога тридцать три сантиметра и точно такая же ширина, по самым выступающим точкам. Тридцать три сантиметра, как известно, приходится тремя четвертями древнерусского локтя. Надо иметь в виду, что многие ритуальные вещи той поры были выполнены именно с привязкой к русскому локтю в сорок четыре сантиметра. Например, легендарная вщижская бронзовая арка, найденная близ Брянска и датированная двенадцатым веком, точно расчислена в древнерусских локтевых мерах. Внешний радиус дуги на престольной сени равен половине локтя, внутренний – четверти локтя. Расстояние между опорными подставками равняется целому локтю. Поэтому, с точки зрения пространственной метрики, мой Стрибог можно датировать XI-XIII веком.

Но вовсе не это главное. Самым убедительным аргументом в пользу того, что ко мне попал настоящий языческий идол, говорит вот какой факт. Мне удалось отыскать человека, весьма известного археолога, академика, в личной коллекции которого находится предмет, развеявший все сомнения. Этот ученый, перед оккупацией Крыма, вывез из одного местного музея небольшой сосуд, высотой около пятнадцати сантиметров, полностью повторяющий моего Стрибога. Сосуд найден во время раскопок поселения пятого века,

паспортизован, имеет объективную научную атрибуцию. Назначение этого симпатичного предмета археолог не знал, он полагал, что это курительница. Дело в том, что на всех четырех сторонах того маленького Стрибога изображен один и тот же портрет. Это обстоятельство затрудняло рассуждать в системе четырехчастного, крестообразного расположения мистических ликов по географическим координатам. Трудно поверить, но один из портретов, изображенных на моем Стрибоге с западной стороны, абсолютно точно, то есть фотографически точно соответствует портретам, изображенным на крымском сосуде пятого века. Следовательно, попавший ко мне предмет является не просто выражением свободной фантазии художника, но изделием, выполненным в строгой культурной традиции языческого исповедания. И уже не важно, в каком веке изготовлен мой Стрибог, важно то, что он подлинный по своей религиозной, изотерической сути.

В заключение расскажу, как выглядит Стрибог в деле. Когда в сосуде закипает вода, из флейтовых отверстий, а их восемь штук, по два на каждой рукояти, начинают фонтанировать струи пара и кумир как бы оживает. По мере возрастания парового потока, начинают оформляться явственные музыкальные голоса. На первых порах заманчиво далекие, зазывные, фактически безаналоговые, они совершенно непохожи на привычный окружающий нас звуковой фон. В этих голосах сокрыта, я полагаю, основная мистическая сила Стрибога. Далее между флейтовыми голосниками затевается своеобразная игра, они то перехватывают исполнительскую инициативу, всегда очень точно интонированную по розе ветров, то неожиданно замолкают все вместе, чтобы затеять очередную магически проникновенную песнь. Однако все это еще только увертюра. В разогретом состоянии Стрибог по божественному прекрасен и грозен – он шипит, свистит, клокочет. Возникает потрясающая эмоционально-эстетическая панорама, в ней задействованы роскошный внешний вид кумира, богатый звуковой ряд и динамический момент фонтанирующих струй. Зрелище, замечу,

не для слаботерпеливых.

Можно только догадываться, какое внушительное психологическое воздействие оказывал Стрибог на наших прашуров-язычников. Люди под его фантастическое пение предавались восторгам, с его помощью изгоняли хвори, устрашали недругов, одним словом, жили под его покровительством. Сейчас Стрибог обосновался при мне, а может я при нем. Кто знает? Сосуществуем мы, разумеется, с полным уважением друг к другу, сохраняя собственное достоинство.

Как человек, лично соприкоснувшийся с культовым языческим памятником, я в который раз убедился, что наши упования на некоторое поступательное совершенствование людей от века к веку довольно наивны и призрачны. В абсолютном выражении время не делает нас ни умнее, ни лучше. Подобно тому, как сегодняшний заяц никоим образом не отличается от своих сородичей, существовавших тысячу и более лет назад. Человечество в своем развитии всегда было и остается самодостаточным и самоограниченным, в любое время, в любой ипостаси. Происходит это от того, что приближаясь к чему-то и что-то приобретая, мы обязательно что-то утрачиваем, отходим от чего-то очень дорогого и важного. Нелепо, конечно, сравнивать достоинства Благой вести, дарованной нам через Иисуса, с мистическими возможностями Стрибога, но опираясь на собственный опыт должен признать, что совместная жизнь с языческим кумиром, в смысле духовной содержательности, не менее интересна и целесообразна.

Данное обещание следует выполнять, поэтому расскажу еще одну, третью поучительную историю из личного опыта общения с подлинными раритетами, несущими на себе духовные знамения творческих дерзаний великих художников.

Однажды, волею всяких судеб, ко мне в руки попала удивительная скрипка. Это старинный инструмент восемнадцатого века, я склонен полагать – саксонской школы, вероятнее всего, вышедший из мастерской известного автора Иоганна Готфрида Гамма. На инструменте отсутствовала

авторская этикетка, но возможность ошибки по атрибуции данной скрипки я полностью исключаю. На этом прекрасно сохранившемся творении большого мастера, не весть кем были выжжены на обеих деках, по четырем углам и верхнем и нижнем клоче, зловещие знаки пиковой масти. Очень жирные, глубоко вдавленные символы рока придавали произведению вид весьма мрачный. Когда я впервые прикоснулся к скрипке, признаюсь, сделалось не по себе. Естественной реакцией было желание немедленно выпустить скрипку из рук. Но надо понимать натуру истинного любителя старины, для нас ведь чем необычайней, тем заманчивей, тем привлекательней.

Первое, что я сделал после приобретения инструмента, явился в киевскую консерваторию к покойному уже профессору Горохову, на предмет обсудить и прослушать старинный инструмент. Надо сказать, что профессор Горохов был человеком многоопытным, долгие годы проведенным в окружении знатных музыкальных инструментов. Прекрасный педагог, он вполне был осведомленным о мистических возможностях этих загадочных произведений искусства. Когда я открыл футляр, Алексей Михайлович даже не осмелился взять в руки лежащую там скрипку. Он в ужасе посмотрел на меня и посоветовал немедленно избавиться от сомнительного приобретения. К этому присовокупил рассказ о хранящейся в московской госколлекции итальянской скрипке, которую вот уже много лет бояться брать в личное владение концертирующие музыканты. Потому что все исполнители, дерзнувшие воспользоваться услугами великолепного инструмента, по скорой дорожке отправлялись на кладбище.

Об этой невеселой истории я впервые услышал из уст профессора Горохова, но лично меня она не очень шокировала. Почти за каждым экземпляром московской коллекции музыкальных инструментов тянется преступный, кровавый шлейф. Все эти произведения, во времена оные, были разбойничьими методами изъяты у прежних владельцев, часто с последним приветом у краснокирпичной стеночки. Я

все ожидаю, когда-нибудь у наших известных исполнителей, играющих на инструментах ценою в тридцать серебряников, заговорит человеческая совесть и они примутся бойкотировать этот музыкальный освенцем. Похоже, история с роковой итальянской скрипкой никого, ничему не учит. Между прочим, услугами подобной коллекционной скрипки пользуется и наш небезызвестный киевский маэстро Богодар Которович, музыкант с очень сложной личной судьбой. В этом смысле есть о чем призадуматься и многим сотрудникам художественных музеев, выставляющим в экспозициях, истекающие кровью настоящих владельцев, вопиющие свидетельства былых преступлений. Хороши при этом физиономии директоров всемирно знаменитых музеев, рядящихся в великих гуманистов, всегда прекрасно осведомленных, кому по праву обязаны принадлежать вызывающие к правосудию Божию награбленные произведения искусства.

Должен признаться, что меня вовсе не испугали предостережения бывшего человека, напротив, возникло внутреннее расположение к оказавшейся в собственности необычайной скрипке. Уже зловещие символы пиковой масти воспринимались со здоровым любопытством, одним словом, возникло ощущение внутреннего контакта с данной вещью. Достоинства любого музыкального инструмента, в конечном счете, определяются его акустическими возможностями. С этой целью я отправился к знакомому концертмейстеру симфонического оркестра киевского оперного театра, чтобы в зале, в студийных условиях прослушать старинную скрипку. Через мои руки за долгую практику прошло немало интересных инструментов, в том числе и итальянских кровей, однако услышанное на сей раз, откровенно потрясло всех присутствующих в зале. Скрипка обладала очень мощным концертным звуком, при этом тембральный диапазон ее оказался насыщенным такой фантастически яркой палитрой красок, что она буквально физически действовала, волновала ваше нутро. В лирических пассажах звук был настолько теплым

и проникновенным, что невольно подкатывал ком к горлу. Когда же исполнение переходило в более решительные формы, зал наполнялся звуками неподражаемой патетики и драматизма. Потрясенный исполнитель Сергей Шот по временам невольно прекращал игру и внимательно всматривался в дивную скрипку.

Искушенным коллекционерам прекрасно известно положение, согласно которому иногда попадают в собственность антикварные вещи, от которых невозможно избавиться. Не потому, что художественное изделие не представляет собирательского интереса, просто раритет не желает расставаться с вами. Вы будете много раз обменивать, продавать подобную штучковину, а она вновь и вновь сумеет находить вас. И вот каким то подсознательным наитием я почувствовал, что эта клейменная скрипка довольно прочно увяжется за мной. А потому принялся потихоньку забавляться, стал нарочито искать клиентов, дабы сосватать им скрипку и с любопытством наблюдать, каким образом она возвратится обратно. Учитывая уникальные концертные возможности инструмента, я с легкостью находил покупателей, но она невероятно быстро вновь и вновь возвращалась ко мне. Наконец я предпринял решительный шаг и завез инструмент в Крым, на довольно значительное от себя удаление. И вот здесь произошло нечто непредвиденное, скрипка по серьезному проявила свой характер.

Однажды вечером, примерно через полгода после того, как я расстался с таинственной скрипкой, у меня в прихожей раздался дверной звонок. На пороге я встретил женщину и едва признал в ней крымскую скрипачку, которая сделалась владелицей клейменого инструмента. Сказать что она изрядно постарела – это значит не сказать ничего. Передо мной стоял абсолютно несчастный, разрушенный горем человек. Она молча рыдалась и показала свои негнувшиеся в суставах, опухшие пальцы рук, под мышкой у нее я признал знакомый скрипичный футляр. Разговор оказался предельно коротким. Я, разумеется, вернул пострадавшей женщине деньги и принял в дом забавную

проказницу.

История с крымской скрипачкой заставила посмотреть на дело ответственно и я прекратил рискованные игрища. Несколько лет не прикасался к инструменту, пока однажды все таки решился очистить деки от злополучных символов рока, что для скрипичного мастера не составляет большой сложности. Последствия вмешательства в энергетику скрипки оказались для меня примерно такими же, как в случае с ремонтом Стрибога, разве только в более щадящем режиме. Сейчас, насколько осведомлен, скрипка находится в Германии, по-прежнему радует слушателей своим чарующим звуком, и, надеюсь, не доставляет законным владельцам не чаянных хлопот.

Глава шестая

Своим чередом наступил следующий, опять-таки юбилейный, в сорок лет от штурма Зимнего, тысяча девятьсот пятьдесят седьмой год. Тщетно пытаюсь развеять розовый флер моего пионерского детства. То ли издержки возраста, то ли коммунистическая бесовщина какая-то, но право же, вовсе не отложились в памяти внешние признаки проявления социальных неравенств той поры. У нас напрочь отсутствовало восприятие друг друга с позиции имущественного превосходства. Невозможно даже представить, чтобы кто-то из моих одноклассников позволил себе кичиться материальным достатком. Полагаю, такая атмосфера была повсеместно, хотя в моем случае, справедливости ради следует заметить, что я учился

в необычной школе. В луганской школе номер два учились преимущественно дети большого начальства, проживающего в элитарной части города. Родители моих одноклассников – это все больше директора, партийные боссы, вплоть до первого секретаря обкома, воротилы торговли, золотопогонники.

Нет ничего отвратительней, чем нужда в детском возрасте. Ни за что не соглашусь, будто бедность не деформирует душу ребенка необратимым образом. Никакими разумными доводами не возможно объяснить маленькому человеку, почему у одного все есть в изобилии, в избытке, а у другого только жалкие крохи на общественном пиру жизни. У ребенка неизбежно возникают чувства зависти, обиды, озлобленности, весь комплекс самых отвратительных ощущений, беспощадно угнетающих становление полноценной личности. Поэтому я не очень-то доверяю людям, бравирующим своим босоногим детством. Подозреваю, что у подъездов многих преуспевающих ныне моих соотечественников булгаковский профессор Преображенский поостерегся бы оставить без присмотра свои бесценные калоши.

Безмерно благодарен своим трудолюбивым родителям, что лично меня миновала суровая чаша сия. В нашем роскошном сталинском доме, одном из самых респектабельных в городе, папа первым приобрел новую «Победу», модели М-20. Шикарный по тем временам автомобиль, цвета «беж». Папа первым построил капитальный каменный гараж со смотровой ямой, он и до сей поры благополучно стоит во дворе. Сейчас-то я хорошо понимаю, что иметь собственную «легковуху» означало по тем временам очень многое, было знакомой высшей благополучия и доставляло истинное наслаждение.

Чего стоили одни только летние поездки к Черному морю. Машин мало, дороги свободны, заправки, зоны отдыха, придорожные рестораны всегда доступны, в образцовой готовности, без суеты и хамства, готовы предоставить свои услуги. Автомобили ездили тогда не торопясь, скорость движения позволяла полноценно общаться с окружающим миром. Ты успевал рассмотреть в открытое ветровое стекло

каждую травинку, любую птаху. Можно было свободно, без оглядки остановиться у приглянувшегося озера, у чистой речки, расположиться на отдых, хотя бы и на ночь, порыбачить, разложить костер, слушать музыку, мечтать, любоваться звездами, надеяться и верить, что ты храним на Земле чьим то добрым радением.

Летом я всегда спал на открытом балконе, прямо над въездной аркой нашего благополучного дома. Удивительно бойко протекала по ночам дворовая жизнь, когда со всей области свозили к начальству подношения, дары полей и птицефабрик. Уже по резонирующим в парадной арке двигателям мог догадываться, к какому подъезду и какому слуге народа обломилась гуманитарная помощь в виде бараньих туш, коробков с куриными яйцами, ящиков с вишнями, бидонов с медом. Попаховым мусорам, дабы те избежали страданий голодающих Поволжья, дармовой харч подвозили в новеньких «воронках», обкомовцам на черных «волгах», хозяйственникам – на крытых брезентом газиках. Пусть мусора – народ и не самый сентиментальный, но жратва в «воронках», несомненно, заряжалась благородной аурой, что придавало легкую пикантность семейному достатку.

Я категорически не приемлю, когда начинают делить коммунистов на честняков и проходимцев, не желаю слушать байки про истинных ленинцев-бессеребренников и обкомовских злыдней, по черному опустошавших колхозные закрома. Потому что все коммуняки, все до единого, паразитировали на нуждах общества, другое дело, в меру отпущенных возможностей. Страна советов была устроена таким замысловатым образом, что если вы устраивались работать в гараже обыкновенным водителем, то в зависимости от того, были ли вы большевиком или беспартийцем, возникали, как говорят в Одессе, две большие разницы. Коммунисту немедленно предоставляли лучший автомобиль, выписывались доходные путевые листы, что очень сказывалось на заработной плате. Беспартийцу доставалась какая-нибудь подзаборная колымага, под колесами которой

в бесконечных ремонтах и протекал трудовой процесс, с соответствующим денежным довольствием. Так было повсюду, в любой сфере человеческой деятельности. А ведь были еще всевозможные премиальные выплаты, санаторные путевки, пионерлагеря, устраивание детей в институт, распределительные продажи, и коммуняки при раздавании всех этих совковых милостыней, стояли в первых рядах насмерть.

В пятьдесят седьмом году произошло событие, значение которого мы все еще до конца не осознаем. Я имею в виду запуск первого искусственного спутника Земли. Потом будет блистательная космическая эпопея с полетом человека по околоземной орбите, с высадкой астронавтов на Луну и много чего еще. Но все это будут, прямые свидетельства наших технических побед, ознаки свершений научного толка. Тогда же произошло глобальное тектоническое потрясение нашего вселенского миропонимания. Мало кто в действительности знал, что из себя представляет, как далеко от Земли летает таинственный спутник, и где его можно увидеть, хоть краешком глаза. Но люди напряженно всматривались в ночное небо и впервые, за всю историю своего существования, искали среди сонма звезд рукотворный маячок земного происхождения. То был колоссальный, прежде всего психологический прорыв в глубины Вселенной. Человечество впервые реально осознало возможность распространения своего влияния за пределами Земли, к тому же, как бы воочию убедилось, что она действительно круглая.

Мне, если верить календарю, исполнилось одиннадцать лет. Я по-прежнему подхожу по ночам к своему любимому окну и вижу все. Вижу площадь, увитую красным кумачом накануне большевистского шабаша. Плещутся на ветру знамена, волнуются портреты вождей, надуваются транспаранты, голосят революционные призывы. Ночь, площадь пуста, но гордо реет на шпилье Дома техники, щедро политое кровью моих соотечественников, багровое знамя Октября. Спросите, для кого реет? А так, для себя и еще для шельмующей на лишениях

своего народа кучке прохвостов, судьба отечества которых, ее великая история никогда не касались и не интересовали.

Завтра седьмое ноября, стало быть в нашем доме развернется большое гуляние. Побойтесь Бога вообразить что-либо худое, праздник состоится в связи с днем рождения моей мамы, так уж случилось. Придет много гостей, соберутся родственники. К этому времени все Дмитриевы перебрались в Луганск и только бабушка Ульяна осталась доживать свой век в Красном Луче. Но приедет и она, обязательно с дорогим подарком. Строгая, все еще энергичная, так и не разлучившаяся до конца своих дней с памятью прошлых лет.

В ней постоянно присутствовала упрямая надежда на возможность нечаянной встречи со своим мужем. Эта надежда подпитывалась массой невообразимых историй, которых в круговерти войны и азарте сталинских репрессий складывалось неимоверное множество. Цена человеческой жизни, по тем окаянным временам, опустилась до таких смехотворных значений, что любой делопроизводитель с легкостью путал фамилии, искажал адреса, не нарочито, по известной славянской безалаберности. Иногда люди получали фронтовую похоронку или лагерное извещение о смерти, а спустя некоторое время, давно оплаканный, а часто и позабытый человек, возникал перед очами ошалевших родичей. Бабушка дожидалась мужа всегда. Я даже уверен, если бы он постучал к ней в окошко, то встретила бы его так, как встречают супруга с работы или с прогулки. Она ничего не желала, не смела менять в своей жизни.

В нашей большой семье все дни рождения отмечались обязательным образом, непременно с гостями и крепким застольем. Папин день рождения приходился на тридцатое сентября, это было серьезное семейное торжество, как по значению, так и по размаху. Все понимали, что без папиных именин не было бы ничего и никого. Увы, время только подтвердила это. По удивительному стечению обстоятельств многое в моей личной жизни оказалось связанным с этой датой.

Поздравлять маму начинали рано, сразу по завершению

демонстрации. Гости приходили возбужденные, слегка разогретые в праздничных колонах. Папа частенько приводил с собой нечаянных, непредвиденных гостей-сослуживцев, с которыми острограммился на параде, чем немного огорчал наших бабушек, но виду те не подавали. Жданные гости являлись с подарками, со свежими сплетнями, анекдотами и хохмами, неизбежно возникающими по ходу грандиозного праздничного шухера. Удивительное дело, как только начиналось застолье, о «коммунистической пасхе» уже не вспоминал никто. Наверное, это великая удача, что у нас был свой семейный праздник именно седьмого ноября. Мамин день рождения, словно оберег, заслонял домашний очаг от большевистской проказы.

Надо сказать, что по мере моего взросления самый главный советский праздник постепенно изрядно тускнел, он приобретал откровенно ернический характер. Люди, приближаясь к светлому будущему, радовались октябрю все больше без вдохновения, это дело превратилось в одну из форм совдэповской повинности. Человек, дерзнувший проигнорировать демонстрацию, рисковал попасть в черный список, всегда хранящийся под сукном до известного часа. При раздавании совковых милостыней могли прокатить на талон для приобретения ковра, или обнести детей путевкой в пионерлагерь.

Я хорошо помню октябрьские торжества в пятидесятые годы. Праздничная демонстрация в Луганске была организована таким образом, что сначала почти весь город собирался на Красной площади, под нашими окнами, чтобы оттуда выстроенными колоннами двинуться к высоким трибунам, разбитым у подножия памятника Ленину, по одноименной улице. Между прочим, немцы, оккупировавшие город, не стали рушить памятник вождю мирового пролетариата. Они поступили изобретательно – одели на голову Ильичу ржавое, поганое ведро и воткнули в руки метлу. Вот таким веселым пужалом и стоял в центре города Владимир – красное солнышко. Не понимаю, зачем и не знаю, что испытывали люди шествуя широкими рядами перед местными партийными придурками, но я с чистой

совестью свидетельствую: под нашими окнами разворачивалось грандиозное гуляние.

Ни свет, ни заря, на Красную площадь лихим десантом съезжались для торговли праздничными угощениями всевозможные конские фуры, автомобили, передвижные палатки. Они располагались по всему пространству площади, и из них выгружались привезенные товары. С глухими вздохами выкатывались дубовые пивные бочки, тархтели ящики с портвейном, коньяком, лимонадом. Разворачивались и выставлялись балыки, колбасы, сыры, окорока, корейки. Специальными пирамидами, на подобие елки, укладывался «Гвардейский» шоколад, шоколад «Труд», папиросы «Дюбек». Раскрывались торты, пирожные. Вкус, аромат, сам вид этой снеди таков, что нынешнее гастрономическое изобилие представляется неудачной пародией. Если современного молодого парня прикормить той французской булкой да с ломтем хоть какой угодно колбасы, он, как пить дать, замурлыкает «смело, товарищи, в ногу».

Следом за торговлей на Красной площади появляются мужчины в военных формах. Они проходят спешно, в глянцевах сапогах, и не обращают никакого внимания на яркогубых продавщиц, аж до дрожи накрахмаленных кокошников, чующих славную поживу. Сразу за военными наступает черед мельтонов. Те идут не торопясь, по-хозяйски оглядывая изготовившуюся торговлю и заранее предвидя прорву хлопот, веселых и не очень. В восемь часов, как шайкой по голове, со всего замаха врубают громкоговорители и площадь вздрагивает от запала праздничных военных маршей. Будто по мановению дирижерской палочки на Красную площадь вываливает разухабистый люд. Идут со знаменами, портретами, шарами, транспарантами. Идут группами, вдвоем, поодиночке. Шагают бойко, налегке, чисто вымыты и выбриты, в лучших одеждах, с сияющими лицами, в полной боевой готовности. Каждая организация загодя определяет место сбора на Красной площади. Вот там-то, как бы исподволь, и начинается настоящее гуляние.

Никто не приходит на праздник с пустыми руками, потому что только глупые люди начинают веселье с покупного. Портвейн, коньяк – это все будет, но только потом, когда в захмелевших головешках деньги утратят привычную, будничную цену.

Сначала кто-то украдкой, едва ли не из рукава, извлечет чекушку и робко полюбопытствует: «Ну, а ждем-то чего?». Кто-то, покопошившись в потаенном кармане обнаружит раскладной стаканчик, а кто-то шустренько развернет пирожки, котлеты, огурчики. Женщины не будут стоять в стороне, сейчас же настелят платки, по-своему разложат котлеты, огурчики, добавят солений, курятинки. Возникнут фляжки, бутылки, стаканы, рюмочки, и уже не разберешь: где чья котлета, где чье соление.

Для разгона, конечно, опрокинут за революцию. Только не надо, прошу вас, думать, что при этом кому-то привидится залп «Авроры». Пьют, во-первых, потому что собрались все вместе, что музыка кругом, что знамена, что можно с начальством говорить на равных за одним столом. И как же тут не выпить? Пьют, во-вторых, потому что для этого специально пришли и к этому серьезно готовились. И, в-третьих, пьют потому что должно же это чем-нибудь, когда-нибудь закончиться. Этот праздник, весь обернутый в красное, должен же в конце концов обнажиться и показать свое настоящее нутро.

А потом загремят духовые трубы, расправятся гармони, закружит, запоет, запляшет подобревший народ и не потому вовсе, что седьмое ноября. Просто, вдруг все почувствуют, что жизнь – удивительно вкусная штука. Однако у распорядителей праздника возникнет немало хлопот, чтобы к назначенному часу организовать весь этот разгулявшийся хоровод, с разноцветными шарами и флагами, в стройные колонны советских тружеников.

Если разобраться, то коммунистическая эйфория пятидесятых, а она была, самая прекраснотдушная из всех лет советской власти, во многом обусловлена смертью Сталина. Так всегда бывает, когда из жизни уходит настоящий хозяин, а оставшиеся наследники, погрузив для порядка, пускаются в

проматывание накопленного капитала. Советский народ, вкупе с Никиткой Хрущевым, по простоте душевной решил, что это прикативший с гор злодей Иосиф препятствовал строительству коммунизма. Хотя, в действительности, именно с уходом Сталина и завершилось его реальное конструирование. Пусть никто не сомневается, отпусти Господь вождю еще десяток лет и страна организованно вступила бы в светлое настоящее, имея в виду, что хождение денежных знаков на территории Союза было бы прекращено, за полной ненадобностью. Все как в заправдашной зоне.

Со смертью Сталина фактически начался глубинный распад гигантской империи. Страна, взнузданная усилиями человека-дьявола, была настолько крепка и надежна, что понадобилось сорок долгих лет для бездарного ее разрушения. Трагедия страны советов заключается в том, что Ленин и Сталин лепили ее под себя, под свой злой гений. Только в случае прихода к власти такого же человека-демона могло продолжиться ее успешное функционирование. Однако сама система не в состоянии была репродуцировать из своих высоких рядов настоящего предводителя и потому она была обречена. Людей, равных по масштабу обитателям мавзолея, возносит стихия бунта. В тепличных условиях, когда становление личности волочится по пионерским и комсомольским дружинам, вожди не созревают.

Для того, чтобы понять, кем был Сталин или какой-нибудь там Брежнев, достаточно взять любую вещь, сработанную в сталинские времена, – табуретку, шифоньер, топор, ботинок, книгу, чайник и сравнить ее с подобным экземпляром эпохи Леонида Ильича. Если в первом случае на всем лежит печать надежности, добросовестности, то во втором – везде халтура, подтасовка. Ключ к разгадке этого феномена очень прост. При Сталине не было двойной морали. Можно соглашаться или нет со сталинской идеологией, но это уже другой вопрос. При Брежневе страна действительно превратилась в империю лжи, причем не в рейгановской, а еще в более дикой редакции, потому что эта ложь, в первую очередь, была обращена против

собственного народа.

Я убежден, что в массовом сознании большевистский обман окончательно оформился к полувековому юбилею Октября, к тысяча девятьсот шестьдесят седьмому году. Разумеется, первый тяжелый удар по коммунистическим идеалам был нанесен развенчанием культа Сталина. Все ведь знали, что позади огромные жертвы, миллионы безвинно погибших людей, но величие идеи как бы допускало и подобную людоедскую цену. Оглашение культа произошло по той причине, что пришедшие к власти сталинские прихвостни решили немедленно отмежеваться от своего кровавого прошлого, дескать – наша хата с краю. Народ же понял все по-своему, и как всегда очень правильно. Никому не было дела до того, кто лично подписывал и исполнял приговоры: Хрущев ли, Сталин ли, Ворошилов ли. Важнее всего оказалось то, что приговоры исполнялись не во имя великой идеи, а в результате нечеловеческой кровожадности, трусости, подлости наших вождей. И это повергло людей в шок, народ буквально офанарел от нечаянного откровения.

В нашей интересной стране, при наличии красивой идеи, кровь никогда никого не останавливала. Корни этого безобразия уходят в далекие языческие времена. Согласно языческим поверьям, человек в загробной жизни навсегда остается тем, кем покидает этот мир. Славяне никогда не давались живьем в плен, они скорее соглашались принимать смерть, нежели на века оставаться рабами. Иноземцы панически боялись наших пращуров, всячески избегали прямых стычек со славянами, ибо знали наверняка: биться придется до смерти. Так что выбирать между идеей и жизнью – это наше излюбленное занятие, почти как гадание на ромашках.

Второй нокдаун, с крюка, любезно преподнес народу генсек Никита. Этот неугомонный деятель своей дремучей некомпетентностью (в сравнении со Сталиным он был обыкновенным неандертальцем) своей взбалмошностью и агрессивностью умудрился за считанные годы довести страну до карточной системы. И все под звон политических бубенцов

и фанфаронских обещаний. Если бы Никиту в шестьдесят четвертом не турнули, он скорее всего развалил бы страну. Всего-то оставалось шлепнуть пятно на лысину, пропечатать отметиной шельму.

Я желаю быть правильно понятым. При Сталине большинство граждан страны советов, увлеченное строительством светлого будущего, вне всякого сомнения, жило впроголодь. На Руси перед большим праздником всегда полагалось крепко выпоститься. Иосиф Виссарионович был настоящим государственным стратегом, он точно выдерживал дистанцию между желаниями и возможностями подопечных несмышленьшей. Показное изобилие, оно как пучок сена на конце оглобли перед очами запряженного мерина, постоянно манило сытым ароматом светлого коммунистического будущего. При Никитке и любоваться оказалось нечем, продукты напрочь исчезли с прилавков магазинов, не потому что их стали меньше производить, просто показное гастрономическое изобилие сожрали, на аппетитной волне, так называемой, хрущевской оттепели.

О достатке советских трудящихся в приснопамятные хрущевские времена здорово напоминает мне приезд родной тети Лены из-под старинного Ельца. Перед тем, как отправиться к нам на Донбасс в гости, ей довелось погулять на свадьбе у кого-то из наших дальних родственников, и она по свежей памяти живописала моей мамаше свадебное изобилие. На вопрос «Чем угощали гостей?» тетя Лена с восторгом сообщила: «Веришь, Тамара, (моя мама) щи со стола не сходили». Надо иметь ввиду, что здесь не какая-то аллегория, не литературный пассаж, а информация прямого действия. То есть человек таки съедал тарелку щей, и ему тотчас же подсовывали новую, это и было верхним пределом возможностей свадебного разгуляя для очумелого строителя коммунизма.

Но впереди, как бы там ни было, маячила символическая дата – пятидесятилетие советской власти. В сущности, к тому времени уже никто ни во что не верил, работала подсознательная

привязка к мистической метке. Каждый рассуждал про себя: если к пятидесяти годам торжества советской власти ничего сверхъестественного не произойдет, то уже не произойдет ничто и никогда. Индюку понятно, что ничего особенного не случилось. Разве только покричали, побесились возле затянутых ситцевым кумачом трибун больше обычного. Люди, как водится, попели, поплясали, опохмелились и дружно сказали себе: коммунизм – это бред сивой кобылы. Вот так бесславно наши соотечественники окончили в тысяча девятьсот шестьдесят седьмом году поход в коммунизм.

Это по нынешним беспечным временам с легким сердцем можно потешаться над недавним коммунистическим прошлым. Кто из нас не силен задним умом. В школьные мои годы все обстояло совершенно иначе. Без тени иронии почтенные дяденьки и тетеньки доверительно живописали детям о прелестях будущей жизни, уготованной с подачи Владимира Ильича. Многие наставники в сердцах завидовали подросткам, иногда с раздражением подчеркивали халаянность грядущего благополучия, обломившегося нам не весть за какие заслуги. Мы же на переменках, в перерывах между воспитательными актами, принимались фантазировать на тему предстоящей безденежной жизни. Чаще всего упражнялись в находчивости по поводу бесплатных магазинов и наперебой сочиняли дармовые приобретения из полюбившихся кондитерских изделий.

Мы-то дети – нам простительно, но ведь и серьезные люди, уважаемые ученые, целые институты осуществляли какие-то важные пересчеты по обеспечению коммунистических потребностей. Социологи, представители экономнауки, выдавали в средства массовой информации оптимальные нормы по количеству штанов, съеденных яиц, израсходованных карандашей, требующихся для полноты коммунистического счастья. Все научно обоснованно, с ссылками на классиков марксизма-ленинизма. Вот только не припомню, как обстояло дело с минимальным количеством улыбок, сочувствий, добрых пожеланий, без которых даже лошадиное существование не

мыслится по-хорошему. Кремлевские отморозки всегда видели в подопечном народе биологическую массу, высшей радостью для которой, отводилось разве что, хоровое пение. Не случайно в диссертации одной будущей первой леди, посвященной организации досуга советских людей, хоровому пению отводилось исключительное, самое почетное место. А чтобы не путали с сомнительным застольным пением после бокала доброго вина, все виноградники распорядились выкорчевать, дабы не нарушать идиллию. Они-то точно знали, за каждого из нас, кому что положено, а кому чего и нельзя.

Все-таки мы удивительные люди. При коммунистах запреты носили ярко выраженный идеологический характер, они если и были неприемлемы, то хотя бы как то понятны. В нынешние раздемократические времена все больше проклевываются признаки националистических, читай – людоедских заборов. Сегодня любой заведующий сельским клубом, сплошь и рядом из тех, которых совсем недавно коммуняки майкой гоняли на водопой, может с легкостью решать за каждого из нас, каких артистов следует привечать, а каких и нет. Этим ребятам не терпится разруливать масштабные общенациональные проблемы, потому им доподлинно известно, на каких языках следует петь песни, читать стихи, в каких штанах, в каком сопровождении, порой забывая о своих непосредственных обязанностях, в том числе и чистке сортиров.

Я вот часто задаюсь вопросом, почему именно в нашей стране реализовалась эта импортная, ведь знаем же откуда приплывшая, симпатичная коммунистическая идея. Авторы самой универсальной теории человеческого счастья ведут себя как Собакевич на званном обеде. Тот, если помните, умял со старта здоровенного осетра, а потом, целый вечер, со скучающим видом тыкал вилкой какую-то паршивую рыбешку, изображая полное равнодушие к гастрономическим слабостям. Чопорные европейцы ведут себя еще паскудней, они серчают, возмущаются, строят оскорбительные физиономии, дескать: до чего же обнаглели эти русские, затеяли у себя какую-то

бестолковую революцию и мутят воду по всему белому свету. Терпение, господа хорошие, помните библейскую мудрость: «все возвращается на круги своя».

Мне представляется, что в деле возникновения коммунистической идеи, так же, как и в вопросах практической реализации этой абракадабры, решающая роль принадлежит христианскому вероисповеданию. При этом почетные лавры авторства теоретических основ коммунистического кошмара, несомненно, следует отнести на счет католической церкви. В то время, как доблесть заслуг по воплощению западных прогрессивных откровений в реальную жизнь по праву принадлежит родной православной церкви.

Речь не идет о злоумышленном заговоре христианских первосвященников, с конечной целью вывода человечества под коммунистические хоругви, речь о другом, о неспособности официальной церкви вести за собой общество, быть его нравственным знаменем, его гуманитарным оправданием. Вместо того, чтобы сделаться «хлебом жизни» по заповедям Иисуса, церковь постепенно превратилась в параллельный мир, изощренно обставленный всевозможными табу. Здесь, на запретной территории, неплохо устраивались и успешно делают это донельзя ловкие парни, вольготно паразитирующие на духовных чаяниях и нуждах людей. Коммунистическая абракадабра сделалась своеобразной рефлексией общественной мысли на церковный произвол, чинимый духовенством в христианском мире. Люди, что называется, с черного хода пытались подобраться к вершинам Нагорной проповеди. Фактически просвещение пыталось интеллектуальными средствами решать нравственные проблемы общества, по существу подменяя прямое назначение церкви. Если немного углубиться в историю развития христианства, можно с абсолютной достоверностью обозначить критические вехи падения евангельского духа в церковном обращении и, как следствие, популяризации коммунистических идей, своеобразного новозаветного эрзаца. До возведения христианства в ранг государственной религии,

наследники евангельской вести представляли живой организм, состоящий из различных течений, не во всем согласных между собой, иногда конфликтующих, но неизменно находящихся в процессе творческого самообновления. Именно возможность свободного поиска, перспектива нахождения новых, еще неизведанных путей Господних, наполняли деятельность первых христиан особым смыслом сопричастности ко Христу. Это было время жесточайших гонений, власти всеми способами пытались препятствовать распространению христианских идей, полностью отрицающих превосходство и владычество земных князей. Но подвиг Спасителя, но высветленный им путь к вершинам бессмертного духа, наперекор гонителям, завоевывали все новых последователей. Во главу своей деятельности первые христиане ставили призыв Иисуса «Яко кто хочет, следуй за Мной». Разумеется, яко кто не хочет, волен оставаться сам по себе. Во все времена находились люди, честно следующие по Христу, но только первые века остались в истории церкви полностью незапятнанными всевозможными дельцами и прохвостами, лихо обустроивающими свою греховную жизнь под молитвы верующих людей.

Когда Константин Великий принимал решение о провозглашении христианства официальной государственной религией, его меньше всего интересовала эзотерическая сущность новозаветного исповедания. Слово «религия» происходит от латинского глагола «связывать». Император, как государственный деятель, руководствовался исключительно соображениями целесообразности. Он усмотрел в христианской доктрине универсальный инструмент, с помощью которого удобно держать подопечный народ в повиновении, то есть связывать его в необходимом покорном положении. Императора до глубины души устраивала в христианской догматике чудесная возможность «отсрочки по платежам». Человек, принявший Христа, ничего не требовал для себя в земной жизни, воздаяние предполагалось где-то там, далеко, вне зоны ответственности царствующих особ. Ничего лучшего для любого правителя

и придумать нельзя, вот уж воистину дар небес, почти как перспектива построения коммунизма.

Давно известно, если кто-нибудь когда-нибудь вознамерится развалить любое живое дело, не надо выдумывать ничего сверхъестественного, достаточно просто придать процессу правильную организацию, еще лучше – возглавить его. И дело будет загублено на корню, бесповоротно. Потому что глупо и безнадежно становиться поперек водяного потока, гораздо разумней направлять его в нужное русло. Нечто подобное произошло с христианским учением. Взяв на вооружение и возглавив христианское исповедание, император Константин тот час же принялся формулировать неискаженную «Истину Христову», так сказать, стерильно правильную, окончательно выверенную истину, разумеется, в соответствии с его личными представлениями и интересами. Власти немедленно развернули деятельность по разработке и обеспечению интеллектуального понятийного арсенала, обслуживающего христианское богословие. К тому времени существовало много различных версий новозаветного повествования. Одних только евангельских текстов, отличных друг от друга, насчитывалось более десятка. Мы знаем евангелие от Фомы, от Павла, от Марии и так далее. Книги, которые по понятным соображениям не устраивали авантюрную власть, не были канонизированы и остались в собрании апокрифов. Для придания христианству приемлемого властям оформления были организованы Вселенские соборы, постановления которых объявлялись обязательными к исполнению для всех христиан. На этих соборах принималась оптимальная редакция священных Новозаветных текстов. Не должно быть никакого сомнения, что канонизированные на этих сановных собраниях тексты были аккуратно выправлены, приспособлены под нужды текущего момента. Соборы проходили в очень жарких дискуссиях, многие видные богословы оказывали отчаянное сопротивление реставраторам Христова наследия, за что подвергались жесточайшим репрессиям.

Мало кто из современных ревнителей христианства

подозревает, что самый ранний список известного нам текста священного Евангелия датируется пятым веком. Он хранится в Британской национальной библиотеке с тех самых пор, как был преступно продан большевиками в годы красного беспредела. Это вовсе не означает, что до пятого века не существовало письменности и не имели хождения более ранние редакции Благой вести. Это свидетельствует лишь о том, что все ранние тексты священных заветов Господа нашего Иисуса Христа кого-то по принципиальным идеологическим соображениям очень сильно не устраивали, а потому были тщательно уничтожены.

Методы, которыми христианство насаждалось в Римской империи, сами по себе являлись грубейшим надругательством над Евангельской вестью. Ничего общего с христианской моралью не могли иметь варварские гонения на язычников, которые возглавил александрийский епископ Феофил. Наверняка, сожжение оболваненными христианами Александрийской библиотеки, крупнейшей сокровищницы мировой культуры, или разрушение храма Сераписа, при котором погибло уникальное собрание древних рукописей, имели своей главной целью не столько уничтожение языческих манускриптов, сколько расправы с подлинными раннехристианскими текстами. Как бы там ни было, но остается фактом, что в наших руках не оказалось ни одного евангельского списка до вселенского соборного периода. Очень может быть, что то Евангелие, которым мы ныне пользуемся, имеет лишь отдаленное отношение к слову Божьему, возведенному миру Господом нашим Иисусом. И разве результаты двух прошедших тысячелетий, прожитых во многом под знаком Новозаветных рекомендаций, не свидетельствуют об этом же?

Так же весьма вероятно, что появление Корана, вскоре после проведения Вселенских соборов, тотально заорганизовавших, исказивших христианскую идею, сделалось своеобразной реакцией исконной религиозной мысли на оголтелый произвол, чинимый «закваской фарисейской». Отнюдь не случайно первым словом к Мухаммаду от архангела Гавриила был

призыв: «Читай!». Само название «Коран» в переводе с арабского означает «то, что читают». Видимо читать то, что осталось после Вселенских соборов во многом утратило боговдохновенный смысл. Мухаммад познакомился с Кораном в откровениях, книга ниспослана была Пророку частями, источником ее он называл «Небесную книгу». Очень здорово, что Коран начали записывать еще при жизни Пророка. Пусть не полный сборник сур, но отдельные фрагменты переданы, что называется, из первых уст. Можно только представить, каким счастьем было бы для христиан всего мира прикоснуться мыслями к подлинным речам Господа нашего Иисуса, минуя формулировки евангелистов, да еще в редакции Вселенских соборов. Справедливости ради надо заметить, что и судьба Корана оказалась отнюдь не безоблачной. В соответствии с арабской письменностью краткие гласные звуки тогда не записывались, это позволяло читать одни и те же слова по-разному, придавать им особое толкование, что неминуемо привело к разночтениям и к возникновению семи канонических вариантов изложения Корана.

Искусственная христианизация римского общества, носила, несомненно, формальный характер. Граждане, крестьяне по воле императора, лукаво пренебрегали духовной стороной принятого исповедания. Император щедро одаривал церковную кассу, тем самым провоцировал многих принимать крещение из корыстных побуждений. То, что раньше существовало как «христианство-мученичество», в одно мгновение превратилось в «христианство-процветание», поскольку открывало дорогу к почестям, богатству, власти. Таким образом, христианская идея, которая дарована была миру чтобы преобразить его, заразившись мирским духом, оказалась союзником зла, рабом правящего класса. В конечном итоге церковь сделалась аренной политической борьбы и расколола христианский мир на два противоборствующих лагеря – на Западное и Восточное исповедание. В самом общем виде на Востоке церковь сделалась необходимым придатком, инструментом светской власти,

а на Западе – государство стало играть роль инструмента, обслуживающего интересы церковной власти.

В данном случае нет никакой необходимости анализировать сложные теологические противоречия, разделяющие два магистральные христианские направления, а они есть, и весьма существенные. Попытаемся разобраться лишь: каким образом в общественном сознании римского исповедания созрела коммунистическая идея? И почему эта идея реализовалась именно в обществе причастном к византийскому исповеданию?

Многие люди знают, что каноническое изображение распятого Христа в православной и католической иконографии имеет свои специфические особенности. В вопросах религии не бывает пустяков, тем более, когда речь идет о трактовке самого кульминационного события в земной жизни Спасителя. Любые различия в подходах к изображению Голгофских страданий являются в высшей степени знаковыми. У католиков распятый Христос изображается таким образом, что одна нога Спасителя перехлестывает другую, и обе они закрепляются на кресте одним гвоздем. В православной иконографии ноги Спасителя не переплетаются, и каждая из них крепится на кресте отдельным гвоздем.

Символическое исполнение католического распятия призвано напоминать верующим, что все люди, исповедующие католичество, составляют одно целое, скрепленное единым церковным гвоздем, как ноги у распятого Спасителя. Декларируемое единство церкви и паствы позволяло духовенству проникать во все сферы человеческой деятельности, вплоть до личной жизни. Римская церковь на протяжении многих веков фактически выполняла государственную функцию, она прессинговала своих граждан по всему жизненному пространству. Часто делала это откровенно грязно, не брезгуя методами инквизиции, что привело к широкому протестантскому движению. По существу католичество посягало на священное достояние человека – быть свободным. Тотальное доминирование, жесткое давление церкви, вполне

закономерно, вызывало обратную реакцию, потому что, согласно законам Ньютона, «сила действия равна силе противодействия». Вместо желаемого единения люди стали замыкаться в себе. Они приходили в храм Божий, садились на скамью, принимали участие в общественном богослужении, но сердцем своим оставались наедине с собой. Вот эта духовная человеческая разобщенность западного мира жива и поныне, не взирая на видимое внешнее благополучие.

В православном мире все происходило с точностью до наоборот. Восточная церковь никогда не выказывала стремления подчинить свой воле гражданское общество. Ее философское кредо изначально заключалось в том, что каждый человек стоит пред Богом сам по себе, и об этом она заявляла в иконографических канонах, изображая распятого Христа с независимым закреплением каждой ноги по отдельности. Православная церковь никогда грубо не посягала на личную свободу человека, не вторгалась бесцеремонно в его повседневную жизнь. По известному закону противодействия люди восточного исповедания сами устремились сердцем своим в лоно церкви, в братские объятия друг к другу, и возникло то вожделенное единство, высочайшая церковная соборность, за которую так безуспешно боролось католичество. Не случайно стержневым рефреном в православном богослужении звучит призыв: «Миром Господу помолимся». Никогда ни в какие времена ни в одном католическом храме не возможно было совершать высочайшие подвиги религиозного духа, которыми полна история нашей церкви. Это только православные христиане имели мужество в годину испытаний сотнями душ затворяться в намоленных святынях и заживо предавать себя огню, во имя веры отцов, во славу Господа Христа Иисуса. Зашашлычить публично кого-нибудь на кострище, чтобы Земля не вертелась без толку, это у католиков получалось превосходно, но чтобы самим вознестись сквозь огонь жертвенного подвига, тут уж увольте, как говорится, только после вас.

Обыкновенный человек, как известно, существо стадное,

поэтому для полноценного функционирования сообщества людей всегда требуется некоторая консолидирующая интеллектуальная модель, наполняющая общественную жизнь коллективной целесообразностью. В западном мире подобную консолидирующую функцию длительное время выполняла католическая церковь. Однако к середине второго тысячелетия эта «контора» настолько нравственно разложилась и дискредитировала себя, что уже само духовенство включилось и возглавило широкое протестантское движение. Почти все великие реформаторы вышли из лона католической церкви. Прогрессивные религиозные деятели настойчиво искали пути обновления института церкви, возвращения ей доверия граждан. Светское общество, в противовес церковному мракобесию, пребывало в мучительных поисках новых социальных идей, по преимуществу тяготело к модели «Республики» Платона. Некая усредненная версия справедливого социального устройства человеческого общежития предлагалась автором «Града солнца». У Кампанеллы продуманная завершенность функционирования платоновской республики искусственно комбинировалась с уставом монастырских общин и этот уродливый симбиоз абсолютно несовместимых идеологий щекотал воображение европейских мечтателей. Западное общество в конце концов приняло церковную реформацию с последующими глубокими социальными преобразованиями. Но вот освоить кампанелловские утопии в полном объеме, с установлением специальных общинных порядков, европейцам не привелось. Не потому что они оказались так уж умны или особенно прозорливы, этому серьезно препятствовала закрепленная католичеством разобщенность людей.

Нравственное состояние православной церкви, в период западной реформации, было несравненно чище и богобоязненней, поэтому протестантские идеи не могли иметь решительной поддержки в нашей стране. Но вот социальная программа общинного устройства жизни людей рано или поздно просто обязана была реализоваться в православном

мире. Этому способствовала кажущаяся легкость, с которой соборность православного вероисповедания накладывалась на выпестованную римским западом утопию построения града солнца.

Кроме вышеизложенного была еще одна весьма тонкая причина состояться коммунистическому шабашу в наших пределах. Вы когда-нибудь задумывались, почему самый главный храм России, собор Василия Блаженного на Красной площади, посвящен юродивому? Между прочим в недрах собора покоятся святые мощи великого подвижника духа. В ответе на этот отнюдь не тривиальный вопрос заключен сакраментальный побудительный мотив реализации марксистско-ленинских идей непосредственно в нашем отечестве. Юродство – это высочайшая религиозная доблесть, несомненно наиболее праведный путь к достижению Царствия Божия. Институт юродства Христа ради возник как достояние православной веры. Больше нигде в христианском мире подобное служение не получило признания и распространения. Отказываясь от земных благ, исповедуя категорическое презрение к прелестям сего века, люди заживо достигали горнего света и обретали неземные дары. Являя миру подлинные свидетельства торжества религиозного духа над брэнной плотью, юродствующие подвижники стяжали в награду чудесные способности – могли пророчествовать, исцелять с неподдающиеся разумению эффективностью. Таким образом низложение, попираание земных человеческих потребностей издавна считалось на святой Руси самым высоким, самым доблестным духовным служением. Не молочные реки и вовсе не кисельные берега манили православный народ в коммунистическую западню, а исключительно бескорыстное служение великой идее, независимо от качества ее теоретического наполнения. Сам факт посвящения жизни чему-нибудь идеальному, пуще того, вкупе с тяготами сегодняшнего дня, был очень любезен, приемлем для нашего человека, как особая разновидность юродства. Вот почему так затейливо, так органично сплелись судьбы и прахи блаженных юродивых,

почивающих в причудливой близости на Красной площади первопрестольного православного града.

Одно дело, когда жизнь человека и система общественных отношений формируются в соответствии с традициями, духовными чаяниями данной общности людей, и совсем иное дело, когда правила жизни начинают подгонять под какие-нибудь очень умные наущения. Человеческая природа совершенна и самодостаточна сама по себе, без всяких украшений и ненужных забот о ее дополнительных приятностях и справедливостях. Коварство, авантюризм коммунистической идеологии парадоксальным образом проистекают от якобы благих намерений, которыми вымощена дорога известно куда. Чем отличается здоровый человек от покойника? Да в общем-то ничем, разве только в последнем отсутствует энергия жизни. Так вот коммунистическая идеология очень правильная во всех отношениях, за исключением самой малости, она подавляет человеческую инициативу, в ней роковым образом истребляется энергия жизни. Коммунизм – это не просто заблуждение, это преступление против самой жизни. Преступление, проистекающее от великого хамства, в основе которого лежит иступленное неприятие мира Божьего, включая презрительное недоверие и полнейшее отсутствие любви к человеку.

Большевистские идеологические нестыковки с реальной жизнью обнаружили сразу же, в первые годы советской власти. После октябрьской революции по всей стране прокатились волны стихийных восстаний, особенно крестьянских. Люди категорически протестовали против грубого навязывания им неестественного способа и образа ведения жизни, они нутром своим чуяли фальшь. Власти отреагировали своеобразно. Кроме того, что бунты были подавлены жесточайшим образом, большевики сделали следующие практические выводы. Идея построения коммунистического общества, несомненно, гениальна, но люди не совершенны, вот в чем беда. И большевики, засучив рукава, принялись перековывать ни в чем неповинных людей.

В этой связи показателен знаменитый конфликт, разразившийся в академических кругах молодой советской республики. Сталин хотя и не был генетиком, но человеком слыл умным, он, безусловно, понимал, что позиция Вавилова, с точки зрения научной компетенции, значительно прогрессивней доморощенных умствований академика от сохи товарища Лысенко. Но теория Вавилова вступала в противоречие с главной задачей партии, генетика отвергала возможность сотворения человека новой формации, соответствующего требованиям коммунистического момента. Судьба ученого была предопределена, коммунисты до сей поры только разводят руками, с физиономией, выражающей восхительное: «Вас здесь не стояло».

С лысенковщиной сталинские установки на селекционные работы по выращиванию солнечного человека стыковались превосходно. В качестве наглядного пособия был поднят на пьедестал известный преобразователь природы Мичурин Ваня. В его задачу входило выращивать по личному усмотрению всевозможные садовые диковины, отрабатывать методу разведения краснопузых экземпляров. В народе бытует упрямая молва, что герой труда Мичурин трагически погиб при сборе урожая со своей любимой клубники. То есть, он таки вырастил чудо-куст величиной с баобаб, дождался урожая, стал карабкаться за ягодами, но не удержался на ветке, затарактел и разбился до смерти.

Нынче в Западной Европе происходят удивительные процессы. Стареющие, почтенные народы сбиваются в табун, печально видеть и понимать, что происходит это вследствие очевидной усталости хереющего старого света, перед лицом пробуждающегося Азии, с неминуемым глобальным стратегическим и экономическим переделом. Европейцы наивно рассчитывают обрести могущество в продуманном, интеллектуально выверенном единстве. «Все возвращается на круги своя», так учит библейская мудрость. А ну, как зацветет, заколосится на эйфелевке клубника, ведь какие уважаемые

люди головы посворачивают. Жизнь никогда не обещала быть скучной, но заварка, но интрига начала третьего тысячелетия воистину не предсказуема для судьбы старого света.

Глава седьмая

Когда-то давно люди умели обращаться с магией чисел. Знание таинственного значения математических символов называется «каббалой». Закрепленный, закабаленный цифровым набором знаковый смысл чисел, применительно к отдельному человеку или какому-либо явлению, может оказаться добрым и не очень. Для советских людей доленосной, воистину роковой отметиной оказалась цифирь «58». Это номер зловещей статьи из уголовного кодекса, положившей барьер, расколовшей страну на две нестыкующиеся половины. На тех, кто ретиво применял, и тех, кто обреченно испытывал ее беспощадную формулировку, неотвратимую, как топор палача, как конец света – «враг народа».

Мне представляется, что и тысяча девятьсот пятьдесят восьмой год, при всей своей неприметности, оказался знаковым в жизни страны, на предмет ее неминуемой гибели. Внешне, как часто бывает в серьезных делах, все выглядело на удивление весело, можно даже сказать симпатично. На улицах наших городов стали появляться странные экзотические персонажи, так называемые «стиляги». Иногда пытаются рассматривать стилижничество пятидесятых как некоторый модный рецидив прошедшего всемирного фестиваля молодежи в Москве, иногда

ставят вопрос очень круто и усматривают в стиляжничестве особую форму протеста против тоталитарного советского режима. И то и другое абсолютно неверное, крайне упрощенное видение прокатившегося по стране стихийного движения.

Стиляги – это молодые люди, который носили одежды вызывающе ярких тонов, слушали и танцевали рок-н-ролл, всем своим видом подчеркивая личную независимость и раскрепощенность. Стилягами становились советские граждане, которые раньше, чем кто-либо в нашей стране ощутили, что человечество вступает в новую, принципиально иную жизнь, которая приведет к компьютерам, мобилкам, спутниковым антеннам. Своими зелеными с мартышками галстуками, ботинками на толстой «микропоре», шевелюрами-коками они предвосхищали сегодняшние времена, к которым наша страна, увлеченная реализацией бредовых идей европейского средневековья, то бишь построением коммунизма, вовсе не готовилась.

Нужно хорошо понимать, что цивилизацию нельзя принимать избирательно. Квантовая теория, «Битлы», компьютеры, рок-н-ролл тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены между собой. Хрущев был настолько дремучим человеком, как в прочем и все последующие головотяпы, дефилирующие на мавзолейном подиуме, что у них не хватало ума относиться к прогрессу как к комплексному достоянию человечества. Им все казалось, что ракеты, компьютеры – это хорошо, но Элвис Пресли – ни в коем случае, хотя дураку понятно, что одно без другого абсолютно невозможно. Мы проиграли научно-техническое соперничество с Западом во многом потому, что норовили собирать вершки с питательной закваски, в которой бродило человечество во второй половине двадцатого века.

Существует много различных версий по поводу безвременной гибели динозавров. Чаще всего это горе связывают с резким изменением климата на Земле, наступившего вследствие соударения нашей планеты с солидным блуждающим космическим телом. Мне же представляется убедительной

толковая идея, согласно которой сама природа отвергла нерациональные формы развития жизни, основанные на бесконтрольном наращивании массы тяжеловесных животных при относительно скудном объеме мозгового вещества. Нечто подобное произошло и с Советским союзом. Страна советов бестолково, непропорционально много увлекалась гигантскими начинаниями – строила БАМ, крепила военную мощь, перекачивала русла рек, но при этом не позволяла свободно развиваться мозговому веществу, жестко фиксировала его в рамках дозволенного.

В целом гигантомания – весьма обманчивая и коварная штука. Вот представьте, вам выпала удача и вы сделали владельцем новенького стоквартирного дома, при условии, что жить в нем обязана только ваша семья. Очень скоро это кажущееся счастье превратится в кошмар по обслуживанию принадлежащей вам собственности. У вас просто не хватит ни сил, ни средств на финансирование коммунальных услуг, на бесконечные ремонты водопроводных кранов, столярки, парового отопления. В нашей бывшей стране всегда с большим восторгом подчеркивали, что на территории какого-нибудь сибирского колхоза можно с легкостью разместить восемь Франций. При этом мало кто задумывался, чего стоит государству обслуживание этих необъятных просторов, оказавшихся в собственности народа. Наверняка существует некоторая масштабная целесообразность рационального соотношения между количеством населения и занимаемой им территорией, с наиболее эффективными экономическими последствиями. Иначе самыми счастливыми и процветающими на Земле людьми должны оказаться чукчи. Это у них самые большие пространства, да еще с залежами алмазов и нефти, не в пример какой-нибудь зачуханой Японии.

Тем не менее, к концу пятидесятых появилось два вида штанов. Те, кто за Родину и за Сталина, носили «клеша». Космополиты, умащивая пятки банным мылом, натягивали «дудочки». Скажу без ложной скромности: пусть не в пятьдесят восьмом, пусть несколько позже, но к «дудочкам» имел отношение и я.

Мама сшила мне, не сама, конечно, у знакомой портнихи, из папиного серого костюма изумительной красоты модные брюки с широченными манжетами. К штанам присовокупили желтые носки и красно-коричневые туфли на «микропоре». Никогда уже, во всю жизнь, я не буду испытывать столько радости, столько восторга от ношения личной одежды, как от тех, перелицованных из папиного старого костюма штанов. Впрочем и это не вся правда. Будет у меня в жизни еще один подарок от кутюрье, но об этом разговор впереди, поскольку связан он с хромовыми сапогами, лагерьной уже моей экипировки.

Надо ли сомневаться, что мой крестный, родной дядя Павел, до конца своих дней носил неизменно «клеша». Красота того кроя, в отличие от нынешних легкомысленных брюк, заключалась в верхней части штанов. Они плотно облегали сильное мужское тело. На них явственно выделялись широкие ременные петли, четко прострачивалась вызывающая уважение ширинка. Штаны украшали благородного кроя карманы, выточки, все скомбинировано крепко, рельефно. Одним словом – шедевр.

В пятьдесят восьмом году дядя Павел с супругой и двумя сыновьями наконец-то въехал в государственную квартиру, ведь до этого они горемыкали по чужим углам. Родина предоставила советской трудовой семье, за верную многолетнюю службу, в личное пользование двухкомнатную «хрущевку». Какое привычное слово, но сколько значения, сколько смысла таит в себе это коммунистическое сладкозвучие. Помню, как сейчас, на новоселье к дяде Павлу я ехал с папой и мамой в деревянном, гремящем трамвае, с большим внутренним подъемом, искренне радуясь за своих близких родственников. Папа держал в руках новенькие, с блестящим никелированным маятником, настенные часы. Но, как говорить, человек предполагает, а «хрущевка» располагает.

Прозрение не заставило долго ждать. Оказавшись в прихожей, у меня возникло ощущение западни, полная иллюзия плена, такое впечатление, что ты попался и это уже навсегда. Радость тотчас сменилась недоумением. Обойдя квартиру-мышеловку,

с застенчивой мини-кухней и еще более мини-сортиром, мы все еще улыбались и поздравляли новоселов, но чувство досадной обманутости просматривалось на всех лицах. Мне, между прочим, никогда в жизни не случилось пользоваться в полном объеме услугами совмещенных хрущевских санузлов. Интересное дело, в них устроено все настолько компактно, что, очутившись в так называемой сидячей ванне, ты немного пребываешь и в унитазе. Потому что, как не верти, если туловище расположено в ванне, то голова обязательно окажется при унитазе, если же голова в ванне, то задница, опять-таки, норовит пристроиться в объятия холодного керамического сидалища.

А теперь сами призадумайтесь: может ли человек, выскочивший из совмещенного малогабаритного санузла, практически из-под унитаза, прискакать на городскую площадь и публично требовать от своих властей немедленного вывода советских войск из Чехословакии? Как вам вопросик, он же и ответик на бесконечные поиски причин всех несчастий, обрушившихся на наш очумелый народ и продолжающих сыпаться нескончаемым камнепадом. Унижения, которым подверглись мои соотечественники за годы краснопузой власти, не поддаются никакому измерению. Это дикая ложь, вопиющая неправда, что возникновение «хрущевок» продиктовано жилищной необходимостью. Эта необходимость живуча в нашей стране, как перпетуум мобиле. Но уж лучше жить в коммуналке, на чужой квартире, однако все-таки с надеждой на обретение достойного человеческого жилища, нежели оказаться в унизительно-издевательском благополучии до конца своих дней. Мой родной дядя Павел, фронтовик, кавалер солдатской «Славы», так и покинул этот мир не отведав, не испытав элементарного удовольствия от купания в большой чугунной ванне, где можно свободно потянуться, расслабить уставшие члены и ощутить, убедиться, что жизнь – действительно прекрасная штука.

Сталин в этом смысле был стократ умнее. Он точно знал, что надежное будущее создается методически, упорно, без суеты и

спешки. Ведь наша квартира на Красной площади и по прошествии полувека остается вождеденной мечтой многих современных состоятельных людей. Загоняя своих граждан в хрущевки, власти фактически ввергали их в звероподобное состояние и закладывали на будущее неминуемую гибель страны. Потому что рядовой труженик, испивший утренний чай в хрущевской кухне, где и трем тараканам невозможно разминуться, не потревожив друг друга не очень растопыренными усами, должен был отправляться на производство и конкурировать со штутгартским слесарем-сборщиком на ниве производства автомобилей. Отсюда, с кухни, с утреннего чая начинается непостижимая для многих разница между «Мерседесом» и «Запорожцем».

В Советском Союзе, за годы большевистского маразма, была создана уникальная среда обитания, из которой, как из гвоздильного станка выплевывались удивительно примитивные, очень похожие друг на друга, товарищи-граждане. Как справедливо заметил советский поэт Николай Тихонов: «Гвозди бы делать из этих людей, в мире бы не было крепче гвоздей». Когда я говорю о среде обитания, имею в виду весь материально-вещественный мир нашего окружения. Противно вспоминать висячие книжные полки, серванты с хрустальными, стены в плебейских коврах. Все эти прелести совкового благополучия доставались человеку с огромным усилием, в страданиях, как награда за доблестный труд или свидетельство его изворотливости. Поголовная безвкусица, выхолощенность, унифицированность примитивного совкового быта, особенно постсталинского периода, поражали своей убогостью и, конечно же, очень корректировали духовное содержание подрастающих поколений.

Нельзя упрощать степень влияния окружающего предметного мира на качество формирования человеческой личности. Не к ночи будет сказано, но я никогда не поверю, что если повесить над детской кроваткой одну из гипсовых, крашенных грязной охрой уродливых масок, которыми буквально наводнили страну в начале перестройки, то из этой дитятки вырастет

какой-нибудь Шопен или Моцарт. Вот хоть тресни, никогда не одолею, о чем думает взрослый дядя, неся в собственный дом, по собственной воле подобную гадость. Все эти уродливые гримасы приплыли в наши края из джунглей, от племенных народов, живущих в первобытном состоянии. Принося в дом частичку их культурологической среды, мы как бы погружаемся в туземное бытие, и тогда остается один только шаг в компанию аборигенов, закусивших филейными прелестями несчастного Кука.

Сегодня почти невозможно встретить в чьей-либо квартире настоящее, подлинное произведение искусства. Даже известные люди, имеющие претензию на некоторую причастность к культуре, удовлетворяют свои запросы на вернисажах Арбата и Андреевского спуска, в действительности на уровне китча. По художественным достоинствам любое творение неутомимых базарных поставщиков мало чем отличается от гипсовых страшилищ, привезенных с уличных развалов республики Бангладеш. Невозможно переоценить значение присутствия в человеческом жилище хотя бы одного подлинного произведения искусства. Оно как свет зари, как камертон благовеста наполняет весь дом особым ароматом деликатности и чистоты, связывающей нас с божественной предвечностью. В таком доме никогда не вырастет мерзавец, негодяй не приживется под этюдами Левитана, не развернется в присутствии мейсенского фарфора.

Практически все советские люди родом из китча. К деградации духовного состояния общества основательно приложились наши любимые художественные музеи. При этом, чем выше статус музея, тем значительнее мера его вины перед собственным народом. Несметные запасники, которые буквально трещат от хранящихся там материалов, были созданы по преимуществу на основе изъятых у населения предметов красоты. Если раньше миллионы прекрасных художественных произведений выполняли очень необходимую и благородную работу – они формировали духовный облик людей, то теперь томятся в заточении, в подвалах наших выдающихся музеев.

Давно набрыдло пресловутое сравнение музейных коллекций с блуждающими айсбергами, но ведь именно невидимая, подводная ледовая глыба сразила бедолагу «Титаник». Точно также незадействованная в экспозициях, большая часть музейных собраний, смертельно ранит наше одичавшее общество, живущее вне культурно-исторического контекста.

Речь не идет, конечно, о Рафаэле и Сурикове, но доложу вам, что даже у моего родного деда, деревенского кузнеца, имелось в наличии прекрасное столовое серебро, вышедшее из известных мастерских ювелира Хлебникова. До меня дошла чудом уцелевшая серебряная чарка, которой дедушка имел удовольствие пользоваться. Имел удовольствие пользоваться изделием Хлебникова и я. Очень советую, обязательно обзаведитесь старинной серебряной чаркой. Возвращаясь домой из нелегких мужских дорог, присядьте к обеденному столу с любимой супругой, наполните старинное серебро крепкой, холодной водочкой, пригубите чарку и вы обязательно ощутите на устах живительную прохладу благородного серебра, проникающую в самое сердце вашей уставшей плоти. Мера напитка, глоток предельно выверены, ни капли ни взять, ни добавить. Все настолько умно, удобно, приятно, что вы уже никогда в жизни не притронетесь к этим псевдохрустальным рюмочкам и стопочкам, легкомысленно позвякивающим в хлипких совковых сервантах.

А еще у меня хранится приданное бабушки Ульяны – старинные, с боем, настенные часы. Помню их с раннего детства. Каждое воскресенье папа самолично поднимался на ореховый стул, потолки-то были будь здоров, и заводил часовой механизм. Ритуал очень строгий, никто не смел самовольно забавляться пружинным ключом или подводить циферблатные стрелки. Папа делал это основательно, не торопясь, мягко вкладываясь в старинный «бэккеровский» механизм. Настоящий часовой ход сродни семейному гимну. Все живущие в доме круглыми сутками купались в этих глубоких, умиротворенных звуках, они задавали особый ритм всей нашей жизни. Ритм спокойный, надежный,

весьма располагающий к любви и добропорядочности. Я иногда слышу звуки мобилки-будильника, напоминающей моей дочери о необходимости собираться в университет. Это даже не звук, какая-то электрическая суматоха, напоминающая хаотическую возню нереализовавшихся сперматозоидов. До чего же жалко нынешнюю молодежь, досадно за родную дочь, но ведь ничего не изменишь, ничего не поделаешь.

Размышляя о всех надругательствах над средой нашего обитания, невозможно обойти вниманием, мучительно подбираю смысловой эквивалент, и культуру градостроительства, особенно в части нынешнего церковного строительного бума. Сравнительно недавно завершилось возведение Михайловского Златоверхого собора в городе Киеве. Казалось бы, чего желать, когда храм красуется во всем своем великолепии. Однако массового ликования верующих людей, в этой связи, как-то не очень заметно. Неверующим же одинаково весело – что строить, что взрывать. Наши высокие правители, отличающиеся, как известно, исключительной набожностью, в простоте душевной смотрят на храм Божий, как на «Ваньку-встаньку». Махнул рукой – рухнуло, махнул другой – заново вскочило. Между тем практика возведения и содержания культовых сооружений имеет строгую религиозную традицию, освященную церковными таинствами и многовековым христианским опытом. Как бы хотелось, чтобы эта область человеческой деятельности осталась неприступной для большевистской методологии.

Я вот все ломаю голову: а для чего, собственно говоря, нынешним властям потребовалось возводить столь дорогостоящий архитектурный комплекс, как Михайловский Златоверхий. Сказать, что православному народу тесно в киевских церквях, это будет, мягко говоря, не совсем верно, ибо храмы наши во время богослужений, как правило, полупусты. Предположить, что власти руководствуются желанием вернуть древнему Киеву его старинный, дореволюционный облик – значит отказать властям в наличии здравого рассудка, ибо такая задача невыполнима в принципе, да и нелепа сама по

себе. Ведь тогда придется возрождать и «конку», да пожалуй и «золотарный» промысел. Если заподозрить, что киевские власти страдают от переизбытка средств, значит их усилия следует обратить к более животрепещущим нуждам общества. Не худо, например, выстроить приличный интернат для нашей беспризорной детворы, да много чего хорошего можно осуществить с помощью этих средств. А быть может, мы являемся свидетелями негласного соперничества между нашей столицей и Москвой, где с переполоху отчебучили вроде бы как настоящий храм Христа Спасителя.

Почему я сомневаюсь в подлинности вновь возведенного храма Христа Спасителя? Да прежде всего потому, что подменен, утрачен феноменологический побудительный мотив возникновения этого сооружения. Люди, возводившие первозданный храм Божий, вкладывали в свое детище сердечное духовное благодарение Господу за освобождение России от иноземных завоевателей. Нынешние радетели восстановления храма Христа Спасителя руководствовались совершенно иными побудительными мотивами. Вся их суматошная деятельность неприлично откровенно напоминает мрачные времена покупателей и торговцев индульгенциями. Как ни кривляйся, но голая правда состоит в том, что власти фактически вознамерились откупиться звонкой монетой за свои преступления перед церковью Христовой. Не уверен, что Всевышний склонен поощрять подобные игрища. Есть что-то карикатурное в данном грандиозном проекте, весьма напоминающим судьбу кремлевской Царь-пушки, отлитой, как оказалось, на потеху почтенной публике.

А еще немаловажно вот что. Сегодняшние зодчие принципиально не в состоянии воссоздать старинный памятник в полном объеме, как с технической стороны, так и с художественной точки зрения. Ставить перед собой подобную задачу так же нелепо, как требовать от наших далеких предков, возводивших Михайловский Златоверхий, умения конструировать космический ракетоноситель. Я полагаю, нет

нужды выстраивать бесконечный список уникальных атрибутов храма Христа Спасителя или Михайловского комплекса, которые ставили их в ряд всемирно известных памятников культуры. Атрибутов, которые мы утратили навсегда – невосполнимо. Поэтому сегодня, в сущности, возводятся некие фантомы, наподобие призраков из музея восковых фигур. Вроде бы и похоже, совсем близко, а вот пойдешь ты – не поведешь под венец.

Старая истина учит: в одну и ту же воду нельзя войти дважды. Современные строительные технологии основаны на цементных композициях, в отличие от старинных яично-известковых связующих веществ. К тому же почти все сегодняшние конструктивные элементы имеют стальное или железобетонное решение, что делает нынешние сооружения абсолютно непригодными для религиозных богослужений. Надо обладать совершенно крокодильей толстокожестью, чтобы не чувствовать весь холод, всю нежизнелюбовность, заэкранированность этих глухих бункеров, куда не проникает ни один божественный посыл из Царствия Небесного. Никакой истинно верующий человек, находясь под железо-бетонным перекрытием современных храмов-бункеров, не в состоянии ощутить на себе небесный покров Пресвятой Богородицы.

Однако зачем-то ведь возникают, появляются на свет Божий эти помпезные сооружения. Подозреваю, что в основе рождения современных храмов-призраков лежит интеллектуальная беспомощность нашей общественной мысли. Только неумение разглядеть перспективу, явная неспособность общества прогнозировать свое будущее, заставляет нас жить с головой, обращенной в прошлое. Мы постоянно копошимся в старых временах, кого-то там хулим, кого-то оправдываем и все ищем, безнадежно ищем оправдания дню сегодняшнему. И боимся, малодушествуем по дню завтрашнему, ибо не видим себя в нем. Спору нет, люди должны обращаться к памяти прошлого, но созидать-то надо день сегодняшний, устремленный в будущее. Лишь только то общество может рассчитывать на безоблачное

процветание, которое своими творческими усилиями как бы опережает время, и уж ни в коем случае не пытается вернуться в состояние давно прошедшего.

К тому же, лично я, например, очень тревожусь, весьма опасаясь, что если разрушение Михайловского комплекса было чудовищным надругательством над телом Христовым, то нынешнее его как бы восстановление легко может обернуться в надругательство над кровью Христовой. Ибо страшным, трагическим для православной церкви был разгул большевистской чумы, но более коварными, для самого православного духа могут оказаться большевистские методы руководства над церковным домостроительством. По разрушительным своим масштабам, по губительности для всего православного исповедания второе надругательство куда как страшней и зловещей, нежели первое. Потому что те же самые шкодливые руки, которые много лет подряд настойчиво мостили на вербного ослика кремлевских вождей, ничтоже сумящся норовят возвести на броневику Голгофское ристалище.

Могу, без труда, изложить длиннющий поименный список этих шкодливых лап, но, во-первых, бумагу не хочется марать и еще – очень противно. Взять того же первого президента нашей страны. Леонид Макарович в бытность свою долго возглавлял идеологический отдел ЦК КПСС Украины. Стало быть, с утра до ночи, с неопишущим сладострастием измывался над религиями наших народов. За свою шикарную жизнь он настроил столько всевозможных сатраповских циркуляров, оскверняющих церковь, унижающих исповедальные чувства людей, что черти в аду последнее время постоянно ломают от недоумения рога и копыта: оказывается они еще не научились делать жаровню, способную вместить всю эту гадость и запечь фигуранту именинный большой каравай. Сделавшись президентом страны, ясновельможный пан Кравчук разумеется не уgomонился, он с удвоенным усердием принялся дожирать православную веру, незаметно подкравшись к ней с другой стороны. Самостийный церковный раскол, учинимый этим комиссаром от религии в

кожаном картузе, бездарно расчленивший страну на Восток и Запад, уже принес и еще доставит нашему народу столько хлопот, столько несчастий, что и предугадать невозможно. Это как раз и есть классический образчик водружения Креста Господня на башне бронепоезда, или все тот же «куцен-бацен» в исполнении солиста кремлевского ансамбля зажигательных песен и плясок.

Каждому нормальному человеку должно быть понятно, что негоже открывать танцевальную площадку в Бабьем Яру, у подножия памятника жертвам фашистского зверства. То есть, открыть-то там развлекательное заведение, в принципе, конечно, можно, и как знать, может так и случится, но с точки зрения человеческой морали делать это нехорошо. Вообще, в цивилизованном обществе существует много различных мест, где делать что-то хорошо, но что-то и нежелательно. Как водится, чем больше хамства, тем больше вседозволенности, ведь дикарю позволительно все и в любом месте.

К возведению храмов Божьих, во все времена, окромя нынешнего, люди относились с величайшей бережностью. Места, на которых возводились храмы, выбирались особым образом, часто с промыслом сил небесных. Для верующих людей такие Богом отмеченные места воспринимаются как территории, наполненные спасительной благодатью. Надо сказать, что понятие «благодать» является основополагающей доминантой в христианской мистерии. В материалистическом толковании это понятие необъяснимо. Оно как категория «совесть»: вроде бы физиологически два совершенно одинаковых человека, только у одного совесть есть, а у другого ее нет вовсе. Для христианина любое явление в этом мире подразделяется в контексте со знаком наличия или отсутствия благодати. Верующий человек смотрит иногда на роскошную грудь, обильно уснащенную драгоценными панагиями и крестами и, в полном соответствии с системой Станиславского, говорит себе: не верю. Вот так и я, смотрю на нынешний Михайловский Златоверхий, а что-то внутри настойчиво щемит: не верь им.

Я хочу еще раз напомнить всему миру, что место, на котором возвели нынешний Михайловский Златоверхий, несет на себе следы совершения величайшего преступления против церкви Христовой. Имеется ввиду варварское убийство ни в чем не повинного древнего православного храма. Следовательно, само место это, как принято считаться у религиозных людей, пребывает в скверне. Поэтому, ни о какой Божьей благодати, освящающей строительство и функционирование вновь возводимого храма не может быть и речи. Мера осквернения этого места не идет ни в какое сравнение с мерой покаяния нашего общества, если таковое вообще происходило, когда-нибудь наблюдалось в стране.

Истории известны случаи возведения храмов Божьих на местах совершения страшных преступлений. Это так называемые храмы на крови. Мы знаем храм на крови в Петербурге, который освящает место убийства императора. История хранит в памяти факты возведения почитаемых святынь после разрушения их иноверцами. Но все это преступления иных содержаний, иных побудительных мотивов. Никогда еще люди не совершали таких чудовищных преступлений против своей собственной религиозной культуры, ни один народ не опускался в своем самоосквернении так низко и мерзко, как это сделали мы. Поэтому я-то думаю, что путь к спасению народа, к обретению благодати Божией будет куда как сложнее и, надеюсь, доблестней, нежели авральное возведение храмовых призраков на местах прежде поруганных святынь.

Приятно, наверное, жить с наивной уверенностью, что вот пришел бородатый батюшка, помахал кадильцем, совершил эдакое благорастворение воздухов, и все окрест обволокло елейным духом ладана, дарующим присутствие спасительной благодати. Между тем вопрос о существовании благодати Божией имеет сакраментальное значение во всем христианском вероисповедании. Для того чтобы разобраться, что есть небесная благодать на самом деле, надо крепко усвоить, чем отличается Старый завет от завета Нового. В нашем интересном отечестве

даже люди, профессионально занимающиеся проповедью Евангельского слова, зачастую не умеют толково объяснить, чем отличается Ветхий завет от Нового, почему Старый завет не устраивал народы, зачем потребовалась Евангельская весть. А уж те из моих соотечественников, которые самодовольно величают себя просвещенной интеллигенцией, и вовсе безнадежно плавают в этом вопросе, хотя до чего ловки ссылаться на библейскую мудрость.

Так вот, довожу до сведения широкой публики. Вершиной Ветхого завета является закон. Избавитель израильского народа объединил своих единокровных братьев законом в повиновении Божию. Пророк Моисей, величайший из когда-либо живущих на земле людей, сформулировал требования-заповеди, соблюдение которых давали человеку надежду именовать себя чадом Божию. Человек не признававший, не исполнявший эти заповеди, пребывал в грехах – от него отворачивались силы небесные. Закон был строг и тверд. По преданию он был начертан на каменных скрижалях, что свидетельствовало о его незыблемости.

Новый завет учит, что вместе с верою в светлое воскресение из мертвых Иисуса Христа, в человека вселяется ниспосланное свыше состояние благодати, дарующее внутреннее ощущение закона Божьего. Такой, отмеченный благодатью человек, соблюдает заповеди Господни не потому, что они начертаны на каменных скрижалях запретительным слогом, он делает это по велению своей религиозной совести, ибо заповеди Божии становятся заветами, запечатленными на скрижалях его бессмертной души.

Ведь что такое буквами начертанный закон для человека? Например, на Украине всегда существовал и остается в силе выписанный красивыми буквами закон, который не велит человеку воровать, однако, это отнюдь не сделалось помехой для наших шляхетных комсомольцев разграбить богатейшую страну. Всегда был и остается в силе закон, не рекомендуемый убивать людей, особенно хорошо он известен служителям

Фемиды, дяденькам в золотых погонах, которые взяли да и призабыли его, повстречавшись с журналистом Гией Гонгадзе. Новозаветный человек, пребывающий в благодати Божией, никогда не станет воровать или убивать, независимо ни от каких буквами прописанных законов, ему не позволит этого делать его собственная религиозная совесть. Преимущество благодати Нового завета над буквой закона завета Ветхого столь же велико и значительно, сколь огромно превосходство живой плоти над мертвым камнем. Если мы отвергаем наличие благодати Божией, то этим самым отвергаем славу Христовых страданий и славу светлого Его воскресения.

Нам не дано знать, по какому расчету и принципу Господь расточает спасительную свою благодать. Однако, верующая душа безошибочно остро отличает наличие или отсутствие благодати Божией в любом человеке, в любой житейской ситуации. Наши православные прихожане прекрасно ориентируются, где служит священник всамделишный, отмеченный небесной благодатью, а где кропит мир сей откровенный шарлатан. Знают люди храмы, щедро отмеченные благодатью. Знают и храмы, лишённые такой высокой чести. Рассчитывать, что в заново отстроенном Михайловском соборе будет с избытком расточаться милость Божия, по меньшей мере – бессовестно. Тогда возникает извечный вопрос: что же делать? Прекратить функционирование храма или заново разрушить его? Ничуть не бывало, скажу я вам. Начатое дело всегда следует завершать. А вот что делать потом, об этом надо хорошенько поразмышлять.

Мне представляется, что Михайловский Златоверхий собор должен стать в нашем отечестве храмом сокрушения, святым местом покаяния для всего народа. Может быть, наподобие Стены плача в Иерусалиме. Было бы весьма уместно, если бы церковные иерархи нашли возможным организовать в храме круглосуточное бдение, с непрерывающимся чтением покаянного канона Андрея Критского, дабы Господь даровал стране прегрешений оставление. Чтобы любой наш гражданин, во всякое время дня или ночи, мог прийти в сей молитвенный дом и выразить

там свое сердце, совершить великое таинство христианского исповедания. И, быть может, когда мера раскаявшихся наших сердец превысит меру преступления, совершенного на месте воздвигнутого собора – произойдет невечернее чудо и отворится животворная благодать христианской мистерии. Как знать, пути Господни неисповедимы. Мы помним, что великий грешник Савл, по призванию свыше, сделался великим праведником, апостолом Павлом. Будем же молиться, чтобы Господь, по неизбытной милости и щедрости Своей и, конечно, по усердию веры в наших сердцах, даровал Михайловскому Златоверхому собору счастливую православную судьбу.

Возрождение духовной славы Михайловского комплекса не мыслится без возвращения на свое исконное место нетленных мощей великомученицы Варвары. Подвиг этой страдальцы за веру Христову почти тысячу лет служил духовным знамением Златоверхого собора. Сейчас невозможно даже вообразить, какое несметное количество паломников прибегло к помощи святой Варвары, за многие века, и получило избавление от тяжких недугов, с упованием на заступничество великомученицы. По мнению христиан, врачующая сила святых мощей наиболее ярко проявляется в защите от внезапной и насильственной смерти. В добрые времена считалось, что чудодействие происходит и от «серебра и злата, в кои мощи заключены». Серебряная рака с пьедесталом, весившие около двадцати пяти пудов, усеянные бриллиантами и увешанные драгоценными дарами от важных доброхотов, вплоть до царствующих особ, разумеется, не обойдены оказались чутким большевистским вниманием. Уперли все, конечно, сволочи и следа не оставили. Расправиться с мощами великомученицы у киевских краснопузых отморозков градусу не достало, а ведь в Питере руки не дрогнули подвергнуть уничтожению святые мощи самого Александра Невского. Его серебряную раку высвободили для важных государственных дел, а с мощами легендарного князя, и секунды не сомневаюсь, покончили раз и навсегда.

Всем тем, кто распространяет бредни про нынешнее

возрождение религиозного духа в стране, основываясь на повальной эпидемии картинно осенять себя крестными размахиваниями руками по поводу и без, советую на минуточку отложить все свои грандиозные дела и заглянуть во Владимирский собор, где сиротливо ждут своего триумфального часа много чего повидавшие на своем веку нетленные мощи Варвары. Если серьезно разобраться, по подлинности происхождения, по давности лет, по мужеству духовного подвига и силе целительных возможностей, святыня, пребывающая во Владимирском соборе, не имеет во всем христианском мире чего-либо равного. Окажись подобное молитвенное достояние в какой-нибудь Англии или Америке, тотчас устроили бы вавилонское столпотворение, народищу бы потянулось со всего света видимо-невидимо, кто по религиозным убеждениям, кто по надежде получить на халяву избавление от неизлечимых болезней. Вот где большевики опростоволосились в разлюбленные тридцатые, могли бы переправив святыню за океан и срубить неплохие деньжишки. С другой стороны, завези к нам из-за бугра какой-нибудь блестящий ларчик с подозрением на присутствие в нем чего-нибудь магического, зевак припрется, навалит в черных лимузинах столько мерзопакостины, что голова кругом пойдет. Вот в этом все мы, вся наша вера, вся наша дурь.

Интересно, задавался кто-либо из киевских ревнителей чистоты православной веры обыкновенным вопросом: по чьей недоброй воле продолжается разлучение мощей великомученицы Варвары с Михайловским Златоверхим собором? В принципиальном плане на этот вопрос существуют два варианта полноправных ответов. По одному из которых, нашим высоким государственным небожителям, крестно размахивающим руками под объективами телекамер, словно мельничными крыльями, глубоко наплевать на судьбу великой православной святыни. По второму ответу, выражусь на сей раз исключительно тонко, предельно филигранно: кому-то во Владимирском соборе до жути страшно оставаться один

на один со своей интересной биографией. Кто-то шкурой своей насмерть прилепился к священным мощам великомученицы, как за последнюю надежду, как за последний патрон. Быть может какая-нибудь уборщица, а может еще кто. Впрочем, не стану распространяться по этому деликатному поводу, чтобы как-нибудь ненароком не бросить тень на чье-нибудь персональное благочестие. Лучше догадайтесь сами, о ком идет речь. Учитывая невероятную сложность поставленной задачи, предлагаю фору: попробуйте определиться хотя бы с пяти тысяч раз. А скорее всего в нашем случае работают сразу оба бессовестных фактора, до срока, конечно. Ведь не следует сбрасывать со счетов, что святая Варвара является и покровительницей артиллерии, так что сама она вроде бы как небесное орудие. Такое если гроыхнет, как выражается нынешняя молодежь, мало не покажется.

Очень настораживает, что подобное легкомысленное отношение к древнейшей христианской святыне никого не волнует, и это при наличии несметного полчища новоиспеченных богоносцев при пионерских галстуках. Трудно даже представить, чего здесь больше – глупости или невежества. Разумеется, можно не верить в Бога, это вовсе не обязательно. В конце концов, абсолютно не важно, как ты веришь в Бога, главное, верит ли Бог тебе. Но уважать историю своей страны, хранить верность памяти предков, быть залогом незыблемости почитания и местонахождения религиозных святынь обязан любой нормальный человек, правда, если он в самом деле нормальный.

Глава восьмая

В пятьдесят девятом мне исполняется тринадцать лет. Это упрямое время под печальное сияние небесной лампы бороздит планету. Что и говорить, нежнейший возраст, когда кажется, что позади уже много всего, а вперед вообще не проглянуть, как в туманную ночь у окна. Где-то там, высоко в ночи, томится безмолвием Луна. Одной лишь ей известно, что мир существует сам по себе, что мы явились сюда на мгновение, ведь мы приходим и уходим, а холодный свет Луны от века и донныне висит над бездной. Много старше, научившись созерцать любовь, я буду переноситься в пространство, где нет никаких измерений, где не на чем остановить взгляд и не на что опереть ногу. И в этом ледящем мозги ничего, станет проявляться волшебный цветок, очень напоминающий бутон тропического алоэ. В тиши прозрачного эфира ясно слышится небесный перезвон колокольчиков хрустала, и под эту благоговейную мелодию волшебный цветок любви расправляет свои чарующие ланиты. Краски самые неземные, подернутые томной негой, струятся мне в очи и все округ наполняется благоуханием любви и Божества.

Однако, прочь некстати снизошедшие сентиментальности, я приглашаю вас в Луганск, к моей школе номер два, что по улице Юного Спартака. Славное наименование, не правда ли? В переводе с совкового, суконного на язык человеческий, оно означает – улица молодого гладиатора. Страна советов являла собой настолько несуразное, прямо таки фантазмагорическое образование, что, оказавшись в любой ее точке, было от чего прийти в замешательство. Вот представьте, судьба привела вас в тенистую аллею по улице Юного Спартака, что в старой части

города Луганска. Короткая улица, всего-то метров триста, но чего вокруг вас только не нагорожено. Детский садик, городская прокуратура, дом-музей Владимира Даля, образовательная школа, водолечебница, епархиальное управление, жилые дома, ремесленное училище и весь этот компот называется, почему-то, Юным Спартаком, то есть еще не гладиатором, но мальчиком с хорошей перспективой. Чем руководствовались власти, положившие такое мудреное название улице, кого они имели в виду: детишек, попов, прокуроров, врачей, ремесленников? Справедливости ради следует сказать, что сегодня улица носит имя великого моего земляка, большущего знатока русской словесности. Прокуратуры там давно уже нет, нет и епархиального управления, от чего весь колорит старой школьной улицы утратил былое многоцветие. Вы только вообразите: тут тебе зловещие «воронки», доставляющие на допросы тюремных арестантов, тут же стреляющая «чинарики» голытьба в форменных фуражках из седьмого ремесленного училища, следом важные попы в черных зашторенных «зимах», за ними, вприпрыжку, дьякона и церковные старосты, медсестры в белых халатах, сопливые детсадовцы, и мы, учащиеся школы имени Кирова, с пионерской дружиной, опять-таки, имени Павлика Морозова.

Вот ведь, что удивительно, всю жизнь, от самого рождения меня преследовала близость к духовенству. Началось все с того, что папа завел дружбу с жившим по соседству батюшкой, крестившим меня в младенческом возрасте. Частенько под чарочкой священник брал меня на руки и щекотал своей курчавой бородой, как бы заранее заигрывая со мною, предчувствуя наперед нашу неразрывную дружбу и крепкую, до боли в объятиях, любовь. В школе я учился рядом с епархиальным управлением, которое позже расположилось по соседству с моим домом на Красной площади. А совсем позже, я и сам почти двадцать лет проработал на ниве церковного домостроительства. Фактически большая часть моей жизни прошла в окружении людей, одетых в черные рясы.

В христианской иконографии существует прекрасный сюжет, по которому изображается Спаситель в окружении детворы. Он так и называется – «Христос проповедует детям». Признаться, это самое милое для меня изображение Иисуса. В нем присутствует потрясающая воображение кротость и безмятежность, воистину райского происхождения мудрость и чистота, возникающее от слияния детской непорочности с Христовой любовью. Тем удивительней вспоминать неизменное чувство страха, с которым мы встречались с духовенством на наших улицах. От попов шарахались, как от черных кошек. То ли дети мы были какие-то не такие, то ли батюшки подгуляли на предмет сходства своего с Иисусом.

Мне за свою околоцерковную жизнь довелось перевстречаться, перезнакомиться с сотнями священнослужителей. Могу засвидетельствовать, что духовенство, в общем случае, делится на три четко обозначенные группы. Это батюшки городские, батюшки сельские и выездные, вояжные служители культа. Городские батюшки, тяготеющие к корыту пошире и поглубже, скажу, по совести, для меня мало интересны. Сельские священники, это в некотором роде ссыльное духовенство, неугодное высоким властям, часто и потому, что не желало стучать так громко, как хотелось бы. Их загоняли на далекие, мало привлекательные приходы, со скромным достатком, чтобы там на досуге поразмышлять на предмет – что есть истина. Фактически, эти неприметные люди пронесли на себе славу и дух православной веры сквозь жуткий двадцатый век. Среди выездных попов попадались такие перлы, что с них бы картины, романы ваять, если достанет шикарных красок. Обо всех, разумеется, не расскажешь, но вот об одном отце Николае могу замолвить пару словечек.

Надо знать, что сельские люди, посещающие церковные службы, разительно отличаются от городских прихожан. Городская душа отправляется в церковь из страха перед смертью, она ищет там утешения, надежды на спасение. Сельский человек меньше боится смерти, быть может от того, что постоянно

наблюдает на собственном подворье жизненный круговорот. Пребывая ближе к повседневному естеству, он ходит в церковь большей частью из любви к жизни, ко Христу, видя в нем поруку и знамение щедрости природы. Господа нашего Иисуса городские и сельские люди смотрят и понимают по-разному. Для горожанина иконный ряд, связанный с изображением Спасителя, рисуется как «Спас Вседержитель», «Спас в силах», «Спас ярое око» , когда Христос фигурирует в качестве грозной силы, милующей и карающей людей за их добрые и худые дела. Для сельского прихожанина Спаситель выступает преимущественно в образе маленького Иисуса, изображаемого на иконах Богородичного чина. Селяне воспринимаю Христа как маленького ребенка, которого умиленно называют Боженька и радостно молятся Ему, доверяя самые сокровенные тайны. Ребенок, естественней воспринимается, как залог бессмертия, ибо в нем невозможно прочесть признаков конечности собственного бытия.

Итак, об отце Николае. Наше личное знакомство завязалось при необычайных обстоятельствах. Приехав по приглашению в одну из сельских церквей к концу богослужения, я застал в святом алтаре дерущихся на кулачках отца Николая с местным старостой, не поделивших по-доброму воскресную выручку. В наших храмах богослужения сопровождаются непрекращающейся денежной возней. Постоянно что-то шуршит, позвякивает. Этот зловещий лейтмотив пронизывает церковную жизнь сверху донизу. Итак, забавный, как вы правильно догадались, оказался священник. Позже мы славно подружились, и мне довелось немало потрудиться на его часто меняющихся приходах. В одной из доверительных бесед батюшка в сердцах поведал откровение высочайшей литературной пронзительности, перед которым меркнет гений самого Федора Михайловича.

Дело в том, что от города, в котором жил отец Николай, до его сельского прихода было не меньше двухсот верст. Режим работы священника оказался таков, что необходимый автобус отходил по расписанию крайне неудобно, буквально сразу же

по окончанию воскресной службы. Часто батюшка даже не успевал пересчитывать вырученные доходы, он запихивал бумажные деньги, извлеченные из разных карманов, в поповский саквояж и мигом залетал в автобус. И вот тут-то начиналось самое душераздирающее. Дорога дальняя, народищу полный автобус, священнику, конечно, место полагалось, но деньги пересчитывать не было никакой возможности. Отец Николай говорил: «Пока доберешься домой, с ума можно сойти. Запущу втихаря руку в саквояж, на ощупь пробую деньги, чувствую, что нормально, но точно ведь не знаю сколько, хоть бейся головой в стену». Вот ведь какие страстные муки приходилось терпеть нашим батюшкам. Может не следовало об этом рассказывать, но и скрывать не смею пред Господом Богом нашим.

Вне всякого сомнения, в доперестроечные времена христианство в целом, по всем конфессиональным направлениям, пребывало в более крепком духовном стоянии, невзирая на жесточайшие репрессии и провокации со стороны властей. Курс на удушение религиозной жизни в стране ни от кого не скрывался. Мне приходилось встречаться в лагерях, отнюдь не пионерских, с людьми имевшими мужество и светлую честь пострадать за веру Христову, большей частью протестантского исповедания. Это были в высшей степени порядочные ребята, несли себя они очень достойно. Прекрасно помню свои первые посещения церковных собраний у баптистов, субботников. Молитвенные дома были маленькими, не в пример нынешним хоромам. Людей всегда набито до упора, но дух веры стоял такой, что ты невольно проникался уважением к этим отчаянным людям. Разбойная политика властей по отношению к верующим, конечно, делала свое дело, в том смысле, что люди крепчали верой, действуя наперекор властям. Сегодня все дозволено, желаешь в баптисты – милости просим, приглянулись харизматы – и туда дорога открыта, однако все без исключения христианские общины во многом утратили нечто чрезвычайно важное, животворящее церковную жизнь. Все таки главная истина Христова постигается не в смирении, но именно в борьбе.

Прежде всего, конечно, в поединке с самим собой, в советские же времена – в немалой степени и в поединке с государством.

Все сказанное в полной мере относится и к православной церкви. Кому неизвестно, что священников под страхом отлучения от службы принуждали подписывать унизительно грязные обязательства, фактически все они оказывались заложниками своего положения. Приходилось обладать недюжинной верой, чтобы при этом нести подлинное достоинство православного духа. Были священники, об этом тоже свидетельствую с чистой совестью, которым и в тех людоедских условиях удавалось сохранять порядочность и благопристойность. А вот о своей горемычной доле, о бесконечных подсматриваниях, подслушиваниях, о беспардонных наездах со стороны властей в связи с моей работой в церкви, поведаю отдельно, на следующих страницах. Когда встречаешь в наших храмах узнаваемую мерзость, которая исступленно билась с церковью, отравляла ее жизнь, а сегодня в первых рядах идет под благословение, просто начинаешь терять голову. Иначе как бесовщиной подобное преображение не назовешь. Они лезут со всех щелей как тараканы, прут так нагло и бесцеремонно, что нам сквозь них уже не протиснуться. Люди, которые буквально теплом своих тел отогревали, не позволяли заглухнуть церковной жизни в стране, опять никому не интересны.

Старые священники рассказывали, что большим негодяем по части издевательств над церковью был Никитка Хрущев. На попрание закрытия и уничтожения храмов, по количеству уволенного за штат духовенства он, якобы, перещеголял самого Сталина. В ряду всяких сумасбродностей Хрущев прослыл большим любителем незаслуженно присваивать звание Героя Советского союза всевозможным заморским, большей частью, экзотическим лидерам. Ведь то было время широкой деколонизации малых стран Азии и Африки. Если поднимался вопрос о свободе какого-нибудь Манолиса Глезоса, затаившегося с берданкой под пальмой, то возмущению нашему не было предела, а уж звезду героя – отдай и не грехи. Кого

только Никита не перенаграждал. По этому поводу остроумцы сочиняли забавные анекдоты. Шутники предлагали генеральному секретарю очередные подходящие кандидатуры на соискание почетного звания. В частности, удачно предлагалось посмертно присвоить звание героя последнему императору всея белая, малая, серая и т.д., за создание революционной обстановки в России. В этом анекдоте присутствует большая ирония, но есть и огромный здравый смысл, гораздо более убедительный, нежели нынешнее причисление все того же царя к лику святых. С точки зрения обыкновенной человеческой морали, объявление Николая Романова святым, также глумливо и подло, как если бы Михалку Горбачева назвали трижды героем развалившегося Советского Союза. Хотя бы за то, что этот несостоявшийся тракторист умудрился в кратчайший срок загнать страну в долги под сотни миллиардов долларов. Случай абсолютно беспрецедентный за всю историю человечества. Только не следует рассказывать про порочность системы. Мы прекрасно осведомлены на примере Китая, как толковые руководители распоряжаются в порочных системах и каких успехов достигают без лишней болтовни. Ведь если разобраться, то одна только Украина лишилась благодаря Горбачеву зарубежной собственности не меньше чем на двадцать миллиардов малахитовых радостей. Самое удивительное, что Михалка до самой гробовой доски проживет с сознанием своего неповторимого величия, я бы даже сказал, мученичества. Неплохой повод поразмышлять о причислении очередного героя к лику святых.

Для тех, кто запомнил, рассказываю последовательно. В свое время великому князю Николаю Романову с величайшей торжественностью и клятвозаверениями были вручены бразды правления государством Российским, весьма благополучным, очень богатым государством. Правление это, как известно, закончилось позорнейшим отречением от престола, от священных императорских обязанностей. Подобное деяние, по всем нравственным меркам, рассматривается, как подлейшее предательство своего народа. Не хочу вспоминать всех

гнушенных, связанных с убиением бывшего императора и униженного бриллиантовыми побрякушками его семейства. Что тут скажешь? Каждый берет с собой в большую дорогу все самое нужное, самое важное. Например, когда чекисты брали последнего насельника Киево-Печерской Лавры, на деликатное приглашение «собирайся, скотина», тот спокойно ответил: «уже собрался». Монах тотчас же покинул келью в чем лихо застало, не прихватив с собой даже запасных подштанников. Вот только за один этот поступок лаврского старца вполне можно причислить к лику святых и с благодарностью молиться ему до конца наших дней. Между тем, я никак не возьму в толк, в чем, собственно говоря, состоит христианский подвиг, в чем высокая духовная доблесть императора Николая Романова.

Святоотеческое предание для причисления человека к лику святых выдвигает ряд вполне определенных требований, связанных с трудами на благо процветания церкви Христовой. Является ли великим духовным откровением поступок христианина, когда он бросает на произвол судьбы свой народ, свою церковь, втянув их предварительно в бестолковую, позорно проигранную войну, стоившую миллионы жизней наших соотечественников? Это что – деяние, сопоставимое с житийным подвигом Сергея Радонежского или Серафима Саровского? Могут возразить, дескать, да как же, ведь он был так бесчеловечно расстрелян. Хотел бы я знать что-нибудь о человеческих способах казни людей. Скажите на милость, каким образом убийство Николая отличается от расстрела моего дедушки, тут что, пули были слаще? Или от казни политзаключенных в задраенных трюмах на Белом море, по известному тургеневскому сценарию. Когда вся вина этих людей состояла лишь в том, что они имели несчастье жить и родиться в стране, управляемой царем-недоумком. А не приходит ли часом в голову, что весь этот несусветный кошмар, обрушившийся на наше отечество, является прямым следствием преступно-бездарного владычества российского императора? Говоря по совести, чучело этого, с позволения сказать, горе-святого,

следовало бы водрузить где-нибудь на людном месте, чтобы было, куда плюнуть в сердцах, а то и вовсе справиться небольшую нужду.

Не разделяю щенячьего восторга по поводу благозвучных фамилий из разряда Юсуповых или Голицыных, которые обладая огромной властью, в бесконечных интригах и гульбищах, вплоть до придворных сафари на Распутина и Столыпина, просвистали великую страну и ввергли подопечный народ в братоубийственную бойню. Не желаю знать, как тендитные графинюшки становились в Парижах черными кухарками, тем более, что многие из них благополучно уперли из России приваловские миллионисты и неплохо устроили личную жизнь. Поэтому никак не могу умиляться при виде их высокомерных наследников, присвоивших себе право судить и рядить наше отечество. Извиняться не мы должны перед ними, но это они обязаны принести публичное покаяние за преступно беспечное руководство страной, вместо потешной демонстрации нам крапленых картонных королей.

Однако полноте, не будем простаками, есть серьезные причины быть Николашке Романову святым. Причины тайные, тщательно скрываемые, потому что касаются они нашего достославного духовенства.

Россия, как прежде, так и теперь, остается необъятным географическим образованием, способным функционировать как единый государственный механизм, только при наличии сильной державной идеи. Когда людей разделяют десятки тысяч километров, без привлечения специальных идеологических средств, никакое самопроизвольное объединение народов в принципе невозможно. Должно быть понятно, что человека, живущего на берегах Охотского моря, ну никак не касаются саратовские страдания или поздние рязанские заморозки.

В недавние советские времена глобальной консолидирующей идеей, позволявшей удерживать народы бывшей Российской империи в единстве и повиновении, была коммунистическая абракадабра. Монолитность дореволюционной России

обеспечивалась двуглавым гербовым знаком, несущим символическое изображение царя и православной веры.

Государственный российский герб был принят в годы царствования Ивана III, по завершению объединения вокруг Москвы разрозненных русских земель и после окончательного избавления от монголо-татарского ига. Этот герб утверждал выдающуюся роль православной веры в деле становления Российского государства и закреплял справедливый паритет между царской властью и церковью. Стоящие за двухипостасным державным гербом царь и церковь органично дополняли друг друга, как бы соглашаясь, что одна голова хорошо, а две – лучше. Вместе они полностью накрывали жизненное пространство миллионов подопечных людей не только на грешной земле, но и на небе, потому что открыто выступали воплощенными посланцами, наместниками Бога в этом мире. Таким образом, государственная жизнь Российской империи покоилась на двоевластии. Историк Соловьев сообщает, что были два великих государя – Михаил Федорович и отец его святейший патриарх Филарет Никитич, и за этим стояла не одна только форма: все дела докладывались обоим государям, потому что решались обоими. Иностранные послы представлялись обоим государям одновременно, заморские челобитники подавали двойные грамоты, подносили двойные дары. Социальная устойчивость и единство царской России напрямую зависели от гармоничного, равновесного сосуществования двух идеологических доминант, заключенных в двуглавом государственном гербе. Ни царь, ни церковь не должны были претендовать на главенствующее положение в обществе, в этом заключался залог, гарантия процветания государства Российского. Надо признать, что прочный союз, закрепленный двуглавым гербовым знаком, оказался весьма плодотворным. Централизация Москвы, ее влияние по всем направлениям, распространялось с нарастающей мощью.

Первую серьезную попытку по преобразованию страны сделала церковь под предводительством московского патриарха

Никона. Скорее всего, перед лицом европейской реформации, вылившейся в череду ранне-буржуазных революций. Никон решил действовать как бы на опережение, он не стал дожидаться, пока светское общество примется насильственно урезать широкие полномочия церкви. Проще говоря, одна из двух орлиных гербовых глав решила, что она умнее, важнее другой. Вопрос в то далекое время заключался не в том, двумя или тремя перстами следует осенять себя верующему человеку, как полагают иные наивные историки церкви. Вопрос был поставлен предельно остро: что есть высшая, верховная власть на земле – царь или церковь? Аргументы Никона оказались мало убедительными – ему не удалось поставить церковную иерархическую власть выше светской. В итоге он лишился патриаршего сана.

Когда настал черед Петра Великого, тот своего шанса не упустил. Царь действовал твердо и решительно, видя перед собой образец европейских стран, реформы в которых начались с широко выступления против господства католической церкви. Петр повел преобразования фактически с наступления на православную церковь, отчаянно препятствующую распространению светского просвещения. Император прекрасно осознавал, что духовенство будет всячески саботировать любые прогрессивные нововведения, ибо они обязательно станут ущемлять привилегированное положение служителей культа, вольготно почивающих себя в уверенности, что Земля имеет форму чемодана. Вот тогда-то, поддавшись давлению светской власти, уступив признанное миром равенство между церковной и царской властью, православное духовенство впервые и предало свой богоносный народ.

Лиха беда начало. С легкой руки Петра унижения церкви приняли необратимый характер. Чего стоила одна только Екатерина, надменно полагавшая, что истина обитает исключительно на берегах Одера и Рейна. Своей секуляризацией она довела духовенство до крайней степени нужды и невежества, от чего в народе произошло величайшее презрение к попам и

нескрываемое равнодушие к собственной религии. О поповской жадности, тупости и лени наш народ сподобился наговорить столько ярких афоризмов, что из них можно составить цельную энциклопедию человеческих пороков. Постепенно, православное духовенство, приборканное светской властью утратило излишнюю ревность по Боге и обратилось большей частью к земным своим нуждам. Пока, наконец, не вошло в состояние, которое предельно емко охарактеризовал Салтыков-Щедрин, как «жеребьячье племя». Состояние, в котором наши батюшки благополучно пребывают и поныне.

Хронология упадка православного духа в России хорошо просматривается на письменах церковной иконографии. Не надо быть великим специалистом, чтобы отметить стремительное падение качества русской иконы с начала восемнадцатого века. До восемнадцатого, любое изображение на иконе, это все равно, как волшебное окно, отворенное в царствие Божие. В древнерусской иконе нас волнует и радует горний мир, строжайший покой, благорастворение воздушных. На старинном изображении запечатлены духовные чаяния истинно верующего человека, молитвенно дерзнувшего обнаружить темпераментным мазком священные лики, вызвать их из небытия и представить зрителю во всей неприступной чистоте. Духовное совершенство иконописных персонажей настолько убедительно, что порой возникает иллюзия, будто не мы вовсе, но они пристально рассматривают нас, иногда с иронией, часто с укором, но неизменно с надеждой и упованием. После петровских реформ пространство иконы заполняет земная юдоль. Она лукава, диалектична, абсолютно ненадежна, когда уже не на чем сосредоточить взгляд и упокоить душу.

Наши современные православные священники, наши «постники-молитвенники» с талиями в три обхвата, умеют картинно сокрушаться по поводу страшных репрессий, обрушившихся на церковь в годы советской власти. Однако не худо поинтересоваться, а где же было православное духовенство до семнадцатого года? Разве церковные иерархи не ведали,

в какую пропасть катится их паства? Разве не в результате духовно-нравственного окормления нашими религиозными поводырями общество пустилось во все тяжкие?

Это только так говорится, что большевики глумились над церковью. Активнейшее участие в красном терроре принимало духовенство. Вместе с чекистами попы-оборотни затевали и реализовывали преступную идею создания так называемой «Живой церкви» на пепелищах исконной православной веры. Денно и ночью строчили друг на друга доносы, в погоне за высокими митрами и жирными приходами. То же самое происходило в самые недавние времена. Не понимаю, почему общество должно молчать об этом? Безнаказанность, безответственность ничего кроме рецидивов не вызывает, поэтому необходимо регулярно напоминать, носителями каких благородных традиций является православное духовенство.

Когда в большевистском угаре социального реванша народ крушил свои храмы, то основным побудительным мотивом неслыханного варварства было глубокое презрение граждан, нет, не к вере, а именно к духовенству. Посмотрите кадры хроники, когда всей деревней, под гармонику, обезумевшие толпы ликуют перед поверженными святынями. Люди этим диким актом сводили счеты с поповской ложью, которые, проповедуя не красть, были ох как не чисты на руку, а призывая к воздержанию, заживо гибли в похотях своих. Отнюдь не секрет, что и сегодня для большинства церковных служителей храм Божий является неким доходным местом, где на прихожанина смотрят исключительно, как на личность дающую. На поповском паскудном жаргоне это называется «стричь овечку». Разделение в нашей церкви на сторону берущую и сторону дающую настолько явно и отвратительно, что именовать себя церковной общиной и язык-то не поворачивается.

Правда состоит в том, что люди никогда еще не совершали таких чудовищных преступлений против собственной религиозной культуры, против светской власти, в лице семьи Николая Романова. Но причинная, более высокая

правда заключается в том, что церковные иерархи, вкупе с венценосным императором беззастенчиво предали свой народ и обрекли его на несказанные страдания. Это предательство сделалось возможным в результате вопиющего несоответствия между правами и ответственностью, присвоенными себе царствующими особами и духовенством. А теперь, выставляя Николая Романова в образе великомученика и причисляя его к лику святых, православные иерархи, что называется, заматают следы, наводят морока. Потому что, если убиенный император Николай – святой, то и попы при нем, они ведь плоть от плоти, в гербовом двуглавом исполнении.

Невеселые мысли приходят на ум, когда по киевскому телевидению демонстрируют забавного негра, азартно проповедующего слово Божие. Одного из сонма евангельских миссионеров, атакующих в последние времена наше заплутавшее отечество. Конечно, нет ничего плохого в том, что представители и далеких, экзотических стран славят имя Господа нашего Иисуса. Только чудится мне, что по ночам, краснеют от стыда святые мощи Киево-Печерских праведников.

Давным-давно, когда далекие дедушки этих новоиспеченных проповедников только еще учились неуклюже сползать с баобабов, на киевской святой земле высоким горением святили лампады подвижников духа. И негоже заморским ловцам человеческих сердец вести себя на этой земле так, будто они явились сюда в первозванном облиии. По-хорошему, все эти заезжие ребята, если они действительно претендуют на христианское благочестие, должны бы сразу в Борисполе, по выходе из самолета проследовать ползком на пузе к мощам наших великих праведников. Осмотреться в трезвом уме и попытаться проникнуться уважением к тысячелетней христианской истории нашего народа.

Каюсь, грешный человек, краснею от всего происходящего вокруг и я. Краснею, когда читаю на улицах почтенного Киева заманчивые приглашения во всевозможные церковные собрания, для духовного оболванивания. Я досадую от бессилия,

когда встречаю в поезде метро юное создание с раскрытой Библией в руках, ибо знаю наверняка, что радость пробуждения эта просветленная душа испытала не в моем православном храме. Нынешнее положение дел в нашей церкви таково, что я, православный человек, должен честно признать перед всем миром: у меня нет возможности подать руку этому юному созданию и привести его в свой храм, где Божие чадó встретят умные и добрые пастыри. Встретят не корысти или своенравия ради, но только и исключительно из христианской любви к ближнему. Свидетельствую об этом пред Господом Богом моим.

Могут возразить, а что плохого в том, когда люди, и молодежь в особенности, предпочитают православной церкви, скажем так, иные конфессии? Отвечаю, плохого в этом, разумеется, нет ничего, ибо всякое прославление Царствия Божия весьма желанно и благоприятно во всех отношениях. Но вот в чем я убежден бесповоротно – полноту религиозного чувства, его высшую ипостась, славянская душа может испытать только в лоне православной церкви.

У каждого человека окромя памяти интеллектуальной есть еще очень цепкая наследственная память, память генетическая. В недрах этой памяти, у любого из моих соотечественников, сокрыто несметное религиозно-нравственное богатство, накопленное предшествующими поколениями людей. Жизнь наших предков всегда нераздельно переплеталась с церковным укладом, с культурой православного богослужения. Все значительные события в жизни каждого человека и, следовательно, все наиболее яркие переживания человеческих скорбей и радостей, были освящены и сопровождались церковными обрядами. Сами эти обряды, их порядок и внешнее оформление впитывали в себя на протяжении веков лучшие этнические и нравственно-эстетические особенности нашего народа. Поэтому, когда в молитве верующего человека происходит слияние переживаемого духовного восторга с памятью прошлых поколений, возникает абсолютная гармония торжествующей души с окружающим миром. Вот почему, при

всем уважении к иным христианским исповеданиям, я утверждаю, что их молитвы, даже самые высокие и искренние, не могут претендовать в славянской душе на религиозную полноту, ибо они не подкрепляются наследственной, генетической памятью человека.

К сожалению, православное духовенство большей частью в силу непроходимого невежества, не в состоянии на должном уровне отстаивать достоинства и преимущества своей церкви. А они существуют, вполне определенные. Чего стоит одно только таинство рукоположения. Дело в том, что обряд рукоположения наших священников берет свое начало от первых апостолов, которые с помощью возложения рук передавали святыя дары своим последователям. Те, в свою очередь, передавали дары следующим поколениям священнослужителей, и так до сегодняшних дней. Этот ряд никогда не прерывался, поэтому наша церковь именуется «апостольской». Фактически любой православный священник несет на себе благословение первых Христовых учеников. Между тем протестантские епископы и пресвитеры являются в некотором смысле самозванцами, поскольку их руковоложение не имеет прямой преемственности от первых апостолов. Эти люди сами сочинили для себя святыя дары, вне всякой исторической связи с первосвятителями. И в этом правда.

Наши далекие предки за право исповедовать православие заплатили огромную цену, включая триста лет монголо-татарского ига. Поэтому понятия «родина» и «вера» в сознании наших людей существуют нераздельно. Православная церковь является носителем и хранителем колоссального патриотического пафоса. Понимание этого обстоятельства имеет первостепенное значение в наше смутное время. Сегодня, как никогда ранее, светская власть должна быть кровно заинтересована в возрождении сильной духом, нравственно чистой православной церкви. Ведь самая главная проблема независимой Украины, например, заключается не в отсутствии энергоносителей или недостаточности инвалютных вливаний.

Самой жгучей болью нашей страны остается катастрофический дефицит порядочных людей, выступающих носителями духовно-нравственных ценностей. Что можно ожидать от общества, миллионы якобы лучших граждан которого на протяжении многих лет цинично провозглашали себя «умом, честью и совестью всей эпохи», а потом, во мгновение ока, открестились от своих идеалов и пустились в такое воровство, что у нас беспартийцев, не являющихся «умом, честью и совестью», до сих пор голова кругом идет.

В ряду различных легенд о нашем народе бытует наивная байка о его набожности. Ничуть не бывало, скажу я вам. Все эти бабушки в платочках, упрямо посещающие наши храмы, никогда не были, да и не могут быть носителями высокого религиозного духа. Они ходят в церковь и несут батюшкам свои последние гроши только за ради обыкновенного человеческого общения с себе подобными. Ведь в наших городах и весях это порой единственное место, где они могут чувствовать себя хоть как-то комфортно. Где их никто не оттолкнет, не оскорбит, не обидит, где они просто никому не мешают. А все эти свадебные и крестильные кортежи, под брызги шампанского у церковной ограды – есть примитивный кураж, и к подлинно религиозным нуждам никакого отношения не имеют.

Очень удручает то обстоятельство, что наши храмы практически не посещает молодежь и не желают знать люди среднего возраста. То есть, не посещает самая активная, крепкая умом и духом часть населения. А все дело в том, что с современным человеком можно разговаривать только на равных. Наши пастыри, в своих тяжелых, боярских облачениях никак не могут примириться с этим. Они никак не могут взять в толк, что сегодня негоже, да и незачем заставлять человека часами стоять по стойке «смирно» и творить за завесой богослужение, сопровождая его малопонятными возгласами и жестами. Современный человек имеет огромное желание сам творить богослужение, желает сам говорить слово и обращаться непосредственно к Богу, что, кстати, широко практиковалось

в ранние христианские времена. Не приняв нового человека, человека третьего тысячелетия, наша церковь обречена на деградацию. И этому нельзя помочь никакими восстановлениями прежде поруганных святынь.

Я, разумеется, не так наивен и очень далек от мысли, что наши церковные иерархи хоть на йоту поступятся своим небожительным положением во имя процветания православной веры. Однако на дворе «лето Господне – время благоприятное». К служению приступает очень много молодежи, людей способных и обязанных быть ответственными за судьбу своей церкви. Они должны хорошо уяснить для себя, что сроки бабушек в платочках канут в Лету, что грядут иные времена, иные прихожане, если, конечно, грядут. Каждому здравомыслящему человеку должно быть понятно, что на нас надвигается глобальная конкуренция, в том числе и та, которая коснется сферы предоставления религиозных услуг. Что вообще говоря, уже имеет место быть. Наша церковная иерархия при этом принимает глупейшую страусиную позу. Подобно беспечной птахе, они прячут в песок встревоженную голову, с надеждой, что резвые хищники не обратят внимания на торчащую в небо жирную задницу. Заметят обязательно, сожрут со всеми потрохами. Никто и не подавится.

Иногда в сердцах говорю себе: Господи, как же хорошо, что в нашей стране есть целых три православных патриарха. Очень хорошо, ибо это означает, что у нас вовсе нет патриарха, и еще сохраняется надежда на приход настоящего, всамделишного архипастыря. Очень верится, он обязательно выйдет на подворье Софии Киевской, опустится на колени перед всем миром, и будет долго просить у своего народа прощения за всех предшественников своих, которые, облачившись в святые одежды, творили ложь и непотребство, чем нанесли колоссальный урон православной церкви и нравственному состоянию общества. А народ, он добрый, он обязательно распознает и примет своего настоящего пастыря, подымет его с колен, и вместе мы примемся созидать великую Церковь Христову.

Глава девятая

Да, отшумели, отблистали веселые годы пятидесятые, как молодое игристое вино. Потому что впереди уже выстроились в нетерпении еще более азартные, несравненные годы шестидесятые. Тут тебе и люди, и собачки наперегонки устремляются в космос, тут же экзистенциалисты, «битлы», кукуруза, а еще наши записные бунтари-поэты, так и не убедившие нас до конца: «то ли гении они, то ли нет еще».

Удивительное дело: в годы горбачевского маразма в страну хлынула безудержным потоком всякая порно и псевдокультурная муть. Такое впечатление, что где-то за вершиной Арарата было устроено огромное отхожее место, куда в течение всего двадцатого века собиралось дерьмо из-под всего сущего. Собиралось, чтобы однажды прорваться и выплеснуться на наше заплутавшее отечество, затопив его, аж по самые кремлевские флагштоки.

Не так было в шестидесятые. После долгих лет изоляции в страну ворвалась интеллектуальная стихия небывалого напора. Невозможно перечислить всех поэтов, писателей, художников, композиторов, о существовании которых мы имели лишь смутное представление. И вдруг все это невообразимое богатство заполнило нашу жизнь. Запросто, идя в гости, мы брали с собой «иностранку» с прозой Альберта Камю или новый альбом Матисса, Ван Гога. Делали это не для форса, нам не терпелось, нас переполняло желание поделиться с друзьями своим потрясением от знакомства с «Едоками картофеля». И мы до утра сокрушались по поводу отрезанного уха гениального художника. И уха было жалко, и Ван Гога, а самое главное –

очень досадно, что происходит это в иных, недоступных для нас цивилизациях.

Могут возразить, дескать, мир был иной. Не правда, мир все тот же. Люди в стране были другие. Каждый получает то, что ищет. Красота шестидесятников оплачена кровью Второй мировой. Вспомните Галича, Окуджаву, Высоцкого. Кого из современных парней с гитарой в руках можно поставить вровень с ними? Есть несомненная связь между войной и шестидесятниками, увы, такова дорогая цена всего положительного, что творится на нашей планете. Посмотрите, до чего лихо произрастает чертополох на земельных угодьях, и какого труда стоит человеку выпестовать полезную огородинку.

Я полагаю, именно с шестидесятого года началось мое всепоглощающее увлечение чтением книг. В нашем доме хранилась прекрасная библиотека, одна из лучших в городе. Отец всю жизнь приобретал книги, еще до повального макулатурного бума, перечитал практически всю мировую классику. Любовь к книгам передалась и нам, детям. Я читал запоем, ненасытно, круглыми сутками. И за это тоже низайший поклон моим драгоценным родителям. В шестидесятые я жил, как библейская птица, нимало не беспокоясь о завтрашнем дне. Годами сиживал на родительском попечении, нигде не работал, не учился. Днем отлеживался, водил дружбу с такими же оболтусами, а по ночам погружался в книжное безбрежие. Зимой ли, летом любил кружить по спящему Луганску, часто сам, иногда с товарищем. Родители без лишних истерик и упреков наблюдали мою беспечную жизнь.

Друг мой, Костя Боровков из нашего двора, тоже был большим любителем чтения книг, но и большим специалистом на всякого рода экстравагантные выдумки. Мог закупить дюжину вина и разнести в течение дня по всему городу, чтобы потом ночным гулянием кочевать от одного схрона к другому и по-детски радоваться очередной находке. Костя был врожденный интеллигент, очаровательно умен, высок, строен. Байроновский его портрет дополняли дорогие очки. Оскорблений не прощал,

всегда призывал обидчиков к ответу, частенько не успевших разглядеть за элегантным пенсне взгляд твердый и непреклонный.

Обыкновенно Костюха одевал шикарней, сестрина мужа костюм с вузовским поплавком и выходил на бульвар кадрить простушек. Он выдавал себя за секретного физика или удачливого кинорежиссера, с непременным приглашением на кинопробы. Пробы проходили на старинном бабушкином диване, под бдительным присмотром мраморных слоников. Когда Костя проводил через двор очередную кинозвезду, все соседи вываливали на балконы, дабы не упустить очередного момента падения нравов. Кое-кто втихаря завидовал не только подлецу-режиссеру, но и незадачливой киноактрисе.

Помню, глубокой осенью к Косте приехала из города Саратова студентка Ира. Они познакомились летом, когда я с родителями отдыхал на побережье Черного моря, в Джубге. Мы прикупили ящик артемовского шампанского и бражничали пару дней напролет. Часа в три ночи Костя молча оделся и оставил нас вдвоем. Он явился под утро, свежий, чисто выбритый, с обескураживающей улыбкой и необъятным букетом оранжевых роз. Оказалось, что у Ирины был день рождения. До сих пор не представляю, где можно было по тем временам в Луганске, глухой ноябрьской ночью раздобыть такие роскошные цветы. Саратовская студентка почему-то забеременела. Летом она приехала в Луганск и продемонстрировала свое интересное положение. Костя без лишних разговоров принял возлюбленную и женился на ней. Молодые расписались. Прямо из ЗАГСа отправились к Ириным родителям для знакомства. Теща ненавидела зятя загодя, поддавшись всевозможным городским сплетням. Он не обманул самые смелые ее ожидания. Мой друг вручил теще в середине июля скромный букет из пластмассовых тюльпанов в качестве подтверждения своей непутевости, и был окончательно проклят.

Такого человека, как Костя, мне не пришлось больше встречать на своем пути. Если мы выезжали на рыбалку, он брал с собой все туалетные принадлежности. Надо было видеть,

каким гоголем выходил Костюха из палатки к вечернему костру. Обязательно выбритый, надушенный, с безупречной прической, в наутюженных габардиновых брюках, в обуви, доведенной до состояния северного сияния. Так было всегда, в любом лесу, у любой речки, независимо от состава компании, будь то одних только мужчин. Костя никому не позволял строить с собой отношения, что называется, «по-простецки». Дескать, мы люди простые, давайте без церемоний. Он был очень непростой человек, не терпел хамства и умел довести это до сведения окружающих.

Свою жизнь Костя оборвал жутким образом. Он вышел на балкон, облил себя бензином и закурил папиросу. Никто не вправе судить чужую жизнь, потому что она сама беспристрастно осудит всякого человека. Костя был из тех людей, которые не умеют и не желают приспосабливаться, в них слишком велико значение собственного достоинства, и если подобная самооценка не находит положительной реализации, возникает непреодолимый конфликт с окружающим миром.

Вот ведь представил вам Костю Боровкова эдаким суперменом, а может рыцарем печального советского образа, и тут же вспомнил еще про одного моего удивительного приятеля, Женю Лицоева. Женька – это немного уменьшенная копия артиста Сергея Филиппова. Он происходит от очень добропорядочных, интеллигентных корней. В связи с очевидной нестыковкой генетических установок на советскую действительность, прожил жизнь бестолковую, но чистую и веселую. Однажды судьба улыбнулась Женьке по-крупному: ему достался в наследство приличный частный дом, который он тут же продал за пятнадцать тысяч полновесных советских рублей. Немалая по тем временам сумма, способная круто изменить человеку жизнь. Ни за что не угадаете, как распорядился наследством мой приятель. Он приобрел коричневое черниговское пианино, а на оставшиеся деньги закупил около пяти тысяч бутылок шампанского. Завез грузовиками все это хозяйство на подворье и заскладировал в собственном доме. За пару лет он, конечно,

одолеет с барышнями закупоренное в бутылках лето. Пустую тару аккуратно заштабелевал во дворе в форме египетской пирамиды и любил прохаживаться возле нее с победительной улыбкой фараона. Я подозреваю, при этом он тешил себя сладкими воспоминаниями о былых кутежах. Должен признать, тут было от чего прийти в умиление. Но и это не самое главное. Когда я поинтересовался, для чего приятелю понадобилось покупать пианино (к музыке Евгений имел точно такое же отношение, как филиппинской медицине), он и секунды не помедлив ответил: «Ты знаешь, очень приятно, зайду в дом, а оно стоит». Вот все, гениально просто и содержательно.

У обоих моих товарищей, при всей внешней непохожести, было много общего. Мне никогда не приходилось быть свидетелем какой-либо лжи, исходившей из их уст. Они всегда говорили только правду, невзирая ни на какие расклады. Вот эта нравственная чистота имела буквально физическое оформление. Общаюсь с ними, ты кожей ощущал благородство и красоту этих людей. Могут, конечно, напомнить мне о Костиных кинопробах, но в этой части я пребываю в мужской солидарности, что первым делом самолеты, ну а у девушек нижайше прошу снисхождения. Когда, бывая в гостях у сегодняшних приятелей, я слышу, как запросто они говорят своим домашним в ответ на телефонный звонок: «Скажи, меня нет дома», хочется подняться и немедленно откланяться. Что и делаю порой, неизменно вызывая недоумение у гостеприимных хозяев. Оба моих товарища очень деликатно обращались с едой, даже представить не могу, чтобы Костя или Евгений позволили себе слопать что-нибудь без разбору, от нечего делать, вроде бы как за компанию. На их столах всегда присутствовали чистые, здоровые, органично сочетающиеся, аппетитно дополняющие друг друга продукты. Это проистекало от хорошего воспитания, передалось в генетическом арсенале. Они никогда не сквернословили всуе, не опускались до выяснения отношений на подзаборном жаргоне, хотя могли и уметь постоять за истину.

Костину маму величали Эльвира Викторовна. Обратите

внимание, девочку, родившуюся в гремучие двадцатые, когда выбор для многих сурово колебался между Клавой и Октябриной, нарекли чудесным именем Эля. Этим благородным актом сразу же был очерчен непреступный рубеж между подлинным женским достоинством и совковой быдлатиной. Костина мама удивительно красиво готовила и подавала чай, курила очень дорогие папиросы, одевала роскошные шелковые халаты, распространяя за собой по квартире тончайшие ароматы дамских духов, в сочетании с легким табачным дурнопынгом. Эта женщина не могла не волновать любого мужчину загадочностью, тайной своей неприступности и очень глубоко затаившейся лукавинкой, до готовности очертя голову ринуться в самую авантюрную житейскую ситуацию, с одним лишь непременно условием – только без подлости, только без хамства.

Я, разумеется, рассказал вам о моих старых друзьях не без тайного умысла, так сказать, для контраста, потому что имею намерение посплетничать о нынешних временах, о сегодняшних наших соотечественниках. Лично для меня очень показательным для характеристики нравственного состояния киевского общества оказался так называемый «кассетный скандал». Много чего обнаружилось в результате этой странной кампании, разные люди нашли в ней ответы на свои собственные вопросы.

Никого не оставила равнодушным история с Гией Гонгадзе. Что тут скажешь? Гия был взрослый, весьма грамотный человек, хорошо понимавший, в какую грязную борьбу ввязывается на избранном поприще. Хождения за правдой-маткой в те сферы, куда занесло увлекшегося парня – дело очень рискованное. К тому же, как любил повторять бывший президент Леонид Данилович, «по великому рахунку» сомнительное, на предмет положительных результатов. Наверное, Гия был хорошим человеком, но как мужчина, как журналист оказался профнепригоден, ибо проиграл свою борьбу, таковы факты. Комментировать действия властей, в силу их крайней бездарности

и гнусности, для меня не представляется возможным.

Когда я впервые прочитал стенографию записей пана Мельниченка из-под светлейшего пана Кучмы, меня, например, больше всего поразило обилие ненормативной лексики в словарном запасе президента европейской страны. Не хочу прослыть ханжой, я вовсе не отношусь к людям, не умеющим крепко выразиться, но сквернословия Леонида Даниловича выглядели как-то уж очень подзаборно. Так матерятся люди крайне ничтожные, что-то абсолютно убогое читалось в этой брани. Фактически все диалоги в кабинете президента построены на матерных словах, в самом дешевом, низменном воплощении, от которого просто вянут уши.

А теперь припомните, слышали ли вы от кого-либо в нашей шляхетной стране, включая самых надутых небожителей, будь то академиков, писателей, народных артистов, а то и просто депутатов или министров, слова возмущения по этому хамскому поводу. Оскорбился ли кто-либо из них публично. Подверг ли кто-нибудь сомнению подлинность записей с точки зрения недопустимости их отвратительной лексики. Как справедливо говорил один мой знакомый – «залупу вам синюю, синюю». Потому что рыбак рыбака чует издалека, стало быть наш президент и баста. А вот если бы, упаси господи, на пленке пана Мельниченка обнаружилась какая-нибудь французская или латинская речь, да еще с цитатами из Гегеля или Канта, тогда началось бы вавилонское столпотворение и наша сраная элита воистину потеряла бы голову. Это все равно как Лаврентия Берия взять да и нарядить в костюм Дюймовочки.

Если страна не желает, не умеет адекватно реагировать на паскудства, творимые в самых высоких ее присутствиях, то дела у такой страны совсем плохи, это мое единственное, личное наблюдение в связи с трескучим кассетным скандалом. Когда бы в президентском кресле волею судеб оказался один из моих вышеупомянутых товарищей, убежден, на иных языках, иные проблемы обсуждались бы в кабинете главы государства.

А недавно в нашей стране избрали нового президента,

без всяких, правда, на то усилий с моей стороны. Я никого не собираюсь агитировать, но мое отношение к выборам продиктовано никем еще не опровергнутой мудростью первого псалма Давида: «Блажен муж, ибо не идет на совет нечестивых». Кстати говоря, когда перед апостолами возникла необходимость сопричислить к избранному кругу нового брата, вместо отпавшего от служения Иуды, они не отважились заручиться собственным изъявлением, дабы не впасть в лицепрятие, то есть не устроили демократического голосования. Но доверили это дело жребию, полностью положившись на волю Божию.

Говоря по совести, мои личные симпатии рпбывали на стороне Виктора Андреевича, хотя, с некоторых пор, в несколько укокоженном виде. Всем памятна грязная история с попыткой физического устранения помаранчевого кандидата в пору предвыборной кампании. В прессе широко освещалась эта мрачная затея. В частности, по ходу освидетельствования приводился и перечень продуктов, которыми потчевался кандидат в тот злополучный день. Может я чего и запамятовал, но вот список, за который ручаюсь ответственно. Виктор Андреевич выпивал в гостях водочку, коньячок и пиво. Кушал любезный – арбузы, суши, раков и сало. Вот такой, знаете ли, изысканный букет гастрономических фантазий, мягко перетекающий из английского ланча в хорунжевский ужин, после которого любой нормальный человек, без всякого диоксина, просто обязан оказаться в реанимации. Если бы я предложил одному из моих вышеупомянутых товарищей опрокинуть кружечку пива, да закусить кусочком арбузика с салом, скорее всего, они бы меня не поняли. Когда в зарубежной светской хронике описывают дипломатические приемы, в обязательном порядке приводят обеденное меню, чтобы люди имели представление о деликатности гастрономических привязанностей высоких особ. Пытливому человеку о многом могут поведать эти привязанности. Хорош в этом смысле бывший киевский мэр Омельченко, в одном из своих нетленных интервью, по поводу истории с отравлением кандидата в президенты, он откровенно

заявил, что настоящему мужику не страшна даже серная кислота. Оставляю этот шикарный спич без комментариев.

Если внимательно познакомиться с биографиями большинства представителей нашего политического бомонда, то окажется, что почти все они выходцы из сельской глубинки. Я лично ничего не имею против селян и полностью солидарен с Сергеем Есениным, который подрифмовал: «А этот хлеб, что жрете вы, ведь мы его того – с навозом». Но вот, что настораживает. Всем известно, хороший врач – это тот, который в третьем поколении. Хорошо, когда и учитель в третьем поколении. Но ведь и парикмахер и президент тоже желательно, чтобы в третьем поколении. Человеческая жизнь, она, как долгая шахматная партия. Так не бывает, чтобы до двадцатого хода конь ходил буквой «Г», а потом неожиданно начал ходить буквой «Z». Все, что мы проживаем от самого детства, остается с нами навсегда. Если человек был однажды хозяином платного туалета, а потом все-таки сделался очень важной персоной, прежние элегантные запахи остаются при нем, несмотря на наличие самой расшанелевой парфумы. В этом смысле я – убежденный сторонник хорошей семейной преемственности и добрых фамильных традиций.

На свете бытует удивительно много сочиненных людьми идиотских вопросов, к таковым, например, я отношу вопрос о фантастическом возрождении немецкого государства после сокрушительного поражения во Второй мировой войне. Потому что никаких великих секретов германского чуда в действительности не было и нет, так же как и мифических успехов от реализации «плана Маршала». Я, конечно, понимаю, что самое любимое наше занятие – это обнаружение чудес, но ларчик открывается до смешного просто.

Есть такое, давно забытое в нашей истерзанной стране, чудодейственное понятие как житейский уклад. Это когда человеческая жизнь строится на глубоких семейных традициях, когда из поколения в поколение передается определенный образ жизни, связанный, прежде всего, с некоторой профессиональной

деятельностью. Когда закончилась мировая война, каждый немец без суеты и спешки, не выдумывая ничего сверхъестественного, начал заниматься своими непосредственными обязанностями, вытекающими из его традиционного семейного уклада. Именно так, как рекомендовал булгаковский профессор Преображенский. Парикмахер, как это делали много веков подряд предшествующие ему поколения, взял в руки ножницы, колбасник принялся строгать поросятину, дипломат – устраивать внешнюю политику страны. И жизнь государства очень быстро обрела устойчивые, рациональные формы.

Я хочу спросить, вы можете найти человека (шизофреники не в счет), который согласится лечь на операцию в больницу, в которой в результате сиреновой революции уборщицы заменят на местах хирургов, а последние переместятся к швабрам уборщиц? Между тем в нашем разлюбленном отечестве все и всегда делается через задницу, не исключая лечение ангины. У нас если хлебороб оказывается в круговерти государственного переполоха, то, вместо того, чтобы продолжая дело своих отцов, добросовестно пасти гусей и трескать арбузы с салом, не доставляя никому хлопот, мы начинаем биться в истерике по поводу своей необыкновенной европейскости, навязывая миру никого не интересующие геополитические откровения. Но самое основное – расталкивая всех локтями, пытаемся настойчиво продираться в генералы. При этом, как и полагается карикатурным генералам в гусиных перьях, играем по-крупному, скоморошничаем на весь белый свет. А вот если доктор наук, то так и норовим оказаться в сторожах или кочегарах. В шестидесятые годы половину сторожей и кочегаров в стране советов составляли люди с высшим образованием, причем, смею заверить, не худшего десятка. Все это и есть совковое чудо, в противовес скучнейшей немецкой обыкновенности. Когда я вижу, прошу прощения за совсем интимную подробность, как висит мотня у многих наших несравненных депутатов, министров, в том числе и тех, кто по положению обязан служить эталоном мужской элегантности, сам порой начинаю путаться,

что есть явь, а что – откровенное чудо.

Когда лицезрешь виртуозные коленца иных наших гигантов политического бомонда, невольно приходит на память известная миниатюра непревзойденного лицедея Аркадия Исааковича Райкина. В одном из своих гениальных номеров артист выскакивал с идиотской мордой на сцену и орал во всю глотку: «Ну и дураки вы все!». Вот так и великие украинские реформаторы считают, что подавляющее большинство народа – это все больше дурачье, которому не дано знать, чего требуется человеку для полного счастья, а они, извините за нескромность, не скажу кто. Хотя по тому, как приноровились бойко размахивать руками перед святыми образами, следовало бы памятовать и вселенскую мудрость: «Глас народа это глас Божий».

А еще скажу по дружбе, совсем доверительно, сейчас даже лошади сивеют от зависти, готовясь к выходу на арену киевского цирка. Потому что шедевры балаганного жанра, демонстрируемые на подмостках Верховной Рады, так сказать, «самостийне шапито», не имеют сравнительных аналогов под вечерним сверкающим куполом. Все клоуны мира не в состоянии изобразить что-либо подобное. Когда я слышу, как наши высокие государственные мужи быются на вениках вокруг конституционной реформы, невольно заражаюсь дружным ржанием цирковых лошадей. Разве можно придумать занятие глупее, нежели реформирование чего-нибудь не существующего в природе? Наши великие реформаторы никак не могут взять в толк, что плохих конституций не бывает в принципе. Просто есть страны, где конституции соблюдаются, а есть такие как Украина, где никто даже не собирается делать вид, что она кому-то может помешать грабить доверчивый народ. Действующая конституция – это вовсе не то, что растиражировано на бумаге печатной буквой, но именно и только то, чем руководствуется общество в реальной жизни. Только после жесточайшего менингита может зародиться в голове бредовая мысль, что в стране, устойчиво занимающей одно из первых мест в

мире по коррумпированности, читай по легализованному воровству, существует какая-нибудь конституция. Когда наши депутаты размахивают перед телекамерами этой, застенчиво демонстрирующей свою невинность книжицей, невольно вспоминается недавнее прошлое, в котором почти сто лет подряд на каждом заборе писали: «Да здравствует коммунизм!», то есть вы как бы еще и не ждали, а мы уже приперлись, но жизнь людей от этого краше не становилась. Это все равно как долго малевать в подворотне какое-нибудь сладострастное словцо и с нетерпением, суча ногами, дожидаться оргазма.

Интересно пофантазировать. Вот представьте, на Украине появилась волшебная конституция с одной единственной статьей. В ней огромными золотыми буквами выведено: «Брехать не можно». И тогда, видит Бог, мы сделаемся свидетелями необыкновенного чуда. Роскошные оконные проемы здания Верховной Рады вдруг затянутся не очень ажурными, стальными решетками. Возникнут заборчики самого излюбленного дизайна, поднимутся вышки, засветят прожектора и словно радуга, перекинется шикарная триумфальная арка с бессмертным жигловским приветом: «Вор должен сидеть в тюрьме». И от себя надеюсь, что рядом с этой веселой конторой появится трамвайная остановка с чудесным названием «Лукияновская».

Слышу, видчуваю, как весь этот взбесившийся «свинтус-грандиозус» ударяет себя в державные груди, уже и не ведаю каких интригующих размеров. Дабы оскорбившиеся барыги и горлопаны спустили пар, оставив в покое паровозные гудки, отвечаю в очень щадящем режиме. Я ведь ничего нового не открываю, просто опираюсь на публичные выступления все тех же гневающихся кандидатов в депутаты Верховной Рады, в ходе прошедшей выборной кампании. Это они повсеместно, брызжа слюной, утверждали, что в рядах их оборзевших визави на пятьдесят процентов прописалось откровенное жулье, попросту говоря, профессиональных уголовников. Но оставшаяся предполагаемая половина состоит вовсе не из херувимов. Это те, кто способствует, покрывает, знает, но молчит. Уголовный

кодекс предусматривает за все эти «благородные» деяния полноценную ответственность. Так что, как подсчитал все тот же Глебушка Жиглов, по десятке вам, господа, никак не меньше.

Говоря совсем серьезно, наша страна – это огромная, величиною в сто лет, незаживающая рана, которой просто не дают возможности затянуться, обрести здоровую ткань. Все эти бесконечные «из грязи в князи» и наоборот есть потаенная первопричина всех наших бед. Не поняв этого, не оставив народ в покое, запретив под угрозой смертной казни само применение таких слов, как «революция» и «реформа», мы никогда не построим благополучное общество с человеческим, житейским укладом.

Считается, что все новое – это хорошо забытое старое. Из этого, в частности, следует, что рецепты для преодоления любых напастей следует искать не в Москве или Вашингтоне, а в своей собственной истории. Я на полном серьезе предлагаю обратиться к памяти, к мудрости наших предков, когда они, оказавшись в подобном положении, добровольно уничтожили народное правление и востребовали государей от варягов. И каких результатов достигли под их предводительством. Учиться никогда не поздно и не стыдно. Стыдно дурачить людей, делать вид, будто на что-то способны, и при этом отравлять жизнь миллионов замордованных душ. Что плохого в том, если мы пригласим на правление каких-нибудь толковых испанцев или японцев? Кто от этого пострадает, разумеется, кроме тех, кому хоть «плюй в глаза, все одно Божья роса». Все гениальное делается на удивление просто. Может и нам стоит пойти простым, абсолютно понятным путем.

Следующую створку своего литературного триптиха я открою шестьдесят первым годом и, по всей видимости, начну с хрущевской денежной реформы. Деньги – это такая материя, которая позволяет порассуждать о многом, в том числе и о торговле. Торговать, как известно, можно чем угодно, даже остатками совести, даже людьми, лишь бы удачно сводился дебет с кредитом. Мне представляется целесообразным

посудачить самую малость о торговле именно в данной главе, как бы забегая несколько наперед. Больно уж хочется. Речь ведь пойдет об аптечном бизнесе.

Вас никогда не смущало подозрительно большое количество аптек, расплотившихся в наших городах и весях? Украина незаметно превратилась в волшебную страну аптек, причем, судя по их фасадным оформлением, весьма и весьма преуспевающим. Сказать, что в Киеве много аптек – это означает вообще не сказать ничего. Верите ли, рядом с моим домом, на пересечении улицы Вышгородской и проспекта Правды, находится сразу пять полноценных специализированных аптек. Причем две из них расположены на первом уровне одной хрущевской пятиэтажки. Кто-то может возликовать: какие удобства, какое изобилие, какой комфорт! Но это только в том случае, если не принимать в расчет, что всякая аптека является в некотором роде промежуточной станцией между здоровьем и кладбищем. От хорошей жизни аптеки никто не посещает, как-то не возникает необходимости. Так вот, если рассматривать количество аптек в нашей стране как некоторый условный коэффициент качества жизни людей, а если быть уж совсем откровенным, как коэффициент вымирания населения, то картина вырисовывается настолько устрашающая, что голодомор тридцатых покажется самодеятельной репетицией перед нынешней решительной профилактикой.

До чего же любят, как приноровились украинские горепатриоты демонстрировать священное негодование по поводу большевистского голодомора, унесшего миллионы человеческих жизней. Хотя нынешняя «самостийная эпопея» уже обошлась населению страны едва ли дешевле, нежели душегубство, срежесированное рябым грузинским самородком. Эксплуатируя тему голодомора тридцатых, можно сколь угодно эффектно красоваться на телеэкранах в самом благородном гневе, ничем в действительности не рискуя, в отсутствие реальных виновников свершившихся злодеяний. С таким же успехом, если не с большим можно бесконечно долго негодовать, клеймить

позором косоглазых янычар Менглы Герая, лютовавших на просторах Украины в пятнадцатом веке. Но вот призвать к ответу виновников, безвременно отправивших на тот свет миллионы наших сограждан, именно за последние годы, при четырех живых президентах, при всем их достопазном окружении, разноцветным политическим оборотням не приходится на ум.

В нашей разудалой стране одной из самых великих тайн всегда была и остается статистика. Только очень приближенные, исключительно важные персоны имеют доступ к точным данным по поводу настоящего количества загубленных человеческих жизней за годы незалежности. Главное, что им удастся при этом крепко спать, спокойно смотреть своим детям в очи. Дабы всему миру стало понятно, что речь в современной Украине идет прежде всего о незалежности от совести и морали, могу предложить оригинальное решение. Вместо бесконечных реконструкций майдана Незалежности, демонстрирующих дремучее градостроительное невежество, можно, например, возвести огромное электрическое табло и непрерывно выводить на нем кровавые цифры стремительного сокращения населения нашей страны. Родина ведь должна знать своих настоящих героев, знать, под чьим мудрым руководством без лишнего шумера идут в расход, пропускаются сквозь комфортное аптечное чистилище миллионы наших безропотных граждан. Уже и мировое сообщество единодушно признало, что народ Украины пребывает в стадии вымирания. Слышите ли зловещий алтарный шепот: «Яко овча на заклание ведесе»?